ЛИЦА РЕВОЛЮЦИИ

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

ЛЕНИН

ДОРИСОВАННЫЙ ПОРТРЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Одни называли Ленина «самым человечным человеком», как поэт Владимир Маяковский, другие — безжалостным диктатором, как эмигрантский историк Георгий Вернадский… Так кто он — Ленин? И чего он достоин — любви или ненависти? Пожалуй, Ленин достоин правды. Ведь «полная правда о нём неопровержимо и непоколебимо делает его титаном духа и мысли, вечным спутником и собеседником всех людей с горячим сердцем, холодным умом и чистыми руками». Ленин достоин и большего — он достоин понимания. Поняв Ленина, суть его натуры и его судьбы, мы лучше поймём себя…

- Сергей Кремлёв
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Послесловие
  - 89
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

Сергей Кремлёв
Ленин
Дорисованный портрет

…нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с таким.

Заявление меньшевика Фёдора Дана в ходе дебатов на Копенгагенском конгрессе II Интернационала в августе 1910 года

Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна…

Из очерка Максима Горького «Владимир Ильич Ленин»

Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Из стихотворения о Ленине советского поэта Н. Полетаева

Посвящается 100-летию Октябрьской революции Ленина, которая заложила базу всех будущих побед России в XX веке

Предисловие
Ленин — политик и человек…

В НАШЕ подлое и несуразное время — самое подлое и несуразное в истории России — в общественном сознании усилиями негодяев и глупцов установилось два политиканских клише, два псевдоисторических шаблона… Сталин в глазах многих — это кровавый палач, уничтоживший в ГУЛАГе всех лучших людей России. Ленин же — это германский шпион, на немецкое золото разрушивший Россию, которая вот-вот готовилась в составе Антанты победить Германию и процветать.

Тот факт, что Россия — не элитарная, а народная Россия — по Сталину не то что плакала, а *выла,* негодяями в расчёт не берётся. Не берётся негодяями в расчёт и то, что так же массово Россия простых людей скорбела по Ленину.

Ленин…

Вряд ли есть более врезанное в мировую историю имя… И это звучное имя, несмотря на фонетическую схожесть со словом «лень», полно энергии… Но какой? Разрушительной или созидательной? В январе 2014 года исполнилось 90 лет с того дня, как Россия и мир начали жить без Ленина — как конкретного человека, безвозвратно ушедшего в физическое небытие 21 января 1924 года. 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года Россия и мир узнали его как вождя Великой Октябрьской социалистической революции, и с тех пор он стал символом надежды и предметом горячей любви для одних и не менее горячей ненависти для других. И этот Ленин, Ленин как историческая фигура, — по сей день наш современник. А ещё более прочно он будет входить в наше будущее — по мере того, как оно будет становиться настоящим.

Одни называли Ленина «самым человечным человеком» — как поэт Владимир Маяковский, другие — безжалостным диктатором, как эмигрантский историк Георгий Вернадский… Так кто он — Ленин? И чего он достоин — любви или ненависти?

Пожалуй, Ленин достоин правды.

Самый верный способ оценить человека, а тем более политика — это знать полную правду о нём. И такая правда — острая штука! Правда об одних политиках ещё более их возвышает, других же быстро низводит на законно положенное им место — не политиков, а политиканов, мелкой, грязной дряни, исторических карликов.

А правда о Ленине?

Скажу сразу, что полная правда о нём неопровержимо и непоколебимо делает его титаном духа и мысли, вечным спутником и собеседником всех людей с горячим сердцем, холодным умом и чистыми руками. Недаром та главная газета, которую основали два великих большевика Ленин и Сталин, была названа «Правдой».

В приступе социальной паранойи Украина свергает памятники Ленину и тем программирует свою всё более грозную трагедию. Но Ленин достоин всех тех пьедесталов, на которых он стоит и сегодня на сотнях площадей в больших и малых городах.

Ленин достоин и большего — он достоин понимания. Поняв Ленина, суть его натуры и его судьбы, мы лучше поймём себя… Поэт Владимир Маяковский написал о нём: «Он — как вы и я, совсем такой же… Только, может быть, у самых глаз мысли больше нашего морщинят кожей, да насмешливей и твёрже губы, чем у нас…». Но как много людей сегодня не согласится с этой оценкой! Они уверены, что они намного лучше, человечнее и даже умнее Ленина — ведь такая высоко учёная организация, как Российская Академия наук, сообщила «дорогим россиянам», что Ленин повёл-де Россию по ошибочному пути и завёл её в тупик.

Дай бог такого «тупика» нынешней России!

БИБЛЕЙСКИЙ бог, единый в трёх лицах (включая некий безликий Святой Дух), предстаёт на страницах Библии вначале как бог Саваоф — Творец мира, а затем как богочеловек Иисус Христос — Спаситель человечества. Человек Ленин сыграл двуединую роль в истории России и мира в обратном порядке.

Вначале Ленин стал Спасителем России. В начале XX века Ленин спас Россию от хаоса, в который она погружалась после всех провалов царизма и Временного правительства. Спас Ленин Россию и тем, что увёл её от раздробления и судьбы полуколонии, то есть от того, что получила Россия в конце XX века, отказавшись от Ленина и от продолжателя его дела Сталина.

Эту, спасительную, роль Ленина пусть и с опозданием, пусть и сквозь зубы, признал даже великий князь Александр Михайлович, дядя императора Николая Второго («дядя Сандро»). В июне 1932 года, в Париже, он написал:

> «Весною 1919 года в России последовал целый ряд авантюр наших бывших союзников, которые способствовали тому, что большевики были возведены на пьедестал борцов за независимость России… Главы

> союзных государств вели политику, которая заставила русских офицеров и солдат испытать величайшие разочарования в наших бывших союзниках и даже признать, что Красная армия защищает целость России от поползновений иностранцев.

Англичане появились в Баку и создали независимое государство Азербайджан с целью овладения русской нефтью…

> Итальянцы появились почему-то в Тифлисе и помогли образовать самостоятельную Грузию в южной части Кавказа, которая была известна своими марганцевыми месторождениями.
>
> Французы заняли Одессу, главный пункт южнорусского экспорта, и стали благосклонно прислушиваться к предложениям лидеров „самостийной“ Украины, которые ещё месяц тому назад исполняли роли тайных и явных агентов германского командования…
>
> Вершители европейских судеб (Антанта. — *С. К.*)… надеялись одним ударом уничтожить и большевиков, и возможность возрождения сильной России.
>
> Положение вождей белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что не замечают интриг союзников, они призывали… к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи, апеллируя к трудящимся всего мира…»[1]

Писал Александр Михайлович и так:

> «Инспирируемое сэром Генри Детердингом, всесильным председателем компании „Ройял датч — Шелл“… британское министерство иностранных дел обнаруживало дерзкое намерение нанести России смертельный удар путём раздачи русских областей союзникам и их вассалам…»[2]

Дерзкие намерения англосаксов были пресечены самым решительным образом, но великую, единую и неделимую Россию, которой клялись белые «вожди», оказавшиеся в одной упряжке с детердингами, спасли не они, а большевик Ленин, автор блестящего политического эссе «О национальной гордости

великороссов», написанного ещё в конце 1914 года!

Такова правда о Ленине: встав в тяжелейшее, кризисное время во главе России, Ленин стал её Спасителем. При этом он в 1918 году и кровь пролил за Россию, «за други своя»…

А ЗАТЕМ Ленин стал создателем новой России, Творцом целого нового мира — мира новых социальных законов и отношений, новых чувств и чувствований, мира новых идей и новых людей.

Тёзка Ленина — Владимир Маяковский, названный Сталиным лучшим поэтом пролетарской эпохи, точно уловил нерв происходящего, написав: «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой…».

То есть библейские аллюзии тогда носились, что называется, в воздухе! В знаменитой поэме «Двенадцать» Александра Блока Иисус Христос прямо предводительствует красным патрулём из двенадцати человек. К слову: число двенадцать — это тоже прямая блоковская отсылка к Библии с её двенадцатью апостолами Христа. Но красногвардейцы из революционных патрулей если и были апостолами, то — Ленина, народного вождя. Блок в своей поэме поставил во главе солдат революции Иисуса, однако в исторической реальности к новому миру Россию повёл Ленин.

А обветшавшей романовской России — сказки о её бурном дореволюционном развитии не более чем сказки — было необходимо именно преображение, а не косметические реформы.

Даже некоторые «старые большевики» вроде Каменева и Зиновьева в 1917 году желали скорее структурных реформ на почве буржуазной республики с «социалистическим» правительством, и только Ленин понимал, что необходима коренная ломка…

Впрочем, так или иначе это понимали все здоровые — нравственно и интеллектуально здоровые — силы старой России.

Сегодня с исторической истиной антисоветчики обращаются как с дешёвой девкой с панели. Они насилуют её даже без страсти — так, по необходимости. Они договариваются до того, что в царской России якобы были реализованы широкие образовательные программы… Что уже якобы была обеспечена всеобщая грамотность (!!), и «большевики лишь воспользовались плодами усилий царского правительства».

В царской России — поскольку её отставание в деле народного образования от ведущих держав мира, и даже от Японии, становилось не просто позорным, но смертельно опасным, — действительно разрабатывались образовательные

программы. Однако знакомство с реальными результатами, достигнутыми к 1917 году, заставляет вспомнить известное: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». И массы в дореволюционной России прозябали в невежестве.

А отсюда — и в нищете.

Приведу свидетельство Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938), крупного русского и советского экономиста, члена Учредительного собрания от партии правых эсеров. Кондратьев был политически сложной фигурой: несмотря на немалый вклад в создание теоретических основ плановой экономики СССР, он оказался внутренне враждебен планам форсированной индустриализации, запутался в заговорах… В 1930 году был впервые арестован, в 1938 году расстрелян. А в первые годы Советской власти Кондратьев стал известен книгой «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», изданной в 1922 году. Ленин ценил эту книгу, и она входила у него в число настольных.

Кондратьев, как уже сказано, был не большевиком, а эсером, да ещё и правым, видным эсеровским публицистом с мощной научной базой фактов в своих статьях. Так вот, 7 сентября 1917 года в правоэсеровской газете «Воля народа» в статье «Снабжение населения необходимыми предметами промышленности» Кондратьев писал:

> «Благодаря свой бедности, хозяйственной и духовной отсталости, русский человек потреблял до войны очень незначительное количество различных продуктов по сравнению с развитыми европейскими странами. Это ясно из следующих цифр о среднем потреблении русским человеком в 1904 г.:

	Хлеб, пуд	Сахар, фунт	Хлопок, фунт	Чугун, пуд
Англия	28,99	90,5	41,2	11,3
Франция	23,24	36,1	12,5	4,1
Германия	28,06	42,0	15,3	10,0
США	54,34	78,0	20,4	14,3
Россия	18,34	13,2	5,3	1,6

> Эти цифры определённо говорят о действительно нищенском потреблении предметов русским человеком. Столь же незначительно было его потребление и других предметов. Так потребление мыла равнялось в среднем 4,8 фунт., керосина — 14 фунт., свечей — 0,4 фунт., спичек — 2,29 на человека…

> Такое низкое потребление различных предметов показывает, что в сущности русский человек едва-едва удовлетворял самую неотложную человеческую нужду… Русская экономическая жизнь не давала нашему населению никакой возможности для большей „роскоши“…»[3]

Один русский фунт — это 409,5 грамма. То есть мыла в России за десять лет до «пикового» для старой России 1913 года (мало что здесь изменившего) приходился на душу населения один кусочек в месяц. А ведь стиральных порошков тогда не было, мылом не только мылись, но и *стирали*.

Долго же пришлось бы отмываться России при таком расходе мыла…

А 0,4 фунта свечей в год — это пара свечей.

В год!

И плюс две спички в год, чтобы их зажечь.

Не очень-то была, выходит, и освещена та Россия, по которой плачут говорухины и михалковы? Это тебе не знаменитая «лампочка Ильича», пришедшая в быт русской деревни после Октябрьской революции!

И ведь Кондратьев приводил цифры довоенного потребления. Через три года после начала войны даже эти *нищенские* цифры резко *упали*!

До образовательных ли программ было царю и присным его? У них до экономики руки не доходили! Да и дела до неё царской администрации не было — не те знания и не тот масштаб были у царя Николая… Так что к 1917 году Россия становилась не просто отсталой, но и всё более отстающей от лидеров страной.

В РЕАЛЬНОМ масштабе времени, 14 марта 1913 года, в статье «Наши „успехи“», опубликованной в № 61 «Правды», Ленин с цифрами в руках разоблачил всю лживость заявлений министра финансов Коковцова о якобы «подъёме» России за последние годы:

> «Наша промышленность, как и всё народное хозяйство России, развивалась и развивается… Это нечего и доказывать. Но ограничиваться данными о „развитии“ и самодовольно хвастливыми указаниями… значит *закрывать глаза* на *невероятную* отсталость и нищету России, обнаруживаемые этими данными…
>
> Стоимость продуктов нашей фабрично-заводской промышленности была 4307 млн руб. в 1908 г., а в 1911 г. — около 4895 млн руб., восторгается министр

финансов.

Посмотрите же, *какое значение* имеют эти цифры. В Америке каждое десятилетие производятся переписи. Чтобы найти цифру, *похожую* на нашу, надо вернуться к 1860 году, когда в Америке было ещё *рабство* негров.

В 1860 году стоимость продуктов обрабатывающей промышленности определялась в Америке в 3771 млн руб., а в 1870 г. уже в 8464 млн руб. В 1910 г. мы имеем там уже сумму в 41 344 млн руб., то есть почти *вдевятеро* больше, чем в России. Население России — 160 млн, а Америки — 92 млн в 1910 г. и 31 млн в 1860 году!

Средний заработок русского фабрично-заводского рабочего в 1911 г. — 251 руб. в год…

В Америке в 1910 г. средний заработок промышленного рабочего — *1036 рублей,* то есть больше чем *вчетверо* выше русского. В 1860 году этот заработок равнялся *576 рублям,* то есть вдвое больше *теперешнего* русского.

Россия XX века *стоит ниже рабской Америки*…»[4]

Это ведь не политическая пропаганда, это — промышленная статистика! Причём — официальная царская. Но эта статистика била царизм наотмашь и наповал. И поэтому повторю ещё раз — все утверждения о том, что царская Россия динамично развивалась и быстро догоняла мировых лидеров, — сказки!

Она-то развивалась, но так, как это надо было не России, а иностранному капиталу!

В 1914 году в Берлине на немецком языке вышла книга немецкого мелкобуржуазного экономиста Е. Агада с длинным названием «Крупные банки и всемирный рынок. Экономическое и политическое значение крупных банков на всемирном рынке с точки зрения их влияния на народное хозяйство России и германо-русские отношения». Автор 15 лет прослужил в Русско-Китайском банке, так что предмет знал. Так вот, Агад сообщал, что на конец 1913 года из 19 крупнейших банков России 11 были основаны фактически на иностранные капиталы, из них 4 — на германские, 2 — на английские и 5 — на французские. И это ведь имеются в виду только «чисто» чужие банки, но в остальных оставшихся восьми якобы «русских» банках иностранных капиталов тоже хватало[5]…

А государственные иностранные займы старой России?! Первый внешний заём был сделал в царствование Екатерины II в 1769 году у голландских банкиров на сумму 5,5 миллиона

гульденов. А к 1917 году интернациональное (точнее — наднациональное) финансово-промышленное вороньё всё наглее терзало российскую экономику: Нобели, Ротшильды, Томпсоны, Беринги, Зингеры, Лазары, Маккормики, Детердинг, Сименс, Юз и так далее…

На горную, горнозаводскую и металлообрабатывающую отрасли приходилось более 70 % всех иностранных капиталовложений в промышленность, при этом командные высоты иностранцы осваивали прежде всего в важнейшей группе «А», то есть в производстве средств производства, где доля иностранного капитала составляла 60 процентов, в то время как в группе «Б» — в производстве средств потребления — всего 18 процентов[6].

Могла ли преодолеть эту гибельную для экономической (а, значит, и для политической!) независимости тенденцию Россия, даже свергнувшая самодержавие, но оставшаяся буржуазной?

Нет, конечно!

И если бы не Ленин, начавший строить новую — социалистическую Россию, то после даже самого победоносного окончания Первой мировой войны буржуазной России — и до войны на две трети принадлежавшей не себе, а Западу, — пришлось бы расплачиваться по огромным военным внешним долгам. А их, только краткосрочных, накопилось к 1917 году на три довоенных годовых бюджета Российской империи.

Именно Ленин смело порвал паутину внешних долгов и снял иностранные оковы с экономики России, именно Ленин увёл Россию от бездарной, зависимой, незавидной судьбы. А затем он показал стране перспективу судьбы великой и увлекательной. Так Спаситель он России, Создатель, Творец он могучей России или нет?!

ОКРАШЕННОЕ и в трезвые — с политико-экономическим анализом, и в эмоциональные — почти библейские тона предчувствие конца старого мира и нового, небывалого Акта Творения охватывало тогда многих остро и тонко чувствующих русских людей. Достаточно перелистать страницы сборников поэзии такого оригинального, хотя и не глубокого ума, как поэт и художник Максимилиан Волошин, чтобы убедиться в этом лишний раз. Вот названия некоторых его стихов предреволюционных и революционных лет: «Армагеддон», «Неопалимая Купина», «Видение Иезекииля», «Иуда Апостол», «Россия распятая»…

В 1918 году Сергей Есенин написал стихотворение с показательным названием «Небесный барабанщик», где Иисус

Христос выведен в виде глашатая революции:

Мы идём, а там, за чащей,
Сквозь белёсость и туман,
Наш небесный барабанщик
Лупит в солнце-барабан.

Чуть позже он же напишет стихотворение «Пантократор» («Всемогущий»), где, обращаясь к Иисусу, заявит:

За седины твои кудрявые,
За копейки с златых осин
Я кричу тебе: «К чёрту старое!»,
Непокорный, разбойный сын.

И далее:

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.
Нам горьким стало молоко
Под этой ветхой кровлей…

Это ведь не средней руки партийный пропагандист написал… Это написал в реальном масштабе исторического времени великий русский поэт!

Приведу оценку, исходящую и из другого пласта мыслей и чувств, — мнение крупнейшего русского учёного-металлурга Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, высказанное им в 1924 году, в частном письме за границу:

> «…Я потерял во время революции буквально всё, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера, — и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ…
>
> Я считаю современный строй исторически необходимым для России… Современное правительство медленно, но неуклонно ведёт русский народ к выздоровлению».

Это было сказано о правительстве Ленина.

Да, к 1917 году Россия была, что называется, беременна революцией, причём революцией именно народной, пролетарской, о чём даже Ленин не очень-то догадывался даже в начале 1917 года.

Сегодня негодяи и разного рода глупцы попугайски повторяют истёртые временем басни о том, что якобы германский агент Ленин приехал в Россию в запломбированном вагоне и взбулгачил-де несчастную Расею-матушку на радость германскому генштабу. Но Ленин за всю свою политическую жизнь никогда и ни у кого не брал ни копейки, если это обязывало бы его перед жертвователями в политическом плане. Тем или иным образом продавались другие — меньшевики, эсеры, кадеты и т. д., и вот им-то потом приходилось отрабатывать авансы.

Что они и делали.

НАПИСАТЬ книгу о Ленине мне хотелось давно, и написать её давно считал своим долгом. В 2016 году я этот долг в какой-то мере выполнил — в свет вышла 1000-страничная книга «Ленин. Спаситель и Создатель». В ней я постарался осветить все стороны деятельности Ленина. Эта же книга — основывающаяся на материалах капитального труда, освещает в основном человеческое измерение Ленина. Конечно, Ленин-политик и Ленин-человек неразрывны, однако есть факты и есть факты. Одни эпохальны и монументальны, другие — камерны, более интимны и даже лиричны.

Занятый дооктябрьской революционной работой в России и в эмиграции, Ленин не знал — когда точно в России станет возможна социальная революция, но он был готов к ней в любой момент, он готовил себя к ней каждый день с самого начала своей самостоятельной жизни. Он создавал и создал сыгранный партийный «оркестр», он писал «партитуру» партийной программы и всегда был готов сыграть «симфонию революции»…

В любой период своей жизни Ленин был чертовски незауряден и ярок — не как киногерой из Голливуда, а как редкостно здоровая натура, здоровая духовно и физически, хотя… Хотя и насчёт Голливуда можно кое-что сказать. Есть известный фотопортрет юного Ленина в сюртуке… Так вот, в последнее время в российском интернете распространяется мнение, что 20-летний Ленин «был похож на Леонардо Ди Каприо». Если уж придерживаться хронологии, то это голливудская кинозвезда Ди Каприо похож на молодого Ленина, но он действительно на Ленина похож, только купол лба послабее! При этом Ленин

смолоду был неутомимым ходоком, гребцом, велосипедистом, лыжником… На коньках стоял как фигурист, прекрасно плавал и в холодных швейцарских озёрах заплывал так далеко, что жена начинала беспокоиться. В Швейцарии стал альпинистом.

Впрочем, как уже сказано, человек в Ленине был неотделим от политика, политика совершенно нового типа — гениального и *успешного* политика большинства… И Маркс, и Энгельс тоже были политическими гениями и личностно великими натурами, однако их сферой была в основном теория. Ленин же смог заняться не только теорией, но и практикой социализма. До него почти все великие практические политики прошлого, исключая разве что Марата, Робеспьера и ещё двух-трёх, были политиками меньшинства… Юлий Цезарь и Людовик XI, Лютер, Кромвель и Кольбер, Потёмкин, Мирабо и Карно, Наполеон, Франклин и Меттерних, Питт, Дизраэли и Линкольн, Бисмарк, и даже наш великий Пётр — все они стояли на стороне имущей Элиты. А Ленин уже в ранней молодости стал на сторону пролетариата и всю жизнь отдал борьбе за власть Труда.

Чем больше в ходе работы я узнавал Ленина — казалось бы, и до этого знакомого мне неплохо, тем лучше понимал, что он ещё значительнее, чем это представлялось. Однако его величие оказалось несколько иным, чем представлялось ранее, — более человечным, более уникальным, более романтичным, более трагическим, но и более счастливым.

Да — счастливым!

В истории мира мало найдётся фигур, о которых можно сказать — как о Ленине: он был очень счастливым человеком и сам это знал! Никого и никогда Ленин не оставлял равнодушным к себе, это видно даже из того, как писали о нём враги и недруги. Восхищение самобытностью и цельностью Ленина невольно просвечивало даже сквозь самую отчаянную ругань о нём. Что уж говорить о соратниках и друзьях! И только из одних оценок Ленина, накопившихся с 1917 года, можно составить отдельную интересную книгу.

Ленин был и на редкость жизнерадостным, неунывающим человеком, весёлым, умеющим заразительно не то что смеяться, а до слёз хохотать. Он был очень разным, но никогда и ни в чём не был тривиальным и мелким — ни в общественном, ни в повседневном житейском своём обличье. Кроме всего прочего, он был философом в точном, изначальном смысле этого слова: он был мастером и любителем познающей мысли. Андрей Вознесенский в поэме о Ленине «Лонжюмо» написал:

Ленин был из породы

распиливающих,
Обнажающих
суть
вещей…

В том числе и поэтому Владимир Ильич — как философ — не мог быть властолюбцем.

И не был им.

КРУПНО отметившегося в истории человека, тем более — политика, тем более — социального реформатора наиболее верно давать через достоверные документы, раскрывающие его деятельность, и через конкретные общественные результаты его деятельности. Ещё молодой Ленин верно заметил:

> «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками»[7].

Да, важно то, что человек делал и *сделал,* как влиял и *повлиял* на то общество, проблемами которого он был занят. Ниже приведены слова, которые при всём желании даже самый подлый антикоммунист не сможет назвать коммунистической пропагандой:

> «По плодам их узнаете вы их… Так, всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

Это — Евангелие от Матфея, глава 7, стихи 16–18. И это же — вполне точная формулировка *единственно верного и вполне достаточного* критерия для оценки деятельности *любого* общественного деятеля, *любого* политика в *любой* исторический период!

Какие «плоды» принесла деятельность Горбачева?

Ельцина?

Какие «плоды» приносит деятельность Медведева, Чубайса, Путина?

А?

Но эта книга — не о «плодах» политической деятельности Ленина, а о его великой душе. Житейские привычки, склонности,

воспоминания друзей и недругов — всё это в конечном счёте не так уж и существенно для понимания и оценки гениальной фигуры. Точнее — не первостепенно, не основополагающе. Но гений, взятый как душа человеческая, а не только как интеллект, тоже должен быть нам известен. И если он действительно велик, то он велик и как общественная фигура, и как индивидуум в его личных проявлениях, погружённых в ту обычную жизнь, уйти от которой не в состоянии даже гении.

ВПРОЧЕМ, ещё немного о «плодах»… Владимир Маяковский написал о себе: «Я — поэт, этим и интересен…». Это сказал *поэт,* то есть такой член человеческого сообщества, чья общественная работа тесно и неизбежно сплетена с его личной жизнью. И для духовно развитого и здорового человека действительно должно быть интересно прежде всего то, что *написал* поэт, а не то, были ли у него любовницы и любил ли он сырую или кипячёную воду…

Такой подход верен даже для портрета *поэта,* и уж тем более именно такой подход верен для описания политика! Политик интересен не тем, любил ли он цветы или детей, а тем, что он *сделал* — работал ли он для того, чтобы в мире цвели цветы и были счастливы дети, или его действия были направлены на противоположное…

Скажем, Уинстон Черчилль обладал шармом, был интересным художником — отнюдь не дилетантом, однако нам должно быть важно и интересно в нём прежде всего то, что он был жестоким, бесчеловечным колонизатором, стал одним из второстепенных творцов Первой мировой, одним из первостепенных творцов Второй мировой войны, затем много поработал для начала Третьей мировой войны — уже «холодной», а в итоге стал одним из тех, кто своими действиями, сам того не желая, обрушил мощь Британии.

Вот общественные «плоды» политика Черчилля.

И вот что важно для нас в Черчилле.

А что важно для нас в Ленине?

Каковы его общественные «плоды»?

Владимир Ильич Ленин родился 22 апреля 1870 года и умер 21 января 1924 года, то есть не прожил и пятидесяти четырёх лет. Свою жизнь как человек, пришедший в политику — не официальную, а нелегальную, революционную, он начал в двадцать три года, арестовывался, более года сидел в Петербургском доме предварительного заключения, с февраля 1897 года по январь 1900 года отбывал ссылку в сибирском селе Шушенском…

Затем — первая эмиграция, первая общерусская политическая

газета «Искра», первая — неудачная — революция 1905 года, подпольные скитания между Петербургом и Москвой, недолгая жизнь в Финляндии…

Затем — вторая эмиграция, уже до Февраля 1917 года…

Профессиональный революционер Ульянов, список партийных и литературных псевдонимов которого («Базиль», «В. Ильин», «Вильям Фрей», «Ильич», «Карпов», «Карич», «Дядя», «Тулин», «Не-депутат», «Мирянин», «Старик», «Статистик», «Якоб Рихтер», «Petroff» и так далее) «зашкаливает» за сотню, успел сделать за дореволюционные годы немало. Была создана партия, написан ряд серьёзных политико-экономических исследований, получена известность в социал-демократических и социалистических кругах Европы…

Но тот Ленин, которого весь мир узнал и знает как ЛЕНИНА, — это Октябрь 1917 года и шесть последующих советских лет. Всё это время Ленин стоял во главе созданной им России. И в целом портрет Ленина — это, повторю, портрет Спасителя единой и неделимой России от козней её внешних врагов, а затем — Творца новой России. Вот чем Ленин интересен нам, вот каковы *его* общественные «плоды»! Этим он может и должен быть полезен и для нашего будущего.

Но Ленин интересен и как человеческая глыба, как «матёрый человечище», говоря о котором: «Ничто человеческое ему не было чуждо», надо подразумевать под этим не мелкие человеческие страстишки и слабости, а высокие проявления напряжённой внутренней жизни, посвящённой одному — борьбе за обретение трудящимися массами политической власти. Однажды не друг, а политический противник — меньшевик Фёдор Дан в сердцах бросил: «…нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с таким».

О Ленине говорили и писали много — и верного, и не очень, и вовсе глупого и злобного, но точнее Дана не сказал никто. Тут уж ни убавить, ни прибавить. При этом Ленин не был ни фанатиком, ни аскетом — в том смысле, что он не ограничивал себя в чём-либо искусственно. Но его личные запросы и потребности всегда были скромны. Он был ненасытен лишь на мысль — свою и чужую — и на людей, которые были достойны называться его товарищами и соратниками.

БЫВШИЙ товарищ Ленина по революционной работе, ставший позднее ренегатом, Николай Вольский (Валентинов), претендующий на звание философа, пренебрежительно отозвался

о единственном «чисто» философском труде Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». А ведь это говорит лишь об ограниченности Валентинова… Сегодня научные познания о материальном мире качественно глубже, чем то было во времена Ленина. Однако даже сегодня актуальны вопросы: «Что есть мир? Познаваем ли он? И как человек познаёт мир?»… Ленин отвечал на них просто и внятно: мир есть объективная реальность. Он познаваем, однако сам процесс познания бесконечен, как бесконечен мир — «электрон неисчерпаем так же, как и атом, природа бесконечна…». А познаёт человек мир, исследуя его. По сути, философские идеи Ленина полностью не освоены по сей день.

Всё тот же Валентинов предпослал своей книге о Ленине «Недорисованный портрет» эпиграф из стихотворения о Ленине советского поэта Н. Полетаева:

> Века уж дорисуют, видно,
> Недорисованный портрет.

Что ж, пора портрет кое в чём и дорисовать — портрет гения-гуманиста в интерьере эпохи. Но я должен предупредить читателя: хотя в заглавии книги и выставлено: «Дорисованный портрет», данный мной портрет Ленина-человека тоже не будет полным. Много поработав над ленинской темой во всех её аспектах, уверенно заявляю, что исторически полный и достоверный портрет Ленина-человека — это не менее чем 1000-страничный том. Только представительные извлечения из различных воспоминаний о Владимире Ильиче займут в нём сотни страниц. При этом нельзя забывать и о ярком *авто*портрете Ленина — его письмах, записках, его работах…

Так что моя книга — тоже лишь этап большого общего пути к познанию и пониманию феномена Ленина. К тому же её не следует рассматривать как биографию Владимира Ильича — даже политическую. В порой отрывочных картинах тех или иных периодов его жизни он отражается то одной, то другой стороной своей натуры, но всякий раз — самобытно, мощно и на редкость привлекательно. Надеюсь, что по мере знакомства с книгой читатель убедится в этом и сам.

И ещё об одном следует предупредить заранее. Книга — строго документальна. Никаких «психологических этюдов», никакого «проникновения во внутренний мир героя» и прочего подобного читатель в книге не найдёт. Точные факты, ленинские письма и работы — вот основа повествования. Воспоминания — лишь достоверные, а если не достоверные, то обязательно с

оговоркой и анализом. На мой взгляд, такой подход в книге о Ленине есть единственно возможный с позиций исторической, да и психологической, точности. О нём было сказано одним из современников: «Прост, как правда». А правда чужда вымыслам и домыслам. Не говоря уже об антагонизме правды и противостоящей ей лжи.

Глава 1
Владимир Ленин, Инесса Арманд и Надежда Крупская

НАЧАТЬ придётся, пожалуй, именно с этого сюжета — уж очень вокруг именно него наворочено и накручено всякого… И наиболее «озвученная» сегодня «версия»: имел место классический любовный «треугольник».

Но имел ли он место?

На том основании, что Крупская в период второй эмиграции заболела базедовой болезнью — заболеванием серьезным и портящим внешность человека, Арманд порой вообще записывают в некие «штатные» любовницы Ленина, или, если попристойнее, в его «возлюбленные».

В 2014 году издательство «РИПОЛ-классик» выпустило в свет в серии «Величайшие истории любви» книгу некой Лилии Гусейновой «Ленин и Инесса Арманд. Любовь и революция». Написанная с претензией на объективность и документальность, эта книга дальше претензий не идёт, а заканчивается разделом «Письма», где даны письма Ленина к Арманд и Арманд к Ленину. Предваряя сами тексты писем, Гусейнова пишет (с. 243):

«Письма, приведенные в этой главе, являются поистине большой редкостью, ибо в советское время многие *из них* (жирный курсив мой. — *С. К.*) были уничтожены властью для создания истинного идеала в лице Владимира Ленина… Многие *из этих* писем были уничтожены самими авторами…» и т. д.

Письма, *уничтоженные самими авторами* и всё же, *после этого,* публикуемые, и впрямь следует расценивать как «большую редкость». Подобные логические и фактические несуразности для сюжета «Ленин — Арманд» очень характерны. Запутан и сам сюжет, но есть в нём и вполне надёжные «опорные очки», и это, прежде всего, именно… письма Ленина к Арманд. Но не апокрифические, не мифические или полумифические, а вполне достоверные, приводимые в Полном собрании сочинений В. И. Ленина. И из них видны очевидная искренняя дружественность отношений Ленина и Арманд, уважение Ленина к интеллекту «товарища Инессы» и глубокое доверие его к ней.

Вот, например, письмо, посланное Лениным Арманд 16 января 1917 года из Цюриха в Кларан. Не только из-за адресата, но и ввиду его важности для освещения подлинного финансового положения партии большевиков накануне Февральской

революции приведу письмо полностью.

Ленин писал Арманд:

> «Дорогой друг!
>
> Если Швейцария будет втянута в войну, французы тотчас займут Женеву. Тогда быть в Женеве — значит быть во Франции и оттуда иметь сношения с Россией. Поэтому *партийную кассу* я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили её *на себе*, в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны). Пишу об этом Григорию (Зиновьеву. — *С. К.*). Это только планы, пока между нами.
>
> Я думаю, что мы останемся в Цюрихе, что война невероятна.
>
> Лучшие приветы и рукопожатие!
>
> *Ваш Ленин»*[8].

Итак, вся заграничная партийная касса большевиков в начале 1917 года могла спокойно разместиться на груди изящной Инессы Арманд. Но даже если бы она имела, пардон, бюст шестого размера, миллионы германских марок (или там — «антантовских» франков, фунтов и долларов) на нём разместить не удалось бы… Так что логический вывод из сказанного напрашивается сам собой: никаких миллионов в распоряжении Ленина не было. А отсюда вытекает и тот вывод, что никто ими Ленина не снабжал. Это как со стороны кайзера Вильгельма, генерала Людендорфа, германской разведки, так и со стороны союзников было бы, вообще-то, просто глупым делом.

Несомненная же историческая правда заключается в том, что финансовая база политической деятельности Ленина и его партии в ходе Первой мировой войны имела, как и до войны, вполне видимое происхождение. Она пополнялась членскими взносами, литературными гонорарами, пожертвованиями сочувствующих и т. п. и была весьма скромной.

Ещё один убийственный для версии о антироссийском финансировании Ленина факт… Ещё до проекта разместить партийную кассу на груди Арманд, как в сейфе, Ленин пишет той же Арманд 6 января 1917 года очередное письмо. Ленин в нём обсуждает с Арманд возможность издания ряда брошюр, просит выяснить — сможет ли Арманд «достать (или авансировать) деньги на это издательство» в размере до 500 (всего пятисот!!!) франков — примерно 300 рублей, обсуждает вопросы распространения брошюр и далее продолжает:

«…(а) Окупится ли? (б) И в какое время назад вернутся деньги?

От этих двух вопросов (а + б) зависит всё.

Если (а) вообще не окупится, то тогда нельзя и браться, ибо жертвователя денег у нас нет (жирный шрифт мой. — *С. К.*). Ставить можно лишь то, что окупится…»[9]

Эти и другие подобные письма, как Арманд, так и другим адресатам, писались не в предвидении того, что через сто лет в России, пересозданной Лениным из буржуазной в рабоче-крестьянскую, а затем пересозданной Горбачёвым, Ельциным и Путиным вновь в буржуазную, найдутся некие «историки», возводящие поклёп на Ленина, и надо-де заранее — за сто лет — подстраховаться серией соответствующих писем.

Эти письма были написаны для того, для чего обычно письма и пишутся, то есть для осведомления адресата, для совета с ним и т. д. И вот на эти письма — не «воскрешённые» после их «уничтожения» авторами, а исторически достоверные, опираться намного надёжнее, чем на «исследования» типа лилии-гусейновых.

В 2017 году издательство «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» выпустило в свет книгу о Ленине Льва Данилкина. К стойким большевикам автора не отнесёшь, однако у него хватило объективности, рассматривая отношения Ленина, Арманд и Крупской, не опуститься до сплетен. В интервью радио «Комсомольская правда»[10] (еженедельник «) Лев Данилкин сказал: «Есть куча его (Ленина. — *С. К.*) писем к ней (Арманд. — *С. К.*), иногда в них сквозит нежность, но и только. В основном письма деловые, иногда обсуждаются личные вещи… но там нет ничего, имеющего прямое отношение к адюльтеру. И есть два не отправленных ею письма к нему — и все рассуждения об их близости строятся в основном на паре этих писем…».

Объём достоверной переписки Ленина и Арманд действительно велик, что неудивительно. В европейском и российском социал-демократическом движении есть пять наиболее крупных женских фигур. Это Роза Люксембург, Надежда Крупская, Александра Коллонтай, Клара Цеткин и Инесса Арманд. Не все из них были писаными красавицами, но все пять обладали выдающимся интеллектом, а Арманд — ещё и особым женским обаянием. Ленин ценил в ней интеллект, но вряд ли не поддавался обаянию. Однако терять голову? Она была у Ленина одна, и занята она была, как верно заметил Фёдор Дан, одним — революцией.

До романов ли тут!

Сошлюсь ещё раз на мнение Льва Данилкина… Через восприятие человека, далёкого от идей Ленина, однако неизбежно много о нём думавшего, иногда выявляются вполне нестандартные моменты, и Лев Данилкин метко подметил, что тот «тип морального долженствования», который «был в голове» у Ленина, выстраивался на основе «морального кодекса», заложенного в текст романа Чернышевского «Что делать?». И этот кодекс основывался, кроме прочего, на уважении к женщине, на отношении к ней не как к объекту, а как к равноправному с мужчиной субъекту. Имея в виду Арманд, Лев Данилкин констатирует: «Она с ним дружила, и это всё, что мы знаем наверняка». Подход к теме вполне достойный и исторически состоятельный.

К тому же и Надежда Константиновна Крупская относилась к Инессе Арманд с явной теплотой — это видно даже не из тех или иных жизненных обстоятельств, в которые были вовлечены все трое — Ленин, Крупская и Арманд, а из всего того, что Крупская написала об Арманд в воспоминаниях, в письмах…

11 (24) марта 1915 года скончалась, в 73 года, мать Надежды Константиновны — Елизавета Васильевна, многие годы делившая с детьми (то есть с Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной) все их российские и европейские скитания. Это и общее напряжение эмигрантской жизни дали рецидив базедовой болезни Крупской, и Ульяновы выехали на лето в горную деревушку Зёренберг, где Ленин, как и везде, много работал: вёл переписку, писал статьи… Так убивались два зайца: 1) Крупская, а заодно и Ленин поправляли здоровье, и 2) расходы на жизнь сокращались. К тому же эмигрантская сутолока утомляет, а горы и уединение — это горы и уединение…

Ульянова сняли по объявлению дешёвый пансион в гостинице «Мариенталь», место было непрестижное, то есть — без толкотни. Почта ходила со швейцарской точностью. Даже в глуши — но швейцарской глуши — можно было по запросу простой почтовой открыткой в течение двух дней получить любую книгу из бернских или цюрихских библиотек. Для Ленина Зёренберг стал просторным рабочим кабинетом с прекрасными условиями работы в щадящем режиме.

Красота!

Позднее Крупская вспоминала:

> «В Зёренберге устроились мы хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег… Через некоторое время к нам туда приехала Инесса.

> Вставали рано, и до обеда занимался каждый из нас в своём углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле… После обеда уходили иногда на весь день в горы. Ильич очень любил горы, любил под вечер забираться на отроги Ротхорна, когда наверху чудесный вид, а под ногами розовеющий туман, или бродить по Штраттенфлу — такая гора была километрах в двух от нас… Ложились спать с петухами, набирали альпийских роз, ягод, все были отчаянными грибниками — грибов белых была уйма, но наряду с ними много всякой другой грибной поросли, и мы так азартно спорили, определяя сорта, что можно было подумать — дело идёт о какой-нибудь принципиальной резолюции…»[11]

Приведенный выше отрывок, где в воспоминаниях Крупской возникает Инесса Арманд, вполне для сюжета «Ленин — Крупская — Арманд» характерен и по тональности, и по общему отношению Надежды Константиновны к Инессе. О соперницах так не пишут, к соперницам так не относятся.

А СЕЙЧАС пора сказать о том, кем была Арманд в российской социал-демократии и в большевистской партии.

Елизавета Фёдоровна Арманд (урождённая Стеффен; транскрипцию даю по 2-му изданию БСЭ) была в партии большевиков фигурой заметной с любой точки зрения, с 1910 года входившей в близкое окружение Ленина.

Даты рождения Арманд расходятся: в примечаниях к Полному собранию сочинений Ленина указан 1874 год, во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии — 1875 год, а по учётам Охранного отделения от 1913 года «жена потомственного почётного гражданина, домашняя учительница Арманд, урождённая Стефен, Инесса (Елизавета) Фёдорова» отмечена как родившаяся 16 июня 1879 года в Москве[12].

В книге же Ж. Фревиля «Ленин в Париже», изданной в СССР в 1969 году, сообщается, что Арманд родилась 8 мая 1874 года в Париже в семье известного оперного певца Теодора Стефана и актрисы Натали Уайльд — полуфранцуженки, полуангличанки. Надо полагать, что это и есть верная дата рождения будущей выдающейся профессиональной революционерки, а московские охранники напутали.

Отец умер рано, оставив вдову с тремя девочками-погодками. Старшую (это и была Инес) взяли на воспитание бабушка и тётка, жившие в Москве. В шесть лет Инес хорошо играла на рояле, отлично усваивала знания и выросла девушкой разносторонне

образованной, обаятельной, остроумной… Была прекрасной певицей.

Вскоре она вышла замуж за обрусевшего потомка французских эмигрантов фабриканта Александра Арманда, владельца шерстоткацкой и красильно-отделочной фабрики в подмосковном Пушкино. Муж был человеком добрым, честным, не чуждым благотворительности, жену любил (да и невозможно было её не любить), у них быстро родилось четверо детей — два сына, Саша и Федя, и затем — две дочери, Инна и Варя.

Однако от себя не уйдёшь — в груди яркой светской дамы билось сердце, умеющее сострадать… Инесса увлекается толстовством, устраивает школу для крестьянских детей, вступает в Московское общество по улучшению участи женщин, но вскоре понимает, что так темноту жизни не рассеешь… Она порывает с религией и толстовством, а вскоре — и с мужем, полюбив младшего брата мужа, студента-марксиста Владимира Арманда, и начинает работать в революционном подполье[13].

Вместе с четырьмя детьми Инессы от первого брака любящая пара поселяется в дальнем конце Москвы, и в 1904 году в семье появляется сын Андрей.

Итак, в революцию Арманд ушла не девочкой, ушла из жизни вполне обеспеченной и, по её официальной советской биографии, начала с работы в Московской организации большевиков. Однако в одной из ориентировок Московского Охранного отделения сообщалось, что Арманд «6 января 1905 года была обыскана при ликвидации московской группы партии с.-р. (то есть социалистов-революционеров, эсеров. — *С. К.*), в квартире её был обнаружен склад нелегальной литературы, браунинг и пачка патронов».

Ну, если Елизавета Арманд и начинала как боевая эсерка, особого партийного криминала в том тогда не было — хуже было бы, если бы она начинала как меньшевичка! Впрочем, худосочные «меки» и энергичная красавица явно не сочетались ни по духу, ни по идеологии.

9 апреля 1907 года Арманд была задержана и обыскана по делу военного союза, а 7 июня 1907 года Елизавету-Рене Арманд задержали на собрании Московского узлового комитета Всероссийского железнодорожного союза. Вскоре она была выслана под гласный надзор полиции «в отдалённый уезд Архангельской губернии на два года»[14].

В ссылку за ней — в северную Мезень — уехал и Владимир.

Владимир был человеком редкой души, «апостольски прост», однако в условиях крайнего Севера заболел туберкулёзом и вынужден был вернуться в Москву для лечения, а затем уехать в Швейцарию. В ноябре 1908 года Инесса за семь месяцев до

окончания ссылки бежит через Архангельск, Москву и Петербург в Финляндию и в январе 1909 года добирается до Швейцарии — ухаживать за Владимиром. Через две недели после её приезда он скончался.

«Для меня его смерть, — писала Инесса в письме друзьям, — *непоправимая потеря, так как с ним было связано всё моё личное счастье, а без личного счастья человеку прожить трудно»*[15].

В 1909 году Арманд живёт вначале в Брюсселе, а с 1910 года — в Париже. Во время одного из своих приездов из Брюсселя в Париж в 1909 году она знакомится с Лениным и Крупской. Осенью 1909 года Инесса поступает в Брюсселе на учёбу в Новый университет и в октябре 1910 года получает диплом лиценциата экономических наук.

Летом 1911 года Арманд преподавала в большевистской партийной школе пропагандистов в деревушке Лонжюмо под Парижем, где 13 делегатам из имперских организаций партии и четырем вольнослушателям был прочитан курс лекций. Ещё до открытия школы Департамент полиции МВД в своём циркуляре № 100209 от 10 марта 1911 года извещал заграничную агентуру о предстоящем событии, а 29 августа 1911 года провокатор Бряндинский (от провокации не был застрахован никто, и, например, боевой организацией эсеров руководил провокатор Евно Азеф) представил начальнику московской охранки обстоятельный доклад, где об Арманд было сказано следующее:

«…История социалистического движения в Бельгии — 3 лекции; читала их эмигрантка „Инесса“, оказавшаяся очень слабой лекторшей и ничего не давшая своим слушателям.

Инесса (партийный псевдоним, специально присвоенный на время преподавания в школе) — интеллигентка, с высшим, полученным за границей образованием… свободно владеет европейскими языками, её приметы: около 26–28 лет от роду, среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; тёмно-русая с рыжеватым оттенком; очень пышная растительность на голове… коса; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью»[16].

К слову, приметы Ленина Бряндинский описывал тогда же так:

> «…около 40 лет от роду, выше среднего роста, худощавый, продолговатое бледное лицо, живые глаза, светло-русый, большая лысина, усы и борода бриты»[17].

И, опять же, к слову — с учётом сплетен, о которых будет позже сказано… Ленин с женой жили не в одном доме с Арманд и

слушателями школы, а на другом конце Лонжюмо. Сообщает об этом Владимир Мельниченко — доктор исторических наук, последний директор Центрального музея В. И. Ленина.

Владимир Ефимович Мельниченко — безусловно, один из наиболее осведомлённых и крупных экспертов по «житейскому», так сказать, Ленину. Любой желающий знать факты о жизни Ленина, а не сплетни о нём, с мнением и оценками Мельниченко не считаться не вправе.

ЛЕТОМ 1912 года ЦК большевиков по ленинской рекомендации нелегально направляет Арманд в Петербург. Она ехала в Россию как представитель ЦК для восстановления подпольного аппарата и подготовки избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу. Перед отъездом «Инессу» в Кракове инструктировал сам Ленин.

Работа в Петербурге началась успешно, однако 14 сентября 1912 года Арманд (она жила по подложному паспорту на имя крестьянки Франциски Янкевич) арестовывают «по делу технической группы Петербургской организации РСДРП»[18].

Партийные «техники» были, как один, людьми опытными, преданными, бывалыми и профессионально скрытными, что вполне объяснимо. «Техника» — это организация нелегальных транспортов литературы и оружия, поиск новых конспиративных квартир, явок… Это нелегальные типографии, агентура среди жандармов, связи между регионами и между регионами и ЦК, поиск и переправка денег для партии и прочее подобное — то есть дела, для болтунов не подходящие. Возможно, этим и объясняется неудача «Инессы» как лектора в Лонжюмо — профессия накладывает свой отпечаток, и Арманд в ту пору отпускала слова окружающим скуповато.

Соответственно, к Арманд жандармы отнеслись серьёзно — во время дознания она сидела в одиночке более полугода и надорвала здоровье, пока Александру Арманду не удалось добиться её освобождения до суда под залог в пять тысяч. Весну и лето 1913 года Инесса провела с детьми на Волге, лечась кумысом.

Суд, который должен был состояться 27 августа 1913 года, грозил новой ссылкой, и, жертвуя залогом, Инесса переходит границу. Осенью 1913 года она уже присутствует на совещании ленинского ЦК в австрийском Поронине.

Совещание, в котором участвовали Ленин, Зиновьев, Каменев, Крупская, Трояновский, Шотман, Елена Розмирович, депутаты Государственной Думы IV созыва Бадаев, Малиновский, Петровский, Муранов и ряд других видных членов партии, проходило в период с 25 сентября по 1 октября. И в циркуляре

Московского Охранного отделения № 107332 от 30 ноября 1913 года, где приводилось сообщение о совещании провокатора Малиновского, среди других упоминается также имя Арманд[19].

С этого момента Инесса — активный участник заграничной работы большевиков, причём и здесь на ней лежало немало сложных «технических» обязанностей. Она была делегатом Международной женской социалистической и Международной юношеской конференции в 1915 года, принимала участие в работе Циммервальдской и Кинтальской конференций интернационалистов. Арманд была талантливым и ценным партийным работником, и в годы Первой мировой войны она и Ленин обменивались десятками писем. Поскольку письма Ленина к Арманд опубликованы в Полном собрании сочинений, заинтересованный читатель может ознакомиться с ними сам и убедиться, что они носят деловой, хотя порой и весьма тёплый и дружеский характер.

Вот вполне типичный эпизод…

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ комитет Международного социалистического бюро (МСБ) созвал в Брюсселе на 16–18 июля 1914 года так называемое объединительное совещание. Формальной целью был «обмен мнениями» о возможности восстановления единства в РСДРП. Фактически же руководство II Интернационала было обеспокоено усилением влияния Ленина в рабочем движении в России и изыскивало пути ослабления позиций большевиков. Летом 1914 года председатель МСБ Эмиль Вандервельде (1866–1938) приезжал в Петербург и вёл переговоры с меньшевиками. Вандервельде условился с Мартовым, что МСБ выступит не как посредник между большевиками и меньшевиками, а как арбитр. Причём председатель МСБ предупредил Мартова, что с большевиками предварительно говорить не станет, чтобы они не поняли, что их хотят «прижать к стене»[20].

Прижать Ленина к стене?

Ну, не Вандервельде была по плечу такая задача, да и кому она была бы по плечу!?

Игнорировать приглашение в Брюссель, куда должны были съехаться представители всех течений российской социал-демократии, включая «Единство» Плеханова, «Борьбу» Троцкого, Бунд, поляков и латышей, Ленин не мог — рабочая масса этого не поняла бы, а меньшевики обвинили бы большевиков во всех смертных грехах. Но и ехать в Брюссель Ленин не хотел… В начале июля 1914 года он пишет Арманд из Поронина в Ловран:

«По поручению ЦК обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию… Ты хорошо знаешь дела, прекрасно говоришь по-французски, читаешь „Правду“. Думаем ещё о Попове, Камском, Юрии (А. А. Бекзадян. — *С. К.*). Всем написано…

Надо очень спешить!!

Согласись, право! Хорошо встряхнёшься и делу принесёшь пользу…

Я ехать не хочу „принципиально“. Видимо, немцы (озлобленный Каутский и К°) хотят нам досадить. Sout! („Пусть так!“. — *С. К.*) Мы спокойно (я на это не годен) от имени большинства 8/10, вежливейшим (я на это не годен) французским языком предложим наши условия. А ты теперь осмелела, читала рефераты и отлично бы провела!..»[21]

Не знаю — кому как, но мне ленинское «я на это не годен» доставило немало удовольствия! Оно великолепно передаёт темперамент Ленина, к дуракам и «мышиным» — как говаривал Тарас Бульба, — «душам» никогда никакой терпимости не проявлявшего.

Арманд же на совещании, где будут иностранцы, с её свободным владением европейскими языками была бы, конечно, очень к месту. И Ленин инструктировал её:

«…Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развёртываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту… Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твёрдо их всех расшибёшь, а Вандервельде не позволишь обрывать и кричать…

Гвоздь, по-моему, — доказать, что только мы партия (там — блок-фикция или группки), только мы рабочая (там — буржуазия, дающая деньги и одобряющая), только мы *большинство*…»[22]

В итоге Арманд согласилась, и в Брюссель поехала делегация ЦК РСДРП в составе: И. Ф. Арманд (Петрова), М. Ф. Владимирский (Камский) и И. Ф. Попов (Павлов). За несколько дней до совещания Ленин в очередной раз инструктировал Арманд, и эти его инструкции тоже стоят того, чтобы читатель с ними познакомился.

Ленин писал:

«Дорогой друг! Я чрезвычайно тебе благодарен за

согласие. Я просто уверен, что ты превосходно выполнишь твою важную роль…

Ты с делом хорошо знакома, говоришь хорошо, и я уверен, что теперь сможешь быть достаточно „нахальна“. Пожалуйста, не истолкуй „в плохую сторону“, если я даю тебе кое-какие частные советы для облегчения твоей тяжёлой задачи.

Плеханов любит смущать „товарок“, говоря им „вдруг“ галантности (по-французски и т. п.). Надо быть готовым к этому для быстрого ответа — я восхищена, товарищ Плеханов, вы поистине старый волокита (или галантный кавалер) — или что-либо в этом роде, чтобы *отбрить* его.

Ты должна знать, что все будут очень злиться (я очень рад!), увидев, что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе. Но я уверен, что ты покажешь свои ноготки наилучшим образом. Заранее восторгаюсь при мысли, как они нарвутся публично, встретив холодный, спокойный и немного презрительный отпор…»[23]

Ясно, между прочим, что Ленин не столько «заранее восторгается», сколько таким образом заранее задаёт Арманд тот тон, который необходим. А далее идёт ещё одна небесполезная ремарка:

«Плеханов любит „задавать вопросы“, издеваясь над вопрошаемым. Мой совет: обрезать сразу — Вы-де вправе… задавать вопросы, но я отвечаю не Вам лично, а всей конференции, поэтому покорнейше прошу не перебивать меня, — чтобы превратить сразу „задавание вопросов“ в *нападение* на него. Ты должна всё время занимать наступательную позицию… Они трусы, и сразу осядут, осекутся.

Они не любят, когда мы цитируем резолюции. А это лучший ответ: я-де пришла сюда главным образом, чтобы передавать *оформленные* партийные решения нашей рабочей партии…»[24]

Наконец, в письме, посланном Лениным Арманд уже «после драки» — 19 июля 1914 года, говорится:

«Гюисманс (секретарь МСБ, профессор филологии из Бельгии. — *С. К.*) и Вандервельде пустили в ход все угрозы. Жалкие дипломаты! Они думали нас (или вас)

запугать. Конечно, им не удалось…

Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка (Ленин имеет в ввиду то, что его французский был далеко не идеален, как и немецкий. — *С. К.*), я бы *взорвался*, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. А *им только того и надо было* — на это они и провоцировали.

У вас же и у тебя вышло спокойно и твёрдо. Extremely thankful and greeting you („Чрезвычайно благодарен и приветствую тебя“. — *С. К.*)…»[25]

Деликатные поручения Ленина, требующие воли и умения, Арманд выполняла и позднее, тем более что уже скоро у Ильича возникли новые заботы и новые проблемы — началась Первая мировая война.

СЕГОДНЯ стандартное клише, связанное с именем Инессы Арманд, — «любовница Ленина», и правды здесь вряд ли больше, чем в клише «Ленин — германский шпион». Причём слух о том, что у Ленина была с Арманд «тайная любовь», запустил в оборот в начале пятидесятых годов бывший французский интернационалист Марсель Боди… Сообщая об этом, Владимир Ефимович Мельниченко далее продолжает:

«Из пальца высосан вымысел об интимной связи Владимира Ильича с Арманд „на протяжении десяти лет“… Поднята до „научного“ уровня одна из давних побасенок: „Имелась версия, что Сталин угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой Ленина Инессу Арманд“…»[26]

Написанную в жанре документальной миниатюры книгу Владимира Мельниченко «Личная жизнь Ленина» рекомендую читателю со спокойной совестью… Как справедливо сказано в издательской аннотации, автор — «один из тех немногих историков, которые знают о Ленине, пожалуй, всё, за исключением того, что уже не узнает никто и никогда».

Конечно, *знать* всё и *всё* понимать — вещи нередко разные, и в эпохе Ленина — Сталина и в её творцах доктор исторических наук Мельниченко понял, на мой взгляд, не всё. Однако понял он, при глубоком знании темы, немало и написал о Ленине не только со знанием, но и с пониманием — честно, с хорошей страстью. Одна из книг Мельниченко имеет яркое и показательное название: «Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия

Ленина». Относительно фигур типа Владимира Жириновского это если и не диагноз, то, во всяком случае, общественный приговор.

Так вот, из постсоветской книги компетентного эксперта однозначно следует — со ссылками на документы, — что Арманд Ленина любила, что и Ленин к Инессе Арманд был очень душевно расположен и видел в ней «верного товарища по работе». Однако привожу прямое мнение автора «Личной жизни Ленина»:

> «Любил ли Владимир Ильич Арманд? На этот вопрос мог бы ответить только он сам. Документы, которыми мы располагаем, не дают однозначного ответа, всяческие вымыслы любого толка — неуместны, недостойны»[27].

Точно так же смотрит на этот аспект жизни Ленина и другой подлинный эксперт — ульяновский лениновед Жорес Трофимов. Он, в частности, сообщает, что в 1953 году 17-летняя Лариса Васильева, впоследствии известная поэтесса, попросила высказать своё мнение о возможном «романе» Ленина с Арманд Ивана Фёдоровича Попова (1886–1957).

Большевик с 1904-го по 1914 год, адресат ряда ленинских писем, участник того «объединительного» совещания в Брюсселе, о котором выше было рассказано, а после Октября — литератор, Попов в 1910-е годы как представитель ЦК в Международном социалистическом бюро был тесно связан с Лениным, с Арманд и Крупской, ситуацию знал не понаслышке. И юной Васильевой Попов ответил так: «Упаси бог! Она любила его как своего учителя. Она поверила Ленину, как никому. Пошла за ним. Сначала заочно. Потом рядом»[28].

А вот уже дочь Дмитрия Ульянова и племянница Владимира Ленина — Ольга Дмитриевна Ульянова в постсоветские времена вспоминает свой разговор с итальянским журналистом Энцо Бьяджи, который утверждал, что Ленин-де Крупскую не любил, а любил Инессу Арманд.

— Откуда вы это знаете? — тут же возразила Ольга Дмитриевна.

— Об этом пишет такой-то, и такой-то, и вот этот…

— А они откуда это знают? Ну как они могут такие вещи знать? У вас есть друг? Вы знаете — любит он свою жену или нет?

Да, психологическая война — это серьёзно. Она порой бьёт по обществу эффективнее, чем «горячая» война… Вернёмся к ироничной оценке лениноведом Владимиром Мельниченко «поднятой» до «научного» уровня побасёнки о том, что «имелась версия», что Сталин-де «угрожал Крупской в случае её малейшего неповиновения объявить официальной женой Ленина Инессу Арманд». Побасёнку запустил в бульварный оборот бывший член

Научного совета Центрального музея В. И. Ленина (!!) А. Латышев в августе 1992 года в бульварном приложении «Досье» к «жёлтой» от антисоветизма «Литературной газете». Сообщая об этом, Жорес Трофимов резонно замечал:

> «Нелепость этой версии очевидна для каждого здравомыслящего человека хотя бы потому, что И. Арманд ушла из жизни в 1920 году, когда Сталин не мог ещё и помышлять о каком бы то ни было давлении на супругу Ильича… А. Латышев не говорит даже о том, когда она возникла, кто пустил её в обиход и, таким образом, оказался заурядным распространителем сплетни»[29].

В. Мельниченко, и Ж. Трофимов — учёные-академисты, а в академической среде — в отличие от парламентской среды, непарламентские выражения не приняты. Поэтому, очевидно, Ж. Трофимов и назвал заурядного ренегата Латышева, ставшего наёмником врагов России в их психологической войне против России, всего лишь распространителем сплетни.

К теме Арманд в жизни Ленина и Крупской мы ещё вернёмся, сейчас же, заканчивая главу, сообщу, что после революции Инесса Арманд — умелый организатор — работала в Московском губкоме партии, в Московском губисполкоме, была председателем Московского губсовнархоза, а с 1918 года заведовала отделом работниц при ЦК РКП(б). В 1920 году она лечилась от туберкулёза в Кисловодске и во время эвакуации из-за угрозы наступления белых умерла от холеры. Её младший сын Андрей, инженер-механик, погиб в 1944 году на фронте.

Теперь же вернёмся к истокам.

Глава 2
От студента Ульянова к ссыльному Ульянову

ХАРАКТЕР юного Владимира Ульянова формировался в условиях семьи, уникально здоровой по всему своему строю — и житейскому, и духовному. Позднее об этом будет сказано подробно. Но Владимир достаточно рано лишился вначале отца, ушедшего из жизни в одночасье, а вскоре — и любимого старшего брата Александра, повешенного за подготовку покушения на императора Александра III. И это не могло не наложить на формирующийся характер Владимира отпечатка раннего взросления.

Первый конфликт Ленина с властью относится к декабрю 1887 года, когда ему пришлось после участия в студенческой акции протеста уйти из Казанского университета. Продолжить учёбу очно не позволили, и весной и осенью 1891 года он экстерном сдал экзамены при Петербургском университете. Весной — за первый и второй курс, осенью — за третий и четвёртый… Одновременно с ним экзаменовались тридцать три человека. Двадцать семь получили диплом, девять, включая Ленина, — диплом первой степени. При этом только Ленин получил высшие баллы *по всем* дисциплинам. В выданном ему 14 (26) января 1892 года дипломе было записано:

> «По представлении сочинения и после письменного ответа, признанных весьма удовлетворительными, оказал на устном испытании следующие успехи: *по догме римского права, истории римского права, гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, уголовному праву и судопроизводству, истории русского права, церковному праву, государственному праву, международному праву, полицейскому праву, политической экономии и статистике, финансовому праву, энциклопедии права и истории философии права* — весьма удовлетворительные»[30].

Тогда по коридорам университетов бродило немало великовозрастных студентов — лет под тридцать, а то и *за* тридцать. Ленин же получил университетский диплом *вне стен* университета ровно за те же четыре года, которые его

законопослушные сотоварищи провели в аудиториях. Не знаю, нужны ли к этому факту дополнительные комментарии.

До августа 1893 года Владимир работал в Самаре помощником присяжного поверенного А. Н. Хардина, хорошо знавшего его и как партнёра по шахматам, и как собеседника, и как человека. За это время молодой юрист провёл около двадцати защит, но держало его в Самаре болезненное состояние матери. В 1891 году в Петербурге на руках у Марии Александровны неожиданно скончалась от тифа цветущая, блестящая сестра Ленина Ольга. И смерть дочери ударила по матери сильно.

Однако у Ленина уже не было сомнений в том, что ни вторым Кони, ни вторым Плевако он не будет — он будет профессиональным революционером в той революционной марксистской партии, которой в России и в Европе пока нет, но которую надо создать! Но провинциальная Самара — не то место, где можно делать большие дела, их делают в столице. У России две столицы: древняя «первопрестольная» Москва и северный «град Петров»…

Что выбрать?

В Москву собиралась семья, поскольку младший брат Митя готовился поступать в Московский университет. Но Москву питерцы называли большой деревней, и в такой оценке было немало правды. К тому же и пролетариат наиболее силён питерский, а Владимир Ульянов уже знает, что главной движущей силой будущего станут именно они — рабочие. Надо их лишь организовать. Поэтому общий курс ясен — Санкт-Петербург! Но от матери так просто не оторваться, и это главная причина того, что Владимиру приходится задержаться в Самаре. От того периода осталось воспоминание сестры Ленина — Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, которое, вне сомнений, не является апокрифическим, а описывает реально бывшее:

> «Остался у меня в памяти один разговор с Володей о появившейся в ту зиму в одном из журналов (это была „Русская мысль“, № 11 за 1892 год. — *С. К.*) новой повести А. Чехова „Палата № 6“. Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведённом им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: „Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6“. Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали.

Перемолвиться было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой „Палатой № 6“, он рвался из неё почти так же, как несчастный больной Чехова…»[31]

Да ведь и вся царская Россия мало отличалась от чеховской «Палаты № 6», что писатель Чехов — как «зеркало жизни», в своей повести и отразил. И если уж мягкий Чехов относительно общего облика царизма не заблуждался, то молодой марксист с закваской революционера тем более видел все «свинцовые мерзости» того строя, который тормозил Россию и который было необходимо заменять на строй прогрессивный, ускоряющий Россию.

К ОСЕНИ 1893 года Владимир Ильич перебрался в Петербург, где стал помощником присяжного поверенного у адвоката М. Ф. Волкенштейна. Но это — всего лишь *житейская* необходимость, а *жизненные* потребности и интересы Ленина уже полностью отданы делу будущей революции. Он вступает в марксистский кружок студентов-технологов, из которого скоро образуется ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Начинаются нелегальные поездки, работа в библиотеках, кружки, чтение рефератов, дискуссии, переписка… При этом политическим дебютом Ленина стала отпечатанная на гектографе в июне 1894 года в Петербурге знаменитая брошюра «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи „Русского богатства“ против марксистов)».

За первым изданием последовало второе, третье…

Отдельный тираж составлял 50–100 экземпляров, но эти «жёлтенькие тетрадки» перепечатывали, переписывали от руки… Позднее Н. К. Крупская писала: «Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы…».

Действительно, цель была поставлена ясная, причём — чётко марксистская. Дважды цитируя одно и то же место письма Карла Маркса А. Рунге от сентября 1843 года[32], Ленин выделил его второй раз особо: *«Мы не говорим миру: перестань бороться — вся твоя борьба пустяки. Мы только даём ему истинный лозунг борьбы»*[33].

Сказано было сильно, и с момента появления «Друзей…» в формирующемся российском социал-демократическом движении появляется новая величина, всё более известная под партийной кличкой «Старик». Принимали «Старика» не все, но равнодушных

не было, и уже — навсегда.

К середине 1890-х годов Владимир Ульянов в кругах столичных марксистов котировался высоко. Вначале к нему, правда, присматривались, даже пытались экзаменовать по знанию марксизма, но экзаменаторы тут же превращались в экзаменуемых. Весной 1895 года он вместе с В. В. Старковым, С. И. Радченко, П. Б. Струве, А. Н. Потресовым и Р. Э. Классоном участвует в подготовке издания марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», а 15 (27) марта 1895 года Владимир Ильич Ульянов получает паспорт для выезда за границу и 25 апреля (7 мая) вместе с одним из деятелей Московского рабочего союза Е. И. Спонти уезжает через Австрию в Швейцарию для установления личных связей с плехановской группой «Освобождение труда». Это была первая русская марксистская группа, основанная 25 сентября 1883 года в Женеве пятью бывшими народниками во главе с Г. В. Плехановым. Кроме Плеханова в группу входили Павел Аксельрод, Лев Дейч, В. Н. Игнатов и Вера Засулич.

В жизни и становлении Ленина Плеханов сыграл роль немалую — вначале поддерживая его, затем — «от противного», закаляя Ленина своей борьбой против линии Ленина… Увы, впоследствии было именно так — очень уж неоднозначной фигурой оказался в российской истории Георгий Валентинович Плеханов. В 1917 году он назвал призыв Ленина к пролетарской революции «бредом», но в середине девяностых годов позапрошлого века до перерождения Плеханова были ещё годы и годы, и Ленин ехал к нему в Швейцарию, волнуясь.

В Женеве он беседует с Плехановым, в Цюрихе — с Аксельродом, причём с последним живёт неделю в деревушке Афольтерн под Цюрихом. Для Ленина это было первое знакомство с швейцарскими горами, которое потом будет не раз продолжено отнюдь не по доброй воле Ильича — хотя горы он искренне и горячо полюбил. Недаром Сталин, горы тоже любивший и в горах выросший, назвал позднее Ленина «горным орлом».

Из Швейцарии Ленин писал матери:

> «Природа здесь роскошная. Я любуюсь ею всё время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озёра, так что нельзя было оторваться от окна вагона…»[34]

ИЮНЬ 1895 года Ленин провёл в Париже, где познакомился с Полем Лафаргом, зятем Маркса и видным деятелем рабочего движения. И о первых впечатлениях от Парижа мы узнаём из

письма Владимира Ильича Марии Александровне от 8 июня:

> «В Париже я только ещё начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых чаще бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное — широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринуждённо, — так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости…»[35]

Ленинское «окраины (на которых чаще бываешь)…» очень показательно. Он приехал в Европу не туристом, он намерен осваивать её человеческий и революционный потенциал и поэтому совершенно искренне признаётся в письме матери уже из Берлина:

> «Занимаюсь… в Königliche Bibliothek (Королевской библиотеке. — С. К.), а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи…
>
> Берлинские Sehenswurdigkeiten (достопримечательности. — С. К.) посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и большей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. д.»[36].

Читая это, вспоминаешь признание Владимира Маяковского насчёт того, что поездки и общение с людьми *почти* заменяют ему чтение книг. Нечто подобное — в отношении, правда, не книг, а искусства, — мог бы, пожалуй, сказать и Ленин. Что способны были дать ему, скажем, Лувр или Мюнхенская пинакотека? Новые художественные впечатления?

Ну-ну…

А вот «шлянье» по народным окраинам Парижа и Берлина (он жил в пригороде Берлина — Моабите) давало ему живую «информацию к размышлению», позволяло сопоставлять, отсеивать зерно знаний о подлинной жизни Европы от штампованных «плевел». Так было, впрочем, и дома. В октябре 1893 года Владимир Ильич пишет из Петербурга в Москву младшей сестре:

«Маняше

Я прочитал с интересом письмо твоё от 27 сентября и был бы очень рад, если бы ты иногда писала мне.

Здесь я не был ни в Эрмитаже, ни в театрах. Одному что-то не хочется идти. В Москве с удовольствием схожу с тобой в Третьяковскую галерею и ещё куда-нибудь…»[37]

Да, «Третьяковка» — это понятно! Это — своё, близкое, волнующее и затрагивающее то глубочайшее чувство Родины, которое разовьётся у Ленина тем больше, чем дольше он будет от Родины вынужденно оторван.

В сентябре 1895 года Ленин возвращается из-за границы, и главными «сувенирами», вывезенными им из первой поездки в Европу, оказываются пачки нелегальной марксистской литературы, запрятанные в чемодане с двойным дном.

На войне как на войне!

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ в Россию Ленин в начале ноября 1895 года пишет Аксельроду в Цюрих письмо, содержание которого даёт вполне верное представление о том, чем и как живёт теперь Ленин:

«Вы, вероятно, ругаете меня за опоздание. Были некоторые уважительные причины.

Буду рассказывать по порядку. Был прежде всего в Вильне (нынешний Вильнюс. — *С. К.*). Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно… и обещают поддержку… Их настроение вообще недоверчивое… дескать, посмотрим… Я напирал больше всего на то, что это зависит от нас.

Далее. Был в Москве. Никого не видал, так как об „учителе жизни“ (Е. И. Спонти. — *С. К.*) ни слуху, ни духу. Цел ли он? Если знаете что о нём и имеете адрес, напишите, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы (аресты. — *С. К.*), но, кажется, остался кое-кто и работа продолжается…

Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места: чисто фабричный город… только и живущий фабрикой… Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий. После бывшего недавно там погрома осталось мало публики… Впрочем, литературу сумеем доставить…»

Сборник, о котором идёт речь в письме, — это нелегальный непериодический сборник «Работник», о подготовке которого Ленин и Аксельрод договорились. Ленин в своих объездах собирал материалы для него, и позднее сборник вышел в шести номерах плюс десять номеров «Листка „Работника“».

Отчитавшись о поездках, Ленин продолжает:

> «Далее… Мне не нравится адрес в Цюрихе. Не можете ли достать другой — не в Швейцарии, а в Германии. Это бы гораздо лучше и безопаснее.
>
> Далее. Посылая нам ответ — книжку по технологии, адрес: Питер, Александровский чугунный завод, химическая лаборатория, господину Лучинскому, прибавьте, если будет место, другой материал… Деньги, вероятно, пришлём, но позже. Отвечайте поскорее, чтобы мы знали, что сей способ годен.
>
> Передайте поляку адрес для личной явки. Желательно поскорее, так как нуждаемся в транспорте. Адрес: город тот же, Технологический институт, студент Михаил Леонтьевич Закладный, спросить Иванова…
>
> Далее. Такая просьба: нам крайне нужна краска — какая. Можете узнать у Mögli, у которого она есть. Нельзя ли бы как-нибудь доставить? Оказии нет ли? Пожалуйста, подумайте об этом или поручите подумать Вашим „практикам“. Кстати, Вы просили прямо к ним обращаться. Тогда сообщите: 1) знают ли они наш способ и ключ; 2) знают ли, от кого идут эти письма…
>
> Писать надо китайской *тушью*. Лучше, если прибавить маленький кристаллик *хромпика* ($K_2Cr_2O_7$); тогда не смоется. Бумагу брать *потоньше*. Жму руку. Ваш…»[38]

В одном этом письме в сжатом виде уже дана судьба человека на много лет вперёд. Он уже знает, что не принадлежит себе… Он знает, что карьера, светские развлечения, личная жизнь — это всё не для него! И даже обычный отдых будет теперь для него прежде всего необходимой передышкой между — нет, не боями, поскольку бои впереди, а между уже оконченным делом и ещё не начатым делом.

В середине ноября 1895 года в очередном письме Аксельроду, сообщая о собранном материале и новых связях, Ленин, поскольку пересланную в корешке книги корреспонденцию удалось отклеить «с несказанными усилиями», ещё и наставляет адресата, как надо клеить:

> «Необходимо употреблять очень жидкий клейстер: не более чайной ложки крахмала (и притом картофельного, а не пшеничного, который слишком крепок) на стакан воды. Только для верхнего листа и цветной бумаги нужен обыкновенный (хороший) клейстер, а бумага держится хорошо, под влиянием пресса, и при самом жидком клейстере…»[39]

Уже тогда Ленин был — ближайшие годы отчётливо выявят это — наиболее крупной интеллектуальной величиной в российской социал-демократии. При этом он, как видим, не считал для себя зазорным — в отличие от Плеханова, Аксельрода и много ещё кого — осваивать чисто технические стороны нелегальной работы. Похвальный подход, не так ли?

Что же до самого Аксельрода, то он в 1900 году вошёл в редакцию «Искры», но как стал со II съезда РСДРП меньшевиком, так всё более злобствующим меньшевиком и оставался до конца жизни. Он блокировался против Ленина с Троцким и Мартовым, становился всё более желчным. После Октябрьской революции, находясь в эмиграции, пропагандировал вооружённую интервенцию против Советской России…

Уже будучи в сибирской ссылке, Ленин написал работу «Задачи русских социал-демократов», где были и такие пророческие слова:

> «Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоёв не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоёв (буржуазии, мелкой буржуазии, „интеллигенции“ вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства кнута и нагайки»[40].

Читаешь это, а перед глазами проходит легион бывших перестроечных «интеллигентов-радикалов» с партбилетами, которые легко превратились из «идеологических бойцов ЦК КПСС» — кто в официальных чиновников, а кто — в бездуховных неофициальных лакеев ельциноидного правительства России. По

своим нравственным корням Аксельрод был как раз из этаких — из «прорабов перестройки»…

Много подобных фигур ещё попадётся на пути Ленина — фигур бывших товарищей. И если Аксельрод чем-то от других отличался, так это редким зарядом отрицательной антиленинской энергии. Ленин же шёл сквозь ренегатов, как танк через мелколесье, хотя, в отличие от танка, Ленин имел живую душу, и измены его, конечно же, ранили. Но он духовно был очень силён и шёл вперед всё равно.

В хорошей советской армейской песне есть слова: «Задачи ясны и команды понятны, и виден рубеж огневой…». Если бы эту песню знал Ленин, то, весьма вероятно, её строчки стали бы у него любимыми. Собственно, уже тогда — в 25 лет — он полностью сформулировал *для себя* свою основную «теорему революции», и вопрос был теперь лишь в том, чтобы доказать её *для остальных* с очевидностью теоремы Пифагора.

Само название первой основанной Лениным осенью 1895 года революционной организации сразу ухватывало суть: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Такое название было теоретически верно, а практически перспективно. Если рабочий класс освободится, он освободит и поведёт за собой крестьянство, а это будет означать свободную от эксплуатации Россию. Цепь задач выстраивалась логично, и теперь надо было «выбрать» эту «цепь» — «звено» за «звеном» — с заиленного царизмом «дна» российской истории.

До первого ареста — а он был уже не за горами, — Ленин успел сделать как руководитель новой организации не так уж и много, но если посмотреть на то, *за какой срок* это было сделано, останется лишь снять перед Лениным шляпу!

НО, ПОЖАЛУЙ, надо предостеречь читателя от некоего заблуждения… Скажем, в брежневской «Истории КПСС» (издание 5-е 1979 года) сообщалось (с. 34):

> «В декабре 1894 года в связи с волнениями рабочих Семяниковского завода Ленин при участии рабочего этого завода Бабушкина написал обращение к рабочим… Так под руководством Ленина был совершён *поворот* от пропаганды в небольших кружках… к агитации в широких массах…»

Звучит весомо: встают перед глазами широкие рабочие массы, жадно внимающие Ленину. Но вот как это выглядело на первых порах — достоверное описание отыскивается в очерке о Зинаиде Невзоровой, одной из четырёх сестёр-большевичек из

Нижнего Новгорода, будущей жене ленинского друга и соратника Глеба Кржижановского:

> «Нужно было переходить от узкой кружковой пропаганды к массовой агитации… Как осуществить этот переход? Решили выпускать агитационные листки. Дело это было новое и, как оказалось, трудоёмкое — листки писали от руки печатными буквами, а много ли можно „напечатать“ при такой технике? Одну из первых листовок, составленных В. И. Лениным, переписали в четырёх экземплярах. Рабочий Семяниковского завода Иван Васильевич Бабушкин разбросал листки на заводе и проследил за их судьбой. Два листка подобрали сторожа, два подняли рабочие, они прочитали, передали другим. Это радовало, воодушевляло, — значит, листовки будут жить, передаваться из рук в руки. Позднее удалось наладить печатанье листовок на пишущей машинке, а потом и на гектографе…»[41]

Если бы эта живая деталь была включена в учебные курсы истории партии, то эта история выглядела бы и волнующей, и трудной, и непростой — какой она и была.

Начинали-то с малого!..

Однако сила уже молодого Ленина проявилась в том, что на малом не останавливались, а сразу ставили перед собой большие задачи и задумывали большие дела. В ноябре 1895 года была организована забастовка на суконной фабрике Торнтона. Тогда забастовало 500 человек — немного. Однако в 1896 году — уже без Ленина, но подготовленные Лениным, оставшиеся на свободе члены «Союза» организовали 30-тысячную забастовку питерских текстильщиков!

Главное же, пожалуй, что успел Ленин до ареста, это написать брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». В советское время эта ленинская брошюра имела уже чисто историческое значение, хотя сегодня — во времена антисоветские — прочесть её не будет лишним и нынешним наёмным работникам российского капитала. В царской же России это была вообще чертовски нужная для рабочих вещь! В ней простым, понятным языком, с цифрами, с конкретными, взятыми из прессы, примерами, развёрнуто рассматривались и разъяснялись все вопросы, связанные с применением закона о штрафах и т. д. Видно было, что брошюра написана квалифицированным юристом-профессионалом, но Ленин ведь им и был и вопрос разобрал досконально.

Он писал:

«Назначение штрафов — не вознаграждать за убыток (хозяина. — *С. К.*), а создать дисциплину… заставить рабочих исполнять хозяйские приказания…

Крепостные крестьяне работали на помещиков, и помещики их наказывали. Рабочие работают на капиталистов, и капиталисты их наказывают. Разница вся только в том, что прежде подневольного человека били дубьём, а теперь его бьют рублём».

Сказано было метко и било проблему в лоб, но Ленин шёл и дальше:

«Против этого, пожалуй, возразят: скажут, что общая работа массы рабочих на фабрике или заводе невозможна без дисциплины: необходим порядок в работе…

Порядок, действительно, необходим при всякой общей работе… но общую работу можно вести и без подчинения рабочих фабрикантам и заводчикам. Общая работа требует, действительно, наблюдения за порядком, но она вовсе не требует, чтобы власть наблюдать доставалась всегда тому, кто сам не работает, а живёт чужим трудом. Отсюда видно, что штрафы берутся не потому, что люди ведут общую работу, а потому, что при теперешних капиталистических порядках весь рабочий люд не имеет никакой собственности: все машины, орудия, сырые материалы, земля, хлеб, находятся в руках богачей. Рабочие должны продаваться им… А продавшись, они, разумеется, уже обязаны подчиняться им и терпеть наказания.

Это должен уяснить себе каждый рабочий, который хочет понимать, что такое штрафы…»[42]

Для начального политического образования рабочей массы брошюра Ленина о штрафах была нужна, пожалуй, не менее, чем сам «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Достаточно сказать, что в декабре 1895 года она была отпечатана огромным для нелегального издания тиражом в три тысячи экземпляров, а в 1897 года переиздана в Женеве.

На обложке первого издания в целях конспирации указали вымышленные данные: «Издание книжного магазина А. Е. Васильева, Херсон, типография К. Н. Субботина, Екатерин. ул., д. Калинина. Продаётся во всех книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга». На титуле стояло: «Дозволено цензурою. Херсон. 14 ноября 1895 г.».

В действительности же брошюру отпечатали в петербургской нелегальной Лахтинской типографии, принадлежащей «Группе народовольцев». О налаживании контактов с ней Ленин сообщил Аксельроду[43]. Типографию держали так называемые «народовольцы четвёртого листка», то есть те народовольцы, которые в № 4 своего периодического органа «Листок» высказались за марксистский взгляд на историю, ставивший во главе дела политическую борьбу рабочего класса[44].

Итак, начало было положено, и должно было последовать продолжение — был готов первый номер первой нелегальной российской социал-демократической газеты «Рабочее Дело» — органа «Союза борьбы». Увы, свет он так и не увидел… В ночь с 8-го на 9 декабря 1895 года на квартире Н. К. Крупской проходило заседание руководящей группы «Союза», где обсуждался подготовленный к печати первый номер. И в ту же ночь начались аресты. На квартире Ванеева полиция захватила оригинал первого номера газеты.

Брали с разбором — ту же Крупскую тогда не тронули. Были арестованы Анатолий Ванеев, Пётр Запорожец, Глеб Кржижановский, Александр Малченко, Василий Старков, Александр Потресов и сам Ленин. Из рабочих арестовали Василия Шелгунова, Никиту Меркулова, Ивана Яковлева, Бориса Зиновьева, Петра Карамышева и других.

Арестованные, и Ленин в том числе, были отвезены в печально известный Петербургский дом предварительного заключения на Шпалерной улице. Здесь, в одиночной камере № 193, Ильичу предстояло провести четырнадцать месяцев.

За три дня до ареста, 5 декабря 1895 года, он написал письмо в Москву матери:

> «Получил вчера письмо от Анюты, дорогая мамочка, сообщающее, что ты думаешь ехать с Ардашевыми (родственники по линии матери. — *С. К.*) в Казань, и спешу написать тебе.
>
> Ардашевы собирались ехать сегодня. Д. А. (Ардашев, нотариус. — *С. К.*) мне предлагает взять дело об утверждении в правах наследства его родственника, но пока мы ещё не вполне согласились.
>
> Живу я по-прежнему. Комнатой не очень доволен — во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что всё слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед. К счастью, это бывало до сих пор не часто.

Большей частью его не бывает дома, и тогда в квартире очень тихо.

Останусь ли я тут ещё на месяц или нет — пока не знаю. Посмотрю. Во всяком случае, на рождество, когда кончается срок моей комнаты, не трудно будет найти другую.

Погода стоит теперь здесь очень хорошая, и моё новое пальто оказывается как раз по сезону…»[45]

Обычное житейское письмо, только автор его — не обычный квартирант дешёвой столичной квартирки, и «комната» ему уже определена — хотя он об этом ещё и не знает — в «казённом доме».

Впрочем, возможность ареста Ленин предполагал и заранее предупреждал старшую сестру Анну, чтобы в этом случае мать в Питер не пускать, поскольку она неизбежно начнёт ходить по разным «присутствиям» с хлопотами, неизбежно вызывающими в памяти тяжёлые дни хлопот за старшего сына Сашу[46].

Но когда арест стал фактом, никто Марию Александровну в Москве удержать, конечно, не смог, и она приехала, и ходила, и хлопотала, неся свой крест со свойственными ей достоинством и благородством.

По времени ареста Ленина и его товарищей стали полушутливо называть в своей среде «декабристами», но это была лишь внешняя аналогия — у царизма появились оппоненты принципиально более серьёзные чем те, что вышли 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь Санкт-Петербурга.

В СОРОК шестом томе Полного собрания сочинений на страницах с 443-й по 447-ю помещены протоколы четырёх допросов Ленина. Первый раз — 21 декабря 1895 года — его допрашивал подполковник Клыков, а потом — 30 марта, 7 мая и 27 мая 1896 года — подполковник Филатьев.

Ситуация была, конечно, драматической, тут было не до смеха, но я очень предполагаю, что, отвечая на вопросы жандармов, Ильич внутренне посмеивался. Во всяком случае, внутренней дрожи он явно не испытывал, хотя был собран и сосредоточен. Его линия поведения на следствии полностью укладывалась в русскую пословицу: «Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик!».

Точнее, то, что он — Владимир Ильич Ульянов, обвиняемый признавал, однако это было всё!

Вот фрагменты протокола допроса от 21 декабря 1895 года:

«Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно. Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался. По поводу отобранных у меня по обыску и предъявляемых мне вещественных доказательств объясняю, что воззвание к рабочим и описание одной стачки на одной фабрике находились у меня случайно, взятые для прочтения у лица, имени которого не помню…

На заданный мне вопрос о знакомстве со студентом Запорожцем отвечаю, что вообще о знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было…

Когда я поехал за границу, я имел при себе чемодан, которого теперь у меня нет, и где я его оставил, не помню…» и т. д.

А вот фрагмент протокола допроса от 30 марта 1986 года:

«Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставами я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей: 1) листок, на котором написано „Рабочее Дело“ и по рубрикам указаны разные статьи; 2) рукопись о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске; 3) стачка в мастерской механического изготовления обуви, — отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева, — объясняю, что они писаны моей рукой…; фактических объяснений о рукописях под рубриками 1), 2) и 3) я представить не могу».

Безупречно!

Продумано каждое слово, как и на следующих двух допросах — 7-го и 27 мая 1896 года…

7 мая Ленин тонко пытается выяснить источник сведений жандармов о деятельности «Союза» и заявляет: «По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания — объясняю, что не могу дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица…».

27 мая эта линия опять выдержана: «Так как по поводу

предъявленного мне на предыдущем допросе указания, что есть сведения о моих сношениях за границей с эмигрантом Плехановым, мне не сообщено, каковы эти сведения и какого рода могли быть эти сношения, то я считаю нужным объяснить, что эмигрант Плеханов проживает, как я слышал, вблизи Женевы, а я ни в Женеве, ни вблизи её не был и, следовательно, не мог иметь с ним сношений»…

Причём это ведь линия поведения после полугодичной отсидки в одиночке, которая укреплению нервов и выдержки не способствует.

Конечно, дом предварительного заключения — не шлиссельбургский каземат… Заключённого Ульянова навещали мать, специально приехавшая в Петербург, сёстры Анна и Мария, невеста — Надежда Крупская…

Конечно, Ленин имел возможность ежедневно работать — вещь в тюрьме великая! — в том числе над материалами будущего труда «Развитие капитализма в России».

Но тюрьма есть тюрьма.

Запорожец, например, к концу первого года заключения заболел сильным нервным расстройством, позднее обернувшимся душевной болезнью… Побаливал Ванеев — у него началась чахотка. Здесь, в стенах «предварилки», перерезал себе горло осколком стекла инженер Костромин. Мария Ветрова, арестованная по делу Лахтинской типографии народовольцев, в стенах Петропавловской крепости облила себя керосином, подожгла и сгорела[47].

Из такой же, как и у Ленина, одиночки его товарищ по «Союзу борьбы» Михаил Сильвин писал невесте:

«Трудно совладать с унынием, — всё те же стены, та же грязь, тот же шум, а тут ещё погода пошла под осень, дни стали короче, хмурое небо висит сырым, душным, неприветливым покровом, дождь однообразным звуком стучит по крыше и в окна, отдаваясь в моей душе невесёлой мыслью „я тебя доконаю, я тебя доконаю“…»[48]

А ведь Ленин видел те же стены и хмурое небо, слышал тот же шум дождя. Тюрьма есть тюрьма…

Выручал строгий режим, обязательная гимнастика перед сном. Уже из сибирской ссылки — в письме к матери от 7 февраля 1898 года — Ленин делился тюремным опытом с младшим братом. Дмитрий Ильич, медик-пятикурсник, 7 ноября 1897 года был арестован по делу московского «Рабочего союза» и помещён вначале в одиночку Тверской полицейской части, затем — в «Бутырку» и, наконец, в одиночную камеру Таганской тюрьмы[49].

Мария Александровна написала сыну, что брат в тюрьме начал сдавать, и Ленин подробно инструктирует:

> «Нехорошо это, что у него уже за 2 1/2 месяца одутловатость какая-то успела появиться. Во-первых, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по моему, это необходимо. Во-вторых, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался каждый день на сон грядущий гимнастикой. Разомнёшься, бывало так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после этого куда лучше…»

Далее инструкция продолжается несколько забавно, и из неё видно, насколько не в обычае тогда для многих (не для Ленина) были привычные для наших дней гимнастические упражнения:

> «Могу порекомендовать и довольно удобный гимнастический приём (хотя и смехотворный) — 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал — и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошко, диву даётся, откуда это такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкиной церкви!
>
> Но только чтоб не меньше 50 подряд и чтобы не сгибая ног доставать рукой каждый раз об пол — так ему и написать…»

А в заключение советов следует ироничное:

> «А то ведь эти врачи большей частью рассуждать только умеют о гигиене…»[50]

Пришлось Ленину и ещё раз давать советы подобного рода — уже младшей сестре Марии и зятю — Марку Елизарову, которые были арестованы в ночь на 1 марта 1901 года по делу Московской организации РСДРП.

НЕ ПОЗНАКОМИТЬ читателя с этими советами нельзя — они хорошо показывают подлинного Ленина, и остаётся лишь сожалеть, что при изучении истории КПСС в советских вузах студентов обязывали конспектировать ставших к тому времени историческим памятником «Друзей народа…», а не «тюремные» письма Ленина. Думаю, тогда Ильич представал бы перед

потомками намного более интересной и живой фигурой, чем он представлялся и представляется многим.

Вот письмо в тюрьму Марии Ульяновой от 19 мая 1901 года. Ленин тогда уже жил в Мюнхене, занимаясь изданием первой русской социал-демократической газеты «Искра», и писал в Москву:

> «…Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила более правильные режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего „режим“ установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом обратные, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо…»

И это не всё! Советы — в той ситуации жизненно необходимые советы человека, который сам пережил подобное, — продолжаются:

> «Советую ещё распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьёзного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает… После обеда, вечерком для отдыха, я помню, regelmässig (нем. „регулярно“. — С. К.) брался за беллетристику и нигде не смаковал её так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по нескольку десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно…»

И лишь однажды в письме прорывается горькая тюремная «нота»… И она показывает, какой ценой, какими нервами давались Ленину те несомненные стойкость и бодрость духа и тела, которые он проявил в период заключения. Ленин признаётся сестре:

> «Иногда ухудшение настроения — довольно-таки

> изменчивого (жирный курсив везде мой. — С. К.) в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить её, чтобы войти в норму и совладать с нервами…»[51]

Но в том же письме есть и ещё одно признание, хорошо показывающее подлинного Ленина и его духовное величие, естественно и без усилий с его стороны поднимающее его над средой. Ленин, советуя сестре, как лучше организовать свою жизнь в заключении, пишет:

> «Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке, и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить ещё незаметнее…»

Для кого-то время *тянулось*, а для Ленина, оказывается, летело!

Почему?

Да потому, что оно пролетало для него в постоянной работе ума и души, не забывающих и о сохранении крепости телесной.

Кто-то с молодости, как личность, угасает, ни разу не вспыхнув…

Кто-то — тлеет.

Ленин же всегда ровно горел. И это — не избитое образное сравнение, а точное определение повседневного состояния души Ленина в любых условиях.

ЗАДУМАЕМСЯ вот над чем…

Одновременно с Лениным в «доме скорби» на Шпалерной находились десятки «политических» — сверстников Ленина. И многие из них претендовали, тем более — по молодости, на роль вожаков, лидеров, «теоретиков»… Но кто из них мог похвалиться по выходе из заключения той горой бумаг, которую исписал в тюрьме Ленин, готовя и подпольные листовки (!), и статьи, и материалы для будущей научной работы?

Бумаг в ленинской одиночке было так много, что он с какого-то момента стал засовывать «крамольные» листики в пухлую стопу статистических выписок, резонно полагая, что жандармам при периодических обысках камеры будет лень всю эту стопу пересматривать. Сестра Ленина — Анна Ильинична, вспоминала, что и до тюрьмы, и после брат смеялся: «Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить».

Одна из удачных хитростей пришла во взрослую жизнь из детской игры в «тайны». Ленину, как перенёсшему в прошлом воспаление лёгких (он и за границу-то ездил официально по поводу лечения и действительно лечился в санатории), выхлопотали молоко. И вот он стал — как в детстве, но уже не играя, — писать нелегальные тексты молоком между строк книг, получаемых с воли и возвращаемых обратно. Написанное проявлялось после нагревания на лампе. Наливались «чернила» в маленькие «чернильницы» из чёрного хлеба, которые можно было легко при необходимости проглотить. Позднее Ленин шутил, что как-то ему пришлось за день съесть шесть «чернильниц».

А ведь для всего этого требовалось самообладание, да и мужество — если бы написанные Лениным в камере тексты листовок и т. п. попали в руки следствия, могло запахнуть не предполагавшейся ссылкой, а *каторгой*!

Впрочем, Владимир Ульянов недаром зубрил нормы римского права, гражданского права, полицейского права, уголовного права и судопроизводства, сдавая экстерном на кандидата юридических наук! Теперь он, попав в руки политических врагов, был предупреждён и вооружён.

Жандармы это понимали, хотя и не знали ещё, насколько их подследственный опасен для строя, ими охраняемого!

Однако вообще избежать наказания Ленину, как и его товарищам по руководству «Союза борьбы», не получалось. Несмотря на все ленинские «нет», по русской поговорке: «На нет и суда нет» — выйти, конечно же, не могло. По сравнению с «цареубийцами»-народовольцами социал-демократов наказывали, как правило, сравнительно легко, но и по головке не гладили.

Обличающие улики — хотя и немногочисленные — имелись налицо, и 20 января 1897 года было подписано «высочайшее повеление» о высылке, а 13 февраля 1897 года всех руководителей «Союза» осудили на разные сроки ссылки: Малченко — в Архангельскую губернию, Потресова — в Вятскую губернию, остальных — в Восточную Сибирь.

В разные дальние углы Сибири должны были ехать Запорожец, Ванеев, Сильвин, Старков… Мартова, как еврея, загнали в самый северный пункт — в Туруханск, куда в десятые годы XX века сослали Сталина. Эти края были отделены от мира топями и болотами, и всё время ссылки связь с Мартовым поддерживалась лишь письменно.

Ульянову и Кржижановскому, получившим три года под гласным надзором полиции, местом ссылки был назначен достаточно здоровый Минусинский округ Енисейской губернии.

Заболевшего в тюрьме Запорожца временно отдали на поруки

родителям, он находился под гласным надзором полиции и в 1905 году, неизлечимо душевнобольной, умер от туберкулёза лёгких — 32 лет от роду.

Для Ванеева, умершего в ссылке тоже от туберкулёза, земля Сибири стала могилой. Остальные выжили и все, кроме Малченко и Старкова, продолжили революционную работу.

Осуждённым было разрешено пробыть перед отправкой в ссылку три дня в столице в семьях: оказались успешными хлопоты матери Мартова перед её знакомым — директором департамента полиции Зволянским. Времени хватило и на два долгих вечерних собрания, и на групповую фотосъёмку ссылаемых руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Сейчас это фото знаменито, оно воспроизводится во всех иллюстрированных изданиях о Ленине, и оно действительно выразительно. Но особенно бросается в глаза лицо Ленина. Он и вообще-то редко в молодости на фото улыбается, а тут сосредоточен донельзя — год с лишним одиночки если не ломает, то закаляет.

Вот он и закалился.

И этот его взгляд, зафиксированный фотокамерой в окружении друзей, ничего хорошего врагам не сулил.

И как иначе?

17 февраля 1897 года Ленин выехал из Петербурга в ссылку. Уже его собственная мать выхлопотала сыну разрешение ехать в Сибирь за свой счёт — по проходному свидетельству в распоряжение иркутского генерал-губернатора, а не по этапу. Это было и быстрее, и, главное, неизмеримо удобнее: камеры пересыльных тюрем — не лучшее место ночлега для путешественника.

Сделав разрешённую ему на три дня остановку в Москве, Ленин 22 февраля 1897 года выехал в Красноярск и вечером 8 мая прибыл в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии.

В этом, удалённом тогда от железной дороги более чем на 600 вёрст, селе в тридцатые — пятидесятые годы XIX века жили ссыльные декабристы 1825 года, здесь же позднее отбывал ссылку знаменитый Михаил Буташевич-Петрашевский (1821–1866). Иными словами — свято место пусто не бывает, и теперь здесь предстояло жить три года «декабристу» 1895 года Ульянову.

А через некоторое время к нему приехала Надежда Крупская — вместе с матерью Елизаветой Васильевной.

Глава 3
Двадцать лет жизни и борьбы: от Шушенского в 1897-м до Цюриха в 1917-м

О ЖИЗНИ Ленина и его молодой жены Надежды Крупской в «шушенской» ссылке в советское время и написано было немало, и знали об этой жизни все, собственно, советские люди.

Сегодня многие молодые ребята в России стараниями ненавистников Ленина (что, вообще-то, тождественно ненависти к России) не очень-то твёрдо знают, кто такой Ленин вообще. Тем не менее на годах ссылки Ленина в Шушенском мы долго останавливаться не будем, хотя о них можно написать отдельную *документальную* и вполне интересную книгу. Можно было бы, к слову, написать и роман, содержащий, кроме прочего, историю романтической любви.

В своём чувстве к хрупкой, но с роскошной русой косой, Наденьке Крупской, соратнице по «Союзу борьбы», Ленин признался, сидя в тюрьме, — в одном из своих «молочных» писем. Рано осиротевшая, избранница Владимира Ильича родилась в Петербурге в семье революционно настроенного интеллигента Константина Игнатьевича Крупского. Свои позднейшие записки «Моя жизнь» Крупская начала так:

> «Я родилась в 1869 году. Родители хотя и были дворяне про происхождению, но не было у них ни кола, ни двора, и когда они поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды.
>
> Мать воспитывалась на казённый счет в институте, была круглой сиротой и прямо со школьной скамьи пошла в гувернантки.
>
> *У отца родители умерли рано, и он воспитывался в корпусе и военном училище, откуда вышел офицером. Отец всегда много читал… Он умер, когда мне было 14 лет…»*

Отец Крупской был честным и справедливым человеком и, получив место уездного начальника в русской Польше, вскоре по доносу был уволен, судился, но был оправдан сенатом лишь незадолго до смерти. Жизнь, что называется, особо не задалась —

с житейской точки зрения. Но жили муж и жена Крупские дружно — и друг с другом, и с дочерью. После смерти отца мать и дочь уже не расставались до смерти матери.

В 1890 году Надежда вступила в студенческий марксистский кружок, а затем — в группу Михаила Бруснева (1864–1937), создателя одной из первых российских социал-демократических организаций, куда входило до 20 рабочих кружков.

Окончивший в 1891 году столичную «Техноложку» — Технологический институт, Бруснев был в своё время личностью знаменитой, яркой и боевой. Во время похорон публициста И. В. Шелгунова он организовал первую в России маёвку, успешно объединял кружки в Москве, Туле, Нижнем Новгороде, вёл борьбу с народовольческими идеями, сотрудничал с группой Плеханова.

В апреле 1892 года Бруснева арестовали. Приговор для социал-демократа оказался суровым, и после нескольких лет одиночного заключения и десятилетней ссылки Бруснев от активной политической деятельности отошёл. Не исключаю, что именно пример расправы с ним способствовал в будущем решению Ленина создавать основную организационную базу партии за рубежом.

Вне сомнений, Крупская испытывала сильное влияние Бруснева — он умел увлечь молодых, — и арест старшего товарища её от революции не оттолкнул. С 1891 года Крупская работала в вечерне-воскресной Смоленской школе для рабочих за Нарвской заставой, а в 1898 году была арестована и осуждена по делу ленинского «Союза» на три года ссылки в Уфимскую губернию. Но сразу же стала хлопотать о замене места ссылки на Шушенское, поскольку Ленин просил приехать к нему и стать его женой.

Крупская ответила: «Ну что ж, женой так женой…». Потом над этим полушутливым ответом оба не раз смеялись.

О юной Крупской есть интересные воспоминания известной общественной деятельницы масонского толка Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (1869–1962), впоследствии белоэмигрантки. Тыркова пишет: «…три основоположника русского марксизма, М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве и В. И. Ульянов были женаты на моих школьных подругах. У всех троих была крепкая, дружная, устойчивая семейная жизнь…»[52].

Одной из гимназических подруг и была Крупская.

Надежда Константиновна приехала в Шушенское с матерью Елизаветой Васильевной в начале мая 1898 года, и тут со свадьбой вышла заминка. Крупской же было поставлено условие: или немедленное замужество, или отправка обратно в Уфу. Однако для венчания требовался так называемый статейный

список ссыльного, а «список» Ленина затерялся. Ещё до приезда будущей жены Ленин писал 7 февраля 1898 года матери:

> «Анюта (старшая сестра. — С. К.) спрашивает — когда свадьба и даже кого „приглашаем“?! Какая быстрая! Сначала надо ещё Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и „приглашай“!..»[53]

К счастью, всё плохое имеет не только начало, но и конец — список нашёлся, и 10 июля сыграли скромную свадьбу. И жизнь пошла, вообще-то, неплохая, да и местность оказалась вполне здоровой.

Сразу по приезде — 10 мая 1898 года — Крупская написала будущей свекрови письмо, начинавшееся бодро:

> «Дорогая Марья Александровна! Добрались мы до Шушенского, и я исполняю своё обещание — написать, как выглядит Володя. По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница полька (жена ссыльного И. Л. Проминского. — С. К.) говорит: „пан Ульянов всегда весел“. Увлекается он страшно охотой, да и вообще тут все завзятые охотники, так что скоро, надо думать, буду высматривать всяких уток, чирков и т. п. зверей…»[54]

И через тридцать лет Крупская вспоминала:

> «Так живо встаёт перед глазами то время первобытной цельности и радостности существования. Всё какое-то первобытное — природа, щавель, грибы, охота, коньки, тесный, близкий круг товарищей — ездили на праздники в Минусинск, совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье, дома — мама, домашнее первобытное хозяйство, полунатуральное, наша жизнь — совместная работа, одни и те же переживания, реакции: получили Бернштейна, возмущаемся, негодуем и т. д.»[55].

Крупская достаточно часто писала и свекрови, и обеим золовкам, и письма Крупской из ссылки не просто интересны и полны чисто «крупского» мягкого юмора. Именно они рисуют картину жизни в Шушенском наиболее полно и достоверно, а при

этом рисуют ярко, с многими деталями, включая привязанность к Ленину его охотничьей собаки Дженни и т. д.

Сама Крупская в одном из писем, от 14 октября 1898 года, признавалась, что *«Володя всегда удивляется, где это у меня материал берётся для длинных писем, но он в своих письмах пишет только о вещах, имеющих общечеловеческий интерес, а я пишу о всякой пустяковине»…*

Вот благодаря этой отнюдь не пустяковой «пустяковине» мы и имеем возможность хорошо представить себе ульяновское житьё-бытьё в шушенском захолустье. Это житьё было не всегда простым, но всегда дружным, с готовностью и Ленина, и Крупской, и тёщи весело и беззлобно подтрунить как над житейскими казусами, так и друг над другом.

ВПРОЧЕМ, «первобытные» радости были всё же лишь разрядкой, особенно — для Ленина. Все три года ссылки в Шушенском были заполнены прежде всего работой. Ленин тогда написал ряд статей и трудов, но выделяется здесь, конечно же, капитальный труд «Развитие капитализма в России». Это фундаментальное исследование «потянуло» бы по нынешним временам не на одну докторскую диссертацию и потребовало от автора огромных затрат времени и энергии. Без всякого интернета Ленин обработал и проанализировал гору материала. В книге только упоминается и цитируется более 500 различных источников: книг, сборников, исследований, обзоров, статей, а фактическое число использованных источников было ещё больше.

«Развитие капитализма» вышло в марте 1899 года в Петербурге в издательстве М. И. Водовозовой под псевдонимом «Владимир Ильин» тиражом в 2400 экземпляров и быстро разошлась по цене в 2 рубля 50 копеек за экземпляр. До Ленина книга дошла в мае 1899 года, когда до окончания его ссылки оставалось чуть более полугода.

С бытовой стороны жизнь в Шушенском была устроена так, что не будет преувеличением сказать: ссылка пошла Ильичу на пользу. Он окреп, отъелся — поскольку пища была простая, но здоровая, много гулял, купался, охотился. А регулярная работа над книгами и статьями вводила режим дня в строгие рамки, что тоже было неплохо.

Но ошибётся тот, кто скажет — а сейчас хватает и таких, — что царизм-де устроил Ленину что-то вроде трёхлетнего курорта. Как говаривали позднее: «Лучше Северный Кавказ, чем Южный Сахалин», и Енисейская губерния в числе курортных зон тоже не числилась. Далеко не все ссыльные с этого «курорта» возвращались!

А Ленин жил в Шушенском здоровой жизнью потому, что он всегда жил здоровой жизнью — и тогда, когда к тому была возможность, и даже тогда, когда возможности к тому были крайне ограниченными, как вот в тюрьме, например. В отличие от многих своих «интеллигентных» современников, он любил физическую активность и тем более охотно поддерживал спортивную форму, что понимал: хорошая форма — основа высокой работоспособности. В письме Марии-«Маняше», писанном 24 декабря 1894 года из Петербурга в Москву, старший брат мягко, но вполне определённо выговаривал сестре:

> «Основательно ли гуляешь теперь? Вероятно, нет. Почему бы тебе не кататься на коньках? Ты скажешь опять: „скучно“. Да ведь нельзя доводить себя до такой слабости: „весёлого“ тут ещё меньше. Надо себя заставить»[56].

А в одном из первых писем матери и сестре Анне из Шушенского он 25 мая 1897 года сообщал:

> «Живу я… недурно, усиленно занимаюсь охотой, перезнакомился с местными охотниками и езжу с ними охотиться. Начал купаться (в мае в Сибири! — С. К.) — пока ещё приходится ходить довольно далеко, версты 2 1/2, а потом можно будет поближе, версты 1 1/2. Но для меня все такие расстояния ничего не значат, потому что я, и помимо охоты и купанья, трачу большую часть времени на прогулки. Скучаю только по газетам…»[57]

Здесь всё ясно — после «одиночки» на Шпалерной, после напряжённых последних лет нелегальной работы можно на время и расслабиться. Но уже вскоре были получены газеты и книги, и час «потех» уступил место времени дел…

Ленину нигде и никогда не было скучно. Мало того, что он умел занять себя, причём не занятием ради занятия, а большой и важной работой, он ведь всегда имел в своём распоряжении такого содержательного и глубокого собеседника, как Владимир Ульянов.

И поговорить им всегда было о чём.

Было о чём и подумать — посреди енисейских просторов…

Но человек — существо общественное, и хорошо, когда есть с кем перемолвиться словом. Как говорится: одиночество — хорошая вещь, особенно когда об этом есть кому сказать… До приезда Крупских «общение» Ленина ограничивалось — кроме обычных житейских контактов с местными жителями —

ссыльным рабочим-финном Оскаром Энбергом, который был человеком неплохим, но, увы, не чуждым рюмки… Общался Ленин ещё и со ссыльным же семейным поляком Проминским, жившим с женой Доминикой и шестью детьми.

Негусто.

После приезда невесты и тёщи всё изменилось: в доме постоянно прописались весёлое подшучивание, уютные беседы, ощущение полноты жизни — наперекор всему.

Письма из Шушенского — как самого Ленина, так и, особенно, Крупской, написанные родным, полны оптимизма, описаний прогулок, занятий охотой, купаний, зимних развлечений… В ноябре 1898 года Крупская извещала Анну Ильиничну Ульянову-Елизарову:

> «Около нашего дома по инициативе Володи и Оскара (Энберга. — С. К.) сооружён каток, помогали учитель и ещё кое-кто из обывателей. Володя катается отлично и даже закладывает руки в карманы своей серой куртки, как самый заправский спортсмен… Оскар катается плохо, так что падает без конца, я вовсе кататься не умею, для меня соорудили кресло, около которого я и стараюсь… и делаю уже некоторые успехи… Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток…»[58]

А когда Ленину прислали из Красноярска коньки «Меркурий», на которых, как писала Крупская, «можно „гиганить“ и всякие штуки делать», то на радость себе и на потеху аборигенам Ленин освоил вообще фигурное катание. 24 января 1899 года Крупская сообщала «Мане» Ульяновой: *«Володя вывез из Минусы (в Минусинске всей компанией ссыльных отметили Новый год. — С. К.) целую кучу коньковых штук и теперь поражает шушенских жителей разными „гигантскими шагами“ да „испанскими прыжками“…»*[59].

Идиллия?

Курорт?

А это — как сказать…

Захандрить на шушенском «курорте» можно было в два счёта! Ведь у «курортной» «медали» была и другая сторона. Вот что писал Ленин сестре 19 июля 1897 года:

> «Ты просишь, Маняша, описать село Шу-шу-шу… Гм, гм!.. Село большое, в несколько улиц, довольно грязных,

пыльных — всё как следует быть. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село… (многоточие Ленина. — С. К.) навозом, которого здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1–1 1/2 от села… Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков… Купаюсь я в самом большом протоке… С другой стороны (противоположной реке Шушь) верстах в 1 1/2 — „бор“, как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повырубленный лесишко, в котором нет даже настоящей тени (зато много клубники!) и который не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слыхал, но не бывал в ней (она отсюда не менее 30–40 вёрст)…»[60]

Ну как, хорош «курорт»?

Особенно — после Невского проспекта?

Курорты с грязевыми ваннами — вещь обычная…

Но с «навозными»?..

Так что тот факт, что Ленин за время ссылки явно поздоровел, надо относить не на счёт «заботливого» к революционерам царского правительства, а на счёт активного отношения Ленина к жизни и его жизнелюбия.

Дюма-отец в знаменитом своём романе «Сорок пять» написал о Маргарите Наваррской: «Люди выдающегося ума или же полные неуёмных жизненных сил не могут существовать одиноко. Каждому их чувству, каждой склонности словно сопутствуют явления и вещи, им соответствующие, и притягательная сила чувств и склонностей вовлекает эти вещи и явления в круговорот их жизни, так что люди эти живут и чувствуют не по-обычному: их ощущения в десять раз богаче и разнообразнее, их существование словно удваивается».

Это написано и о Ленине, причём его чувствам и склонностям времён жизни в Шушенском сопутствовали книги, письменный стол, заваленный бумагами, перо с чернильницей, а к этому — охотничье ружьишко и коньки…

Главным в этом перечне вещей, были, конечно же, книги… Книги, Лениным читаемые и прорабатываемые, а также и те книги, которые писал он сам или переводил с помощью жены для заработка.

Казённого «жалования» — как ссыльный — Ленин получал

восемь рублей в месяц, но этого для нормальной жизни было мало. И выручали не только деньги от матери, но и литературные гонорары… Только-только устроившись в Шушенском, ещё один, он 25 мая 2897 года сообщает сестре Анюте: *«Полученный за первую статью гонорар хватит мне, я думаю, почти на год в дополнение к моему жалованию»*[61].

Впрочем, планирование расходов на такой длительный срок объяснялось не большим гонораром, а скромными запросами получателя гонорара.

ВСЁ РАНО или поздно заканчивается. Заканчивалась и ссылка Ленина. За её годы он хорошо обдумал — что будет делать и как будет вести дело партии после ссылки. Партия — это объединение сил, а в условиях правительственных преследований импульс объединению может дать лишь неподцензурная, то есть нелегальная газета, свободно издаваемая вне России.

Крупская позднее вспоминала, что план создания общерусской нелегальной газеты, издаваемой за границей и распространяемой в России для объединения всех революционных социал-демократов, постоянно занимал Ленина, постоянно им совершенствовался и обретал всё более конкретные черты.

Ленин рвался к настоящему делу, однако было неясно — не продлят ли ему срок ссылки?

Наконец, в начале января 1900 года департамент полиции известил ссыльного Ульянова, что министр внутренних дел воспретил ему по окончании ссылки проживание в столичных и университетских городах и крупных рабочих центрах.

Ленин избрал местом жительства Псков, как наиболее близкий к Петербургу город, и утром 29 января 1900 года вместе с семьёй отправился из Шушенского в долгий путь. Формально — в Псков, а фактически, как мы знаем сейчас, — к будущей победе пролетарской революции. Поскольку срок ссылки Крупской ещё не окончился, она вскоре уехала в Уфу — отбывать остаток ссылки.

В марте 1900 года Ленин созывает в Пскове совещание по вопросу издания за границей нелегальной общерусской газеты, позднее названной «Искра», а также научно-политического (теоретического) марксистского журнала, который в 1901–1902 годах издавался в Штутгарте под названием «Заря».

Совещание было созвано Лениным не на пустом месте — ещё до того, как бывший ссыльный Ульянов добрался до определённого ему царизмом места жительства, он успел проделать немало дел! По дороге из ссылки он остановился в

Уфе, где встретился с сосланными в Уфу А. Д. Цюрупой и А. И. Свидерским — впоследствии видными большевиками, советскими государственными деятелями. А в феврале Ленин нелегально приезжал в Москву, где виделся с инженером Г. Б. Красиным («Кузеном»), братом крупного в будущем советского государственного деятеля Л. Б. Красина (откуда и партийная кличка «Кузен»), и с И. Х. Лалаянцем («Колумб», «Инсаров», «Ник. Ив.»).

Из Москвы Ленин также нелегально приезжает в феврале в Петербург, где, кроме прочих встреч, ведёт переговоры с приехавшей в Россию Верой Засулич об участии группы «Освобождение труда» в издании общерусской марксистской газеты.

А после этого — в Псков, где он и водворяется 26 февраля 1900 года под негласный надзор полиции. Гласный надзор означал необходимость регулярно лично отмечаться в полицейском участке, негласный надзор — тайную слежку. Однако Ленин был уже несомненным мастером конспирации и от слежки при необходимости уходить умел.

Он устраивается на работу в губернском статистическом управлении и обращается с прошением к директору департамента полиции о разрешении Крупской отбыть срок гласного надзора не в Уфе, а в Пскове. В просьбе мужа — естественной по отношению к жене — отказано, как позднее будет отказано и в просьбе прожить полтора месяца в Уфе в связи с болезнью Крупской.

Как всегда и везде, Ленин в Пскове много работает, пишет, но главная цель — будущая газета. Он нелегально едет в Ригу, где встречается с местными социал-демократами, затем совещается с партийными коллегами в Петербурге, где его арестовывают и допрашивают в охранном отделении, однако через полторы недели выпускают и в сопровождении полицейского чиновника отправляют в Подольск, где жила мать.

Наконец, ему разрешают выехать к жене в Уфу вместе с матерью и сестрой Анной. Проезжая через Нижний Новгород, Ленин совещается с нижегородскими марксистами, в Уфе договаривается с Цюрупой и Свидерским о материалах для ещё лишь задуманной «Искры», заезжает с теми же целями в Самару и в Сызрань.

Сызрань, надо заметить, была в программе пунктом особым. Здесь Ленин заручается — в видах издания газеты — финансовой поддержкой Александра Ерамасова. Сызранец Ерамасов — фигура в ленинской биографии в некотором роде не проходная и упоминания о себе заслуживает.

В июле 1900 года Ленин встречается в Смоленске со старым

помощником по «Союзу борьбы» Иваном Бабушкиным (1873–1906), питерским социал-демократом из рабочих, будущим агентом и корреспондентом «Искры». В 1906 году Бабушкин стал одним из руководителей вооружённого восстания в Чите и Иркутске и был расстрелян царскими карателями.

Наконец, все русские дела как-то налажены, и 16 (29) июля 1900 года Ленин выезжает в Германию — вполне официально, с полученным в мае специально для этой поездки заграничным паспортом. Но он уже почти твёрдо знает, что в ближайшие годы в Россию не вернётся — его ждёт дело «Искры».

В НАЧАЛЕ августа 1900 года Ленин добирается до Цюриха — полный готовности приступить к делу, то есть к налаживанию издания «Искры» и подготовке первого номера.

И вот тут…

И вот тут в течение каких-то двух недель произошли события, внутреннее напряжение которых чуть не разрушило все планы.

Собственно, чтобы описать коллизию подробно, надо было бы привести — с минимальными пояснениями — опубликованную лишь после смерти Ленина в 1924 году в первом Ленинском сборнике ленинскую рукопись под названием «Как чуть не потухла „Искра“?». Там всё расписано подробнейше самим Лениным, причём так откровенно, что становится ясно — он не предназначал рукопись для публикации, а, скорее, вылил в ней всю горечь тех дней…

В 4-м томе Полного собрания сочинений эти записи занимают семнадцать страниц — с 334-ю по 352-ю включительно (на 335-й странице приведено факсимиле первой страницы рукописи), и желающие могут познакомиться с ними самостоятельно. Здесь же придётся ограничиться кратким пересказом…

Вначале Ленин встретился с П. Б. Аксельродом, и они провели два дня «в очень душевной беседе». Затем Ленин отправился в Женеву — к Г. В. Плеханову, и там Потресов («Арсеньев»), уже находившийся в Женеве, предупредил, что «надо быть очень осторожным с Г. В.».

Плеханов был недоволен многим, начиная с того, что Ленин и Потресов готовы лояльно сотрудничать — в рамках возможного — с «легальными марксистами» П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановским. Как писал Ленин, Плеханов «проявлял абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность», и «в товарищеской беседе между будущими соредакторами эта… дипломатичность поражала крайне неприятно».

Мало что изменил и общий «съезд» в составе Плеханова, Аксельрода, Веры Засулич, Ленина и Потресова… Мартов, которого Ленин в рукописи назвал «нашим третьим», приехать не смог, зато до Женевы добрался Струве, и начались непростые дискуссии. Плеханов то и дело угрожал тем, что откажется от роли соредактора и будет «простым сотрудником», причём даже Засулич заметила, что Георгий Валентинович «всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику»… Тем не менее после всех ультиматумов было решено, что в редакцию газеты войдут шесть редакторов (Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод, Потресов и Засулич), но у Плеханова будет «по вопросам тактики» два голоса.

Плеханов сразу же принимает «тон редактора», «не допускающий возражений», и «берёт в руки бразды правления».

«Мы сидим все, — писал Ленин, — как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи ещё в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся всё более робкими… Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову… Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западнёй для наивных „пижонов“…»

Брызги плехановской слюны не способствовали, конечно же, тому, чтобы раздувать пламя брошенной в массы «Искры»… Однако Ленин уже тогда умел не поддаваться настроению и жить по принципу: «Глаза боятся, руки делают».

Вот он и делал!

РАЗГОВОРЫ о необходимости издания газеты и журнала шли среди заграничных российских социал-демократов давно — годами, но всё кончалось разговорами. Но вот в конце августа 1900 года за дело взялся Ленин, и уже через четыре месяца — в середине декабря 1900 года — в Лейпциге увидел свет первый номер нелегальной газеты «Искра» с эпиграфом из «Ответа декабристов Пушкину» Одоевского: «Из искры возгорится пламя!».

Первая полоса открывалась статьёй Ленина «Насущные задачи нашего движения». И там он, призывая рабочих организовываться в политическую партию, писал далее:

> «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать

движение и руководить им… Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь (жирный шрифт мой. — *С. К.*) …»[62]

Заканчивалась же статья ярко, как и положено в программной статье:

> «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмём её, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется всё, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: „Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, ограждённое солдатскими штыками, разлетится в прах!“»[63].

«Искра» пришла в мир накануне нового — XX века. И в наступившем первом году нового XX века первые «Искры» полетели в Россию. Это было символично, но прежде всего это было своевременно! Причём самым важным и новым в партийном «предприятии», начатом Лениным, было то, что оно ещё *до его начала* было поставлено основательно, и поставлено именно так, как видел его Ленин. То есть были заранее продуманы и подготовлены каналы нелегальной переправки «Искры» в Россию, продуманы способы распространения и подобраны люди… Вводился особый институт «агентов Искры», выполнявших роль полномочных представителей редакции. Это обеспечивало оперативность, многослойность работы и необходимую подстраховку. Не всё сразу наладилось, но, как говорят немцы: «Хороший план — наполовину исполненный план».

Уже в марте Отделение по охранению общественной безопасности и порядка департамента полиции российского МВД (проще — «охранка») установило, что во главе «Искры» стоит Ленин. Минскому генерал-губернатору было предложено «установить наблюдение за распространением газеты, проникающей через пограничные пункты».

Возврат Ленина в Россию становится невозможным. Впрочем, не в одном «сгоревшем» загранпаспорте было дело — загруженность Ленина партийными и издательскими заботами всё возрастала и держала его в Европе надёжнее любых

правительственных запретов.

Он уже выбрал судьбу, но и здесь всё было сложно… Историки партии самым странным образом не обращали внимание и на ещё одну чисто личную запись Ленина, сделанную им в 1900 году. Эта запись была опубликована лишь после смерти Ленина в первом Ленинском сборнике. И она имела очень нерядовое для Ленина значение!

В субботу 29 декабря 1900 года — накануне не просто очередного Нового года, но накануне нового века, собрались вместе Ленин, Потресов («Арсеньев»), Засулич («Велика»), Струве («Близнец») и жена Струве.

Разговор был долгим и тяжёлым, и, оставшись один, уже в два часа ночи, Ленин взялся за перо и записал (жирный курсив везде мой):

> «Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с „близнецом“. Это было знаменательное и „историческое“ в своём роде собрание (Арсеньев, Велика, близнец + жена + я), по крайней мере историческое в моей жизни, *подводящее итог целой — если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь*.
>
> По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, что близнец идёт к нам и хочет делать шаги с своей стороны — оказалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву очень уж хотелось того, чем „манил“ близнец, именно… корреспонденций, а „чего хочется, тому верится“, и Арсеньев верил в возможность того, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного modus vivendi („способа ужиться“. — *С. К.*) с ним.
>
> И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру…»[64]

Не так давно Ленин испытал глубокое, душевно ранившее его разочарование в старшем товарище — в Плеханове, который повёл себя по-барски. Ровесник Ленина — Пётр Струве — стал вторым разочарованием Ленина, и это тоже был сильный удар, обрывающий некие струны в душе… Под впечатлением своего нового невесёлого жизненного открытия Ленин записывал:

> «Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя „политиком“ чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой,

> торгашом и нахалом. <…> Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи,* и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив, тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего „критика“…»[65]

Через два неполных десятилетия Ленин и Струве станут прямыми политическими врагами, и Струве, надолго переживший Ленина, выльет на того много лжи.

Что ж, на классовой войне как на классовой войне…

Как в политическом, так и в нравственном отношении Ленин всю жизнь был полным антиподом таких, как Струве. Ленин никогда не жил и не действовал ради личных интересов. Перефразируя Станиславского, говорившего, что надо любить театр в себе, а не себя в театре, можно сказать о Ленине, что он любил революцию в себе, а не себя в революции и в политике — в отличие от Струве.

А ещё вернее сказать, что Ленин любил в себе тот мир добра, чести и справедливости, который был — он знал это — возможен, но который пока существовал лишь в умах и сердцах небольшой группы единомышленников. При этом Ильич не задумывался — кем будет в новом мире, если тот станет реальностью. Он просто работал на этот будущий мир.

Пётр же Бернгардович Струве и сам никогда так не мыслил, не чувствовал, и не был способен рождать подобные мысли и чувства в других… Как верно определил Ленин, под изящной, цивилизованной оболочкой «интеллектуала» крылась торгашеская натура дюжинного либерала. А Ленин осваивал интеллектуальные богатства, накопленные человечеством, для того, чтобы освободить человечество от торгашества всех струве и их «спонсоров».

После Октября 1917 года это выявилось с очевидностью обнажённого меча. Большевик Ленин встал во главе трудящихся, правый кадет Струве ушёл к Деникину и Врангелю, а затем — в злобную антисоветскую эмиграцию.

Однако накануне нового XX века, когда всякий невольно задумывался о том, что этот век принесёт ему, его Родине, миру в целом, контуры эпохи были ещё размыты, политические судьбы и Ленина, и Струве — неясны…

И Ленин сидел — один в декабрьской ночи Мюнхена, вдали от Родины, от родных и близких, вдали от жены, но — на расстоянии вытянутой руки от того дела, которое становилось

делом всей его жизни.

Сидел и думал крепкую свою думу. Ещё из ссылки, из Шушенского, он писал в 1898 году Потресову, сосланному в Орлов Вятской губернии:

> «Меня всего сильнее возмущают любители золотой середины, которые не решаются прямо выступать против несимпатичных им доктрин, виляют, вносят „поправки“, обходят основные пункты (как учение о классовой борьбе) и ходят кругом да около частностей…
>
> Мне кажется, что „отчуждённость от общества“ отнюдь не означает ещё непременно „изолирования“, ибо есть общество и общество…»[66]

Бывший товарищ по борьбе Струве уходил в рафинированное «общество», чтобы жить его мелкими интересами, а Ленина давно захватили интересы большого общества, а точнее — трудящейся части общества, и смысл жизни он видел в служении *этим* интересам.

Итоги прошлого были подведены, важная страница жизни перевёрнута. Перевёрнута не только им самим, но — и Плехановым, и Струве, перевёрнута теми, кто от борьбы отошёл, и теми, кто к ней был готов…

И он сидел — один в ночи, понимая, что последние дни надолго определили его поведение и его жизненный путь.

В СЕРЕДИНЕ апреля 1901 года в Мюнхен приехала Крупская с матерью, и жизнь — в её житейском аспекте — стала постепенно налаживаться. О том, как Владимир Ильич жил один, мы знаем прежде всего из его собственных писем, отправленных Марии Александровне. В целях конспирации он указывал то пражский якобы свой адрес, то помечал письма Парижем, однако написаны они были в Мюнхене, а через Париж и Прагу лишь пересылались. Тон писем в целом бодрый — писано ведь матери, но вот в письме от 6 декабря 1900 года прорывается тоска:

> «Какова у вас погода? — вероятно, стоит хорошая зима. А здесь слякоть, осенний дождь, — если всю „зиму“ так будет, это гораздо хуже снега и морозов… Я живу по-старому, болтаюсь без толку по чужой стране, всё ещё только „надеюсь“ пока покончить с сутолокой и засесть хорошенько за работу»[67].

«Болтался» Ленин по Германии не просто так, а с толком, конечно. В тот момент, когда он писал своё недовольное самим собой письмо, уже вот-вот должен был выйти первый номер

«Искры»… Но дело — делом, а от невесёлых мыслей не уйдёшь, особенно когда рядом нет ни одного душевно близкого человека — если не считать редких встреч с сестрой Анной, жившей тогда в Германии.

Из письма матери от 26 декабря 1900 года житейская неустроенность Ленина и неопределённость перспектив проглядывают ещё острее:

> «…Я ездил на днях в Вену (на самом деле — в Лейпциг для окончательного редактирования первого номера „Искры“. — С. К.) и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения. Но только зима неприятная — без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит… Надоедает слякоть и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем не похожую на зиму зиму…
>
> Живу я по-старому, довольно одиноко и… к сожалению, довольно бестолково. Надеюсь наладить свои занятия систематичнее, да как-то не удаётся. Вот с весны это уже наверное пойдёт иначе, и я влезу „в колею“. Пометавшись после шушенского сидения по России и по Европе, я теперь соскучился по мирной книжной работе, и только непривычность заграничной обстановки мешает мне хорошенько за неё взяться»[68].

А через три дня состоялось «историческое» ночное собрание с Потресовым, Засулич и Струве… И оно тонус Ленину, как мы знаем, не подняло…

Выручало то, что надо было много работать. Как писал он матери в письме от 20 февраля 1901 года: *«Я вполне здоров, — должно быть оттого, что сравнительно много бегаю и мало сижу…».*

В том же письме он сообщал:

> «На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей — процессии ряженых на улице, повальное дурачество, тучи конфетти (мелкие кусочки цветной бумаги), бросаемых в лицо, бумажные змейки и пр. и пр. Умеют здесь публично, на улицах веселиться!»[69]

В шумной карнавальной толпе ему было, надо полагать, ещё более одиноко, но он, как видим, всё же бродил в этой толпе.

Пусть на чужом пиру — но всё же какое-то веселье…

С апреля стало веселее — приехали Надежда Константиновна с Елизаветой Васильевной, 19 апреля вышел третий номер «Искры», в четвёртом номере была опубликована как передовая (то есть без подписи) статья Ленина «С чего начать?», из которой позднее получилась знаменитая работа Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». Впрочем, и статья имела тоже оглушительный успех. Сибирский социал-демократический союз отпечатал её отдельной брошюрой тиражом 5000 экземпляров и распространял по всей Сибири.

ВЕСЬ 1901 ГОД и первые три месяца 1902 года Ульяновы прожили в Мюнхене. Ленин напряжённо работал, ведя дело к съезду партии. Налаживались контакты с заграничными социал-демократическими организациями. В конце года он встречается в Мюнхене с Розой Люксембург — молодой, но перспективной социал-демократкой.

С апреля 1902 года семье пришлось переехать в Лондон, поскольку в Лондон пришлось перевести редакцию «Искры», и начинается не очень долгий, но, как всегда, насыщенный работой лондонский период в жизни Ленина. Особо приятных воспоминаний этот «британский» год о себе не оставил, но благом была возможность работать в читальном зале Британского музея.

В тот год он выезжает по партийным делам в Париж, в Цюрих, в Льеж, в феврале 1903 года в Русской высшей школе общественных наук в Париже под своим уже известным литературным псевдонимом «В. Ильин» читает четыре лекции на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России».

Школа была основана в 1901 году Максимом Максимовичем Ковалевским (1851–1916), крупным русским учёным — юристом, историком и социологом. Сын богатого харьковского помещика, он после окончания Харьковского университета выехал за границу для продолжения образования, встречался с Марксом, однако общего языка с ним не нашёл. С 1877 года Ковалевский стал профессором государственного права в Московском университете, но через десять лет его уволили за прогрессивные (по тем временам) взгляды, и он опять уехал из России.

Будущий крупный большевик Григорий Зиновьев, тогда слушатель Школы, позднее вспоминал, что закончил свою первую лекцию Владимир Ильич «под настоящий гром аплодисментов, перешедших в бурную, продолжительную овацию, какую стены школы никогда раньше не слышали». А Ковалевский, когда узнал,

что лектор В. Ильин — это и есть чуть ли не самый главный «подпольщик» Ульянов, «ужасно огорчился» и заметил: «А какой хороший профессор мог бы из него выйти»…

Но из Ульянова уже получался выдающийся революционер и политический лидер. В конце апреля 1903 года редакция «Искры» (то есть Ленин и Крупская, по сути) опять переехала — на этот раз из Лондона в Женеву.

В Швейцарии отныне, с теми или иными, более или менее длительными перерывами, и будет протекать деятельность Ленина в эмиграции до самого его отъезда в Россию весной 1917 года.

17 (30) июля в Брюсселе начинает работу тот II съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), с которого партия, собственно, и началась. В конце июля съезду пришлось переехать в Лондон, где он 10 (23) августа и завершился.

Не останавливаясь на истории съезда подробно, просто напомню, что именно на нём родилось мощное, увесистое слово «большевик», потому что уже на первом же общероссийском партийном собрании произошёл раскол на «большевиков» во главе с Лениным и «меньшевиков» во главе с Юлием Мартовым.

Почти сразу же — чуть ли не прямо на съезде — большевики, правда, оказались в меньшинстве, но *Слово* уже возникло! Есть всё же, похоже, в историческом процессе некая высшая справедливость… Ну никак не мог Ленин войти в историю вождём *меньшевистской* партии — пусть даже самой сплочённой, боевой и победоносной.

Знаменитый капитан дальнего плавания Христофор Бонифатьевич Врунгель резонно считал, что имя для корабля — то же, что фамилия для человека. «Назовите судно „Геркулес“ или „Богатырь“, — пояснял он, — перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назвать своё судно „Корыто“, оно и плавать будет как корыто, и непременно перевернётся где-нибудь при самой тихой погоде»…

Ленин мог создавать только *большевистскую* партию, и партийный «корабль» «Большевик» с Лениным на мостике выдержал самые жестокие штормы и бури. В 1917 году, имея в кильватере у себя крейсер «Аврора», он возглавил движение России к социализму.

Впрочем, в 1903 году до этого было ещё далеко. Более того, большевики рисковали оказаться на мели. Как известно, общерусская политическая марксистская газета «Искра», по замыслу Ленина, должна была стать и стала решающим фактором в борьбе за партию и подготовку II съезда Партии. С № 1 по № 51

газета выходила под руководством Ленина, но после II съезда большинство в редакции оказалось за меньшевиками во главе с Плехановым, и с № 52 «Искра» стала органом борьбы против Ленина и большевиков. 19 октября (1 ноября) 1903 года Ленин вышел из редакции. Он подал Плеханову заявление следующего содержания:

> «Не разделяя мнение члена Совета партии и члена редакции ЦО (Центрального органа. — *С. К.*) Г. В. Плеханова о том, что в настоящий момент уступка мартовцам… полезна в интересах единства партии, я слагаю с себя должность члена Совета партии и члена редакции ЦО.
>
> *Н. Ленин*
>
> *1 ноября 1903 г. Женева.*
>
> P. S. Во всяком случае я отнюдь не отказываюсь от посильной поддержки своей работой новых центральных учреждений партии»[70].

Сталин метко заметил тогда, что «Искра» лишилась искры… Но пламя уже горело!

ВСКОРЕ после II съезда Мартов решил отыграться, созвав съезд «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», где рассчитывал дать большевикам бой. Ленин возражал, его поддерживали два из трёх активных членов правления Лиги — Крупская и Литвинов (крупный большевик, будущий нарком иностранных дел СССР). Однако манёвры третьего реального члена правления — Дейча — привели к тому, что съезд Лиги был назначен на октябрь 1903 года.

Дейч привлёк к голосованию двух оставшихся членов правления — меньшевика М. Г. Вечеслова, жившего в Берлине, и колебавшегося большевика Г. Д. Лейтензена, жившего в Париже, и они втроём проголосовали за съезд.

Ленин перед съездом Лиги был поглощён невесёлыми раздумьями настолько сильно, что врезался на велосипеде в трамвай и чуть не выбил себе глаз — так и ходил потом на заседания съезда Лиги с повязкой на глазу — как пират[71].

Все эти партийные неурядицы Ленина, конечно, выматывали, и летом 1904 года он устроил себе такой отдых, которого, пожалуй, до этого никогда не имел и которого впоследствии не имел уж точно.

Мать Крупской, Елизавета Васильевна, уехала в Россию на дачу к знакомым под Питер. Жильё своё в Женеве Ульяновы сдали и отправились в Лозанну. 2 июля 1904 года Надежда Константиновна — в своей обычной, окрашенной лёгким юмором манере — извещала о планах отдыха свекровь, переехавшую из Самары в Киев.

Тогда, к слову, в Киеве образовалась целая ульяновская колония: Мария Александровна, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич с женой Антониной и Анна Ильинична.

Муж Анны — Марк Тимофеевич Елизаров, у которого после ссылки на Дальний Восток окончился срок гласного надзора полиции, отплыл тогда из Порт-Артура в Японию, а оттуда на океанском пароходе вокруг Китая и Индии — в Европу, на встречу с Лениным. Затем Елизаровы предполагали осесть в Петербурге, где Марк Тимофеевич мог рассчитывать на службу на железной дороге, удобной и с житейских, и с партийных позиций.

Если учесть, что в Киеве жил с женой ещё и Глеб Кржижановский, работавший инженером в управлении железной дороги, то становится ясно, что жизнь в Киеве была наполнена разнообразными событиями и занятиями — как легальными, так и, что для Ульяновых было естественным, нелегальными.

«Швейцарская» же ветвь большой семьи Ульяновых решила устроить себе грандиозный отдых, и Крупская сообщала киевлянам:

> «Сейчас мы в Лозанне. Уже с неделю, как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся. Гуляем — Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем завтра нечитанными в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдём к Интерлакену, а оттуда к Люцерну, читаем Бедекера (популярные тогда путеводители. — С. К.) и тщательно обдумываем своё путешествие. За неделю мы уже значительно „отошли“, вид даже приобрели здоровый. Зима была такая тяжёлая, нервы так истрепались, что отдохнуть месяц не грех, хотя мне уже начинает становиться совестно… Мы с Володей заключили условие — ни о каких делах не говорить, дело, мол, не медведь, в лес не убежит, не говорить и, по возможности не думать…»[72]

Ну, не думать — это вряд ли, в походе Ленин даже письма деловые получал — от Мартова, например. Однако отдых вышел у

них тогда на славу — впору любому позавидовать!

Впоследствии Надежда Константиновна описала этот месяц вполне ярко:

> «…мы с Владимиром Ильичом надели мешки за спину и отправились на месяц в горы, куда глаза глядят… взобрались куда-то над Монтрё, забрались в дичь и глушь, к каким-то лесорубам, которые рассказали нам, как выбраться на дорогу и где заночевать. Через Эгль спустились в долину Роны, зашли в Бе-ле-Бен к моей товарке по школе и курсам, потом долго брели вдоль Роны, вёрст 70 сделали — это была самая утомительная часть путешествия. Наконец, перебрались через Гемми-пас в Оберланд, были у подножия Юнгфрау, потом, отбив себе порядком ноги и изустав в конец, поселились на Бриенцском озере в Изельтвальде, где прожили около недели, чтобы потом опять двинуться в путь-дорогу, через Интерлакен и Зимменталь назад в женевские края. Зима 1903–1904 гг. была исключительно тяжёлая, нервы истрепались вконец, хотелось уйти подальше от людей, забыть на время все дела и тревоги. Горы выручили. Смена впечатлений, горный воздух, одиночество, здоровая усталость и здоровый сон прямо целительно повлияли на Владимира Ильича. Опять к нему вернулись сила, бодрость, весёлое настроение…»[73]

Вначале в этом путешествии с Ульяновыми была и «Зверка» — Мария Эссен. М. М. Эссен (1872–1956) («Зверка», «Зверь», «Зверев») с начала 1890-х годов работала в рабочих кружках Екатеринослава, Екатеринбурга и Киева, два года сидела в тюрьме, была сослана в Якутскую область, бежала за границу, в Женеве познакомилась с Лениным, который направил её в Петербург как агента «Искры». Летом 1904 года Эссен опять была арестована и сослана, опять бежала…

Крупская писала о ней: «Зверь, вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна весёлой энергией, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту… Заграничные дрязги как-то не задевали её»[74].

Втроём они на пароходе добрались до Монтрё, погуляли по знаменитому Шильонскому замку, поднялись на вершину Дан-дю-Миди, но потом, как вспоминала Надежда Константиновна, Эссен отстала, заявив: «Вы любите ходить там, где ни одной кошки нет, а я без людей не могу».

Денег было в обрез, питались в основном всухомятку — сыром и яйцами, запивая вином или родниковой водой, а обедали изредка. Но в одном «социал-демократическом» трактирчике рабочий посоветовал: «Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шофёрами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее».

Так и поступили…

> «Тянущийся за буржуазией мелкий чиновник, лавочник и т. п., — поясняла Надежда Константиновна, — скорее готов отказаться от прогулки, чем сесть за один стол с прислугой. Это мещанство процветает в Европе вовсю. Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле — это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина. И Владимир Ильич с особенным удовольствием шёл обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно нахваливал дешёвый и сытный обед».

А потом они надевали свои «мешки» и шли дальше…

В рюкзаке у Ленина лежал тяжёлый французский словарь, в рюкзаке Крупской — полученная ей для перевода французская книга, однако ни словарь, ни книгу они так ни разу и не открыли — «не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озёра, дикие водопады…»[75]

Вот, собственно, один этот месяц и был в их жизни — один полностью беззаботный и молодой. У них были хорошие дни и в Шушенском, но разве можно сравнить ссылку со свободой? Пропахшее навозом Шушенское — с горными тропами, дышащими чистейшим воздухом Альп?

«Белая» и «золотая» сволочь разных стран бешено развлекалась на модных курортах, за ночь просаживала в Монте-Карло суммы, которые могли бы обеспечить судьбу сотен обездоленных людей…

А Владимир и Надежда Ульяновы, лишь недавно «разменявшие» четвёртый десяток, ещё молодые, здоровые, полные энергии, шагали себе по гористой Европе, и им было хорошо вдвоём. Они рады были забыть на время о деле, *ими самими* на себя принятом, и на целый месяц — *в первый и последний раз* в их жизни — принадлежали *только самим себе*.

Ну — почти самим себе…

В АВГУСТЕ 1904 года Ленин с Крупской уехали в глухую деревушку под Лозанной — недалеко от станции Шебр у озера Лак-де-Бре. Здесь отдых был, конечно, относительным — Ленин

уже работал, намечая с А. А. Богдановым-«Малиновским» планы дальнейшей борьбы с меньшевиками. Но тишина, чистый воздух, прогулки, ежедневные долгие заплывы в озере — на что Ленин был мастер, оказались и здесь отличным средством расслабления и восстановления сил, физических и моральных.

А силы были Ленину ох как нужны — в очередной раз! Ведь он ежедневно вёл свой бой, и, несмотря на то, что его «полевой формой» была недорогая пиджачная пара, «оружием» — перо и чернильница, а «боеприпасами» — переписка с товарищами по партии и книги, бой это был жестокий, изнурительный *и ежедневный.*

Если просмотреть даже краткую хронологию жизни и деятельности Ленина, помещаемую в конце каждого тома Полного собрания сочинений, да ещё прочесть *все* его письма за тот же, охватываемый данным томом, период, то складывается вполне определённая картина.

И это картина непрерывной работы — год за годом…

Конечно, все люди — если они не паразиты и бездельники — работают повседневно, но есть работа и есть работа. Причём, в отличие от многих других работ, крест профессионального работника на дело народа был и для Ленина, и для его товарищей добровольным!

А впрочем, так ли уж и добровольным? У Маркса есть точная, я бы сказал — безжалостно точная мысль: «Идеи, к которым разум приковывает нашу совесть, это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им…». Это — как раз то, о чём русский народ сказал попроще, но тоже неплохо: «Охота пуще неволи». А что уж говорить об идее, овладевающей человеком?

Ленин был человеком идеи. Нынешние его хулители, очернители и сказители баек о «пломбированном вагоне» понять, о чём сейчас было сказано, не смогут, поскольку антиленинцы, антисталинцы, антисоветчики, антикоммунисты и высокая идея — вещи несовместные! Но и не для них всё это говорится, не для них пишется эта книга…

Так вот, Ленин был человеком идеи — большой, великой, человечной идеи. Мог ли он не подчиниться идее, если иначе он просто разорвал бы своё сердце?!

Он ей и подчинился!

В анкетах и прочих подобных опросных листах Ленин в графе «профессия» указывал «литератор» или «журналист». А как ещё он мог ответить на глупый, вообще-то, *по отношению к Ленину,* вопрос о профессии? Профессия у него была штучная, редкостная,

о которой в анкете не напишешь. Представители этой профессии в истории человечества пересчитываются на пальцах, к тому же — на пальцах чуть ли не одной руки, а называется эта профессия «социальный реформатор»!

Лютер, Кромвель, Робеспьер, Пётр, Наполеон, Маркс, Энгельс…

Ленин…

И Сталин.

Вот, собственно, и всё!

Но мир в 1900-е годы ещё не знал, что в мире уже есть, уже живёт и действует тот, кому предстоит возглавить эпохальную социальную не реформу даже, а эпохальную социальную революцию.

ДЛЯ ЦАРСКОЙ России 1904 год начался с русско-японской войны, с гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в бухте Чемульпо у берегов Кореи, а закончился падением Порт-Артура 20 декабря.

9 января 1905 года вошло в историю как «Кровавое воскресенье» — в тот день царские войска расстреляли мирную демонстрацию петербургских рабочих, которые шли к императору с «верноподданной» петицией. С того дня вера в «доброго царя» стала рушиться уже неудержимо. Царь развязал войну с собственным народом, а такие войны никогда в пользу тиранов не заканчиваются.

Выступая в январе 1917 года перед молодыми швейцарскими социалистами с рефератом о 1905 годе, Ленин сказал, что «всё развитие русской революции с неизбежностью толкало к вооружённому решающему бою между царским правительством и авангардом сознательного в классовом отношении пролетариата…»[76].

Полезно сопоставить эту оценку Лениным ситуации 1905 года в 1917 году с оценкой тех же дней дядей царя — великим князем Александром Михайловичем в 1932 году: «…выбор лежал между удовлетворением всех требований революционеров или же объявлением им беспощадной войны. Первое решение неизбежно привело бы Россию к социалистической революции… второе — возвратило бы престиж власти… Таким образом было два исхода: или белый флаг капитуляции, или же победный взлёт императорского штандарта»[77].

Как видим, и большевик Ленин, и монархист Романов — в отличие от либеральной сволочи, и тогдашней, и нынешней, — понимали, что между народом России и царём уже в 1900-е годы могли быть или состояние войны, или капитуляция одной из

сторон. Нечего сказать — хороша была социальная «идиллия» в той России, которую потеряли на рубеже XX и XXI веков идиотствующие интеллигенты и интеллигентствующие идиоты…

С 12-го по 27 апреля (25 апреля — 10 мая) в Лондоне прошёл III съезд партии, который был фактически большевистским, поскольку меньшевики его бойкотировали и провели свою отдельную конференцию. В 10-м томе Полного собрания сочинений Ленина его материалы по III съезду (выступления, речи, доклады, проекты резолюций и т. д.) занимают более ста страниц — с 87-ю по 192-ю. Однако задача добиться единства в партии не была выполнена, а это означало, что впереди новая борьба, нервотрёпка и проблемы.

До ноября 1905 года Ленин находился в Швейцарии и с мая по ноябрь в Женеве редактировал нелегальный печатный орган большевиков — газету «Пролетарий». Но 17 октября напуганный разворачивающейся революцией царь издал «Высочайший» манифест о даровании гражданских свобод, и у Ульяновых появилась возможность легально вернуться на родину.

В начале ноября Ленин выехал из Женевы в Стокгольм, где дожидался получения документов, необходимых для выезда в Россию. То есть он возвращался действительно легально. 5 (18) ноября он был уже в Гельсингфорсе (ныне — Хельсинки), а 8 (21) ноября приехал в Петербург и на следующий день выступил на расширенном заседании Петербургского комитета РСДРП.

Начинается «русский» год Ленина… Он длился с ноября 1905 года по ноябрь 1906 года и был заполнен не только совещаниями, беседами, речами, статьями, поиском средств для партии и прочим подобным, что и составляет жизнь профессионального революционера… Параллельно со всем этим надо было *каждодневно,* а порой *и ежечасно* решать задачу, имевшую хотя и не всемирно-историческое, но важное значение, — не попасться агентам охранки и не дать себя арестовать.

Ленин впитал искусство конспирации если не с молоком матери, то с тем молоком из «чернильниц» из хлеба, которым пользовался для конспиративной переписки с волей в период своего первого ареста. Так что охранникам он не попался, однако постоянная необходимость быть начеку нервы, конечно же, выматывала. К тому же бóльшая часть «русского» года Ленина пришлась на время усиления реакции и наступления властей на революцию.

То, что Ленин умел ускользать он назойливых филёров и вообще от внимания охранников, косвенно подтверждается охранной ориентировкой на Ленина по состоянию на 1912 год. О нескольких бурных годах первой русской революции там было

сказано всего-то: «В 1903 г. Ульянов руководил прениями на проходившем за границей 2-м съезде РСДРП, а в 1907 году присутствовал на Лондонском общепартийном съезде». Невелик, как видим, был царский «компромат» на Ленина — блестящего конспиратора…

Ещё в Стокгольме Ленин написал интереснейшую статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» — она тогда не была опубликована, но отражала взгляд Ленина на ситуацию ноября 1905 года, высказанный коллегам по партии сразу по приезде в Питер. По сути, Ленин уже в 1905 году выдвинул — пока не в виде ёмкой формулы, не в явном виде — тот лозунг «Вся власть Советам!», который он бросил в массы в 1917 году.

Вернувшись в Россию, он начинает редактировать первую легальную «почти» большевистскую газету с символическим названием «Новая Жизнь», которая выходила с октября по декабрь 1905 года. Официальными редакторами газеты числились Максим Горький, а также юный поэт-мистик Минский (Н. М. Виленкин), издавший в 1905 году трактат «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни». Мысли и мечты Минского и Ленина о цели жизни совпадали не очень-то (после Октября 1917 года Минский эмигрировал). И в результате, как вспоминал позднее вытребованный Лениным в Питер Луначарский, между друзьями Минского — «крайне левой» богемой — и редакционными большевиками то и дело возникали конфликты.

Впрочем, сам Ленин к своим экстравагантным «коллегам из кафе» относился «с чрезвычайным тактом и предупредительностью», но порой посмеивался: «Это же действительно исторический курьёз!».

Ленин много писал для «Новой Жизни» — за месяц с небольшим издания газеты там было опубликовано 13 ленинских статей. Но главной для него была тогда организационная и агитационная работа. В августовском письме Луначарскому он писал: *«Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим»*[78].

Теперь Владимир Ильич, что называется, дорвался до возможности обратиться если не к массовой, то хотя бы к боевой партийной аудитории и вовсю пользовался этой возможностью. Он выступает на заседании Петербургского Совета, на собраниях партийных работников, участвует в заседании ЦК РСДРП… 16 (29) ноября в помещении Вольного экономического общества он — впервые за всё время свой революционной работы — выступил перед переполненным залом под гром аплодисментов. Появление

полиции прерывало доклад, но 23 ноября (6 декабря) Ленин закончил свой доклад уже в помещении гимназии Витмер.

За считанный десяток дней по приезде Ленин выполнил огромный объём работы: он пишет, выступает, требует, призывает, разъясняет, находится в постоянном движении… Пока ещё большевики и меньшевики действуют в рамках единой организации, но по мере накала страстей меньшевики, всю эту «кашу» вначале и заварившие, всё менее склонны действовать и всё более бездействуют, а большевики, получившие мощную подпитку энергией вернувшегося в Россию Ленина, активизируются.

ГОВОРЯ словами названия ленинской статьи от 18 ноября (1 декабря) 1905 года — чаши весов колеблются… Вот сжатое описание событий лета и осени 1905 года, данное осведомлённым современником:

> «Вся Россия была в огне. В течение всего лета громадные тучи дыма стояли над страной, как бы давая знать, что тёмный гений разрушения всецело овладел умами крестьянства и они решили стереть всех помещиков с лица земли. Бастовали рабочие…
>
> Латыши и эстонцы методически истребляли своих исконных угнетателей — балтийских баронов, и один из блестящих полков гвардии должен был нести в прибалтийских губерниях неприятную обязанность по охране помещичьих усадеб».

Эти строки взяты из мемуаров… великого князя Александра Михайловича. Как видим, даже у монархиста в силу рождения, члена императорской фамилии, невольно прорывается полупризнание того, что народ *имел право* на восстание!

Летом 1905 года на Одесском рейде восстала команда броненосца «Князь Потёмкин Таврический». А 11 (24) ноября 1905 года в Севастополе начинается мятеж на Черноморском флоте. Вначале восстают две тысячи матросов флотской дивизии, солдаты 49-го Брестского пехотного полка Севастопольского гарнизона и рабочие порта и адмиралтейства. К ним присоединяются команды крейсера «Очаков», броненосца «Св. Пантелеймон» — бывшего «Потёмкина», нескольких миноносцев и других кораблей. Матросы, солдаты и рабочие требуют созыва Учредительного собрания, учреждения демократической республики, восьмичасового рабочего дня… Лейтенант Пётр Петрович Шмидт поднимает на «Очакове» сигнал «Командую флотом».

Большевики стояли за призыв к вооружённому восстанию, но преобладавшие в Севастопольском социал-демократическом комитете меньшевики и здесь подгадили, выступив против. Мятеж был подавлен 15 (28) ноября, Шмидта и трёх матросов — А. И. Гладкова, Н. Г. Антоненко и С. П. Частника в феврале 1906 года расстреляли на пустынном островке Березань.

Тем не менее чаши весов всё ещё колебались… По свидетельству военного министра Редигера, «государь… однажды по поводу какого-то беспорядка в Черноморском флоте *вполне спокойно* (курсив мой. — *С. К.*) сказал, что Севастопольская крепость должна быть готова пустить его, буде нужно, ко дну»[79].

Сколько грязи вылили впоследствии на Ленина, вынужденного отдать приказ о потоплении *кораблей* Черноморской эскадры в 1918 году, чтобы она не досталась немцам… Интересно — как квалифицируют «обличители» Ленина подобную позицию царя в мирное время в своём собственном государстве? Да и не «подобную», ибо царь-то был готов санкционировать потопление боевых кораблей *вместе с командами*!

Да, чаши весов колебались.

Что там Севастополь! Одно время была объявлена на осадном положении — самим комендантом генерал-майором Прасаловым — далёкая среднеазиатская крепость Кушка (офицеры в войсках говорили: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют»!)[80].

Даже праволиберальная газета «Русь» в середине ноября 1905 года признавала, что «события начинают скапливаться в такую же лавину, как и перед 17 октября», и сообщала о митинге в Киевском политехническом институте, собравшем 16 000 человек. Митинг охраняли восставшие солдаты сапёрного батальона.

Даже в Воронеже пахло баррикадами…

В Москве баррикады возникли — 9 (22) декабря 1905 года. Незадолго до восстания постоянный представитель ЦК в Московском комитете В. Л. Шанцер и член Московского Совета М. Н. Лядов приезжали в Питер к Ленину для установления связи, и тогда Ленин сетовал на то, что в столице Совет «ползёт за беспартийными массами», а Московский Совет «проводит всё то, что решено МК»… Как и в Питере, в Москве массы больше прислушивались к меньшевикам и эсерам, что успеха не сулило.

Московское восстание продолжалось девять дней, но было кроваво подавлено — в основном гвардейскими частями, которые были переброшены из Петербурга по Николаевской железной дороге, не поддержавшей массовую (забастовало 150 000 человек!) политическую забастовку, начавшуюся 7 (22) декабря…

Здесь тоже сказалось двурушничество эсеров и меньшевиков.

После подавления Декабрьского восстания в Москве в русской революции начинается отлив. Если 3 (16) декабря 1905 года Ленин и Крупская легально поселяются на Греческом проспекте в доме № 15/8, то уже через несколько дней открытая слежка охранки заставляет Ленина покинуть квартиру и перейти на нелегальное положение — неполный легальный «русский» месяц «русского» года Ленина так и остался единственным по-настоящему легальным. До конца пребывания в России Ленину пришлось фигурировать «на людях» под именем Карпова (в 1918 году он несколько раз использует это имя уже как чисто литературный псевдоним).

В начале декабря 1905 года ленинскую «Новую жизнь», быстро ставшую популярной и расходившуюся по России тиражом в 50 тысяч экземпляров, закрыли. С февраля 1906 года пришлось вернуться к нелегальному изданию газеты «Партийные известия». «Новая Жизнь», последовательно получив ряд новых легальных, но уже чисто большевистских «псевдонимов» — «Волна», «Вперёд», «Эхо», — сумела продержаться до июля 1906 года, после чего была окончательно закрыта правительством.

А с 12 (25) по 17 (30) декабря 1905 года в финском Таммерфорсе (Тампере) под председательством Ленина прошла Первая конференция РСДРП. Ленин настаивал на IV съезде, однако ситуация собрать полномасштабный съезд не позволила, и в Таммерфорс съехался 41 делегат, представлявший 26 организаций.

Конференция большевиков (меньшевиков представлял один Э. Л. Гуревич) стала событием в партии и сама по себе, потому что приняла важные организационные и тактические решения, но в свете будущего наиболее существенным надо считать, пожалуй, то, что в Таммерфорсе состоялось личное знакомство Ленина со Сталиным.

Общий язык они нашли с полуслова и с тех пор тянули партийный «воз» в одном и том же направлении — к пролетарской революции.

В ЯНВАРЕ 1906 года Ленин уезжает из Петербурга в Москву, а по возвращении в столицу отстаивает свою линию активного бойкота I Государственной Думы на собраниях социал-демократов. Вот какой была ситуация со слов великого князя Александра Михайловича:

«Выборы в I Государственную думу происходили в атмосфере политических убийств, забастовок, экспроприации и пожаров помещичьих усадьб. Большевики советовали своим сторонникам

бойкотировать на выборах Государственную думу, уступив поле битвы для триумфа кадетов — партии, состоявшей из профессоров, журналистов, докторов, адвокатов и пр., предводительствуемых поклонниками английской конституции»[81].

Ситуация обрисована здесь достаточно верно, необходимо лишь пояснить, что под «английской конституцией» подразумевалась конституционная буржуазная монархия, а партия кадетов состояла не только из профессоров и адвокатов — она быстро стала партией крупного капитала, желающего официально, на конституционном уровне, заменить самодержавие властью денег. Ну и, конечно, Ленин не уступал «поле битвы» — он просто не видел смысла в битве на условиях, навязанных противником.

Итак, Ленин был за бойкот I Думы и был прав. Придёт время, и он будет бороться против так называемых «отзовистов», отрицающих парламентские методы борьбы и пропаганды. Ленин же стоял позднее за участие в Думах. В условиях резкого спада революционной активности общества и усиления реакции думская трибуна давала возможность легально доводить до рабочей массы политику партии. Но с бойкотом I Думы было иначе — в тот момент революция была ещё мощна и продолжалась. В листовке «Бойкотировать ли Государственную Думу?» Ленин писал:

> «Почему мы отказываемся от участия в выборах?
>
> Потому, что участвуя в выборах, мы невольно поддержим в народе веру в Думу, мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства. Дума не парламент, а уловка самодержавия»[82].

Плеханов и меньшевики возражали, а поскольку их влияние было ещё велико, небольшая рабочая курия в I Думе имелась… В целом же, как и ожидалось, первая Дума стала кадетской — с преобладанием депутатов от конституционно-демократической партии («партии народной свободы»). И ещё до открытия Думы (она открылась 23 апреля), в марте 1906 года, Ленин пишет брошюру «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Эту немалую по объёму ленинскую работу не мешало бы изучить и сегодня тем, кто задумывается над судьбой уже нынешней России. Ленин анализировал «победу» кадетов и восклицал:

> «…Великолепно, господа кадеты! Вы усвоили себе с

> неподражаемой ловкостью дух и смысл буржуазного политиканства. Надо стараться опереться на народ. Без этого буржуазия не достигнет власти и никогда не достигала власти. Но надо в то же время сдерживать революционный натиск народа, чтобы рабочие и крестьяне не завоевали, боже упаси, полной и решительной демократии, настоящей, а не монархической, не „двухпалатной“ народной свободы…»[83]

Читая ленинские строки, так и хочется заменить слова «монархической „двухпалатной“ свободы» на «„единороссовской“ „двухпалатной“ свободы». И как будто к нынешним ельциноидам из «Единой России» Ленин обращал свои слова весной 1906 года, говоря о кадетах:

> «Вы зовёте себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанских иллюзий насчёт народной свободы… Кадеты — не партия, а симптом. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую интеллигенцию, помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твёрдого, экономного и прижимистого буржуа…»[84]

Ленин назвал кадетов «могильными червями революции», а заканчивая, подвёл итог: «Нам нет оснований завидовать успехам кадетов. Мелкобуржуазные иллюзии и вера в Думу довольно сильны ещё в народе. Они должны быть изжиты. Чем полнее будет торжество кадетов в Думе, тем скорее они будут изжиты…»[85].

Он был прав и тут. И его правоту отнюдь не опровергает тот факт, что в нынешней России иллюзии относительно «единороссов» не изжиты даже после почти четверти века их издевательства над Россией и её будущим.

ФЕВРАЛЬ и март 1906 года Ленин делит между Питером и Москвой, подготавливая новый партийный съезд, а позднее на даче «Ваза», занимаемой в Куоккале врачом-большевиком Г. Д. Лейтензеном и его семьёй, работает над платформой большевиков к съезду. «Ваза» в то время была фактически удобной партийной базой, здесь жили не только Ульяновы, но и другие партийные работники, и Ленин вернётся сюда ещё не раз.

Дача «Ваза» имела, между прочим, свою историю, на которой имеет смысл остановиться. Неуютная, но большая, она давно

стала пристанищем революционеров — перед тем как там поселился с семьёй Лейтензен, на даче жили эсеры, изготовлявшие бомбы.

Вначале Ленину выделили комнату, куда вскоре перебралась и Крупская, державшая связь с Петербургом. Потом Лейтензены уехали, Ульяновы заняли весь низ, и к ним приехала мать Крупской. Наверху поселился А. А. Богданов с женой, одно время жил «Иноккентий» Дубровинский. Наезжал и Лейтензен…

Как уже сказано, дача превратилась в большевистский центр, в комнатах постоянно толклись люди — приезжали, уезжали. Крупская вспоминала, что входная дверь никогда не запиралась, в столовой на ночь ставилась крынка молока и хлеб, на диване стелилась постель, на случай, если кто-то приедет ночным поездом.

Забавный момент — как писала Крупская, «другой раз нападало такое настроение, что хотелось чем-нибудь перебить мысли», и тогда обитатели «Вазы» садились играть в… «дурака»!

По словам Крупской, «расчётливо играл Богданов, расчётливо и с азартом играл Ильич, до крайности увлекался Лейтензен»… Иногда приезжал из какого-нибудь районного комитета Питера человек с поручением и с недоумением заставал руководящих товарищей за таким несерьёзным занятием. «Впрочем, — заключала рассказ Крупская, — это только такая полоса была»… [86]

Упомянув этот эпизод в своих воспоминаниях, Крупская, конечно же, не имела в ввиду потрафить обывателю — вот, мол, и Ленин не только в шахматы играл, но и в «дурака»…

Не для этого привёл этот эпизод и я.

Маяковский, обращаясь к Пушкину в своём стихотворении «Юбилейное», признавался: «Я люблю вас, но живого, а не мумию»… Так вот, из Ленина — стараниями лицемерных будущих иуд из аппарата хрущёвско-брежневского ЦК — настолько настойчиво делали позлащённую мумию, что живой человек в массовом восприятии исчезал. А Ленин был живым человеком! Он, говоря словами того же Маяковского, «и теперь живее всех живых»…

К слову, хозяин дачи «Ваза» — Г. Д. Лейтензен (1874–1919) был в партии не случайным человеком. Он вёл партийную работу с девяностых годов XIX века в Екатеринославе и Туле, в начале 1900-х годов эмигрировал, познакомился с Лениным, стал большевиком, сотрудничал в большевистских изданиях. В январе 1919 года он погиб на Восточном фронте гражданской войны.

В череде важных дел, изредка перемежаемых отдыхом, проходило время… Наконец, в апреле 1906 года в Стокгольме

собрался тот съезд, на проведении которого Ленин настаивал осенью 1905 года… Съезд проходил с 12 (25) апреля по 27 апреля (10 мая). Четвёртый по формальному счёту и третий фактически, IV съезд РСДРП был назван Объединительным, потому что его задачей было провозглашено объединение двух частей партии.

Ничего путного из этого, правда, не вышло… Меньшевики на съезде оказались в большинстве, в ЦК были избраны только три большевика (В. А. Десницкий, Л. Б. Красин и А. И. Рыков, которого позднее заменил А. А. Богданов) и семь меньшевиков (В. Н. Розанов, Л. И. Гольдман, Л. Н. Радченко, Л. М. Хинчук, В. Н. Крохмаль, Б. А. Бахметьев и П. Н. Колокольников)[87].

В редакцию «Искры» были избраны только меньшевики.

Как же так вышло?

Ну, одним из объяснений произошедшего в Стокгольме может быть следующая пикантная деталь…

Петербург — это промышленный пролетариат, Тифлис — это мелкие ремесленники. Однако Тифлисская организация, традиционно меньшевистская, послала на съезд столько же делегатов, сколько столичная. Делегаты съезда избирались от определённого числа членов партии, а меньшевики были склонны принимать в РСДРП кого ни попадя… И IV съезд РСДРП оказался «проходным», лишь выявившим противоречия между ленинской частью партии и той частью, которую уже можно было называть *анти*ленинской.

Чтобы понять атмосферу IV съезда, достаточно упомянуть следующее… При 122 делегатах с решающим голосом Ленин при выборах бюро съезда не получил абсолютного большинства голосов, а вместе с меньшевиком Ерманским («Руденко») получил относительное большинство голосов (60 — Ленин, 58 — Ерманский). И вопрос о признании одного из них членом бюро съезда ставился на отдельное голосование, утвердившее членом бюро Ленина[88].

О. Е. Ерманский (Коган) (1866–1941) известен в истории партии как вполне рядовой персонаж: в движении с восьмидесятых годов, в 1905 году работал в Петербурге и затем в Одессе, после поражения революции — ликвидатор, после Октября — член ЦК меньшевиков, в 1921 году из партии меньшевиков вышел и занимался научной работой в Москве. Но в 1906 году Ленин в руководящем активе РСДРП, как видим, котировался на одном уровне с каким-то Ерманским… Ленина это, конечно, не умаляет, зато показывает, как мелко плавали тогда «вожди» пока ещё «единой» РСДРП.

Из Стокгольма Ленин через Финляндию возвратился в Петербург — на полулегальном положении. 9 (22) мая 1906 года

он под именем Карпова выступил на митинге в Народном доме Паниной. Анатолий Васильевич Луначарский пишет об этом выступлении Ленина как о единственном его открытом выступлении перед широкой публикой. Сам Луначарский на этом митинге не был, но бывшие там товарищи рассказывали, что по залу мгновенно пронеслось, что этот никому не известный «Карпов» — знаменитый Ленин, и «Карпова» встретили овацией, прерывали аплодисментами и овацией же проводили.

Однако нормой были деловые ленинские выступления на закрытых собраниях в партийной среде. Через два дня после «панинского» триумфа Ленин принимает участие в собраниях социал-демократов Московского и Франко-Русского районов Петербурга… Чуть позднее читает лекцию на собрании рабочих столичного Сан-Гальского подрайона. В июне 1906 года под именем опять-таки Карпова выступает с докладом по аграрному вопросу в зале Тенишевского училища перед группой делегатов Всероссийского съезда народных учителей…

С начала августа 1906 года Ленин опять в Финляндии, в Выборге, где готовит выпуск первого номера новой нелегальной, уже чисто большевистской газеты «Пролетарий»… Позднее он переехал на знакомую ему дачу «Ваза» к Лейтензенам в Куоккалу, а оттуда периодически наезжал в Териоки — по партийным делам и на дачи большевиков В. Д. Бонч-Бруевича и Л. Б. Красина…

Как видим, большевики далеко не всегда были людьми без определённого достатка. Были среди них и те, кто имел в обществе вполне прочное положение. Сам характер партии, рассчитанный на политическое просвещение масс как верный способ перехода власти к народу наименее болезненным образом, привлекал к Ленину наиболее толковых прогрессивных людей в России, и наиболее толковые становились именно большевиками.

Или, по крайней мере, помогали им.

Надо сказать, что к середине 1900-х годов блестяще подтвердилось наблюдение Бисмарка насчёт того, что русские долго запрягают, но быстро ездят. В 1903 году прошёл II съезд РСДРП — фактически первый, а через три года РСДРП имела, худо-бедно, пусть и ограниченную, но возможность обращаться к народу с думской трибуны. И эту возможность через все думские кризисы рабочие депутаты будут иметь теперь до самого начала Первой мировой войны.

Ленин же начинает уделять анализу думской работы всё больше внимания. Верно призвав к бойкоту первой Думы в 1906 году, он впоследствии будет рассматривать думскую трибуну как удобный плацдарм для идейного наступления на царизм.

КАК он жил тогда? Не руководил, не водительствал, не «проводил деятельность», а просто жил? Ведь жизнь даже самого великого и незаурядного человека состоит не только из великих деяний и свершений, не только из выдающихся результатов работы гениального ума или блестящего таланта, но и из ежедневных житейских деталей…

В 1905 году Владимиру Ульянову ещё не было даже сорока лет, он — в прекрасной не только физической, но и в спортивной форме, потому что был прекрасным спортсменом — пловцом, велосипедистом, городошником… И после очень длительного перерыва он попал в Санкт-Петербург — город для него не только хорошо знакомый, но и почти родной… Столица, «северная Пальмира», город-музей, мировой центр культуры, сосредоточие увеселений — и изысканных, и простонародных… Город нескольких выдающихся библиотек, наконец!

И под Петербургом, близ станции Саблино, живёт мать, которую он тоже не видел уже много лет.

Зять Марии Александровны — муж старшей дочери Анны, Марк Елизаров, работавший бухгалтером в управлении Николаевской железной дороги, — на деньги, заработанные во время ссылки на Дальнем Востоке, купил в Саблино удобный одноэтажный деревянный дом рядом с лесом… Небольшой сад с беседкой, неподалёку — живописная река Тосно… В просторном

доме разместились и Елизаровы, и Мария Александровна, и её младшая дочь — «Маняша».

Это была настоящая небольшая семейная партийная организация…

Анна Ильинична, формально домохозяйка, часто наезжала в город, занимаясь сбором средств для столичного большевистского комитета за счёт пожертвований, устройства платных лекций и концертов, продажи партийной литературы… На Анне и «Маняше» были ещё и переписка с Владимиром Ильичом, нелегальные транспорты литературы.

Мария Ильинична — секретарь Василеостровского комитета РСДРП — заведовала также «техникой» Петербургского комитета партии. На партийных «техниках» лежали серьёзные и деликатные обязанности типа поиска конспиративных квартир, явок, партийных связей, переправки денег… Анна Ильинична писала брату в Женеву о младшей сестре: *«С секретариатом здесь работа дьявольская. Петербургский комитет скорее район комитетов, здесь каждый район больше многих комитетов»*… Так что младшая дочь тоже дома не засиживалась.

Зять, кроме денежной партийной «кухни», работал как пропагандист на столичном железнодорожном узле и был популярен. В начале декабря 1905 года Марка Елизарова арестовали и летом 1906 года выслали в Сызрань на три года под гласный надзор полиции с запрещением впредь служить на железных дорогах. Впрочем, почти сразу после сызранских пожаров Елизаровы перебрались в Самару… Тоже, впрочем, далеко не Париж…

Что же до самой Марии Александровны, то она была всю жизнь беспартийной, от политики далёкой, но уж к кому — к кому, а к ней полностью подходило определение, ставшее употребительным позднее, после Октябрьской революции, — «беспартийный большевик». Вкладом Марии Александровны Ульяновой в дело партии стали её дети — все, как один, большевики.

Её старший — давно уже, после казни Александра, старший — сын вернулся в Россию в тревожное время. В конце октября 1905 года черносотенцами был убит в Москве 32-летний Николай Бауман, секретарь Московского комитета и Северо-Западного бюро ЦК РСДРП. Его похороны вылились в громкую многотысячную политическую демонстрацию, но для матери Ленина самым важным было в этом печальном событии то, что её Володя, вернувшись домой, вполне может разделить судьбу погибшего товарища по партии.

Остальные дети тоже рисковали, но они были всё же

достаточно рядовыми в партии людьми, а Володя — один из самых выдающихся её руководителей. Сразу по приезде он принял чужую фамилию. Приехавшая через десять дней после сына невестка — Наденька Крупская с матерью Елизаветой Васильевной — тоже вынуждена была конспирировать. Уроженке Петербурга, Крупской приходилось жить в родном городе как на враждебной территории — менять места ночлега, кочевать…

Лишь на одну ночь, да и то не сразу, удалось Ленину вырваться к матери в Саблино, но жить там постоянно он не мог по соображениям и дела, и безопасности. Саблино не Питер, здесь от слежки проходными дворами не уйдёшь и в подворотне не спрячешься.

При помощи «Маняши» чете Ульяновых удалось легально прописаться у её знакомого — П. Г. Воронина, на Греческом проспекте, 15/8, но почти сразу пришлось возвращаться на нелегальное положение, опять поодиночке ночуя на конспиративных квартирах, у друзей и знакомых.

Сын был рядом, однако регулярными весточками от него были лишь газетные статьи, подписанные псевдонимами. Чтобы быть поближе к Володе, Мария Александровна на время поселилась в Петербурге, на Жуковской улице, и сын туда заглядывал. В декабре 1905 года полицейский надзиратель доносил по начальству: «Со слов старшего дворника, Ульянов… скрывается на Жуковской ул., там проживает его мать».

Уходить от слежки Ленин умел, но… «береженого Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт». Попадаться же жандармам Ленину было совершенно ни к чему, и от свиданий с матерью пришлось отказаться.

А чиновная, сановная столица — «северная Пальмира», мировой центр культуры, сосредоточие увеселений — жила хотя и несколько нервной (революция, как-никак), но в целом обычной жизнью. В театрах давали премьеры, на сцене императорского Мариинского театра царская любовница и выдающаяся танцовщица Матильда Кшесинская лихо крутила свои 32 фуэте под бешеные аплодисменты элитной публики, в ресторанах кушали стерлядку, расстегайчики и зимнюю клубнику…

Издавались художественные и литературные журналы, работали выставки, велись литературные и окололитературные диспуты…

И всё это — мимо него… Это — не для Николая Ленина, не для Владимира Ульянова и даже — не для Николая Карпова…

Даже в университетскую библиотеку, где провёл столько вечеров, и то не зайти, чёрт возьми!

В ТЕ ЖЕ январские дни 1906 года, когда Ленину приходилось

в очередной раз, лишь взглянув на светящиеся окна материнской квартиры, уходить в ночь от слежки, молодой писатель Корней Чуковский расслабленно записывал в дневнике:

«*Кажется, 17 января*. С удивлением застаю себя сидящим в Петербурге, в Академическом переулке и пишущим такие глупые фразы Куприну: „Ваше превосходительство ауктор Поединка. Как в учинённом Вами Тосте оказывается быть 191 линия, и как Вы милостивец, 130 линий из оного Тоста на тройках прокатить изволили, то я, верный твоего превосходительства Корней, шлю вам диффамацию в 41 линию, сия же суть 20 руб. с полтиною…“» и т. д.

Н-да, ничего не скажешь — *изячно,* изысканно, и, что самое существенное, — на злобу дня…

А вот запись от 4 февраля 1906 года:

«Скоро меня судят. Седьмого. Никаких чувств по этому случаю не испытываю… Сегодня… переводил… стихи Браунинга. Перевёл песню Пиппы из „Pippa Passes“, которую давно и тщетно хочу перевести всю. Говорят, мне нужно бежать за границу. Чепуха. Я почему-то верю в своё счастье».

«Скоро судят» — это насчёт того, что после царского манифеста 17 октября 1905 года «о свободе» Чуковский начал издавать сатирический журнал «Сигнал», но его быстро запретили, и издатель применил стандартный приём, заменив название на «Сигналы». Однако и это не помогло — закрыли и «Сигналы».

Всё обошлось, впрочем, без бегства за границу, и 7 июня 1906 года Корней Иванович (тогда, в 24 года, ещё, конечно, просто Корней) записал в дневник:

«Задумал статью о Самоцели. Великая тавтология жизни: любовь для любви. Искусство для искусства. Жизнь для жизни… Бытие для бытия. Нужно это только заново перечувствовать…»

Что ж, и это вполне на злобу дня!

К тому же — глубоко, *волнительно,* философично…

К тому же — в Летнем саду, по Невскому и набережным Невы самым свободным образом прогуливаются праздношатающиеся… Вот и Чуковский то ли 24-го, то ли 23 июля (это он сам в дневнике с датами разобраться не смог) признаётся себе: *«Что такое свобода, я знаю только в применении к шатанию по мостовой»*. И тут же прибавляет: *«У меня точно нет молодости»*.

А впрочем, чего нюнить! Июль в разгаре, светит пусть и северное, но солнце, бьют сверкающими струями фонтаны Петродворца, в ресторанах кушают стерлядку, расстегайчики и летнюю клубнику…

Ленину же летом 1906 года было не до великой тавтологии

жизни, он занят борьбой… И борьбой не ради борьбы, а ради той новой жизни России, которая у России пока не очень получается, но рано или поздно должна получиться.

Впрочем, у Владимира-Николая Ульянова-Карпова летом 1906 года тоже выпадали дни развлечений — целых два!

В тот момент столыпинский террор лишь задумывался, ещё работала I Дума, и вот 8 июля Ленин с Крупской выбрались к матери, которая вновь жила с младшей дочерью в Саблино.

12 июля Мария Александровна так писала об этом дочери Анне в Самару:

«Иногда вечера бывают тёплые, и мы устраиваемся тогда с чаем в беседке. Так было в субботу, 8-го приехали наши, В. пошёл купаться, а потом посидели в беседке. Пробыли у нас и следующий день, В. думал погостить у нас с неделю, но газеты в понедельник утром так заинтересовали его, что он и Н. улетели и Маня с ними. Вы знаете, конечно, давно о печальной участи Думы… Маня вернулась в тот же вечер, она не оставляет меня надолго (Марии Александровне исполнилось 70 лет. — С. К.) и ночует всегда дома»[89].

Обычные вроде бы, милые домашние новости… Но о сыне матери приходится писать почему-то как о «В.», невестку называть — «Н.»… Нужда научит, и даже «далёкой от политики» матери Ленина приходится конспирировать — на случай почти неизбежной перлюстрации письма.

Уехал же Ленин обратно в город, прочтя в газетах о закрытии Думы. Толком отдохнуть так и не удалось.

В 1906 ГОДУ чаши весов всё ещё колебались, и Ленин прикладывает все возможные усилия для того, чтобы чаша революции всё же перевесила чашу реакции. В трудах прошли лето и осень 1906 года, а затем и весна 1907 года.

Но каждый раз он возвращался в Куоккалу на «Вазу». В январе 1907 года департамент полиции сообщил петербургскому охранному отделению, что у Ленина, проживающего в Куоккале, «часто происходят многолюдные собрания»… Тогда как раз был в разгаре выборный фарс уже со II Государственной Думой. 20 февраля 1907 года она собралась на первое заседание, а уже 3 июня 1907 года была царским манифестом распущена.

В феврале 1907 года Ленин ответил на письмо сотрудника французской социалистической газеты «Юманите» Этьена Авенара, где написал: «В социальной (социалистической) революции мы можем рассчитывать лишь на пролетариев города и пролетариев деревни. Но теперь у нас в России не социальная революция, а революция *буржуазная*»[90].

Так оно тогда и было… Царизм пошатнулся и уступил,

отбоярившись от либералов «Манифестом» 17 октября. Затем Россия за один год получила целых две Думы — распущенную I и *пока*действующую II. Суть же царского режима сохранилась неизменной: власть — политическая и экономическая — была и осталась у имущих.

Параллельно с руководством выборной работой большевиков Ленин вёл непрекращающуюся подготовку к V съезду РСДРП… На «Вазу» приезжали за указаниями и уезжали на места партийные работники, там проводились инструктивные совещания… Надо было готовить проекты резолюций съезда, писать новые статьи… Так что в дачной Куоккале Владимир Ильич жил отнюдь не жизнью дачника. Единственное, что было огромным плюсом: не надо было особо тревожиться о личной безопасности, и можно было всю энергию расходовать на партийные проблемы и публицистические статьи.

В тот же период в Куоккале жили Корней Чуковский, Илья Репин… Вполне нерядовые граждане одной, вроде бы, с Лениным страны, рождённые на одной с ним земле, но в каких разных плоскостях бытия они жили…

Тем временем революция выдыхалась даже в своей буржуазной ипостаси. Особенно же царизм усилил «прессинг» пролетарского элемента революции. 18 июня 1907 года Особый отдел Санкт-Петербургского губернаторского жандармского отделения предложил начальнику Санкт-Петербургского Охранного отделения «возбудить вопрос о выдаче» Ленина из Финляндии.

Великое княжество Финляндское в составе Российской империи имело особый, исключительный статус, но выслать Ленина могли запросто, к тому же Куоккала — это почти пригород Питера. Пришлось Владимиру и Надежде Ульяновым переезжать — и для конспирации, и, наконец-то, для отдыха — в глубь Финляндии, в район маяка Стирсудден, на дачу Н. М. Книповича (1862–1939). Видный учёный-зоолог, близкий к большевизму, Книпович в 1911–1930 годах занимал должность профессора кафедры зоологии и общей биологии женского Петербургского (1-го Ленинградского) медицинского института.

Ныне Стирсудден — это посёлок Озёрки Выборгского района Ленинградской области, а тогда людей в тех местах было мало, и условия для восстановления сил — да ещё летом! — были отличными.

27 июня 1907 года Ленин писал матери:

«Дорогая мамочка! Давно не писал тебе ничего. Анюта рассказала, верно, про наш план устройства на отдых. Я вернулся страшно усталым. Теперь отдохнул вполне. Здесь отдых

чудесный, купанье, прогулки, безлюдье, безделье. Безлюдье и безделье для меня лучше всего. Ещё надеюсь пробыть недели две, а потом вернуться за работу…»[91]

Обращу внимание читателя на слова: «Безлюдье и безделье для меня лучше всего».

Как это понимать?

А, пожалуй, вот как…

Как всякий великий социальный ум, Ленин не мог не быть и великим философом. А для философского ума отвлечение от внешнего мира и некое внешнее «безделье» — при напряжённой работе мысли — это наиболее плодотворное и желательное состояние. Для философа прогулки с погружением в тишину и природу — лучший «рабочий кабинет»! Недаром одна из наиболее известных философских школ античности — школа Аристотеля — известна как «перипатетики» (от греческого *peripatetikos* — «прогуливающийся»), потому что Аристотель вёл занятия с учениками во время прогулок.

Ленин всю свою жизнь, за исключением разве что времени отсидки в тюрьме и сибирской ссылки, прожил, что называется, «на людях». И даже в ссылке от людской суеты полностью уходить не удавалось — уже в советское время Ленин вспоминал, как ему приходилось консультировать по юридическим вопросам местных крестьян, прослышавших о том, что ссыльный «политический» — «облакат»…

Революционная работа, две эмиграции тоже проходили «на людях». Что уж говорить о годах после Октября 1917 года!

ОТДЫХ для Ленина всегда был лишь передышкой между деятельной работой. Фразу из письма матери от 27 июня 1907 года: «Я вернулся страшно усталым» — надо понимать так: страшно усталым после изнурительного партийного съезда. В мае-июне 1907 года в Лондоне прошёл V съезд РСДРП, который подробно описан в моих предыдущих книгах и о котором здесь скажу лишь одно — это был тяжелейший для Ленина бой, и в Лондоне тогда определилось многое на всё последовавшее десятилетие. Достаточно знать, что V съезд РСДРП стал последним общим съездом большевиков и меньшевиков. VI съезд партии, уже как съезд РСДРП(б), состоится лишь в августе 1917 года — в разгар революционных событий, в преддверии Октябрьской революции.

В июле 1907 года Владимир Ильич участвует в Петербургской общегородской конференции РСДРП в Териоки, где призывает отказаться от бойкота выборов в III Думу. В начале 1906 года он был за бойкот I Думы и был прав. Теперь он был против бойкота III Думы и опять был прав.

В ленинских тезисах, которые были напечатаны отдельной листовкой, говорилось:

«1. Бойкот Думы является единственно правильным решением при таких исторических условиях, когда бойкот выражает силу непосредственно идущего к прямому натиску на старую власть (следовательно, к вооруженному восстанию) широкого и всеобщего революционного подъёма…

2. Рассматривать бойкот как само по себе действующее средство вне условий широкого, всеобщего, сильного и быстрого революционного подъёма — значит действовать под влиянием чувства, а не разума…»[92]

Меньшевики или недалёкие большевики размахивали цитатами из Маркса, а Ленин понимал, что марксизм — не догма, а руководство к действию. При этом бывают ситуации, когда верная, подлинно марксистская линия заключается в действии, а когда — и в бездействии…

В середине же августа 1907 года Ленин находился в Европе — участвовал в организационном заседании Международного социалистического бюро перед VII Международным социалистическим конгрессом.

Международное социалистическое бюро (МСБ) являлось постоянным исполнительным органом II Интернационала. Организованный ещё при жизни и при участии Фридриха Энгельса, II Интернационал превратился к тому времени в идейное болото, в вотчину ренегата Бернштейна и будущего ренегата Каутского. Однако МСБ было влиятельным в рабочем движении органом с постоянной и легальной резиденцией в Брюсселе. С этим Ленину приходилось считаться и сотрудничеством с II Интернационалом в то время не пренебрегать.

Это уже позднее, когда европейская социал-демократия поддержала войну, Ленин стал переходить на всё более непримиримую позицию критики соглашателей, но и тогда контакты с МСБ не прекращались.

В 1907 году до боёв с Каутским и Бернштейном было ещё далеко, и с 18-го по 24 августа Ленин принимал участие в работе конгресса в Штутгарте, был избран в президиум.

Вместе с Августом Бебелем и Розой Люксембург — лидерами германских социал-демократов — он работал в комиссии по выработке резолюции о милитаризме и международных конфликтах, В Европе пока царил мир, однако прозорливые аналитики понимали, насколько он чреват войной.

Социал-демократия тогда была в кайзеровской Германии большой силой — ещё Бисмарк, в отличие от советника русских

царей Победоносцева, понял, что рабочее движение надо не подавлять, а приручать. Со временем, к началу Первой мировой войны, эта линия принесёт свои, нужные кайзеру и капиталу плоды. Германские социал-демократы — депутаты рейхстага, сто с лишним человек, и даже Карл Либкнехт, — проголосуют за военный заём, за войну…

В 1907 году немцы считали себя «на коне», гордо гарцующем во главе международного социалистического движения. В честь участников конгресса прошёл публичный митинг, был устроен народный праздник в Канншадте, дан вечер-концерт…

В Штутгарте Ленин познакомился с Кларой Цеткин (1857–1933) — знаменитой германской социал-демократкой и деятелем женского движения. Напомню, что Женский день 8 марта мы и по сей день отмечаем по её инициативе.

С конгресса Ленин вернулся в Куоккалу и опять впрягся в работу. Он пишет статьи и деловые письма, редактирует сборник «Зарницы», который выходит в Петербурге, проводит текущие партийные совещания, готовит к печати первое издание своих сочинений «За 12 лет» — оно должно было выйти в Петербурге за подписью «В. Ильин»… Ленин начал выступать как партийный публицист, а затем — и как теоретик, с 1895 года. И теперь можно было подвести итоги двенадцати лет — ведь даже ранние ленинские работы имели не историческое, а практическое, актуальное значение.

Как личность и политик он сформировался очень рано. И он умел заглядывать вперёд на десяток-другой лет — не в том смысле, что давал прогноз: то-то и то-то сбудется тогда-то и так-то, а в смысле точного прогнозирования тех ведущих тенденций, которые будут определять общественные процессы в будущем.

Двенадцать лет назад народники уповали на крестьянскую общину, а Ленин уже тогда видел силой, ведущей Россию к социализму, рабочих. Теперь, через двенадцать лет, русский пролетариат стал силой, которая хотя и не смогла низвергнуть царизм в 1905 году, тем не менее вынудила царизм пойти на уступки и ввести в России хотя бы подобие гражданских свобод — пусть пока и урезанных.

Работал и жил Ленин в Куоккале напряжённо и вполне успешно. 15 октября 1907 года он сообщал матери, жившей тогда под Москвой:

«Дорогая мамочка! Давно я не писал тебе что-то… Теперь мы устроились на старом месте на зиму по-семейному. Надеемся, что зима будет не такая холодная, как прошлый год. Да мы, впрочем, теперь лучше приспособимся и „законопатимся“…

Здесь мы живём с компанийкой хороших друзей. Есть книги,

работа. Гуляем по берегу моря…»[93]

«КОМПАНИЙКА хороших друзей» — это А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский, Г. Д. Лейтензен и Н. А. Рожков…

Все они в то или иное время будут политически колебаться, ближе или дальше отходить от Ленина, потом возвращаться.

Последний же — Н. А. Рожков (1868–1927) — вскоре отойдёт от Ленина навсегда, станет одним из идейных руководителей ликвидаторства, отрицающего боевую нелегальную партию. Будет редактировать меньшевистскую газету «Новая Сибирь», к Октябрьской революции отнесётся враждебно, будет бороться против Советской власти и лишь в 1922 году порвёт с меньшевизмом и закончит свои дни на тихой научно-педагогической работе.

Из письма Ленина видно, что он вообще-то рассчитывал в Куоккале зимовать, не удаляясь от России. Однако постоянным пристанищем и местом спокойной работы куоккальская дача быть уже не могла. За очень близкой границей, в Питере, сгущались тучи — в ноябре Санкт-Петербургская судебная палата наложила арест на первый том сочинений «За 12 лет». Тираж конфисковала полиция, было возбуждено дело о привлечении Владимира Ульянова к суду. В начале декабря 1907 года та же судебная палата вынесла решение об уничтожении тиража ленинских «Двух тактик социал-демократии в демократической революции».

Жить в Куоккале становилось просто опасно, а для Ленина — возможно, даже смертельно опасно. Смертельно потому, что 19 августа 1906 года в России были учреждены — в мирное время — и действовали в 1906-м и 1907 годах военно-полевые суды.

Военно-полевые суды создавались — в составе председателя и четырёх подчинённых ему офицеров — для каждого дела в отдельности по требованию генерал-губернатора и главноначальствующего в местностях, объявленных в связи с революционным движением на военном положении, для рассмотрения дел *гражданских* лиц.

Предварительное следствие не проводилось, суд рассматривал дело не позднее двух суток с момента поступления на основании материалов Охранного отделения или жандармского управления в закрытом судебном заседании. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду, приговоры обжалованию не подлежали, приводились в исполнение в течение суток, а в качестве почти единственной меры наказания применялась смертная казнь.

Напомню, что в июне 1907 года Особый отдел петербургского губернаторского жандармского отделения предложил начальнику петербургской охранки «возбудить вопрос о выдаче» Ленина из

Финляндии.

Если бы это произошло, то военно-полевой судебный фарс по делу «государственного преступника», подданного Российской империи Владимира Ильина Ульянова состряпать в *не* находившемся на военном положении Петербурге было бы, может быть, и непросто. Но ведь Российская империя — государство весьма протяжённое, даже во второй половине 1907 года полностью ещё не замиренное, так что местность, объявленную в связи с революционным движением на военном положении, отыскать при желании можно было.

Иными словами, угроза для Ленина возникала потенциально смертельная. И он из Куоккалы переезжает в ноябре 1907 года в Огльбю под Гельсингфорсом (Хельсинки). Но и Огльбю — всего лишь транзитный пункт, ибо уже ясно — для Ленина становится опасной вся Финляндия.

Впрочем, уезжать в Европу надо было не только из соображений безопасности — большевистский центр вынес решение о перенесении издания газеты «Пролетарий» за границу и о переезде туда Ленина.

В декабре 1907 года Владимир Ильич выезжает через Гельсингфорс (ныне — Хельсинки) в Або (ныне — Турку). Або, расположенный на крайнем юго-западе Финляндии, был ближайшим к шведской столице финским портом. Двойные же названия объясняются просто. Как это было в Финляндии сплошь и рядом, Гельсингфорс и Або — названия, данные шведами, веками «шведизировавшими» финнов, а Хельсинки и Турку — названия, данные сами финнами после получения независимости из рук Советской России Ленина.

Ещё до отъезда Ленин провёл в Гельсингфорсе совещание с товарищами, специально приехавшими для этого из Петербурга, и, похоже, кто-то притащил за собой «хвост» — в поезде Ленин заметил слежку.

Пришлось за 12 километров до Або соскакивать на ходу с поезда и идти до города с чемоданчиком по морозу пешком. Лишь в два часа ночи Ильич добрался до квартиры финского социал-демократа, оптового торговца Вальтера Борга, который должен был организовать переправку Ленина в Стокгольм.

ТУРКУ-АБО — это шхеры и шхеры… Большего «кружева» маленьких островов и островков у финских берегов, пожалуй, что и нет. Даже опытные капитаны свои суда здесь особо не разгоняли, и это неожиданно оказалось Ленину на руку в том цейтноте, о котором пойдёт рассказ ниже.

Переправщик Ленина — Вальтер Борг — договорился с капитаном одного из пароходиков, ходивших из Або в Швецию,

что он возьмёт на борт нелегального пассажира, и, надо полагать, пояснил, что тот не рвётся быть обласканным вниманием полицейских.

Однако из-за вынужденной ночной «прогулки» пассажир к отплытию парохода опоздал. Посадка на другой пароход угрожала арестом — шпики охранки, потерявшие «объект», конечно же, времени не теряли, а ведь не с каждым капитаном можно было полюбовно договориться.

Оставалось одно — добираться до места первой остановки «своего» парохода на острове Драгсфиорд по льду Ботнического залива. И то, что в зоне шхер суда ходили не спеша, было сейчас очень кстати.

Часть пути удалось проехать на лошадях — ближе к берегу лёд достаточно окреп, но потом надо было идти по ненадёжному, ещё весьма тонкому льду…

Когда-то об этой странице биографии Ленина знали в СССР все дети. Об этом рассказывали на уроках истории в школе, в 7-м томе «Детской энциклопедии» издания 1961 года (надо заметить, что «ДЭ» стала выдающимся издательским проектом Академии педагогических наук РСФСР, к тому же блестяще иллюстрированным) на странице 583 был помещён рисунок «В. И. Ленин переходит по льду Ботнического залива». Низко нависшее ночное небо, снежная ледяная пустыня, а на ней — Ленин в пальто с поднятым воротником и ушанке, а сзади и спереди — молодые сопровождающие с длинными досками в руках, на случай, если кто-то провалится.

Лёд в открытом заливе ещё не установился, и в одном месте стал уходить из-под ног, но всё обошлось. Позднее Владимир Ильич вспоминал, что в этот момент подумал: «Эх, как глупо приходится погибать»…

Это — не придумано, это наверняка так и было. В годы войны на льду Ладожского озера погиб, провалившись на автомобиле в полынью, способный флотоводец вице-адмирал Валентин Дрозд (1906–1943). Очевидцы потом вспоминали, что он успел сказать одно: «Как глупо…».

Всё верно! Сильные натуры в момент напряжения воли, когда опасность реальна, собраны… Мысль работает чётко, сразу же подавляя страх, если он возникает, и она работает до конца, если этот конец наступает.

Вот так — с приключениями, «как в кино», Ленин добрался до «своего» парохода и вскоре, после чуть более чем 100-мильного морского перехода, высадился в порту Стокгольма.

Позади были первая русская революция, подполье, опасный переход по льду…

Впереди — вторая эмиграция.

ДА, в декабре 1907 года началась вторая и последняя эмиграция Ленина. Ещё в начале октября 1907 года, ещё из Куоккалы, Ленин предупреждал большевика Григория Алексинского («Петра»), уезжавшего в Берлин:

«Для Петра.

Дорогой П.! …На всякий случай отвечаю Вам на вопросы…

Я думаю, что Вы таких подлых условий, как заграничная эмигрантщина, ещё не видели. Надо быть там *очень* осторожным. Не в том смысле, чтобы я отсоветовал военные действия против оппортунистов. Напротив, воевать там очень надо и очень придётся. Но характер войны подлый. Злобное подсиживание встретите Вы отовсюду, прямую „провокацию“ со стороны меньшевиков и весьма слабую среду *делового* сочувствия. Ибо оторванность от России там чертовская, бездельничание и бездельничающая психика, изнервленная, истеричная, шипящая и плюющая, — преобладают. Вы там встретите трудности работы, *ничего общего* не имеющие с российскими трудностями: „свобода“ почти полная, но *живой* работы и среды для живой работы почти нет…»

Ленину уже приходилось жить в эмиграции, так что он знал, что писал. И уже по этой его оценке эмигрантской среды можно понять, что жить и работать Ленину было там непросто. Но Ленин жил вне Родины с начала 1900-х годов, не поддаваясь ни духовной, ни просто неряшливости.

И он работал тогда тем больше, что работа позволяла не только делать партийное дело, но и сохранять себя как личность, как человека. А зная всё то, что он знал, Ленин прямо предупреждал младшего товарища по партии о трудностях:

«По моему, самое важное, чтобы Вы имели там дело, своё дело… Кто сумеет обеспечить себе за границей работу (партийную, имеется в виду. — *С. К.*) *в связи* с русской *организацией*, — тот и только тот сможет оградить себя от засасывающего болота тоски, дрязг, изнервленной озлобленности и проч. У меня эта „заграница“ ой-ой как в памяти, и я говорю на основании немалого опыта…»[94]

Годы назад Ленин делился с сестрой, братом, зятем своим опытом сохранения себя как личности в разлагающих условиях тюрьмы. Теперь же он толковал более молодому товарищу по борьбе о собственном опыте сохранения себя как личности в разлагающих условиях эмиграции.

Алексинский — потомственный дворянин, сын ярославского уездного врача, бывший член большевистской группы в социал-демократической фракции I и II Государственной думы — был на

девять лет младше Ленина. Он ярко выступал на V (Лондонском) съезде, был делегатом Штутгартского конгресса и за границей работал вначале как большевик, но достаточно скоро отошёл от Ленина — засосало его таки эмигрантское «болото»…

За десятилетия в этом «болоте» сгинуло немало русских горячих голов… Один из лидеров русских народников Николай Морозов вот как описывал революционную эмиграцию семидесятых годов XIX века — Ленин тогда ещё в коротких штанишках ходил: *«…личные мелочи, уколы самолюбия способны возникнуть только среди нервно настроенных и болезненно воспримчивых людей… какими, в сущности, и было большинство эмигрантов, оторванных от своей родной страны и не примкнувших к чужой, лишённых какого-либо дела, кроме споров, основной пружиной которых стало уже не искание истины, а только желание настоять на своём, оставить за собой последнее слово в споре. Я уже давно знал эти споры в кафе Грессо и зале собраний, и они напоминали мне петушиные бои»*[95].

Вот и у Алексинского с годами всё затмило желание оставить за собой последнее слово в любом споре с Лениным. А «весовые»-то категории были ой какими разными… В годы Первой мировой войны Алексинский стал ярым социал-шовинистом, сотрудничал в монархической газете «Русская воля». Весной 1917 года он вошёл в плехановскую группу «Единство», летом 1917 года гнусно клеветал на Ленина, а с апреля 1918 года опять оказался в эмиграции, теперь уже — белой, и там примкнул к крайней реакции.

Ему было суждено прожить ещё долгую, но бесславную и никчёмную жизнь. И вот как оно бывает! В 1907 году эмигрант Алексинский уезжал в Европу как большевик, а в 1918 году он опять уехал в Европу как эмигрант, но теперь уже — как ренегат большевизма.

Впрочем, так бывало и бывает не только тогда — во времена давние. Увы, и сегодняшний день даёт немало современных примеров перерождения политиков в политиканов.

ЛЕНИН опять оказался вне России, но — не вне того дела, которым он был занят в России и которое был твёрдо намерен продолжить и развить во второй эмиграции. Несколько дней он живет в Стокгольме, ожидая приезда Крупской, а в конце декабря 1907 года Ульяновы уезжают в Берлин. Вечер 22 декабря они проводят у Розы Люксембург, а 25 декабря 1907 года (7 января 1908 года) приезжают в Женеву. Надо было опять устраиваться вдали от дома, и устраиваться на годы, возможно — на долгие годы.

И — вновь работать на будущую революцию.

Реально надо было готовить издание газеты «Пролетарий», продолжать теоретическую и литературную партийную работу… Короче — надо было жить, несмотря ни на что — на поражение, на непонимание, не говоря уже о том, что жить надо было — в материальном отношении — по необходимости скромно.

Впрочем, последнее Ленина никогда особо не тревожило.

То, что в России какое-то время будет торжествовать реакция, сомнений у Ленина не вызывало, как не вызывало у него сомнений и то, что так будет не всегда. Гайки позволяется закручивать, если резьба прочна, а царизм всё быстрее истлевал во всех отношениях и заражал своим тлением всё русское общество. Это признавал даже кое-кто из многочисленных великих князей…

«Третьеиюньский» избирательный закон, последовавший после роспуска II Думы, мог дать лишь одну III Государственную Думу — собственническую, жлобскую, реакционную и, значит, к нуждам народа абсолютно равнодушную. Общее число депутатов равнялось 442, при этом 229 депутатов были потомственными или личными дворянами, 46 — из духовного звания, 42 — из купеческого сословия, 15 — из казаков, 94 — из крестьян, 12 — из мещан.

По роду занятий члены Думы распределялись так: землевладельцев — 242, земских деятелей — 133, земледельцев — 79, духовенства — 49, адвокатов — 37, торговцев и промышленников — 36, чиновников — 47, врачей и педагогов — 42, ремесленников и рабочих — 16[96].

Суммирование последнего ряда цифр даёт итог намного больший, чем 442, но пусть это читателя не смущает — можно быть одновременно и земле*владельцем*, и адвокатом или земцем (быть одновременно и адвокатом, и земле*дельцем,* правда, не получается).

В III Думу прошли 19 социал-демократов, из них 5 большевиков и 2 примыкающих. Имея их в виду, Ленин писал в ноябре 1907 года в газете «Вперёд»:

«Тяжёлый труд предстоит там нашим товарищам. Они будут там среди врагов, злобных и непримиримых. Им будут зажимать рот, их будут осыпать оскорблениями, их, может быть, будут предавать суду, заключать в тюрьмы, ссылать. Они должны быть тверды, несмотря на все преследования, они должны высоко держать красное знамя пролетариата…

Но и мы все, товарищи рабочие, должны дружно, сообща поддержать их… Пусть будет един рабочий класс в поддержке своих представителей…»[97]

Да, 19 социал-демократов и из них всего 7 ленинцев в Думе

— это было немного. Однако это была возможность для партии и для Ленина иметь в России хоть какую-то легальную трибуну. И в своих статьях 1908 года Ленин разъяснил это вполне ясно.

Когда он был ещё в Финляндии, в Гельсингфорсе с 5-го по 12-е (с 18-го по 25-е) ноября 1907 года прошла Четвёртая («Третья общероссийская») конференция РСДРП, собравшая 10 делегатов от большевиков, 4 — от меньшевиков, 4 — от польских социал-демократов, 3 — от латышских социал-демократов и 5 бундовцев.

В докладе на конференции, напечатанном 19 ноября в № 20 «Пролетария», Ленин пояснял:

«Дума должна быть использована главным образом в направлении широкого распространения политических и социалистических взглядов партии, а не в направлении законодательных реформ, которые во всяком случае будут представлять из себя поддержку контрреволюции и всяческое урезывание демократии…

Путь реформ на данной политической почве означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы…»[98]

Это вполне злободневно и сегодня! Та современная Государственная дума РФ, которую мы имеем, не может дать свободы, если рассматривать её как место, где производятся законы на существующей политической почве.

Но если Думу рассматривать как место, где партия коммунистов ведёт борьбу за будущую власть народа путём пропаганды своих взглядов на то, как должно быть устроено общество, то тогда при посредстве коммунистической фракции Думы могут возникнуть условия для *будущей* свободы…

НАД ТЕМ, что сказал Ленин о буржуазных парламентах почти сто лет назад, нелишне задуматься и сегодня — очень уж это «сегодня» напоминает российское «позапозавчера».

Собственно, почти всё, что Ленин писал о принципах деятельности большевиков в III, а затем и в IV Государственной Думе Российской империи, вполне применимо (и ещё как применимо!) к задачам коммунистов уже в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. В подтверждение можно написать отдельную главу в этой книге, а можно — и отдельную книгу, но ограничимся минимумом.

Так, в ноябре 1908 года в статье «Об оценке текущего момента» Ленин писал:

«Марксисты должны знать, что условия представительства даже в самом идеальном буржуазном парламенте всегда будут создавать искусственное несоответствие между действительной силой различных классов и её отражением в представительном

учреждении. Например, либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде окажется в парламентах во сто раз сильнее, чем она есть в действительности…»[99]

И разве это не верно для 2017 года? В современной Государственной Думе РФ реальное представительство народа ничтожно по сравнению с представительством «бомонда», и при этом «бомонд» составляет ничтожное большинство населения страны.

А вот ещё:

«Расходится ли в России действительность политическая от решений и речей в Думе? Вершатся ли у нас дела в государстве так, как решаются они в Думе? Отражают ли „думские“ партии сколь-нибудь верно реальные политические силы в данный момент?»[100]

Читаешь и забываешь, что это написано Лениным в начале века! Ведь это же о сегодняшнем, о *нашем* наболевшем:

«У нас в России борьба идёт между народной массой и чиновничьей властью, которая не может жить при действительно конституционных порядках»[101].

А вот ещё слова, подходящие, правда, не столько для сегодняшнего, сколько для завтрашнего дня:

«Что такое Государственная Дума? Позволительно ли нам ограничиться общей ссылкой на это учреждение вместо анализа тех классов и партий, которые определяют действительное содержание и значение его? Наша задача — быть на своем посту в тот момент, когда думская комедия разразится в новый великий политический кризис, и своей целью мы тогда поставим переход власти в руки народа»[102].

В ноябре 1908 года Ленин, раздражённый непониманием сути проблемы частью своих же соратников, в статье «По поводу двух писем» бросает:

«Мы не для дипломатии посылаем депутатов в буржуазные представительные учреждения, а для особого вида подсобной партийной деятельности, для агитации и пропаганды с особой трибуны»[103].

В июне 1909 года на совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий», которое прошло в Париже по инициативе Ленина, он говорил:

«Цель деятельности парламентской социал-демократической фракции принципиально отличается от цели деятельности всех остальных политических партий. Пролетарская партия стремится не к сделкам, не к торгу с власть имущими, не к безнадежному штопанью режима, а к развитию всеми мерами классового сознания, социалистической ясности мысли, революционной

решительности и всесторонней организованности рабочих масс. Этой принципиальной цели должен быть подчинен каждый шаг деятельности фракции…»[104]

Подобные мысли в разной подаче Ленин высказывал множество раз! В первом справочном томе к Полному собранию сочинений разделы предметного указателя «Парламентаризм» и «Парламентская тактика большевиков» занимают полторы страницы (!) и содержат более полутысячи ссылок на соответствующие тома и страницы! Есть и отдельный раздел с названием «Думская тактика большевиков» (ещё лист ссылок).

Отдельной же головной «думской» болью стали для Ленина два течения в РСДРП, которые затронули и большевиков, — «левый» отзовизм и «правое» ликвидаторство. Эти два течения надолго раскололи ряды ленинцев, а кое-кто в эти ряды уже и не вернулся.

А СЕЙЧАС — весьма любопытный и малоизвестный сюжет…

Как вспоминала Крупская, «в то время (в 1908 году. — *С. К.*) большевики получили прочную материальную базу».

Прочность была, конечно, относительной — по доходу и расход, а статей расхода у партии большевиков всегда хватало, даром что никто из них ни в Биарриц, ни в Монте-Карло не наведывался, в фешенебельных особняках не квартировал и шампанское в парижском «Мулен-Руж» не распивал… Но суммы у партии обозначились тогда действительно немалые, и об этом надо сказать подробнее, в том числе для того, чтобы напомнить о Николае Павловиче Шмите — человеке с судьбой достойной, трагической и редкой.

История Шмита в несколько отличающихся вариантах описана, например, в воспоминаниях Крупской[105]; члена боевой группы при ЦК Н. Е. Буренина; в книге В. К. Шалагинова «Защита поручена Ульянову»[106] и в сборнике «Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского Охранного Отделения»[107]. О Шмите есть и небольшая статья в 1-й Большой Советской энциклопедии.

Сводя всё воедино, имеем следующее…

Н. П. Шмит (1883–1907), совладелец полученной по наследству от отца мебельной фабрики в Москве, был племянником мануфактурщика Морозова (не Саввы, а другого Морозова — Викулы, тоже из морозовского клана). Во время учёбы в Московском университете Шмит сблизился с революционерами, стал большевиком, своим человеком среди собственных работников.

Полиция называла фабрику Шмита «чёртовым гнездом», и не зря — во время Декабрьского восстания в Москве в 1905 году

фабрика Шмита, вооружившего рабочих, была одним из сильных опорных пунктов в боях на Красной Пресне. После подавления восстания фабрику Шмита сожгли, его арестовали, мучили, возили смотреть на убитых рабочих, а в 1907 году он «умер» в тюрьме. Точнее — его просто убили.

Но Шмидт передал из заключения на волю, что всё своё немалое состояние завещает сёстрам Екатерине и Елизавете с условием, что они полностью передадут деньги ЦК большевиков.

Младший брат Шмита затеял тяжбу, да и со старшей сестрой Екатериной Павловной возникли проблемы — она не была склонна отдать всё. Была проблема и с младшей сестрой Елизаветой, но уже другого рода: несовершеннолетняя Елизавета не могла располагать деньгами по своему благоусмотрению. Проблему решил фиктивный брак Елизаветы с боевиком Игнатьевым, сохранившим легальность. В действительности же Елизавета уже тогда любила видного большевика Виктора Таратуту и стала его женой.

В. К. Таратута («Виктор», «Сергеев», «Вилиамов», «Лозинский») (1881–1926), член РСДРП с 1898 года, вёл работу в Закавказье, в 1905–1907 годах работал секретарём Московского комитета, на V съезде представлял Ярославскую организацию РСДРП, помогал Ленину в Женеве и Париже вести хозяйственные дела партии и переписку с Россией (в письме В. А. Карпинскому от октября 1909 года Ленин называет его «полезнейшим администратором»).

Был Таратута также членом Большевистского центра и ЦК.

В 1919 году он вернулся в Россию, стал одним из организаторов Банка для внешней торговли и председателем его правления, был управляющим делами ВСНХ, председателем правления треста «Моссукно». Ленин ценил его высоко.

История же с наследством Николая Шмита закончилась тем, что в 1908 году старшая сестра Екатерина передала большевикам 45 000 рублей и затем ещё 80 000 рублей, а младшая Елизавета — до 500 000 рублей[108].

К слову, такой вот штрих…

Посредником в этом деле по поручению обеих сторон был известный московский адвокат П. Н. Малянтович (1870–1939), в 1917 году министр юстиции Временного правительства, а после Октябрьской революции — член Московской коллегии защитников.

Наследство Шмита составило прочную базу для партии на несколько лет. Годовой расход на растущие партийные нужды можно было оценить примерно в 100 тысяч рублей, так что почти до начала Первой мировой войны партийная касса пустой не

была — без пресловутых мифических «эксов».

К слову… Упомянутый знаменитый «экс» боевика Камо на Эриванской площади Тифлиса летом 1907 года был для большевиков мерой настолько чрезвычайной и для них не характерной, что, когда Европа была взбудоражена в связи со срывом операции по размену крупных купюр из захваченных мешков на мелкие, Павел Аксельрод в письме Плеханову от 26 февраля 1908 года предлагал дискредитировать большевиков в глазах европейской социал-демократии, подготовив особый доклад об этой истории[109].

Этот факт сам по себе доказывает, что большевики, как правило, «эксами» не занимались, хотя Ленин не отрицал, что в период революционного подъёма допустима экспроприация экспроприирующих.

НАСЛЕДСТВО Шмита финансовые проблемы на какой-то срок решало, но самой главной проблемой для Ленина стала на годы борьба с угрозой партии слева — со стороны так называемых «отзовистов» — и с угрозой партии справа — со стороны так называемых «ликвидаторов».

Сегодня эта очень попортившая Ленину кровь двойная коллизия в его жизни и в жизни партии имеет чисто историческое значение, и особо долго на её перипетиях останавливаться мы не будем. Но сам по себе сюжет весьма и весьма интересен и поучителен.

И вначале — об отзовизме…

Социал-демократическая фракция в III Думе была небольшой, но она была. И вот вокруг того, какой должна быть «думская» линия партии, разгорелись жаркие споры. Группа «отзовистов» считала, что социал-демократические депутаты из Думы должны быть отозваны, а вся легальная работа, включая работу в профсоюзах, прекращена.

«Ликвидаторы» — по преимуществу это были, конечно, меньшевики — шли дальше, они ставили под сомнение саму необходимость нелегальной профессиональной партии и склонялись к тому, что такую партию необходимо ликвидировать, а взамен организовать открытую, легальную «рабочую» партию по типу лейбористской (*англ.* labour — «работа, труд») партии в Англии и стать на путь буржуазного парламентаризма.

В «отзовисты» же откололась часть большевиков, которых возглавил близкий — до этого — соратник Ленина Александр Александрович Богданов (настоящая фамилия Малиновский) (1873–1928). Сын народного учителя, он окончил медицинский факультет Харьковского университета, в революционное движение пришёл в 1896 году.

После II съезда — большевик, Богданов шёл с Лениным, был активен на V съезде в Лондоне в 1907 году, но к осени 1908 года Богданова, что называется, «понесло». А поскольку личностью он был весьма яркой и увлекающейся, то мог увлекать и других…

И увлёк!

В число «отзовистов» входили такие крупные большевики, как Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, А. С. Бубнов, М. Н. Покровский, А. В. Соколов. И судьбы их оказались очень разными…

Григорий Алексинский кончил как белоэмигрант.

Анатолий Луначарский (женатый, к слову, на сестре Богданова) стал первым советским наркомом просвещения, и его прах захоронен в Кремлёвской стене.

Мартын Лядов-Мандельштам (1872–1947) — искровец большинства, агент ЦК, вёл активную борьбу с меньшевиками, в 1917 году стоял на меньшевистских позициях, но с 1923 года стал ректором Коммунистического университета имени Свердлова, в 1930 году заведовал архивом Октябрьской революции и в 1932 году тихо ушёл на пенсию.

Андрей Бубнов (1883–1938) до революции был деятельным партийным работником, в 1917 году вошёл в первый, ещё дооктябрьский состав Политбюро ЦК РСДРП(б), примыкал к Троцкому, потом отошёл от него, был начальником Политуправления РККА, но кончил антисталинским заговором и в 1938 году был расстрелян.

Михаил Покровский (1868–1932), в 1891 году окончивший историко-филологический факультет Московского университета, работал с Лениным, в 1912 году примыкал к Троцкому, затем вернулся к Ленину, редактировал его труд «Империализм как высшая стадия капитализма»… После Октября 1917 года Покровский стал одним из основателей советской исторической школы, хотя дров порой наламывал… Прах его тоже погребён в Кремлёвской стене.

А. В. Соколов (1880–?) («С. Вольский» — не путать с Вольским-«Валентиновым», «Станислав») вёл партийную работу в Москве, участвовал в декабрьском восстании 1905 года, был делегатом V съезда, в годы реакции от Ленина отошёл, принимал участие в организации фракционных школ на Капри и в Болонье, входил в антиленинскую группу «Вперёд». После Февральской революции Соколов работал в военной секции Петросовета, к Октябрьской революции отнёсся враждебно, боролся против Советской власти, эмигрировал, вскоре вернулся, работал в Госплане и Наркомторге, а с 1927 года занимался литературной работой, окончательно канув в неизвестность…

Сколько было их на пути Ленина — поддерживавших, а потом предавших… Поддерживавших, а потом отколовшихся… Колебавшихся, уходивших и возвращавшихся… Об этой стороне истории партии в СССР говорили мало, а уж применительно к политической судьбе Ленина и вообще не говорили. А ведь всё это отступничество, полуотступничество, четвертьотступничество окрашивало судьбу и жизнь Ленина в тона не очень-то весёлые, приносило в душу много горечи…

Не зная этого, не очень-то Ленина и поймёшь.

В феврале 1909 года он писал в газете «Пролетарий»:

«Поскольку отзовизм возводится в теорию, — а это делается небольшой группой, мнящей себя представительницей истинной „революционности“, — постольку непримиримая *идейная война*! Отзовизм как направление равен *меньшевизму наизнанку*…

Отзовизм — не большевизм, а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник. Мы считаем необходимым, чтобы все большевики, до последнего кружка, дали себе ясный отчёт в истинном значении отзовизма и поставили бы перед собой вопрос: не проводится ли под флагом „революционности“ и „левизны“ явный отказ от славных традиций старого большевизма, как он сложился в предреволюционную эпоху и в огне революции»[110].

Непросто объявлять войну — хотя бы и идейную — старым друзьям и товарищам по партийной работе, ещё недавно входившим в «компанийку хороших друзей»… Тот же Богданов, с которым так славно было бродить и спорить в Куоккале… В 1898 году, в ссылке, Ленин познакомился с ним заочно — по популярной книге Богданова «Краткий курс экономической науки». Книга Ленину понравилась, он говорил о ней как о «замечательном явлении в нашей экономической литературе», написал на неё рецензию. В 1904 году Богданов после ряда высылок — в Калугу, в Вологду, в Бежецк — выехал за границу, и в Женеве он и Ленин познакомились уже «живьём» и пошли рядом, к плечу плечо…

В конце 1907 года Богданов опубликовал роман-утопию о Марсе «Красная звезда», и летом 1908 года Ленин написал из Женевы матери письмо, от которого сохранился только любопытный постскриптум, который приведу полностью:

«P. S. Сегодня прочёл один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell’я — „Марс и его каналы“. Этот Lowell — астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка).

Труд научный. Доказывает, что Марс обитаем, что каналы —

чудо техники, что люди там должны быть в 2 1/2 раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя *или шестью* ногами. Н…да, наш автор (А. А. Богданов. — *С. К.*) нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно,* должно быть, по рецепту: „тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман“…

Вышла новая повесть Горького: „Последние“»[111].

Отношения Ленина с Горьким развивались ровнее, хотя и Горький после 1917 года очень помешал делу Ленина своей серией «Несвоевременных писем». Но кончилось всё тем, что Горький в итоге поддержал послеоктябрьского Ленина.

В апреле 1908 года Ленин гостил на острове Капри у Горького, и есть известная серия фотографий: Ленин и Богданов играют в шахматы на вилле Горького.

Как всё это было славно! По-человечески, по-простому, по-душевному славно… И вот приходится отставлять шутки и товарищество в сторону и начинать с Богдановым идейную войну.

Вместе они так уже и не сойдутся… Богданов с Луначарским, Алексинским, Горьким и Вилоновым организует каприйскую «партийную» школу в 1909 году и позднее, в 1911 году, аналогичную школу в Болонье, а в декабре 1909 года вместе с Григорием Алексинским станет организатором группы «левых большевиков» «Вперёд»…

Казалось бы — сколько пыла… В то время Богданов замахнётся на собственную философскую систему! Он явно будет считать себя правым, а Ленина неправым. И тут надо говорить, скорее, не о пыле, а об апломбе.

Полезно сопоставить Богданова со Сталиным. Сталин уловил масштаб Ленина сразу и, даром что сам был гением, не стал — в отличие от Богданова — изображать из себя фигуру как минимум равновеликую Ленину, а пошёл под руку Ленина и всю свою жизнь шёл под знаменем Ленина и был верен делу Ленина. Богданов же, обладая талантом вполне сумбурным, с какого-то момента стал отвергать Ленина, пытался потрясать небеса…

А что затем?

А затем Богданов в 1913 году тихо вернётся в Россию, будет одно время сотрудничать в «Правде», в интеллигентских изданиях… В 1914 году его как врача мобилизуют на фронт, но в 1915 году откомандируют на работу в госпиталь в Москве. Тогда он уже будет считать себя «вне политики».

Ленинский Октябрь бывший ленинский соратник не примет, Октябрьскую революцию оценит как «демагогию-диктатуру». Богданов много рассуждал о некой «всеобщей организационной науке», названной им «тектологией», но заниматься организацией

строительства новой России не спешил. После Октября 1917 года он отказался от всех предложений работать в Наркомпросе у своего же зятя Луначарского, но стал основателем недолговечного «Пролетарского университета» и с 1918-го по 1921 годы был одним из руководителей Пролеткульта — дело не так чтобы очень ответственное…

Позднее Богданов стал всё же организатором и вдохновителем Института переливания крови и погиб при неудачном опыте над собой. Чтя его память — научный героизм есть научный героизм, — можно заметить, что конец Богданова оказался в некотором смысле символическим — он проявлял много неорганизованных эмоций там, где требовались холодный разум и дисциплина подлинно организованного ума. И об одном ли Богданове следует сказать так?

Вот какими были отзовисты. Явная глупость их позиции была, казалось бы, очевидной. К чему лишаться думской трибуны — во имя чистоты риз? Или отказываться от неё потому, что думские большевики не всегда работали лучшим образом?

Ну, если и так — воспитывайте товарищей, но с маху — отзывать?

Сложно, сложно было Ленину… С неумно политически ведущими себя товарищами порой бывает сложнее, чем с открытыми политическими врагами. Недаром давно было сказано: «Избави меня, боже, от друзей, а от врагов я как-нибудь сам избавлюсь».

В ПЕРВОЙ половине 1909 года Ленин был по горло занят попытками вернуть Богданова и его сторонников на верный путь. Ситуацию хорошо иллюстрирует, например, письмо Ленина к Иосифу Дубровинскому от 29 апреля 1909 года:

«Дорогой друг! У нас гостит Покровский. Обыватель чистой воды. „Конечно, отзовизм глупость, конечно, это синдикализм, но по моральным соображениям и я и, вероятно, Степанов (И. И. Скворцов-Степанов. — *С. К.*) будем за Максимова (Богданова. — *С. К.*)“. Обижают, видите ли, кристальных негодяев разные злые люди! Эти „маральные“ обыватели сразу начинают „мараться“, когда при них говоришь об исторической задаче сплочения марксистских элементов…

Выписывала этого мараку оппозиция — мы его не выписывали…

Похоже на то, что Власов теперь решает судьбу: если он с глупистами, обывателями и махистами, тогда, очевидно, раскол и упорная борьба. Если он с нами, тогда, может быть, удастся свести к отколу парочки обывателей, кои в партии ноль…

Домов + Богданов + Марат требуют сегодня БЦ

(Большевистский центр. — *С. К.*) о назначении срока пленума на конец V — начало VI. На деле возможен пленум лишь ещё позже…»[112]

В скобках замечу, что туберкулёзник Дубровинский тогда лечился в Давосе, и Ленин в своих письмах ему раз за разом напоминал весной 1909 года: «бросьте мысль об удирании из санатория», «лечитесь серьёзно», «лечитесь, гуляйте, спите, ешьте, ибо для партии нам нужно здоровое имущество»… Но в 1913 году Дубровинский стараниями царского правительства попал в другой «санаторий» — ссыльный «туруханский» — и в 1913 году в Сибири же умер.

Что же до лиц, упомянутых в письме, то «Домов» — это М. П. Покровский, с упоминания о котором Ленин письмо начал, Максимов-Богданов — это Богданов, а «Марат» — московский большевик Виргилий Леонович Шанцер (1867–1911).

Уроженец Одессы, адвокат, окончивший Юрьевский (Тартуский) университет, Шанцер работал в партии с 1900 года, в 1902 году был сослан в Сибирь на три года. В 1904 году его освободили «на основании высочайшего манифеста от 11 августа», но в октябре 1904 года, как отмечено в его охранном деле, он «письменно заявил о своём отказе от милостей, дарованных манифестом… и неизменяемости своих революционных убеждений».

В начале декабря 1905 года Шанцера арестовали в Москве на конспиративном совещании, где обсуждались вопросы подготовки декабрьского восстания, и в марте 1906 года опять выслали в Енисейскую губернию, откуда в октябре 1906 года он бежал. 18 апреля 1907 года был арестован в Петербурге, содержался в Красноярской тюрьме, затем «водворён» в село Богучанское Пинчугской волости Енисейской губернии. А позже, в 1908 году, бывшего одессита закатали в Туруханский край, но по дороге туда он бежал — за границу, к Ленину. Такие вот были у революционеров «забеги на длинные дистанции».

На V съезде Шанцер стал членом ЦК, входил в редакцию большевистского органа — газеты «Пролетарий». Но в итоге примкнул к отзовистам-ультиматистам, вошёл в группу «Вперёд». Вскоре Шанцер серьёзно заболел (занятия «бегом» из ссылок — не лучший вид «спорта» для сохранения здоровья), в 1910 году был перевезён в Москву, где через год и умер — сорока четырёх лет от роду.

Были у революционеров и такие судьбы.

Упомянутый же в письме Дубровинскому «Власов» — это Алексей Иванович Рыков (1881–1938), ставший после смерти Ленина вторым председателем Совета народных комиссаров СССР

и возглавлявший Совнарком до декабря 1930 года. Рыков колебался всю жизнь и в итоге «доколебался» до расстрела после процесса «Правотроцкистского антисоветского блока» в 1938 году.

Были у революционеров и такие судьбы.

В НАЧАЛЕ декабря 1908 года Ульяновы переехали из Женевы в Париж — туда было решено перевести издание газеты «Пролетарий». На первых порах они останавливаются в «Отель де Гоблен» на бульваре Сен-Марсель, 27. Позднее переезжают в дом № 24 по улице Бонье на окраине города, а затем — на улицу Мари-Роз, № 4. Последний адрес и стал впоследствии знаменитым.

Жизнь в Париже была у Ульяновых отнюдь не «парижская», если подходить к ней с категориями туристическими или «новорусскими». Крупская в своих воспоминаниях писала, что в Париже пришлось провести самые тяжёлые годы эмиграции, и Ленин вспоминал их с тяжёлым чувством даже через много лет, когда стоял во главе России: «И какой чёрт понёс нас в Париж!».

Но сама Надежда Константиновна и поясняла: «Не чёрт, а потребность развернуть борьбу за марксизм, за ленинизм, за партию в центре эмигрантской жизни. Таким центром в годы реакции был Париж».

Интересно сравнить позднейшую невесёлую оценку Лениным Парижа с его же признанием в письме из сибирской ссылки родным 7 февраля 1898 года. Имея в виду младшую сестру — «Маняшу», он писал: *«…Не угорит ли она в Париже? Очень возможно. Но теперь ведь сама повидала заграницу и может судить. А я жил в Париже всего месяц, занимался там мало, всё больше бегал по „достопримечательностям“…».*

Теперь времени на «достопримечательности» уже не оставалось, хотя в Париже Ленин и Крупская с матерью Крупской обосновались на годы.

Квартира была снята на краю города, около самого городского вала, и поэтому при относительной дешевизне оказалась большой и светлой. Но обстановка была самая скромная — консьержка смотрела на привезённые из Женевы простые столы и табуретки с презрением.

Хозяйственные дела свалились на Крупскую, поскольку её мать «растерялась в сутолоке большого города». Крупская признавалась, что хозяйкой она была плохой, «только Владимир Ильич был другого мнения»…

Одно время с братом и невесткой жила Мария Ильинична, приехавшая в Париж изучать в Сорбонне французский язык, и однажды гостивший у Ульяновых Марк Елизаров, добравшийся в

Париж из Японии, наблюдая, как женщины хлопочут на кухне и в очередь моют посуду, заметил: «Лучше бы вы „Машу“ какую завели»… Но, по словам Крупской, они жили тогда «на партийное жалованье, поэтому экономили каждую копейку, а кроме того французские „Маши“ не мирились с русской эмигрантской сутолокой».

Действительно — через ульяновскую квартиру тёк поток людей, что для французов было непривычным.

Заниматься Ленину в Париже было неудобно — до Национальной библиотеки надо было ездить на велосипеде, и от езды по Парижу с его оживлённым движением он очень уставал, однажды попал под автомобиль, но отделался изломанным велосипедом[113].

В том же Париже тысячи и даже десятки тысяч «интеллектуалов», не стоящих изломанного ленинского велосипеда, жили вполне обеспеченной жизнью, и в том же Париже Ленин, отойдя от революции, мог бы жить не только не хуже, а и получше многих. Но он упорно крутил «педали» своего жизненного «велосипеда» и ехал во всё том же, давно избранном направлении — к будущей революции…

Ему было сорок лет — не мальчик! Он полностью терялся в парижской толпе, не привлекая ничьего внимания, он, гений!

Но что тут поделаешь — надо было жить и работать.

Летом 1910 года Ленин и Крупская устроили себе небольшую передышку — относительную, конечно, с рюкзаками по горам теперь уже уйти не получалось. Но они устроились иначе, вначале открыв для себя Мёдон.

Как вспоминала Крупская:

«Мёдон — небольшой городок в 9 километрах от Парижа. По праздничным дням, летом, туда едут тысячи парижан провести время на лоне природы. Мы часто ездили туда в будни, перебить настроение, погонять на велосипедах по чудесному Мёдонскому лесу».

Однажды прямо из Мёдона Ленин отправил матери открытку с видом Мёдонского леса. Мария Александровна тогда жила у младшего сына, который служил земским врачом в селе Липитино, невдалеке от станции Михнёво Серпуховского уезда Московской губернии, и, видно, Владимир Ильич «под настроение» решил черкнуть в Россию весточку прямо, что называется, «с колеса» — велосипедного.

Короткий текст от (5) 18 июня 1910 года выдаёт отличное состояние духа писавшего:

«Дорогая мамочка! Посылаем тебе, Анюте и Мите привет с воскресной прогулки. Гуляем с Надей на велосипедах. Лес Мёдонский хорош и близко, 45 минут от Парижа. Письмо Анюты получил и ответил. Крепко обнимаю и за себя, и за Надю.

Твой В. У.»[114].

18 июня (1 июля) 1910 года он пишет матери уже из Неаполя:

«Дорогая мамочка! Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дёшево и приятно. Ехал как по Волге. Двигаюсь отсюда на Капри ненадолго. Крепко, крепко обнимаю. Всем привет.

Твой В. У.»[115].

Одна фраза из этого письма показывает, как тосковал Ленин по Волге — попав после долгого перерыва на летнюю палубу парохода, он плавание по дивному, роскошному Средиземному морю сравнивает (!) с плаванием по Волге!

Чуть позже, 3 января 1911 года, в письме Марку Елизарову Ленин признавался: *«Здесь так оторванным себя чувствуешь, что рассказы о впечатлениях и наблюдениях „с Волги“ (соскучился я по Волге!) — бальзам настоящий…»*[116].

НА ИТАЛЬЯНСКИЙ остров Капри Ленин ехал в гости к Максиму Горькому и пробыл у того целый месяц.

Они уже хорошо знали друг друга, уже не раз Горький шёл вразрез с линией Ленина, помогал деньгами «богостроителям», но к Горькому Ленин питал, как я понимаю, слабость. Горький был свой, пусть и порой заблуждающийся, но свой. Горький был ведь тогда единственным великим русским писателем, который прямо сотрудничал с большевиками, прямо, в том числе и финансово, поддерживал их.

Впрочем, и Горький питал слабость к Ленину, хотя, повторю, в пору революции 1917 года и в 1918 году немало помешал Ленину публикацией своих, вот уж точно, «Несвоевременных мыслей».

Так или иначе, месяц на Капри был, конечно же, полон бесед и споров — Горький стоил того, чтобы бороться за него. К тому же Ленин имел некие планы относительно привлечения Горького к работе в задуманной новой легальной большевистской газете «Звезда», первый номер которой вышел в Петербурге 16 (29) декабря 1910 года.

Считавшаяся в первый период издания органом думской социал-демократической фракции, «Звезда» выходила вначале еженедельно, затем — два раза, а позднее и три раза в неделю, до 22 апреля (5 мая) 1912 года. То есть «Звезда» стала прямой предшественницей «Правды», первый номер которой вышел 5 мая (н. ст.) 1912 года.

Тираж «Звезды» составлял вначале 7–10 тысяч, а отдельные номера «вытягивали» и 50–60 тысяч экземпляров. В «Звезде» Ленин опубликовал около 50 статей за подписями: В. Ильин; В. Ф.; Вильям Фрей; Ф. Л-ко; К. Т.; Б. К. (скорее всего, от «бек», «большевик»); М. Ш. (не исключаю, что от иронического «меньшевик»); П. П.; Р. Силин; Р. С.; Б. Г.; Не-либеральный скептик; К. Ф.; Ф. Ф.; М. М.[117]

Псевдоним «Н. Ленин» не был использован тогда ни разу — издание-то было легальным, и «нелегальный» псевдоним был в нём ни к чему.

В номерах «Звезды» появились семь «Сказок» Горького из серии «Сказки об Италии»… В феврале 1912 года Ленин писал ему: *«Очень и очень рад, что Вы помогаете „Звезде“. Трудно нам с ней чертовски — и внутренние, и внешние, и финансовые трудности необъятны — а всё же тянем»*[118]. Но это было много позже. Летом же 1910 года Ленин, вернувшись с Капри, вместе с Крупской и её матерью уезжает в приморский городок Порник на берегу Бискайского залива, где они поселяются в доме таможенного сторожа. 27 июля 1910 года Ленин пишет младшей сестре:

«Дорогая Маняша! Пишу тебе из Порника. Вот уже почти неделя, как я устроился здесь с Е. В. и Надей. Отдыхаем чудесно. Купаемся и т. д. Как-то у вас делишки? Как мамино здоровье? Как стоит вопрос о Копенгагене и Стокгольме?..»[119]

В Порнике Ленин уже не только отдыхал, но и работал, вёл партийную переписку и готовился к VIII конгрессу II Интернационала, который должен был пройти в Копенгагене в августе 1910 года. Там предполагалось много встреч, дискуссий и речей…

Ещё из Порника Ленин написал в Стокгольм Михаилу Кобецкому письмо с просьбой нанять ему в Копенгагене комнату — «простую, дешёвую, маленькую» — и прибавлял:

«Если Вам некогда, не хлопочите, я успею найти сам». Затем в следующем письме он уточнил: «Еду к Вам с семьёй (жена и тёща). Если можно, поищите дешёвую комнатку (или 2) понедельно или подённо. Если получите пакеты, сохраните не распечатывая»[120].

Последняя фраза объясняется тем, что большевик М. В. Кобецкий (1881–1937), который стал эмигрантом с 1908 года и осел в Дании, занимался транспортировкой газет «Пролетарий» и «Социал-Демократ» в Россию и пересылкой Ленину корреспонденции из России.

Готовился Владимир Ильич и ещё к одной встрече — уже в Стокгольме, но о ней — отдельно…

КОНГРЕСС в Копенгагене был вторым после Штутгартского конгресса крупным международным форумом, в работе которого Ленин принимал участие. Рассматривался в основном вопрос о кооперативах, и в русской секции, где обсуждался ленинский проект резолюции, произошёл показательный казус… В ходе дебатов меньшевики обвинили Ленина в том, что он-де «губит партию». Один из большевиков удивился — как же один человек может погубить партию, и меньшевик Фёдор Дан — личность в российской социал-демократии исключительно склочная и непривлекательная — невольно дал Ленину такую оценку,

которая выражала самую суть Ленина:

«Да потому что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с таким»[121].

Слова у Фёдора Дана с языка сорвались неожиданно верные, однако менее всего можно было представить Ленина неким революционным «паровым катком». Недаром много позднее Маяковским была брошена в жизнь формула Ленина: «Самый человечный человек»… И как раз в те дни, когда Фёдор Дан дал *свою* формулу Ленина, Ленин-человек заявлял о себе властно и волнующе — 12 (25) сентября 1910 года Владимир Ильич приехал из Копенгагена в Стокгольм на встречу с матерью.

Последний раз сын и мать виделись три года назад, когда Ленин нелегально был в России, и вот теперь Мария Александровна, несмотря на преклонный возраст — ей было уже 75 лет, — а скорее по причине преклонного возраста, решилась на путешествие в наиболее близкую точку, где могла увидеть сына. Стокгольм, связанный пароходным сообщением с Финляндией, и был такой точкой.

В Стокгольме они жили втроём — мать, сын и младшая дочь. Первую половину дня Ленин работал в библиотеке, а вторую целиком посвящал матери, прогулкам с ней по городу, по окрестностям…

В шведской столице Ленин несколько раз выступал на собраниях социал-демократических групп с рефератами о Копенгагенском конгрессе и о положении в РСДРП. На одном из его выступлений на собрании большевистской группы была и мать. Она впервые слушала публичное выступление второго сына, и, как вспоминала Мария Ильинична, ей показалось, что, «слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать, — речь Александра Ильича на суде. Об этом говорило её изменившееся лицо»[122].

Они пробыли вместе две недели…

Затем Мария Александровна уехала, да и сыну долго задерживаться в Стокгольме возможности не было.

В порту Ленин смотрел, как мать и сестра поднимаются по трапу на борт парохода, принадлежавшего русской компании. Взойти вместе с ними на палубу, чтобы ещё немного побыть рядом с матерью, Ленин не мог — его тут же арестовали бы.

Мать уезжала, сын оставался, и оба понимали, что это свидание может стать последним, что они последний раз смотрят друг другу в глаза.

Что они чувствовали в тот, наполненный внутренней драмой,

собственно — трагедией, момент?

Да ясно — что!

Сколько менее драматичных ситуаций описаны в пьесах и романах, а тут была жизнь — реальная и величественная в своей добровольной реальности. Эта драма разделённых семей затрагивала не только Ленина, но и других постоянных вынужденных эмигрантов из революционной среды, но ленинский случай всё же особо волнует уже в силу великой судьбы его…

Как гнусно на её фоне выглядят те, кто озлобляет сегодня юных «малых сих» против Ленина, подвигает оглуплённую и социально идиотизированную толпу на осквернение памятников Ленину, на надругательство над памятью того, кто…

А, да что говорить!

С матерью он так больше и не увиделся — она умерла в 1916 году.

26 СЕНТЯБРЯ 1910 года Ленин вернулся в Копенгаген, а 28 сентября — в Париж. Опять надо было заниматься повседневной, будничной работой по политическому просвещению масс и развитию партии. О том, что возможна и такая — неяркая и неэффектная — полоса в революционной борьбе, Ленин писал не раз, не раз предупреждал об этом соратников и массы, и вот эта полоса наступила.

Что ж, для Ленина это означало не снижение напряжения жизненного ритма, а перевод энергии в иные плоскости: в партийную публицистику, в поддержание «на плаву» местных партийных организаций и в развитие связей в среде европейских социал-демократов. Этим и были заполнены, по преимуществу, для Ленина 1911-й, 1912-й и последующие дореволюционные зарубежные годы.

В чём состояла заграничная работа Ленина между двумя русскими революциями как лидера партии, профессионального революционера?

Он жил за рубежом, в условиях почти абсолютной — по сравнению с царской Россией, конечно, — политической свободы. Бояться ареста, в общем-то (хотя — чем чёрт не шутит!) не приходилось, отстреливаться от агентов «охранки» — тоже.

Пропагандировать на митингах и маёвках было некого — рабочие массы остались далеко, в России.

Так чем был занят во второй эмиграции лидер большевиков Ленин повседневно?

В 1908 году…

В 1909-м и 1910 годах?

В 1911-м, 1912-м, 1913-м и 1914-м, и так далее — до весны 1917 года…

О многом уже сказано, но если отвечать на этот вопрос буквально, можно коротко ответить так: «Ленин все эти годы думал, читал, писал, слушал, говорил, периодически ездил в те или иные места»… Собственно, именно этим повседневно занят любой крупный управленец, любой руководитель.

Директор завода за станком не стоит, главный конструктор сам чертежи не выпускает… И даже главный режиссёр в театре сам на сцене в спектаклях, им поставленных, как правило, не появляется. Удел руководителя — думать, слушать, говорить, читать и писать документы. А Ленин как раз и был руководителем — руководителем большого партийного дела, требующего повседневного внимания и повседневных занятий.

Причём — нередко рутинных.

Чтобы хорошенько понять это, читателю надо бы взять в руки несколько ленинских томов, относящихся ко временам второй эмиграции, да и вчитаться в них, особенно — в тома писем.

Скажем, том 47 Полного собрания сочинений, где помещены письма с 1905-го по ноябрь 1910 года…

Для примера приведу оттуда два письма, почти случайно выбранных (потом, правда, я понял, что выбор был удачным, и остановился на нём уже осознанно). Оба соседствующих рядом, на страницах 258-й и 259-й 47-го тома, письма написаны Лениным в начале августа 1910 года.

Первое письмо послано из Порника в Париж и адресовано Д. М. Котляренко (1876–?) — достаточно рядовому партийному работнику, с 1908 года заведующему экспедицией (то есть — отделом рассылки и т. п.) большевистской газеты «Пролетарий»:

«Личное товарищу Котляренко

1.8.10

I. Дорогой товарищ! Будьте любезны выписать нам следующие книги для редакции:

1) Отчёт фракции народной свободы за 3-ю сессию Государственной думы…

2) Памяти Н. Г. Чернышевского. Доклады и речи Анненского, Антоновича, Туган-Барановского и др. …

II. Далее. Насчёт доклада Вы поступили *очень* неосторожно, не послав заказным. Я здесь дал на почту адрес Рапопорта. Но этого мало. Пошлите *тотчас* заявления в Administration des postes в *Pornic'e*, прося, как отправитель, переслать пакет Рапопорту…

III. Насчёт *„Общественного Движения"* — говорят, что Бритман привёз его и сдал в экспедицию для меня… Вы *при случае* запросите…

IV. Насчёт *гостей* на конгрессе в Копенгагене не могу ничего сказать. Обыкновенно, кажись, пускали на хоры… Возьмите *один*

листок из моей посылки в ЗБЦК (Заграничное бюро ЦК. — *С. К.*)… там есть листок с адресом председателя местного организационного комитета

V. Прилагаю письмо для ЗБЦК. Прошу *поскорее* передать.

VI. А как дело с докладом? Очень, очень прошу *торопить* издание.

Жму руку. Ваш Н. Ленин»[123].

Второе письмо послано 2 августа 1910 года А. И. Любимову («Марку») тоже из Порника — в Париж. В 1904 году Любимова кооптировали в состав ЦК. Он «дрейфовал» в сторону меньшевизма и позднее входил в плехановскую группу «Единство». Но партия, особенно в эмиграции, состоит не только из «твердокаменных», а повседневная работа есть повседневная работа, окончательный «развод» большевиков с меньшевиками в 1910 году ещё не состоялся, и Ленин пишет:

«Дорогой М.!

Прилагаемое письмо будьте любезны отправить экспрессом Пятнице (нелегалу в России О. А. Пятницкому. — *С. К.*).

…Гюисманс (секретарь Международного Социалистического Бюро II Интернационала. — *С. К.*) запретил доклады свыше 4 страниц… Я знаю одно: что доклад *печатаем мы сами*; кто же может нам запретить сделать его большим? …Требование печатать доклад на 3 языках мне известно давно, но раз нет денег? Что же, „запретят“ на одном языке?

Прилагаю письмо из банка, который сообщает мне счёт и *требует от меня* (как и всегда) письменного ответа, удостоверяющего за моей подписью, что я признаю точность этого счёта. Прилагаю сей письменный ответ…» и т. д.[124]

К слову, в постскриптуме письма Любимову Ленин пишет о расходах на посылку на VIII конгресс II Интернационала в Копенгаген до восьми делегатов и заканчивает вопросом: *«Хватит ли у Вас на это из 75 тысяч?»*.

Конечно, это не значило, что на посылку делегатов из расчёта до 300 франков на делегата надо будет «ухнуть» все 75 тысяч партийных денег, но суть вопроса понятна — может ли партия позволить себе расход здесь по максимуму, послав в Копенгаген всех допускаемых по квоте делегатов?

А ВОТ ЕЩЁ три письма, относящиеся уже к 1914 году…

Первое написано в феврале 1914 года:

«Дорогой Фёдор Никитич! Получил Ваше письмо и очень рад, что Вы устроились.

Теперь — покой, солнце, сон, *еда*. Следите за всем этим сытно ли кормят?

Надо пить молока *побольше*. Пьёте ли?

Надо взвешиваться раз в неделю и записывать каждый раз, сколько Вы весите…

Надо ходить к местному доктору хоть раз в 10 дней… Имеете ли адрес доктора? Если нет, пишите, я разыщу.

Но главное — сон…

Пишите *подробно* обо всём этом.

Надя кланяется! Жму руку и желаю отдыхать хорошо.

Ваш Ленин.

P. S. Не очень ли скучаете? Если да, могу устроить Вам визиты знакомых из Женевы и Лозанны. Но не утомят ли Вас визиты? Пишите!

Есть ли ванна в Вашем пансионе?»[125]

Фёдор Никитич — это депутат IV Думы, рабочий-текстильщик Самойлов, приехавший подлечить нервы в швейцарский Монтрё. И вот Ленин из Кракова беспокоится о том, как устроен товарищ, не очень-то к «европам» привыкший.

В апреле Ленин в письме из Кракова в Берн адресуется по поводу Самойлова к партийцу Г. Л. Шкловскому:

«Дорогой друг! Вчера получил тревожное письмо от Самойлова. Ему хуже. Не спит. *Скучает*.

…Ужасно то неприятно, ибо мы взялись, так сказать, его вылечить. Посылаю ему сегодня рекомендательное письмо здешнего нервного врача Ландау к доктору *De Montet Vevey* в „Mon Repos“ (санаторий).

Видимо, надо свозить Самойлова к лучшему нервному врачу и перевести в санаторий, где был бы систематический уход и присмотр. Сделайте это пожалуйста, не стесняйтесь расходами… ибо во что бы то ни стало надо к осени поставить Самойлова на ноги…

Говорят, скука очень вредна неврастеникам. Но как тут быть? Взять Самойлова в *Поронин* (мы едем туда 1.V) или в *Закопане*? Можно, но *там дожди всё лето*.

Пишите о результате визита к врачу…»[126]

В начале мая Самойлов сообщает Ленину, что находится в Бернском городском санатории и врач рекомендует ему физический труд. И Ленин опять пишет Шкловскому:

«Дорогой Г. Л.!

Что же не отвечаете насчёт Самойлова (непременно устройте ему физический труд — найдите крестьянина в окрестностях или огородника через социалистов…)

Привет! Ваш В. И.»[127].

Такая черта Ленина и позволила после его смерти Владимиру Маяковскому, Ленина понявшему очень точно, написать: «Он к товарищам милел людскою лаской…».

ЧТО МОЖНО и нужно сказать, осмысляя и комментируя выше приведённые письма — вполне представительные для понимания сути жизни и работы Ленина до второй русской революции?

Уже в начале своей жизни, которая рано определилась как жизнь профессионального революционера, Ленин подходил к проблеме ведения революционной работы абсолютно трезво — без патетики и деловито. Через два с лишним десятка лет после эпохи «Союза за освобождение рабочего класса», стоя во главе страны, он сказал России: «Нам истерические порывы не нужны, нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Вот ради того, чтобы революцию сопровождали спокойная убеждённость и мерная поступь людей дела, а не истерические возгласы и призывы, Ленин в эмиграции и работал.

В советские годы каждый школьник знал, что, когда до Симбирска дошло сообщение о казни старшего брата Александра, Владимир — ещё гимназист — сказал: «Мы пойдём другим путём!». И эти слова — явно не апокриф, то есть нечто, сочинённое позднее… Ленин — ещё не Ленин, а юный Владимир Ульянов — почти сразу увидел все звенья той «якорной цепи», на одном конце которой был глубоко засевший в иле истории «якорь» царизма, а на другой — тот «брашпиль», на который надо было намотать эту «цепь», чтобы снять с места застоявшийся «корабль» российского государства и направить его курсом на социализм.

Эсеровский террор, заговор, народническое упование на основное население — крестьян, — всё это был не тот путь, который вёл к победе народной революции.

Рабочие ↔ пропаганда среди рабочих ↔ общерусская газета для объединения сил ↔ партия с ядром профессиональных партийных работников ↔ пропаганда среди широких масс с задачей понимания массами необходимости завоевания политической власти ↔ повседневная профессиональная партийная работа и подготовка условий для революции за счёт роста влияния партии в массах, — вот какой была надёжная, не разрываемая никакими репрессиями царизма «цепь» революционной работы. И Ленин изо дня в день эту «цепь» укреплял.

В подходящий момент, приложив нужные усилия, большевики должны были за эту «цепь» сорвать Россию с «мёртвого якоря».

А если бы — по тем или иным причинам — Россию сорвали бы с «грунта» царизма без участия большевиков, то…

То большевикам надо было быть готовыми вовремя перехватить руль государственного управления, чтобы

российский «корабль» не сел на камни или на мель, а то и вовсе перевернулся…

Вот для чего надо было жить и работать, однако порывы страсти, яростное горение и т. п. не очень-то подходили как образное выражение сути работы Ленина во второй половине 1900-х и первой половине 1910-х годов… А точнее — патетические образы и сравнения вообще не подходили для описания жизни Ленина.

Другое дело — спокойная уверенность, ровное горение и свечение…

Один из советских лётчиков-испытателей заявлял: «Если испытатель идёт в полёт как на подвиг, значит, он к полёту не готов». Это не значит, что испытателем может быть человек, не готовый к подвигу. Как раз наоборот, повседневная готовность к неожиданным, экстремальным ситуациям в полёте, когда необходимо действовать мужественно, для испытателя — неотъемлемая профессиональная черта. Но он не должен рассматривать свою работу как подвиг. Для него подвиг — элемент профессионализма.

Это же следует сказать и о профессиональном революционере… А Ленин был высоким профессионалом своего революционного дела.

Рисковать собой, бросая бомбу в великого князя, глупо и бессмысленно.

Рисковать собой, когда грозит арест и долгое выключение из работы по руководству партией, необходимо по чисто деловым соображениям. И Ленин без колебаний ступает на ненадёжный лёд Финского залива — как это было осенью 1907 года…

Подвиг?

Нет, конечно!

Досадная, чреватая гибелью, но — необходимость.

И — не более того…

Свою работу Ленин никогда не считал героической, а когда работа требовала от него героизма, он воспринимал это как неизбежные издержки работы, как досадную её специфику.

ТАК смотрели на дело в революционной эмиграции далеко не все, к тому же — в эмиграции, весьма разнородной по политическим платформам, по возрасту и опыту работы эмигрантов, по рисунку натур типичных представителей различных эмигрантских кругов: эсеров, бундовцев, меньшевиков, «трудовиков», анархистов и т. д. и т. п.

Не только убеждения, но и быт большевиков и, скажем, меньшевиков очень различались. Меньшевик Юлий Мартов, например, был неряшлив и интеллектуально, и в быту. Большевик

Владимир Ульянов, напротив, имел строгий, чётко логичный ум, был аккуратен в одежде и общежитии.

Но с тем же Мартовым — бывшим близким другом — Ленину приходилось постоянно общаться лично и через письма, обсуждать хотя бы частично общие задачи и проблемы, дискутировать, пытаться переубедить…

Было бы небесполезно отдельную книгу посвятить анализу эмигрантских писем Ленина к тем или иным адресатам, где речь идёт только об отношении к тому или иному партийному деятелю — Радеку, например. И параллельно — анализу переписки Ленина в тот же период с тем же деятелем, с тем же Радеком…

Читая многие ленинские письма год за годом с конца 1900-х до середины 1910-х годов, не всегда поймёшь — об одном и том же человеке или о разных людях пишет Ленин? И, в свою очередь, не всегда понятно — Ленин или кто-то другой в разное время пишет об одном и том же человеке?

Глупцы усматривают в этом факте (а это — факт!) «политиканство» Ленина, его якобы склонность к интригам, к склоке и т. д. В действительности же Ленин был вынужден то и дело идти на компромиссы там, где это было возможно, а при этом ни за что не идти на компромиссы там, где они были недопустимы.

Линия Ленина нередко бывала гибкой, но всегда — последовательной, *непрерывной* в своём развитии. Можно ли было сказать то же самое о многих, с кем Ленину по его деятельности профессионального революционера приходилось в эмиграции взаимодействовать?

Отсюда и проистекали разные оценки одного и того же человека в разные периоды. Не Ленин был непоследователен, непоследовательными и противоречивыми были многие из тех, с кем ему приходилось иметь дело.

Политическая эмиграция, а тем более — дореволюционная российская политическая эмиграция, неизбежно была чревата ссорами уже потому, что в психологическом отношении политическая эмиграция — всегда стресс.

Ленин, Крупская и другие — даже самые «твердокаменные» — большевики-ленинцы исключением здесь не были и быть не могли! Просто кто-то переносил стресс мужественно, а кто-то им, так сказать, любовался.

Ленин оказался вне Родины не потому, что совершил уголовное преступление и сбежал от наказания, а потому, что его не устраивало на Родине её общественное устройство и он хотел заменить его другим. Он любил Россию, а жить в ней и работать

не имел права, потому что для той России, которая есть, он был официальным изгоем.

Примирись со строем, и сможешь вернуться, увидеть мать, сестёр, брата…

Увидеть русские берёзовые рощи, Волгу, московские улочки, Невский в Питере, пойти в Третьяковку…

Да попросту сможешь услышать родную, русскую речь — не в эмигрантском застолье, а на приволье, под родным небом!

Ан нет!

Конечно, это был стресс — подавляемый, загнанный в подсознание, но постоянный. А на всё это накладывались политические разногласия в партийной среде, непонимание и ещё много всякого разного… В начале января 1911 года Ленин пишет заметочку «О краске стыда у Иудушки Троцкого». Чувства автора в ней заявлены вполне определённо, однако в реальном масштабе времени Ленин публиковать её не стал — она появилась в номере 21 газеты «Правда» от 21 января 1932 года — в очередной день памяти Ленина. Вот она — почти полностью:

«Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию.

После пленума ослабел ЦК, усилились вперёдовцы — обзавелись деньгами. Укрепились ликвидаторы, плевавшие в „Нашей Заре“ перед Столыпиным в лицо нелегальной партии.

Иудушка… стал писать… ликвидаторские статьи… И сей Иудушка бьёт себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед вперёдовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого»[128].

Как много вместили в себя эти немногие строки! И негодование Ленина в тот конкретный момент. И всю сложность того конкретного момента… И будущие измены и политиканство Троцкого уже советского периода, после смерти Ленина ставшие особенно злостными и опасными.

ЖИЗНЬ в эмиграции всегда не сахар, и даже деятельная политическая эмиграция накапливает психологическую усталость. Причём поводы к этому дают не только враги, оппоненты, но и нередко товарищи. Вот Ленин пишет 25 февраля 1911 года Алексею Рыкову:

«Дорогой Власов! Сейчас получил Ваше письмо и спешу ответить немедленно…

…Ваша основная ошибка — что Вы верите *словам* и закрываете глаза на *дела*. Вам наговорили „добрых слов“ разные люди вроде Домова или Алексинского, или ещё не знаю кого, и

Вы верите, Вы пишете: „*Вперёд* (группа отзовистов. — *С. К.*)… наш возможный союзник…“

Это *неправда*. Это лживые слова жуликов, готовых обещать что угодно, лишь бы *замазать* то, что есть, их особую школу, их 85 000 р. от эксов.

Если Домов отходит от „Вперёда“, то ведь Домов — учитель гимназии, обыватель, баба, а не политик. Если Алексинский „ссорился“ с Богдановым и К°, то теперь вот, вернувшись из Болоньи, он вполне опять помирился…

Вы полагаетесь на *слова* и оставляете себя бессильным *на деле* — это значит повторять *роковую* ошибку…»[129]

«Домов» — это Михаил Покровский, будущий редактор серьёзного ленинского труда об империализме как высшей стадии капитализма, будущий советский академик-историк.

А Алексинский — это и есть Алексинский, бывший «товарищ Пётр» и будущий «разоблачитель» Ленина летом 1917 года. Для характеристики позднего Алексинского ещё эмигрантского образца не мешает познакомиться с извлечением из циркуляра Департамента полиции российского МВД от 7 июля 1913 года № 101901, где сообщалось о расколе в группе «Вперёд»:

«Поводом к расколу послужили разногласия, существующие между двумя лидерами этой группы — бывшим депутатом Алексинским и Луначарским. Разногласия хотя и возникли на почве культурных начинаний Луначарского и приняли внешнюю форму спора о чистоте марксизма, но в действительности носили чисто личный характер благодаря неуживчивому характеру Алексинского, который ранее уже способствовал уходу из этой же группы известного экономиста и бывшего члена Центр. Комитета — Богданова»[130].

Вот таким путём шёл Алексинский — от амбиций к склоке, от склоки — к амбициям, а в итоге — к провокации и предательству.

Полностью письмо Ленина к Рыкову, частично цитированное выше, занимает в 48-м томе более четырёх страниц, и читать его — если, конечно, знаешь и понимаешь, о чём идёт речь, — весьма интересно. Так, отвечая на сомнения Рыкова, Ленин пишет: *«А насчёт осколков (будущих!!) не заботьтесь. Будем мы сильны — все придут к нам. Будем слабы, будем верить в слова, — нас осмеют, и только…»*.

Но и приведённого отрывка достаточно для того, чтобы увидеть, как часто даже среди заграничных большевиков только Ленин был полностью последователен и принципиален.

Любопытен и постскриптум этого письма:

«Не видали ли Вы Никитича? Не втёр ли он ещё очки насчёт миролюбия „Вперёда“. Это мастер посулы давать и очки

втирать»[131].

«Никитич» — это Л. Б. Красин, крупный партиец, член ЦК, а после революции — нарком внешней торговли СССР, полпред в Великобритании…

Нет, жизнь сложнее схем, и уж кто-кто, а Ленин и понимал это, и писал об этом, и вёл себя, отдавая себе отчёт в этом…

В КОНЦЕ 1910 года Ленин получил достоверные сведения о гибели Ивана Бабушкина в 1906 году, и в № 2 нового ленинского органа — «Рабочей Газеты» от 18 (31) декабря 19010 года Владимир Ильич опубликовал большой некролог «Иван Васильевич Бабушкин»… Это было слово скорби товарища о верном погибшем друге и соратнике:

«Мы живём в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарища годами не знают, что сталось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампфом (точнее, Меллером-Закомельским. — *С. К.*)…

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу… Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал свою жизнь, не умрёт…

…Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия интеллигентская, что рабочие от неё оторваны…

Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого рабочего-искровца служит наглядным опровержением либеральной лжи… Народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину… Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации…»[132]

И ещё один некролог пришлось написать вскоре Ленину — 18 (31) января 1911 года в 67 лет скончался крупнейший немецкий социал-демократ Пауль Зингер, председатель правления Германской социал-демократической партии и председатель её фракции в рейхстаге.

Зингер происходил из богатой купеческой семьи, сам начинал как богатый фабрикант и буржуазный демократ, но уже в

семидесятые годы XIX века пришёл к марксизму и к борьбе за социализм, за революционное начало в СДПГ.

Ниже приведена немалая часть некролога, опубликованного Лениным в третьем номере «Рабочей Газеты», которую стали издавать большевики с 1910 года как непериодический нелегальный орган. Приведена потому, что то, что Ленин написал о Зингере, он полностью мог адресовать самому себе — за исключением того, что Ленин, в отличие от Зингера, был ещё и теоретиком и публицистом.

Вне сомнений, именно естественное сопоставление судьбы Зингера с собственной и придало словам Ленина яркую страстность, обычно Владимиром Ильичом в печатных трудах сдерживаемую:

«5 февраля немецкая социал-демократия хоронила одного из старейших своих вождей. Всё рабочее население Берлина — многие сотни тысяч — по призыву партии явились на похоронное шествие, пришли почтить память того, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь на служение делу освобождения рабочего класса…

Он отдал партии все свои силы, всё своё богатство, все таланты практика и руководителя. Зингер был из числа тех немногих, можно сказать: из числа тех исключительно редких выходцев из буржуазии, которых долгая история либерализма, история измен, трусости, сделок с правительством, угодничества буржуазных политиканов, не расслабляет, не развращает, а *закаляет*, превращает в *революционеров* до мозга костей. Редки *такие* выходцы из буржуазии, примыкающие к социализму, и *только* таким редким, долголетней борьбой искушённым, людям должен доверять пролетариат…

Зингер не был ни теоретиком, ни публицистом, ни блестящим оратором. Он был прежде всего и больше всего практиком-организатором нелегальной партии *во время исключительного закона*(закон 1878 года против социалистов, проведённый Бисмарком. — С. К.) и *парламентарием* (оба раза жирный курсив мой. — С. К.) после отмены этого закона».

То, что написал Ленин в последнем цитируемом выше абзаце, крайне важно для понимания подлинного Ленина! Из сказанного им в 1911 году ясно видно, что в условиях виртуальной буржуазной Российской республики — если бы она установилась в *мирное* время и в *не разваленной* войной стране, — мы увидели бы совершенно не того Ленина, которого знает реальная история.

Ленин создавал нелегальную партию не из любви к заговорам, а вынужденный к тому самим царизмом, без всякого чрезвычайного закона подавлявшим те гражданские свободы,

которые к началу XX века стали в Европе уже нормой. Но если бы царизм уступил естественному ходу событий и принял английскую или германскую форму монархии, то Россия увидела бы Ленина — не руководителя нелегальной партии, а Ленина-парламентария, то есть, — русский вариант Пауля Зингера, ещё более успешный и выдающийся, чем «оригинал».

При этом целью и задачей Ленина как главы парламентской партии всё так же оставался бы социализм, и в условиях подлинно свободного выборного волеизъявления масс Ленин стал бы выборным главой российского государства в течение вряд ли более трёх-пяти лет после «отмены» российского не юридического, а фактического «чрезвычайного закона».

Ленин сам умел делать будничную повседневную работу, умея видеть при этом и общее, не топя его в мелочах. Поэтому он, говоря о Зингере, и подчёркивал:

«Этот практик, у которого большая часть времени уходила на мелкую, будничную, технически-парламентарную и всяческую „деловую“ работу, был велик тем, что не делал себе кумира из мелочей, не поддавался столь привычному и столь пошлому стремлению отмахиваться от резкой и принципиальной борьбы… Напротив, Зингер всякий раз, когда вставал вопрос о коренном характере революционной партии рабочего класса, о конечных целях её, всегда был во главе самых твёрдых и самых решительных борцов со всеми проявлениями оппортунизма… Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против „молодых“ полуанархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных „легалистов во что бы то ни стало“…»

Тут аналогия со сложившимся положением в РСДРП была явной и прямой.

Сильно звучало и следующее:

«Никогда трёхмиллионный Берлин не видал такого скопления народу: не менее миллиона человек были участниками и зрителями шествия. Никогда ни один из сильных мира сего не удостаивался таких похорон. Можно приказать десяткам тысяч солдат выстроиться по улицам при проводах праха какого-нибудь короля или знаменитого избиениями внешних и внутренних врагов генерала, но нельзя поднять население громадного города, если в сердцах всей миллионной трудящейся массы нет горячей привязанности к своему вождю, к делу революционной борьбы самой этой массы…

Он заслужил ту ненависть буржуазии, которая проводила его в могилу. Буржуазные ненавистники Зингера (немецкие либералы и наши кадеты) злорадно указывают на то, что с его смертью

сходит в могилу один из последних представителей героического периода немецкой социал-демократии, когда так сильна, свежа, непосредственна была у вожаков вера в революцию… Но пусть не ликуют враги раньше времени!

Умирают старые революционные вожди — растёт и крепнет молодая армия революционного пролетариата»[133].

Написав так о Зингере, Ленин не мог знать тогда, конечно, что нарисованная им картина похорон Зингера в феврале 1911 года будет ещё более мощно воспроизведена во время похорон Владимира Ильича в январе 1924 года. Но сегодня эти ленинские строки выглядят так, как будто сквозь годы он видел новые миллионные ряды скорбящих, траурные флаги и народную скорбь уже по нему самому…

ЖИВУЩИЕ продолжают то, что не успели сделать ушедшие, и весной 1911 года Ленин организует под Парижем, в Лонжюмо, партийную школу. Ленин прочёл около 60 лекций, включая курс политэкономии, аграрный вопрос, теорию и практику социализма, курс философии и материалистического понимания истории… Занятия продолжались до конца августа 1911 года, после чего слушатели разъехались на нелегальную работу в Россию[134].

Подробные сведения о школе в Лонжюмо мы находим в документах охранки, опубликованных после Октября 1917 года. Провокатор Бряндинский, «осветивший» школу московской охранке, отметил даже, что два раза устраивались групповые выезды: «первый раз 14 июня в Париж на национальный праздник (день взятия Бастилии. — *С. К.*)… и второй раз в Версаль», при этом первый раз «на выпивку» было израсходовано до 150 франков, а второй раз «лишь 60–70 франков».

Бряндинский оказался объективным информатором и отметил, что «при расходовании партийных денег на личные потребности каждым из школьников в отдельности соблюдалась экономия» и лишь «при тратах целой группой особенно не стеснялись». Впрочем, 150 франков *один раз* на компанию человек в тридцать, многие из которых приехали из подполья и должны были уехать в подполье, — это не так уж и много.

Интересные воспоминания о школе в Лонжюмо оставила и Крупская, на которой лежала организация переписки слушателей с родными. Из колоритных воспоминаний Надежды Константиновны (в деталях подтверждаемых донесением Бряндинского) видна дружная, товарищеская атмосфера в этой французской деревне в 15 километрах от Парижа — не очень уютной, не курортной, но удобной тем, что там не жило никого из русских. Для слушателей-«нелегалов» это было

обстоятельством существенным.

«Занимались много и усердно, — писала Крупская. — По вечерам иногда ходили в поле, где много пели, лежали под скирдами, говорили о всякой всячине. Ильич тоже иногда ходил с ними»…

Столовались Ульяновы вместе со слушателями. Хозяйство взяла на себя Катя Мазанова, жена рабочего, бывшего вместе с Мартовым в ссылке в Туруханске, а потом нелегально работавшего на Урале. Ходили слушатели босыми — стояла страшная жара, а они, как на подбор, «гимназиев не кончали».

В Лонжюмо приехали рабочие А. И. Догадов из Баку, «плехановец» (впоследствии большевик) И. Д. Чугурин из Киева, металлист И. С. Белостоцкий из Питера, москвич-кожевенник И. В. Присягин, Я. Д. Зевин из Екатеринослава, А. И. Иванова, поляк Э. Прухняк, польский социал-демократ С. Ю. Копец, С. Искрянистов… Вольнослушателями числились Г. К. Орджоникидзе («Серго»), И. И. Шварц («Сёма», «Семён»), Б. А. Бреслав («Захар»).

Разными оказались их судьбы…

Скажем, Яков Зевин (1884–1918) начинал как меньшевик-партиец, с 1912 года стал большевиком, после Февральской революции работал в Моссовете, занимал пост комиссара труда в Бакинской коммуне и в 1918 году был расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров.

Серго Орджоникидзе стал в СССР крупнейшим партийным и государственным деятелем… Занимали ответственные посты после Октября 1917 года и другие бывшие слушатели…

А вот что написала Крупская о судьбе выпускника школы С. Искрянистова («Василия»):

«Он очень хорошо занимался, но держался как-то странно, сторонился всех… Он был очень дельным работником, в течение ряда лет занимал ответственные посты. Бедовал здорово. На фабрики и заводы его, как „неблагонадёжного“, никуда не брали, и он с женою и двумя детьми очень долго жил на очень маленький заработок своей жены — ткачихи. Как потом выяснилось, Искрянистов не выдержал и стал провокатором. Стал здорово выпивать. В Лонжюмо не пил. Вернувшись из Лонжюмо… покончил с собой. Раз вечером прогнал из дому жену и детей, затопил печку, закрыл трубу, наутро нашли его мёртвым. Получил он за свою работу какие-то гроши, числился провокатором меньше года».

Увы, бывало и так.

В ИЮНЕ 1911 года Ленин собрал в Париже совещание членов ЦК, живущих за границей. В этом совещании принял и член ЦК от

Социал-демократии Королевства Польского и Литвы «Юзеф» — Феликс Дзержинский. «Поляки» до этого работали достаточно обособленно, и Ленин провёл отдельное совещание с представителями польской социал-демократии, на котором обменялся с Дзержинским записками, где оба соглашались, что меньшевиков-«голосовцев» надо из партии исключать. В историю партии этот обмен вошёл как «Договор Ленина с Юзефом». А в январе 1912 года в Праге проходит созванная Лениным отдельная партийная конференция большевиков. На ней председателем Русского бюро ЦК был заочно избран Сталин, находившийся тогда в вологодской ссылке.

Сразу после Пражской конференции, в феврале 1912 года, Ленин написал Горькому: *«Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и её Центральный комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами. Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, „духоподъёмную“, а? Тряхните стариной — помните 1905 год — и черкните пару слов, ежели появится охота написать…»*[135].

Видно, что, несмотря на продолжающуюся зиму, настроение у Ленина было весенним, майским, «духоподъёмным». Положение определилось, «задачи ясны и команды понятны, и виден рубеж огневой»…

И не будет ни натяжкой, ни преувеличением сказать, что тогда окончательно завершился для Ленина период не то что бы «разброда и шатаний» — этого за Лениным не замечалось никогда и ни в чём, и не то что бы иллюзий — этим Ленин тоже никогда не страдал, но — период *надежд* на то, что *все* те, кто работает в рабочей среде, то есть те, кто считает себя «организованными марксистами», поймут, что лишь тактика и стратегия Ленина обеспечивает — рано или поздно — успех.

Ленин окончательно отряхнул со своей жизни и борьбы прах иллюзий, разочарований и упований. Он окончательно духовно укрепился в мысли, что надо идти и идти своим путём, ведя за собой только тех, кто готов идти за ним, как солдаты за командиром.

По внешней видимости ещё царило время тяжёлой реакции, пиком которой стал Ленский расстрел 4 апреля 1912 года. Тогда власти расправились над участниками мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков, протестовавших против произвола администрации и ареста стачечного комитета.

Владельцы акционерного «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото»), где преобладали английские акционеры, получали ежегодно 7 миллионов чистой прибыли,

дивиденды за 1910 год составили 56 %. Рабочие же на приисках в глухой тайге в двух тысячах километров от Сибирской железной дороги при 11-часовом рабочем дне по договору фактически работали за гроши по 13–14 часов.

В начале марта 1912 года началась стачка — с бунта женщин-работниц, когда в гнилом мясе, отвешиваемом в приисковой лавке, они обнаружили ещё и бычьи гениталии. Осенью 1911 года на приисках оформилась большевистская группа, она и возглавила стачку. Программа: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработка на 10–30 %, отмена штрафов, организация медицинской помощи, улучшение продовольственного снабжения и квартирного положения.

Всего-то!

И петербургские, и лондонские хозяева приисков требования отклонили, решив рассчитать рабочих, прекратить подвоз продовольствия и выселить бастующих из приисковых казарм. В ночь с 3 (16) на 4 (17) апреля по распоряжению Департамента полиции была арестована часть членов Центрального забастовочного комитета. Тогда утром 4 апреля около трёх тысяч рабочих направились к Надеждинскому прииску, где находился прокурор, чтобы вручить жалобу. Но заранее подтянутые войска открыли огонь. Было убито 270 и ранено 250 человек.

10 апреля 1912 года в ответ на запрос социал-демократической фракции Государственной Думы министр внутренних дел Макаров заявил: «Так было и так будет впредь!». В СССР об этом палаческом ответе знал любой средне успевающий ученик средней школы, сегодня о нём вряд ли знают даже школьные учителя.

В ответ на ответ Макарова по России прокатилась волна демонстраций и политических стачек, в которых приняло участие до 300 тысяч человек. 25 апреля 1912 года в газете «Социал-демократ» Ленин констатировал: «Политические стачки и начало демонстраций по поводу ленского побоища показывают нарастание революционного движения рабочих масс в России»[136]. А в августе 1912 года в очередном письме Горькому Ленин доверительно сообщал:

«А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, — просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть…»[137]

В очередной раз возникало это слово — «организация». Естественно, по условиям России, — нелегальная. То есть Ленин

мыслил верно: необходимо как можно более энергичное наращивание партийных сил и усиление всех видов работы, как легальной, так и нелегальной.

В легальной части обозначился крупный успех: в апреле большевистский депутат III Думы Полетаев получил разрешение на издание новой газеты, и с 5 мая в Питере стала легально выходить ежедневная рабочая газета «Правда»! Не малохольная «троцкая» венская квази-«Правда», а ленинско-сталинская «Правда», первый номер которой вышел с передовицей, написанной Сталиным.

В ДВАДЦАТЫХ числах июня 1912 года Ульяновы переехали из Парижа в Галицию, в австрийский (тогда) Краков. Вначале поселились в предместье, однако тут было далеко до вокзала, а Ленин почти ежедневно ходил отправлять письма в «Правду» скорым ночным поездом — чтобы статьи успевали вовремя. Поэтому в конце августа переехали на новую квартиру рядом с вокзалом. В двух комнатах стояли три простые кровати (мать Крупской тоже переехала за детьми в Краков), два стола, несколько стульев и табуреток, плюс полки для книг.

В августе Ленин сообщал Горькому в ответ на его вопрос:

«Вы спрашиваете, зачем я в Австрии. ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем её, ближе к Питеру, на 3-й день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается. Склоки здесь меньше, это плюс. Библиотеки нет хорошей, это минус. Без книг тяжело»[138].

Осенью предстояли выборы в IV Государственную Думу, так что время было горячим. Заранее было понятно, что выборы будут сфальсифицированы, что и произошло путём «разъяснения» выборных законов, которые и без подтасовок приравнивали голос одного помещика к 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Но участвовать в выборах было необходимо, потому что даже куцые думские возможности были полезны.

Летом и осенью 1912 года Ленин опубликовал в «Правде» не один десяток статей на самые разные темы — от краткого анализа концентрации производства в России до своеобразного некролога «Карьера» — на смерть издателя «Нового времени» А. С. Суворина (1934–1912), где Ленин писал:

«Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный восхвалитель буржуазии… в конце этого пути. Разве это не типично для *массы* „образованных“ и „интеллигентных“ представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, но девять десятых,

если не девяносто девять сотых играют именно такую же самую игру в ренегатство, *начиная* радикальными студентами, *кончая* „доходными местечками“ той или иной службы, той или иной аферы…»[139]

Это ведь Владимир Ильич писал и о многих своих бывших соучениках по гимназии, по университету. Они «поняли» жизнь, они «вовремя созрели» и отыскали свои доходные местечки, а теперь пытались отгородиться от совести тем, что говорили о революционерах как о «смутьянах», «неудачниках, не умеющих найти себя в жизни», «бездельниках, не желающих тянуть лямку» и т. д.

Они и сегодня говорят о Ленине и его сподвижниках то же самое, но удивляться тут нечему — ведь девять десятых, если не девяносто девять сотых современных «обличителей» Ленина тоже начинали как радикальные столичные студенты в курилках на «образованных» и «интеллигентных» кухнях…

В Европе тоже было неспокойно. И для людей прозорливых — а Ленин был, конечно, из их числа — порохом густо запахло именно в 1912 году — с началом первой Балканской войны, за которой последовала вторая Балканская война — предвестие войны уже мировой…

Угрозу мировой войны искушённые в мировой политике люди — а таких в европейских социал-демократиях хватало — видели и раньше. Уже на Копенгагенском «кооперативном» конгрессе II Интернационала, прошедшем в 1910 году, вопрос о будущей войне и об отношении к ней организованных трудящихся поднимался. И тогда — не в последнюю очередь благодаря активной позиции Ленина — была вынесена резолюция о голосовании в парламентах против военных кредитов.

Социалистическим партиям рекомендовалось требовать от своих правительств сокращения вооружений и полного разоружения, требовать разбора межгосударственных конфликтов в третейских судах. Рабочих призвали протестовать против угрозы войны.

В октябре 1912 года началась первая Балканская война между Турцией и странами Балканского союза: Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией, носившая до определённой степени характер национально-освободительной. Ленин сразу же откликнулся на неё обращением «Ко всем гражданам России», выпущенным отдельной листовкой. В Обращении, поддержавшем идею федеративной Балканской республики, в то же время осуждалась «великая» кадетская идея о завоевании Константинополя и говорилось:

«Товарищи рабочие и все граждане России!

…Балканский кризис есть одно из звеньев той цепи событий, которая с начала XX века ведёт повсюду к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям…

Войны со всеми их бедствиями порождает капитализм, который обостряет борьбу между нациями и превращает рабов капитала в пушечное мясо. Только всемирная социалистическая армия революционного пролетариата в состоянии положить конец этим бойням рабов ради интересов рабовладельцев…

Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика Российская!

Да здравствует федеративная республика Балканская!

Долой войну, долой капитализм!

Да здравствует социализм, да здравствует международная революционная социал-демократия!»[140]

В связи с Балканской войной Международное социалистическое бюро, членом которого от РСДРП был Ленин, созвало в Базеле Чрезвычайный международный социалистический конгресс II Интернационала, где вопрос об отношении к войне стал основным и единственным. Конгресс занял два дня — 24-го и 25 ноября, в нём приняло участие 555 делегатов, в том числе — 6 от РСДРП.

Ленин в Базеле не был — 10 ноября он написал Каменеву: *«Возможно, что я не поеду и назначим Вас»*. Поехал в Базель действительно Каменев, а представителем от России в комиссии конгресса по выработке манифеста против войны был по согласованию с Лениным избран эсер И. Рубанович.

Конгресс единогласно принял Базельский манифест, который чётко определил назревавшую войну как империалистическую и грабительскую и обвинял в подготовке войны правительства Германии, России, Англии, Франции и Италии. Упущен был, правда, главный поджигатель войны — Соединённые Штаты, но все остальные были указаны верно.

В Базельском манифесте горячо приветствовались выступления против войны рабочих, особенно — русских, и было заявлено, что эта война «не может быть оправдана ни самомалейшим предлогом какого бы то ни было народного интереса»! В случае возникновения войны манифест рекомендовал социалистам использовать экономический и политический кризис, вызванный войной, для борьбы за социалистическую революцию[141].

Но когда Первая мировая война началась, идеям Базельского манифеста остался верен лишь Ленин. Все остальные лидеры II Интернационала повели трудящиеся массы своих стран, говоря словами Ленина, на «бойню рабов ради интересов

рабовладельцев».

ЕСТЕСТВЕННО, Ленин готовился к будущим событиям, но ко всем политическим задачам прибавилась чисто личная — в 1912 году Крупская заболела базедовой болезнью, весной 1913 года её здоровье ухудшилось, и врачи посоветовали ей выехать на несколько месяцев в горы. Ленин всегда был заботлив к родным и близким, очень волновался за жену, и в двадцатых числах апреля они с Крупской перебрались из Кракова в деревушку Поронин, находящуюся рядом с известным горным курортом Закопане.

На пятизвёздочные отели у Ульяновых денег не было — Первая мировая война ещё не началась и кайзер Вильгельм вкупе со своим Генштабом ещё не осыпали Ленина «стариковско-германским» золотом. У крестьянки Терезы Скупень сняли домик из двух комнат с кухней и мансардой, заменившей Ленину кабинет. Показательно, что сам Ленин определил эту дачу как «громадную» и писал: «слишком велика»!

Уже устроившись, Ульяновы, как всегда, списываются с родными в России, и в середине мая 1913 года Ленин сообщает младшей сестре в Вологду:

«Место здесь чудесное. Воздух превосходный — высота около 700 метров. Никакого сравнения с низким местом, немного сырым, в Кракове. Газет имеем много, и работать можно…

Деревня — типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети… Место у нас некурортное (Закопане — курорт) и потому очень спокойное. Надеюсь всё же, что при спокойствии и горном воздухе Надя поправится. Жизнь мы здесь повели деревенскую — рано вставать и чуть ли не с петухами ложиться. Дорога каждый день на почту да на вокзал…»[142]

Последняя фраза показывает, что и в деревне жизнь была у Ленина «деревенской» лишь относительно — он и в Поронине много работал, что подтверждает и 23-й том Полного собрания сочинений с десятками статей, написанных в то время: «Капитализм и женский труд», «Буржуазия и мир», «Строительная промышленность и строительные рабочие», «Пробуждение Азии», «Уроки бельгийской стачки», «Из Франции», «Организация масс немецкими католиками», «Об отпусках для рабочих», «Либералы в роли защитников IV думы» и так далее…

Деревня, однако, есть деревня, да ещё и горная… 25 мая 1913 года Крупская писала свекрови в Феодосию:

«…Я уже поправляюсь. Сердцебиения гораздо меньше. Следуя совету доктора, ем за троих, лакаю молоко… Володя очень кипятится, особенно его смущают Кохером (крупный швейцарский хирург, специалист по оперативному лечению базедовой болезни. — С. К.)…

Настоящий отдых теперь только начинается. Была архисутолока с переездом… Погода с сегодняшнего дня собирается расстояться, а то целую неделю не переставая шёл дождь, хотя сырости не было. Сегодня гуляли с Володей часа два, а теперь он один ушёл куда-то в неопределённую часть пространства.

С утра от соседей прибегает к нам чёрный лохматый щенок, и Володя с ним подолгу возится. Жизнь самая дачная…

Тут очень красиво. Хорошо также, что нельзя очень гонять на велосипеде, а то Володя очень злоупотреблял этим спортом и плохо отдыхал, лучше больше гулять…»[143]

Возможность в любой момент уйти одному «куда-то в неопределённую часть пространства» всегда была для Ленина и редкой, и желанной. Подумать ему наедине с собой всегда было о чём, а где думается лучше, как не во время неспешной прогулки? Да ещё и когда атмосфера вокруг в прямом смысле слова чистая, целительная!..

Болезнь Крупской его беспокоила, в том же письме в Феодосию есть и приписочка самого Ленина: *«Дорогая мамочка! Крепко обнимаю тебя и шлю всем привет. Мите большое спасибо за письма. Надю уговариваю ехать в Берн. Не хочет. Но теперь она немного поправляется. Твой В. У.».*

В Берн ехать всё же пришлось, и 23 июля Кохер удачно оперировал Крупскую. Операция шла около трёх часов, без наркоза, но Надежда перенесла операцию мужественно, хотя в первые сутки бредила в сильнейшем жару. 26 июля 1913 года Ленин сообщал об этом матери из Берна уже в Вологду, признаваясь, что «перетрусил изрядно». В том же письме он сетовал: *«Закрытие газеты, в которой я писал, ставит меня в очень критическое положение. Буду искать поусерднее всяких издателей и переводов; трудно очень найти теперь литературную работу»*[144].

Речь здесь о «Правде», которую 5 июля 1913 года на номере 151-м закрыли… 13 июля 1913 года она начала выходить уже под названием «Рабочая Правда», но всё равно материальное положение Ульяновых, да ещё и после расходов на сложную операцию, оставляло желать лучшего. Тем более что Ленин не мог позволить себе уйти в чисто журналистскую или научную работу — партийные дела давно стали для него примерно тем же, что ядро, прикованное к ноге каторжника… С той лишь разницей, что Ленин приковал себя к этому «ядру» по собственной воле и сбегать с добровольной «каторги» намерения не имел.

ВЛАДИМИР Ленин всегда жил скромно — и когда был один, и когда он женился на Надежде Крупской. Ренегат-невозвращенец

Валентинов-Вольский (1879–1964) в изданном посмертно, в 1972 году, в Париже «Малознакомом Ленине» — книге, увы, мало правдивой, усердно «разоблачает» «мифы» о Ленине и, в частности, «миф о жизни впроголодь»[145].

Но, если не считать нескольких незначительных «лакировщиков» наоборот, никто о *голодающем* в эмиграции Ленине никогда не писал. Нет ни слова об этом и в нормативном сталинском кратком курсе «Истории ВКП(б)». Валентинов заявляет, что одним из творцов «легенды о бедной жизни Ильича» стала-де его старшая сестра Анна Ильинична, «утверждавшая, — как пишет Валентинов, — что за границей „во время наших кратких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко не достаточно“…».

Придётся привести не выдранные «мемуаристом» из контекста строки, а развёрнутую цитату из предисловия А. И. Ульяновой-Елизаровой к сборнику писем Владимира Ильича к родным издания 1930 года:

«Видны также из писем Владимира Ильича его большая скромность и невзыскательность в жизни, умение довольствоваться малым; в какие бы условия его ни ставила судьба, он всегда пишет, что ни в чём не нуждается, что питается хорошо; и в Сибири, где он жил на полном содержании на одно своё казённое пособие в 8 р. в месяц, и в эмиграции, где при проверке, во время наших кратких наездов, мы могли всегда установить, что питание его далеко не достаточно. Необходимость в его условиях пользоваться дольше, чем обычно, денежной помощью матери вместо того, чтобы помогать ей, всегда тяготила его…»

Не удержусь и продолжу цитирование:

«Стесняла его необходимость пользоваться при недостаче литературного заработка партийными деньгами…

Из-за этой же экономии старается Владимир Ильич, где можно, пользоваться книгами в библиотеках. На удовольствия он почти ничего не тратит: посещения театров, концертов… являются такой редкостью, что не могут отражаться на бюджете. Да Владимир Ильич всегда определённо предпочитал этим видам отдыха на обществе, на народе — отдых на природе…»[146]

Надеюсь, теперь всё стало на свои места? Бедная жизнь и скромная жизнь — вещи всё же разные… К тому же Анна Ильинична была женщиной волевой, с «инспекторскими» наклонностями, и её оценка «недостаточности» питания Ленина не очень сообразуется с его собственными оценками.

Но зачем Валентинов так мелко передёргивал факты?

Э-э, в том-то вся и штука!

Предавшему социалистические идеалы, а значит, и Ленина Валентинову, как и всякому предателю, хотелось самооправдаться. А для этого волей-неволей надо кусать и страну, которую предал, и человека, которого предал. Иными словами, надо лгать, смешивая правду с ложью.

Валентинов и прочие валентиновы этим и занимаются. Но иногда, к слову, у того же Валентинова прорывается такая фраза, что дорогого стоит — как, например, тогда, когда он сообщает: «Ленин не имел привычки говорить о себе. Уже этим он отличался от подавляющего большинства людей»[147]. Это — правда сквозь зубы, то есть — самая ценная правда… Та, которую не может утаить даже враг.

А ложь Валентинова насчёт того, что в СССР якобы бытовал миф о жизни Ленина впроголодь, опровергается и тем, что, как уже было сказано, ещё в тридцатые годы издавались письма Ленина и к родным, и к соратникам. А знакомство с ними свидетельствует лишь о скромной, без излишеств, но отнюдь не *бедной* жизни Ильича в эмиграции!

Подтверждений тому отыскивается в письмах Ленина и Крупской множество — не ленись только листать том, например, 55-й Полного собрания сочинений, где опубликованы письма к родным с 1893-го по 1922 год. И очень уж непривычный для многих Ленин смотрит на нас со страниц этих писем — и его собственных, а особенно — писем жены…

Всем известна штампованная формула: «Ничто человеческое ему не чуждо»… Но почему-то в подтексте её всегда имеются в виду те или иные маленькие и не очень маленькие слабости, а то и пороки, которые эта самая формула призвана оправдать. А ведь человеку — если он действительно заслуживает звания человека — должны быть не чужды и в действительности не чужды достоинства. Пороки — это от неразвитости, от гипертрофированного животного, а не человеческого начала. И как раз то, что приведённой выше сомнительной формулой оправдывалось, было Ленину чуждо. Зато подлинно человеческое ему было, напротив, свойственно! Вот что писала Надежда Константиновна 26 декабря 1913 года в письме — отличном, между прочим, по стилю — из Кракова матери Ленина в Вологду, где тогда жила Мария Александровна:

«Дорогая Марья Александровна, целую вечность не писала Вам. Вообще у меня с письмами последнее время шла какая-то итальянская забастовка! Отчасти виноват Володя. Увлёк меня в партию „прогулистов“. Мы тут шутим, что у нас есть партии „синемистов“ (любителей ходить в синема [кинематограф. — С. К.]), „антисинемистов“ или антисемитов, и партия

„прогулистов“, ладящих всегда убежать на прогулку. Володя решительный антисинемист и отчаянный прогулист. Вот и меня вовлекает всё в свою партию, а потом у меня ни на что не хватает времени…»

Всё здесь (как и почти всегда в тех случаях, когда Ленин или Крупская пишут о своей житейской, так сказать, жизни) проникнуто абсолютным душевным здоровьем. Этот здоровый дух натур виден даже тогда, когда речь в письмах идёт о тех или иных немочах… Вот и сейчас за беглой зарисовкой Крупской о «партийных разногласиях» сразу видны и дружная семья, и готовность к шутке, и умение шутку оценить.

Ленину — сорок три года. Он полон сил и ещё даже не догадывается, что всего через четыре года он встанет во главе России, а всего-то жить ему осталось какой-то десяток лет.

«Деньки, как нарочно, стоят удивительные, — продолжает Крупская. — Выпал снежок, прямо отлично. Ну, в Кракове что и делать, как не гулять. Культурных развлечений никаких. Раз пошли было в концерт, квартет Бетховена, даже абонемент вскладчину взяли, но на нас почему-то концерт страшную скуку нагнал, хотя одна наша знакомая, великолепная музыкантша (имеется в виду Инесса Арманд. — С. К.), была в восторге. В польский театр ходить не хочется…»

Это может показаться не очень понятным — все создатели казённых «лениниан» хрущёвско-брежневских времён уверяли нас, что Ленин-де был без ума от Бетховена. И вроде бы резон у них имелся. Максим Горький вспоминал, что уже в Москве, слушая на квартире первой жены Горького, Екатерины Пешковой, сонаты Бетховена в исполнении Исая Добровейна, Ленин признался:

— Ничего не знаю лучше «Apassionata», готов слушать её каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

Так был Бетховен близок Ленину, или не был?

Конечно, был! И даже — очень…

Есть Бетховен и есть Бетховен.

Часть музыкального наследия практически всех великих композиторов — это сложно построенная музыка для музыкальных гурманов вроде Арманд, а Ленин не был гурманом ни в чём, изысков не любил и, более того, не терпел.

Жил он всегда по материальным возможностям весьма скромно, да и на развитие того, что называется «художественным вкусом», времени у Ленина, профессионального революционера, не было. Он не очень-то жаловал европейские музеи, в том же

Лондоне предпочитал картинным галереям богатейшие лондонские публичные библиотеки… Однако искусство в его *наиболее великих* и наиболее *бесспорных* проявлениях он понимал и ощущал глубоко — оттого его и волновал тот Бетховен, который не для знатоков и ценителей, а для всех…

Вернёмся, впрочем, к письму Крупской:

«…Без чего мы прямо голодаем — это без беллетристики. Володя чуть не наизусть выучил Надсона и Некрасова, разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз. Мы беллетристику нашу (ничтожную часть того, что было в Питере) оставили в Париже, а тут негде достать русской книжки (это в славянском якобы Кракове! — С. К.). Иногда с завистью читаем объявления букинистов о 28 томах Успенского, 10 томах Пушкина и пр. и пр.

Володя что-то стал, как нарочно, большим „беллетристом“. И националист отчаянный. На польских художников его калачом не заманишь, а подобрал, напр., у знакомых выброшенный ими каталог Третьяковской галереи и погружался в него неоднократно.

Все мы здоровы. Володя каждый день берёт холодный душ, ходит гулять, и бессонниц нет у него…

Ваша Надя»[148].

Внимательный читатель увидит за этими строками многое…

Тоска вечных вынужденных скитальцев-изгнанников по Родине, а отсюда — и отчаянность чувств, когда даже Надсона хочется читать и читать, потому что русской книжки не достать, а купить не на что, а Надсон — это русская литература, русская речь… Да ещё и поэтическая, то есть — особенно звучная и выразительная.

Это ведь глубокая, на грани трагедии, драма: Ленин — и вне России!.. Великая натура, великая душа, великий патриот в самом точном и глубоком смысле этого слова, человек, написавший эссе «О национальной гордости великороссов», — вне России.

Великий сын России — вне России. И вынужден, живя вне неё, довольствоваться выброшенным знакомыми каталогом Третьяковки…

Тоска пусть и скрыта, но она есть.

И это — не мелкая тоска.

ПРИВЕДЁННОЕ выше письмо Крупской относится к позднему периоду второй эмиграции Ленина после поражения первой русской революции 1905 года. Сестра Ленина Анна Ильинична вспоминала, что первые годы второй эмиграции проходили «очень нудно и тоскливо» и «тяжело переживались Ильичом». Когда осенью 1911 года она навестила брата в Париже,

настроение его было тогда «заметно менее жизнерадостным, чем обычно». И однажды во время прогулки Ленин сказал: «Удастся ли ещё дожить до следующей революции»[149].

Прошло полтора года, партия большевиков работала в России всё активнее, а значит, всё более активно работал и Ленин. Остался в прошлом «парижский» период его деятельности, в разгаре был «краковский»… И из письма Крупской матери Ленина, написанного в канун последнего мирного года Европы, видно, что от былой хандры (относительной, конечно, полностью *кураж* Ленин не терял никогда!) не осталось и следа.

Однако из того же письма видно и то, что Ленин всё более тосковал по России. Это понятно уже по его тогдашнему увлечению безвременно скончавшимся в возрасте 25 лет Надсоном, поэтом талантливым, но по духу Ленину не то чтобы не родственным, но — прямо противоположным. Надсон — это уныние, рефлексия, раздвоенность души, то есть то, чего у Ленина отродясь не бывало. Тем не менее в Кракове он Надсоном — и, возможно, не только от бескнижья, — зачитывался.

Кстати, Ленин не мог не знать, что Надсон был похоронен на том же Волковом кладбище Петербурга, где он сам похоронил сестру Ольгу. Надсон был одним из любимых поэтов старшей сестры Ленина — Анны. Мария Александровна, зная о любви дочери к стихам Надсона, подарила ей томик стихов поэта.

И Анну особенно волновали строки:

Надо жить! Вот они, роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломалась от дум голова?

Да, надо было жить — даже тоскуя. Да и не тосковать надо было, а жить, работать — во имя будущей России. Во имя вполне возможного, но, скорее всего, такого ещё далёкого нового Отечества…

Жить и работать вдали от него.

А там, в русских снегах — любимая, «дорогая мамочка», сёстры — старшая и младшая, младший брат.

Там и могилы отца, брата Александра и сестры Ольги…

Эх!

ЛЕТО 1914 года надолго стало последним мирным летом в Европе. Но знали об этом *заранее* лишь немногие *посвящённые,* и нельзя сказать, что Большая война носилась тогда в воздухе, если

иметь в виду обывательскую европейскую массу… Наоборот, политически слепые буржуазные слои Европы и не подозревали, что она — накануне вселенского кровавого мордобоя! Даже после убийства в боснийском Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда Париж более волновал процесс мадам Кайо — жены французского министра финансов Жозефа Кайо. Мадам Кайо убила редактора «Фигаро» Кальметта за то, что тот опубликовал в целях дискредитации пикантные письма её мужа. Однако *посвящённые* — те, кто задумал и подготовил эту войну, — вели мир к войне последовательно и обстоятельно.

Полковник Хауз — личный представитель нового президента США Вильсона, избранного американским «электоратом» как «президент мира», но избранного *посвящёнными* в качестве «президента войны», — инспектировал Европу на предмет готовности её «верхов» к развязыванию войны…

Требовалось проверить также готовность к отправке на бойню «низов» Европы, и особенно — в такой плохо предсказуемой стране, как Россия. Для «накручивания хвоста» царю Николаю и обеспечения восторгов «чистой» российской публики в Петербург отправился президент Французской республики Пуанкаре, а настроение рабочим России должны были поднять вожди II Интернационала, которые к 1914 году окончательно стали обслуживать в рабочем движении интересы Капитала. Одним из этих «вождей» был бельгийский социал-демократ Эмиль Вандервельде, который считался, наряду с русским Плехановым и французом Жаном Жоресом, мировым оратором. Он-то и отправился летом 1914 года в Питер — к «братьям-рабочим».

Как ни странно, при всей прозрачности *задания* Вандервельде, на *его* визит — в отличие от визита Пуанкаре — советские историки особого внимания не обращали. А появление Вандервельде в России накануне войны стоит, вообще-то, отдельного исследования — очень уж оно хорошо иллюстрирует согласованность действий европейских «рабочих вождей» и мировой Золотой Элиты.

Здесь же придётся ограничиться голой сутью…

В начавшемся XX веке *только* пролетариат России оказался способным на крупнейшее политическое, притом — *вооружённое* выступление в 1905 году. Брались в 1905–1907 годах за вилы и миллионы российских крестьян. Поэтому мировых организаторов мировой войны не мог не волновать вопрос: можно ли рассчитывать на русскую массу как на послушное «пушечное мясо» в близкой — для посвящённых — мировой войне?

Это и должен был выяснить Вандервельде. Он побывал на

рабочих собраниях, в рабочих организациях и был неприятно поражён масштабами влияния на рабочую массу большевиков. Так что после инспекции было решено ослабить это влияние путём объединения большевиков и меньшевиков на особом форуме под эгидой II Интернационала. Обеим сторонам было предложено собраться в Брюсселе, в штаб-квартире Исполкома Международного социалистического бюро.

Меньшевики по поводу инициативы МСБ ликовали — Ленин получит выволочку от самого социалистического ареопага! Но не так прост был Владимир Ильич! Послать делегацию большевиков в Брюссель он согласился, но сам туда ехать не собирался и по причине занятости, и из тактических соображений. Вначале предполагалось участие Зиновьева, но кончилось тем, что на Брюссельское «объединительное» совещание Ленин послал вместо себя Инессу Арманд, М. Ф. Владимирского (Камского) и И. Ф. Попова.

Напомню, что Ленин писал Арманд из Поронина:

«По поручению ЦК обращаюсь к тебе с просьбой согласиться войти в делегацию… Ты хорошо знаешь дела, прекрасно говоришь по-французски, читаешь „Правду“. Думаем ещё о Попове, Камском…

Я ехать не хочу „принципиально“. Видимо, немцы (озлобленный Каутский и К°) хотят нам досадить. Sout! („Пусть так!“ — *С. К.*) Мы спокойно (я на это не годен) от имени большинства 8/10, вежливейшим (я на это не годен) французским языком предложим наши условия… Если *дорогие* товарищи хотят единства, вот условия *большинства* сознательных рабочих России. Не хотят, как угодно!!»[150]

Уговаривавшему его поехать Ганецкому (Фюрстенбергу) Ленин сказал, по воспоминаниям Ганецкого: «Если бы меньшевики решились пойти за нами, то нечего созывать конференцию. Они желают лишь ругать меня перед Интернационалом. Уж этого удовольствия я им не доставлю. Да и времени жалко, лучше заниматься делом, нежели болтовнёй». Это сообщение Ганецкого полностью подтверждается ленинской перепиской тех дней. К слову, ещё в начале февраля 1914 года Ленин, будучи в Брюсселе, написал по личной просьбе «товарища Гюисманса» доклад от своего личного (что было подчёркнуто) имени, где с цифрами была описана ситуация, сложившаяся в РСДРП, и говорилось: «Нас разделяет то, что ОК („Организационный Комитет“ меньшевиков. — *С. К.*) не хочет (и не может — ибо он бессилен против группы ликвидаторов) решительно и бесповоротно осудить ликвидаторство»[151].

«ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЕ», но никого не объединившее

совещание прошло в Брюсселе с 3 (16) по 5 (18) июля 1914 года. Проводили его Вандервельде, Гюисманс, Каутский, среди участвовавших были Плеханов, Троцкий, Алексинский и Роза Люксембург.

Настроенная Лениным на предельную жёсткость при предельной внешней корректности, тройка большевиков вела себя соответственно, оппоненты же выходили из себя: «Вы безответственные работники! Где Ленин? Когда он приедет? Он должен наконец выслушать обвинения перед лицом Интернационала…».

Вандервельде угрожал большевикам, что за их отказ «объединиться» их будут судить «двое судей»: намеченный в Вене международный социалистический конгресс и «русский пролетариат»[152]. Первый «суд» не состоялся — его сорвала война, а второго суда Ленин и его соратники не боялись.

19 июля 1914 года в письме Арманд Ленин писал из Поронина:

«Гюисманс и Вандервельде пустили в ход *все* угрозы. Жалкие дипломаты! Они думали нас (или вас) запугать. Конечно, им не удалось.

Мы говорим с Григорием (Зиновьев. — *С. К.*): умнее бы вовсе отказаться идти. Но русские рабочие не поняли бы этого, а теперь пусть *учатся* на примере живом.

Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка я бы взорвался, наверное… Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами…»[153]

Матерщинником (в отличие от, например, Льва Толстого) Ленин не был, однако он нередко не стеснялся в резких выражениях — я этого не скрывал, не скрываю и Ленина за это не осуждаю. И хотя люди слишком часто судят строже не подлеца, а того, кто прямо называет подлеца подлецом, искренняя позиция в конечном счёте выигрышнее, если политик действует в интересах большинства.

Но в данном случае признание Ленина в том, что он мог сорваться, показывает, что нервы у него были уже на пределе — шесть лет эмиграции начинали сказываться… В тот же день он пишет второе письмо Арманд — тоже весьма эмоциональное:

«Мой дорогой друг!.. Гюисманс сделал всё против тебя и нашей делегации, но ты отпарировала его выходки самым удачным образом. Ты оказала очень большую услугу нашей партии! Особенно благодарен тебе за то, что ты меня заменила…

Последняя карта ликвидаторов — помощь заграницы, но и эта карта бита…»[154]

В постскриптуме письма он прибавил: *«P. S. Вандервельде и*

Каутский в роли распространителей сплетни, будто Ленин прячется в Брюсселе. Каково! О, эти мерзкие сплетницы — у них один способ борьбы. Вы с Поповым отлично отбрили Гюисманса. Так ему и надо…»

Возможно, читателя позабавит извлечение из агентурной записки провокатора А. К. Маракушева (охранная кличка «Босяк», революционная кличка «Алексей») об этом совещании:

«…Петрова (И. Арманд. — *С. К.*) от имени ЦК представила доклад в письменной форме, состоящий из 29 пунктов, в котором, между прочим, говорится, что в России на стороне ЦК (ленинского. — *С. К.*) стоит 4/5 всех рабочих, а потому подымать вопрос о каком-то объединении РСДРП по меньшей мере странно и гораздо целесообразнее признать не признающих ЦК стоящими вне партии, и тогда, естественно, получится единство партии. Как самим докладом, так и речью Петровой большинство участников совещания было страшно возмущено, так как никто не мог ожидать, что нахальство „ленинцев“ дойдёт до таких размеров…

Выступления всех ораторов носили весьма страстный характер, но пользы делу никакой не принесли, и участники совещания, не придя ни к какому решению, уклонились от дальнейшего участия в этом совещании»[155].

Могу себе представить, как «Петрова»-Арманд с самым невинным видом — как ей советовал Ленин — предлагает Плеханову, Алексинскому, Троцкому и всем не согласным с Лениным признать себя стоящими вне партии… Нетрудно представить и реакцию тех же Плеханова или Троцкого.

Да, удар был силён: Ленин устами своих представителей заявил, что всех, кто не стоит на его позиции, он не считает революционными социал-демократами, а мотивировал своё мнение тем, что за него — абсолютное большинство организованных рабочих России.

Конечно, в какой-то мере Ленин вольно или невольно блефовал — он действительно пользовался поддержкой большинства, и даже абсолютного, однако настроения местных партийных организаций большевиков склонялись всё же не к размежеванию, а к примирению.

Так прав ли был Ленин в своей жёсткой позиции?

А вот прикинем…

У него, у партии и у российских рабочих уже был опыт революции 1905 года — опыт неудачной революции… Говорят, что умные люди учатся на чужих ошибках, а глупые — на своих, но как же определять тех, кто не учится даже на собственных ошибках?

Чужого опыта народной государственности у российских

социал-демократов было — кот наплакал. 72-дневная Парижская Коммуна 1871 года, когда у власти стояло рабочее правительство, — вот, собственно, и всё! Но и этот опыт показывал — колебания, неустойчивость, соглашательство, мягкотелость, склонность к речам вместо дела, отсутствие решительности и принципиальности гибельны для успеха пролетарской революции.

Свой собственный опыт 1905–1907 годов должен был бы убедить, вроде бы, в том же… Казалось бы, из опыта первой русской революции вытекал один разумный вывод: решительность, решительность и ещё раз решительность! Причём — с учётом преследований и террора властей требовалось обязательное развитие сильной нелегальной партии, полностью свободной от соглашательских элементов, но создающей прочную массовую базу при малейших легальных возможностях.

И вот вместо этого среди людей, считающих себя членами РСДРП, появляются ликвидаторы, богоискатели, богостроители и «ликвидаторы наизнанку» — отзовисты… Рабочие дезориентированы, растеряны, им хочется единства, а «вожди» тянут в разные стороны… И разобраться в том, кто прав, а кто — нет, способны далеко не все.

Но разобраться-то надо! И можно ли терпеть в руководстве рабочей партии, обязанной быть решительной и боевой, членов нестойких, литераторствующих, тянущих в «экономизм»?

Логика Ленина была железной, и это была действительно логика… Мы к чему рабочих зовём? К демократической республике! Возможна демократическая Российская республика без свержения самодержавия? Нет! А возможно свержение самодержавие без революции? Тоже нет!

Так какого чёрта вы, господа хорошие, выступаете против Ленина, который все эти годы только об этом вам всем и толкует!? Причём Россия, особенно рабочая Россия, тогда начинала серьёзно революционизироваться — реакция вождей II Интернационала это лишний раз подтверждает, причём это свидетельство «со стороны», так сказать. И если бы не начавшаяся война, то ещё неизвестно, когда стала бы возможна ленинская пролетарская революция в России — в октябре 1917-го или в октябре 1915 года?

Последнее предположение исторически вполне имеет право на существование, если помнить, что летом 1914 года в России назревало что-то вроде революционного кризиса.

А может быть, и мощный кризис…

Ещё год назад Центральный комитет призвал рабочих отметить 1 мая митингами, демонстрациями и маёвками, но

особого отклика этот призыв в массах не получил, 1 мая 1913 года прошло для властей достаточно спокойно. В 1914 же году началось с забастовок в очередную годовщину 9 января, продолжилось стачками по поводу массовых отравлений работниц на предприятиях Петербурга. После изгнания из Думы на 15 заседаний рабочих депутатов в Петербурге прошли забастовки протеста, а в Баку после маёвки началась всеобщая забастовка. Её поддержали в обеих столицах и в ряде других городов.

3 июля полиция стреляла в 12-тысячный митинг рабочих Путиловского завода. Петербургский комитет РСДРП призвал к забастовке, и 4 июля бастовало уже 90 тысяч, 7-го — 130 тысяч, 11-го — 200 тысяч… В Питере, в Баку и Лодзи появлялись баррикады… Стачечное движение было шире, чем летом 1905 года, а реакционная печать публиковала статьи с заголовками типа: «Бадаева (думского депутата-большевика. — *С. К.*) на виселицу»… 8 июля 1914 года была закрыта — на этот раз окончательно — «Правда», начались массовые аресты большевиков.

13-го и 14 июня 1914 года в газете «Трудовая Правда» была напечатана аналитическая статья Ленина «Рабочий класс и рабочая печать»[156]. И из её цифровых выкладок было видно, насколько выросло к 1914 году как революционное настроение масс, так и влияние большевиков. Подобные ленинским оценки проводились и позднее, и примерная сводная статистика такова…

В 1913 году 70,2 % всех групповых рабочих сборов на 3106 рабочих газет в целом пришлось на 2181 «правдистскую» газету; 21,3 % — на 661 ликвидаторскую (то есть меньшевистскую) и 8,5 % — на 264 левонароднические (по сути, эсеровские).

В 1914 году из всех групповых рабочих сборов на 4068 газеты на 2873 правдистские большевистские газеты пришлось 70,6 %; на 671 меньшевистскую — 16,6 % и на 524 левонароднические — 12,8 %.

Устойчивое преобладание влияния большевиков с тенденцией к росту — налицо! Одновременно теряли свои позиции меньшевики. Даже среди склонных к соглашательству рабочих железных дорог меньшевиков в 1914 году поддерживало не более 24 %. Наиболее же сильны меньшевики были в 1914 году в среде печатников — до 40,8 %.

Интересна оценка тогдашней ситуации в циркуляре Департамента полиции № 172935 от 15 июня 1914 года, где говорилось:

«Сознавая, что фракционные раздоры и увлечение бесплодной литературной полемикой оторвали от активной

организационной работы весьма значительное число наиболее видных и серьёзных партийных работников и что систематическая работа розыскных организаций успела… ослабить даже солидно поставленные крупные партийные учреждения, все социал-демократы, независимо от их фракционности, теперь усиленно стремятся наладить разрушенную работу партии…

Наибольшую энергию в указанном отношении проявили представители большевистской „ленинской“ фракции (правдисты), решившие устроить партийный съезд… По предложениям правдистского центра… наиболее вероятен успех работы по подготовке… в следующих местах: Петербург, Москва с прилегающей областью, Киев, Харьков, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Кременчуг, Вологда, Архангельск, Гомель, Двинск, Урал, Волга, Кавказ, Сибирь и Донецкий каменноугольный район…

С другой стороны, ликвидаторы опасаются оказаться в меньшинстве на съезде…»

Охранный циркуляр констатировал при этом, что и большевики, и меньшевики-ликвидаторы намерены совершить «объезды различных местностей Империи видными и активными работниками данного момента и возможно широкое устройство областных и общегородских конференций и совещаний…»[157].

Такие вот закручивались дела, и на август 1914 года Ленин действительно намечал проведение нового съезда партии. К концу июля 1914 года подготовка была почти закончена — избраны делегаты, выработаны наказы местных организаций, решены вопросы техники — явки, маршруты, паспорта…[158]

Однако Золотая Элита Капитала планировала иначе — до начала Первой мировой бойни оставались считанные недели…

ГОТОВЯСЬ к событиям в России, Ленин готовился и к бою с интриганами на Венском конгрессе II Интернационала и 21 июля 1914 года даже сообщил в Москву в редакцию «Энциклопедического словаря», издаваемого Товариществом братьев Гранат, что вынужден «прервать начатую статью о Марксе» и надеется, что «редакция успеет найти другого марксиста и получить от него статью к сроку». И ещё до «Объединительного» совещания он заявил в письме Арманд: *«„Они“ хотят дать нам „бой“ (генеральный) в Вене. Пустая угроза!! Они ничего не могут сделать!!»*[159].

Все планы изменила война, объявленная Германией России 19 июля (1 августа) 1914 года, и 21 июля (3 августа) Ленин сообщил в Москву «Гранатам», что «приостановка ряда спешных политических дел» ввиду войны позволяет ему взяться за статью, если она ещё не заказана другому.

Да, теперь, когда всё в европейском «доме» смешалось, можно было не спешить и осмотреться.

Но тут навалились неприятности с австрийской полицией — 7 августа в Ленине заподозривают русского шпиона и в его квартире в Поронине производят обыск, а затем обязывают явится в жандармерию уездного городка Новый Тарг. 8 августа 1914 года Ленина в Новом Тарге арестовывают и заключают в местную тюрьму. На вопрос о роде занятий он представляется корреспондентом и сотрудником издающейся в русской столице газеты «Правда» и сообщает, что двадцать лет состоит членом РСДРП.

В русских газетах появились сообщения об аресте Ленина, а далее события разворачивались так…

В отличие от провалившегося наступления русских войск в Восточной Пруссии, на галицийском Юго-Западном фронте русские армии получили успех, Краков же был от линии фронта недалеко. И Департамент полиции сообщил командующему фронтом генералу Алексееву, что, по сведениям министерства внутренних дел, в краковской тюрьме может содержаться В. И. Ульянов, более известный как Ленин. Циркуляр уведомлял, что разыскиваемый полицией Ленин является выдающимся представителем РСДРП, «имеет за собой долголетнее революционное прошлое, состоит членом ЦК партии и создателем отдельного течения партии». Соответственно, Департамент полиции просил Алексеева в случае взятия Кракова «не отказать в распоряжении об аресте Ленина и препровождении его в распоряжение Петроградского градоначальства»[160].

Конечно, обо всём этом в Поронине известно не было, но, так или иначе, Ленина надо было выручать. Эта история достаточно подробно описана Крупской, я же сейчас сообщу из её воспоминаний одно… Хотя хлопотали за Ленина многие, решающую роль сыграло, пожалуй, обращение к австрийскому министру полиции видных австрийских социал-демократов, депутатов парламента Виктора Адлера из Вены и Германа Диаманда из Львова, которые знали Ленина как члена Международного социалистического бюро. 19 августа Владимир Ильич был освобождён и вскоре добился разрешения на выезд из австрийской Польши в нейтральную Швейцарию.

Так вот, Крупская пишет, что хлопотавший за Ленина в Вене Рязанов возил его к Адлеру, и Адлер передавал свой разговор с министром австрийской полиции.

— Уверены ли вы, что Ульянов — враг царского правительства? — спросил министр.

— О да! — ответил Адлер. — Более заклятый враг, чем ваше

превосходительство…

Во время войны Виктор Адлер (1952–1918) занимал центристскую позицию, в 1918 году после установления в Австрии республики был одно время министром иностранных дел. Но это так, к слову. Главное — он помог вытянуть Ленина из австрийской кутузки, за что ему и спасибо!

В Кракове, однако, пришлось задержаться… Незадолго до войны у тёщи Ленина, Елизаветы Васильевны, в Новочеркасске умерла сестра, которая завещала ей 4 тысячи рублей, скопленных за 30 лет учительства. Деньги лежали в краковском банке, и их надо было вызволить. Венский маклер по военному времени взял за услугу половину суммы, остальное же составило тот «капитал», который очень пригодился Ульяновым в следующие годы в Швейцарии.

Уж не знаю, были ли осведомлены об этом «новочеркасском золоте» обвинители Ленина в реальном масштабе времени — в 1917 году, а вот нынешние клеветники и распространители лжи о «германском золоте» Ленина могут прочесть о нём в первом томе пятитомника воспоминаний о Ленине издания 1984 года на странице 396-й…

5 СЕНТЯБРЯ 1914 года Ульяновы приехали в Берн и начали устраиваться — в который уже раз. Позади были двадцать лет борьбы, впереди неопределённость как политическая, так и житейская. Но постепенно всё стало проясняться. 14 ноября 1914 года Ленин писал в Петроград (так теперь стал называться Петербург) Анне Ильиничне:

«В деньгах я сейчас не нуждаюсь (вот оно, германское-то золотишко! — *С. К.*). Пленение моё было совсем короткое, 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще отсидка была совсем лёгонькая, условия и обращение хорошие. Теперь понемногу осмотрелся и устроился здесь. Живём в двух меблированных комнатах (нет, золотишко ещё, похоже, не пришло. — *С. К.*), очень хороших (нет, похоже, всё-таки пришло. — *С. К.*), обедаем в ближней столовке (нет, не пришло. — *С. К.*).

Надя чувствует себя здоровой, Е. В. (тёща. — *С. К.*) тоже, хотя состарилась уже очень. Я кончил статью для словаря Граната (о Марксе) и посылаю ему её на днях. Пришлось только бросить часть (бóльшую, почти всё) книг в Галиции, боюсь очень за их судьбу…»[161]

Так обстояли дела житейские. Насчёт книг Ленин боялся, к слову, не зря — книги пропали.

Но в том же письме сестре Ленин касается и политической ситуации:

«Печально очень наблюдать рост шовинизма в разных странах и такие изменнические поступки как немецких (да и не одних немецких) марксистов или якобы-марксистов… Вполне понятно, что либералы опять хвалят Плеханова: он заслужил вполне это позорное наказание»[162].

Да, с началом войны практически все европейские социал-демократии полностью забыли о лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и не просто поддержали свои правительства, но и развернули шовинистическую, то есть крайнюю националистическую пропаганду. Решения Базельского конгресса и Базельский манифест были сразу же забыты. Вожди II Интернационала сделали поворот «Все вдруг!» от интернационализма к шовинизму так быстро и дружно, что никакого иного объяснения, кроме *продажности,* в голову не приходит.

Не знаю, когда и как тот или иной «вождь» конкретно стал ренегатом и из марксиста превратился в «агента влияния» Капитала в рабочем движении, да и не очень-то это интересно. Однако предали все они за те или иные «тридцать сребреников». Во время войны и после войны многие «вожди» в тот или иной момент входили в буржуазные правительства и почти все призывали кару на Советскую Россию Ленина, а Эдуард Бернштейн способствовал распространению басен о получении Лениным «субсидий из германского Генштаба».

Вот уж, что называется, с больной головы да на здоровую… Ведь честность, здравость и последовательность мысли в том идейно-эмоциональном кавардаке, который воцарился в умах, сохранил с началом войны только Ленин!

Обзор русской охранки сообщал тогда:

«Если прежде вожди — ветераны российской социал-демократии, Плеханов и Ленин, находились между собой в блоке, составляя центр в партии, хотя и принадлежали первый к меньшевикам-партийцам, а второй к большевикам, то с открытием военных действий по взглядам своим на отношение русской социал-демократии к войне они сделались настоящими антиподами, причём рассуждения по сему предмету „неудержимого революционера“ Ленина Плеханов называет „грёзо-фарсом“, а руководимая Лениным газета „Социал-демократ“ называет в свою очередь соображения Плеханова по тому же вопросу „софизмами“ и „смешными нелепостями“.

Вместе с тем у Плеханова по вопросу об отношении партии к войне произошло идейное сближение с представителем „вперёдовцев“ Алексинским, которого по этому поводу в партийной литературе называют даже „ретивым пажем“

Плеханова.

С открытием военных действий в 1914 году группа членов ленинской партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванный войной, выработала в сентябре 1914 года „тезисы“ о войне…»[163]

Под «тезисами» охранный автор имел в виду тот предварительный документ, который известен под наименованием «Тезисы о войне» и был написан Лениным в начале сентября 1914 года. По приезде в Берн он прочёл его на собрании местной группы большевиков.

Собрание, проходившее в пригородном лесу, одобрило тезисы, и они были разосланы в заграничные секции большевиков, а участник совещания, депутат Думы Ф. Н. Самойлов, отвёз их в Россию. На копиях в целях конспирации стояли пометки «С воззвания, выпущенного в Дании» и «С воззвания, выпущенного в России»… Одна копия была передана совместной конференции итальянских и швейцарских социалистов, проходившей 27 сентября 1914 года в Лугано.

Тезисы Ленина обсуждали в обеих столицах, в Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Вологде, Красноярске, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Баку, Тифлисе — во всех активных центрах рабочего движения, и к октябрю 1914 года они были одобрены российской частью ЦК, думской фракцией и местными организациями. Поэтому 1 ноября 1914 года в № 33 газеты «Социал-демократ» в виде передовой от имени ЦК РСДРП был опубликован манифест «Война и российская социал-демократия», посланный в МСБ и социалистические газеты Англии, Германии, Франции, Швеции и Швейцарии. Перепечатала его 13 ноября 1914 года лишь небольшая швейцарская газета «La Sentinelle», издававшаяся в Шо-де-Фон.

Номер же «Социал-демократа» с манифестом был издан в количестве 1500 экземпляров и, доходя до России, зачитывался до того, что текст невозможно было разобрать из-за засаленности и ветхости.

ЛЕНИНСКИЙ манифест «Война и российская социал-демократия» определял начавшуюся войну такой, какой она и была, то есть захватнической, грабительской со стороны всех её участников. Ленин «с чувством глубочайшей горечи» констатировал, что «социалистические партии главнейших европейских стран своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий граничит с прямой изменой делу социализма». Он писал далее, что оппортунисты сорвали решения Штутгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, и это

означает крах II Интернационала.

О перспективе в манифесте говорилось так:

«При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединённых Штатов Европы…

В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей ещё своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день…»[164]

Только безграмотные или очень злонамеренные люди могут усмотреть в этой позиции Ленина антипатриотизм. Да, во время войны Ленин не раз напоминал слова Маркса о том, что «пролетарии не имеют отечества», но это была позиция не «Ивана, не помнящего родства», а позиция русского человека, желающего, чтобы народы *его* Родины обрели *своё* Отечество, которое будет принадлежать народам, а не элите. Ведь в царской России положение элиты и народа было особенно неравноправным (сегодня этим же может «похвалиться» путинская Россия).

Но Ленин видел потерпевшую поражение Россию не данником империалистических победителей, а свободной демократической страной, отряхнувшей себя от праха самодержавия. 12 декабря 1914 года в газете «Социал-демократ», которая на годы станет его основной трибуной, Ленин публикует эссе «О национальной гордости великороссов», где пишет:

«Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве!.. Попробуем и мы, великорусские социал-демократы, определить своё отношение к этому идейному течению… Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *её*трудящиеся массы (то есть 9/10 *её* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов…

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим своё рабское прошлое… И мы,

великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной, независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства…»[165]

Что здесь неясно?

И какие чёрные очки надо надеть на нос, чтобы не видеть в этих словах горячую любовь к своей Родине, к России!?

Да, Ленин обличал царизм и желал поражения монархии, помещикам и капиталистам, которых он назвал «*худшими* врагами нашей родины». Но разве он был не прав?

Да, Ленин обличал Россию как «тюрьму народов», но он же пояснял, что «мы вовсе не сторонники маленьких наций; мы, безусловно, при прочих равных условиях за централизацию…».

ЗАКОНЧИЛСЯ 1914 год, начался 1915-й — первый полностью военный. И на весну 1915 года пришёлся один сюжет, обойти который нельзя, — в мае 1915 года к Ленину в Берн приезжал Парвус.

Жизнь Парвуса во многом напоминает классический плутовской роман, но порой она приобретала шекспировский оттенок, не становясь при этом привлекательной, ибо Шекспир выводил в своих пьесах немало и стервецов. В 1905 году Парвус-Гельфанд вместе с Троцким и Носарём-«Хрусталёвым» играл одну из первых ролей в руководстве питерским пролетариатом в первый год первой русской революции, но сложно сказать, чем он занимался уже тогда — революцией или ловкой провокацией?

Сегодня о Парвусе-Гельфанде не знает только ленивый, но приведу две официальные, так сказать, справки на него. Одна взята из сборника «Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы», изданного Политиздатом в 1963 году, и сообщает:

«Парвус (Гельфанд А. Л.) (1869–1924) — меньшевик. В конце 90-х — начале 900-х гг. участвовал в социал-демократическом движении России и Германии. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. В период революции 1905–1907 гг. находился в России, сотрудничал в меньшевистской газете „Начало“; выдвинул антимарксистскую „теорию перманентной революции“, которую затем Троцкий превратил в орудие борьбы против ленинизма. В годы реакции отошёл от социал-демократии: во время Первой мировой войны — шовинист, агент германского империализма, занимался крупными спекуляциями, наживаясь на военных поставках. С 1915 г. издавал журнал крайне шовинистического направления „Die Glocke“ („Колокол“) — орган „ренегатства и грязного лакейства в Германии“ (Ленин)».

А вот Парвус, данный нам через сорок лет — в одиозном

своей необъективностью кратком энциклопедическом словаре «История Отечества», изданном «Большой Российской энциклопедией» в 2003 году:

«ПАРВУС (настоящие имя и фамилия Александр Львович Гельфанд) (1869–1924) — политический деятель. Участник социал-демократического движения. С 1903 меньшевик. После Революции 1905–1907 сослан в Туруханск; бежал в Германию. Вместе с Троцким разрабатывал так называемую теорию „перманентной революции“. В годы 1-й Мировой войны выступал в поддержку Германии в войне; сотрудничал с германским Генштабом, причастен к передаче денежных средств большевикам».

Расхождение межу советской и антисоветской «объективками» на Парвуса заключается, по сути, в последних шести словах антисоветского варианта, но в них-то и суть: во всех вариантах обвинений Ленина имя «Парвус» давно стало «знаковым». Если упомянут Парвус, то это значит, что речь идёт о «германском золоте» Ленина. Но Ленин и Парвус — фигуры несовместные. Вот с Троцким Парвус был связан действительно настолько прочной «верёвочкой», что когда Льву Давидовичу в 1915 году пришлось от Парвуса открещиваться, то он сделал это, опубликовав «Некролог живому другу»![166]Название, говорящее много и о многом…

Пути же Ленина и Парвуса почти никогда тесно не пересекались, хотя ещё в 1899 году Ленин в журнале «Начало» опубликовал рецензию на переводную книгу «талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвус» — «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис». В 1900 году они познакомились уже лично — в Мюнхене, когда ещё полный революционного задора (или, возможно, уже революционного карьеризма?) Александр Гельфанд помогал Владимиру Ульянову и Александру Потресову подготавливать издание первой в России марксистской газеты «Искра». Но уже после II съезда партии их пути начали расходиться всё более и более.

В феврале 1905 года в газете «Вперёд» Ленин в статье «Должны ли мы организовать революцию?» полуодобрительно отзывается о статье Парвуса, подвизающегося уже в качестве российского меньшевика, в плехановской «Искре». Там Парвус признавал важность организованной подготовки восстания партией.

С развитием революции Парвус становится в среде меньшевиков-«новоискровцев» заметной величиной, и Ленин в те годы не раз поминает его — то критикуя, то в чём-то одобряя, но в итоге отзываясь о нём критически…

Не знаю, был ли когда-либо Парвус революционером, а вот авантюристом он был всегда, при этом не исключено, что уже в период первой русской революции Парвус был ещё и провокатором, делегированным в Россию теми или иными антироссийскими силами — какими именно, лично мне не так уж и интересно. В любом случае к началу Первой мировой войны Парвус стал сибаритом и проходимцем, жаждущим материального преуспеяния. Человеком он был, как я понимаю, не без талантов, а уж амбиций у него было ещё больше, чем талантов.

С германскими «верхами» он действительно сотрудничал, но просто не мог не сотрудничать и с теми или иными структурами Антанты, о чём, правда, сведений не имеется… К Ленину же Парвус приезжал, вне сомнения, как провокатор. Вряд ли он рассчитывал на то, что Ленин как-то «клюнет» на его наживки и увязнет «в сетях». Однако сам факт его контакта с Лениным — даже если тот немедленно указал ему на дверь, что, скорее всего, так и было, — обеспечивал Парвусу определённые дивиденды у руководства Германии. Съездив к Ленину, он мог фигурять этим фактом перед потенциальными или реальными «спонсорами», выбивая из них деньги якобы «под Ленина» и «для Ленина». А ничто иное, кроме денег, к тому времени Парвуса не интересовало. Времена были военные, политически мутные, и если на политике можно делать гешефты, то почему бы их и не делать?

Парвус так и поступал — ради «адреналина», огромных сигар, шампанского и штата блондинок… Факт посещения им Ленина был полезен Парвусу также с позиций возможной дискредитации Ленина его противниками при том или ином развороте событий в России (собственно, так в действительности в 1917 году и произошло!).

Позднейшие клеветники на Ленина, приплетающие его к Парвусу, а Парвуса к нему, упускают, к слову, из виду, что якобы «договорённость» лично Ленина с немцами они относят к лету 1914 года, а сам Парвус относит контакт с Лениным к лету 1915 года… В принципе, одно исключает другое, но что до того клеветникам! При этом за Лениным они числят целых 70 миллионов марок, а за Парвусом — всего 2 миллиона (которые он, возможно, и получил)…

Мы имеем, однако, *достоверно* документальное свидетельство отношения Ленина к Парвусу — статью Ленина «У последней черты», опубликованную в № 48 газеты «Социал-демократ» от 20 ноября 1915 года, где Ленин писал:

«Превращение отдельных лиц из радикальных социал-

демократов и революционных марксистов в социал-шовинистов — явление общее всем воюющим странам… Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в журнальчике „Die Glocke“ („Колокол“) до последней черты… Он сжёг всё, чему поклонялся… Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что „немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России“…

В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьёзного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалёванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции!

Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей миссии служить идейным звеном между вооружённым немецким и революционным русским пролетариатом. Эту шутовскую фразу достаточно выставить на осмеяние перед русскими рабочими. Если „Призыв“ (издававшаяся в Париже социал-шовинистическая газета. — *С. К.*) гг. Плеханова, Бунакова (И. И. Фундаминский, один из лидеров партии эсеров. — *С. К.*) и К° вполне заслужил одобрение шовинистов, то „Колокол“ г-на Парвуса — орган ренегатства и грязного лакейства в Германии»[167].

Как видим, ситуация вполне ясная… Ленин не мог не знать о весьма прозрачных каверзах Парвуса и походя, в небольшой заметке, щёлкнул его по носу. Ничего большего Парвус и не заслуживал.

А 5 СЕНТЯБРЯ 1915 года в Швейцарии в деревне Циммервальд близ Берна открылась Первая международная социалистическая конференция интернационалистов. Продолжалась она четыре дня и 8 сентября закончилась принятием ряда документов. Конференция была собрана по инициативе швейцарских и итальянских социалистов, но фактически — Ленина. Ленин очень старался, чтобы на конференции было побольше левых, однако преобладающими настроениями в Циммервальде оказались центристские, Ленин и левые были в меньшинстве.

Основной целью конференции было восстановление прерванных войной связей между социал-демократическими партиями и организация объединённых активных выступлений против продолжения войны с требованием немедленного заключения мира… Вышла конференция не боевой, но это был, как определял Ленин, первый шаг… Почти сорок делегатов представляли 11 стран: Германию, Францию, Италию, Россию, Польшу, Румынию, Болгарию, Швецию, Норвегию, Голландию,

Швейцарию, при этом крупнейшие партии II Интернационала — Германская социал-демократическая и Французская социалистическая — официально представлены не были.

От большевистского Центрального комитета РСДРП в Циммервальде были Ленин и Григорий Зиновьев, от меньшевистского Организационного комитета — Павел Аксельрод и Юлий Мартов, от эсеров — Виктор Чернов и ветеран ещё из народников Марк Натансон («Бобров»)… От «латышей» в Циммервальд приехал Ян Берзин, от польской «левицы» — Варский. Присутствовал в Циммервальде и Троцкий — всё так же якобы «нефракционный»…

Ленин много выступал по всем вопросам повестки дня, полемизируя с депутатом рейхстага Георгом Ледебуром, но итоговый манифест конференции был скорее пацифистским, чем пролетарским. Тем не менее Ленин собрал на конференции группу «левых циммервальдистов», известных и как «Циммервальдская левая». Вначале её составили восемь человек: Ленин, Зиновьев, Берзин, швед Карл Хёглунд и норвежец Туре Нерман, Карл Радек, немецкий экономист Юлиан Борхардт и швейцарец Фридрих Платтен…

Как-никак, это было расширение европейских связей, кое-кто из членов «Циммервальдской левой» позднее работал уже в европейском коммунистическом движении.

Оформилась в Циммервальде и «Циммервальдская правая» — так называемый «Циммервальдский Интернационал». Он просуществовал до 1919 года, переходя на всё более оппортунистические позиции.

Итак, 1915 год прошёл для Ленина в трудах и трудах… Наступил 1916 год, проходивший в тех же трудах…

Впрочем, пока что это была мало видимая внешнему миру работа — соседи Ленина по дому представления не имели о том, что рядом с ними обдумываются, обсуждаются и продумываются вопросы, без преувеличения, всемирно-исторического значения, а имя их скромно одетого и скромно живущего соседа через два года будет греметь по всему миру.

Жизнь Ленина шла как бы в двух измерениях…

Одно измерение было скромно житейским, *как у всех*… Ульяновы никогда не руководствовались обывательским: «жизнь есть жизнь», но от «жизни» невозможно было полностью уйти по существенной причине — скромности материальной и финансовой базы… Если бы в распоряжении Ленина действительно было то «золото», которое ему позднее стали приписывать, тогда — конечно… Но никаких «золотых миллионов» не имелось — были скромные тысячи, а то и сотни

рублей и франков…

Второе измерение имело мировой, исторический, вселенский размах, но — в отличие от первого, в нём мог жить лишь тот, кто умел не только предвидеть будущее, а готовил его. И хотя сомнения порой не могли не приходить, хотя от «быта» уйти — по скромности средств — было невозможно, Ленин повседневно жил больше в эпохальном будущем, чем в том настоящем, которым *пробавлялись* обыватели.

Непросто было годами жить при таких психологических «ножницах»: следить за кастрюлей с молоком на кухне и в то же время уникально осмыслять самые острые вопросы социального бытия человечества. С одной стороны — почти полная невозможность значимо влиять на текущий политический процесс, с другой — сознание своего потенциала великого социального реформатора. Плюс — оторванность от России…

Это изнуряло даже такую натуру, как ленинская.

Среди его переписки 1916 года отыскиваются два показательных письма. Первое адресовано большевичке С. Н. Равич («Ольге») (1879–1957) — жене В. А. Карпинского («Минина») (1880–1965), заведующего библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве, и написано 3 июня 1916 года:

«Дорогая Ольга! Я Вам должен за библиотеку — проверьте по книжечке — за год плюс за обед (1.50 или около того). Деньги у меня есть и реферат лозаннский покрыл поездку и дал доход.

Большой привет В. К. (В. А. Карпинскому. — С. К.) и salut Вам!

Ваш Ленин»[168].

Долг за библиотеку — это невнесённая плата за пользование богатой партийной библиотекой, основу которой составила библиотека известного издателя социал-демократической литературы Г. А. Куклина (1877–1907). По завещанию Куклина, с 1903 года большевика, библиотека после его смерти была передана партии большевиков.

Второе письмо написано через несколько дней и адресовано Карпинскому и Равич:

«Дорогие друзья! Напрасно Вы поднимаете историю. Ольга даже насильно совала мне деньги в карман (я их оставил на столе, пока она ещё не вставала). Зачем отступать от истины, тов. Ольга? Это нехорошо.

К насилию прибегали Вы, и всякий третейский суд — если Вы решили довести дело до третейского суда между нами — Вас осудит, ей-ей!

Прошлый реферат я взял много денег, этот меньше, но всё же взял сверх нормальных расходов на жизнь. Значит, платить могу

и, раз начал, значит, должен… Очень прошу не поднимать склоки и судов, не упрямится, раз Вы явно неправы. Деньги посылаю; за обед в ресторане и за библиотеку (после однажды заплаченного месяца за все остальные) ещё не заплачено.

Прилагаю 16 frs и надеюсь, что не будете настаивать на своём, явно несправедливом и неправильном желании.

Salutations cordials («Сердечные приветы». — С. К.).

Ваш В. Ульянов»[169].

Господи! Сколько шума из-за каких-то 16 франков — примерно русских 10 рублей! Это ведь не бог весть какая сумма… И хотя по тогдашним понятиям финансовая щепетильность была вообще-то нормой, сюжет с ленинскими 16 франками показывает не только действительный уровень достатка заграничных большевиков, но и немалую уже истрёпанность их нервов.

Вот ещё пример «нервов»…

8 апреля 1916 года Крупская пишет в Стокгольм Шляпникову — чуть ли не единственному надёжному связному между Лениным и Россией:

«Дорогой друг! Пришло Ваше письмо от 3 апреля, и немножко отлегло, а то тяжело как-то было читать Ваши раздражённые письма с обещанием уехать в Америку, с готовностью обвинить невесть в чём. Переписка — отвратительная вещь, недоразумения так и нарастают одно за другим… В пропавшем письме я писала подробно, почему нельзя тащить Григория (Зиновьева. — С. К.) ни в Россию, ни в Ваши края. Он очень близко принял к сердцу Ваш упрёк, что он не переехал в Стокгольм…

Иногда Григорию до чёрта надоедает заграничное житьё, и он начинает метаться. А Вы подливаете масла в огонь своими упрёками… Стоял вопрос о переезде всей редакции, но встал вопрос о деньгах, о международном влиянии, о полицейских соображениях. О деньгах ставили японцам прямо вопрос, они сказали: у них нет. В Стокгольме жизнь гораздо дороже; тут Григорий служит в лаборатории, есть библиотеки и, следовательно, возможность хоть кое-что заработать литературно. В ближайшем будущем для всех нас и тут вопрос о заработке встанет очень остро…»[170]

Вряд ли здесь надо что-то особо комментировать — годы эмиграции расшатали нервишки у всех… Пожалуй, надо лишь пояснить, что фраза о «японцах» не означает, что Ленин кроме немцев решил продаться ещё и японцам (которые, к слову, в Первую мировую войну воевали на стороне Антанты)… «Японцами» в своей среде называли Георгия Пятакова и Евгению Бош, потому что они эмигрировали в США через Японию.

С НАЧАЛА 1916 года Ленин, много сил отдавая насущным делам, начал работу и над большим своим трудом «Империализм как высшая стадия капитализма», заказанным ему петроградским издательством «Парус» Максима Горького. Владимир Ильич начал эту не очень большую по объёму, но фундаментальную по сути книгу в январе и закончил в июне 1916 года.

«Империализм…», вне сомнений, не только в полной мере в очередной раз выявил всю широту и глубину политического гения Ленина, но и стал книгой «на вырост»… Любой мало-мальски стремящийся мыслить современный молодой экономист или политолог, по нынешней антисоветской и антиленинской моде не знакомый с «Империализмом…», взяв его в руки, уже не оторвётся от него, пока не прочтёт от корки до корки.

Не всё потом пошло в мире так, как предполагал тогда Ленин, но даже ленинские ошибки оказались интереснее тривиальной правоты апологетов «либеральной модели» общества.

Работая над «Высшей стадией…», он выезжал из Берна в Цюрих для работы в Цюрихской кантональной библиотеке, выписывал книги из других городов. В 27-м томе Полного собрания сочинений эта знаменитая ленинская работа занимает примерно *130 страниц*. А подготовительные материалы к ней — так называемые «Тетради по империализму» — составили полностью 28-й том в 838 страниц, где текст непосредственно ленинских выписок и конспектов занял *740 страниц*! Иными словами, сами по себе эти «Тетради…» имеют огромную научную ценность, поскольку представляют собой представительный обзор сотен книг, брошюр, диссертаций, журнальных и газетных статей, статистических сборников, изданных в разных странах на разных языках.

«Тетради по империализму» содержат выписки из 148 книг (106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе), и из 232 статей (206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещённых в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских).

Сегодня хватает сволочи, имеющей наглость когда снисходительно похлопывать Ленина по плечу, когда просто делать из него в разных «телешоу» шута горохового… Эх, взять бы в руки один лишь увесистый 28-й ленинский том и избить им негодяев в кровь! Весит этот том ровно килограмм, толщину имеет ровно пять сантиметров, так что мало не показалось бы!

А если прибавить к нему в качестве орудия экзекуции ещё и 29-й ленинский том — «Философские тетради» с выписками, конспектами и заметками о различных книгах и статьях по

философии (вес почти килограмм, толщина тома четыре с половиной сантиметра), то охоту глумиться над Ильичом можно было бы отбить у всякой шушеры надолго.

Если не навсегда!

«ИМПЕРИАЛИЗМ…» отнял у Ленина много и сил и времени, а у Крупской опять обострилась болезнь, и в середине европейского июля 1916 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна опять уехали в горы — в высокогорное местечко Флюмс неподалёку от Цюриха, в «молочный» дом отдыха Чудивизе. Русских там не было никого, и они — как в дни молодости — были полностью предоставлены самим себе.

Пансион был предельно дёшев — пять франков с двоих, а освещение электрическое. Уборка и чистка обуви — на отдыхающих… Уборка лежала на женской части четы Ульяновых, чистка сапог — на мужской, что Ленина даже увлекало.

Публика здесь отдыхала, конечно, самая демократическая, однако, по словам Крупской, «архиаполитичная». В санатории лечился молодой солдат, и Крупская не без юмора писала в воспоминаниях, что *«Владимир Ильич ходил вокруг него, как кот около сала, заводил разговор о грабительском характере войны, парень не возражал, но явно не клевало»*…

Целыми днями ходили по горам, Ленин лишь вёл небольшую переписку, но серьёзно не работал, зато много размышлял, много беседовал с Крупской о плюсах и минусах швейцарской демократии, о том, какой характер может принять в будущем борьба за социализм в России…[171]

В середине июля из Петрограда пришло сообщение о смерти Марии Александровны… А в конце августа Ульяновы по горной тропинке — иных путей сообщения с ближайшей железнодорожной станцией не было — отправились в Цюрих…

Шёл дождь, но Ленин вдруг увидел белые грибы — зрелище, конечно, не оставляющее равнодушным даже не грибника, а Ленин-то был заядлым грибником! И, как вспоминала Крупская, он *«принялся с азартом за их сбор, точно левых циммервальдцев вербовал»*… Вымокли, опоздали на поезд и потом два часа ждали следующего, зато грибов набрали целый мешок.

Мелочь, но, видно, очень уж истощались резервы способности быть спокойным, и любой активной разрядке он был рад уже до азарта. Даже отдых в горах не развеивал раздумий о войне, жизни, смерти, судьбе…

Глава 4
К вопросу о скулах…

И, ПОЖАЛУЙ, пришло время сказать о той семье, где вырастал Владимир Ульянов, о его корнях. Все мы родом из детства, и то, каким было это детство, нередко определяет остальную нашу жизнь.

Итак — корни…

Корни — это серьёзно, но что надо понимать под корнями? Есть народное выражение — «перекати-поле». Так говорят о человеке без корней, который легко расстаётся с одним местом и не очень держится за новое… Формально Ленин с юношеских лет был как раз «перекати-полем» — он недолго жил на одном месте, как, впрочем, и его мать после смерти мужа, и часто переезжал не только из одного города в другой, но и из одной страны в другую. Но был ли Ленин человеком без корней?

Нет, конечно!

Он был глубоко русским человеком! И был им не только потому, что любил Волгу, русские леса и русскую зиму, и не только потому, что хорошо и глубоко знал русскую классику…

Ленин был глубоко русским человеком потому, что верил в величие и в великое предназначение русских, верил — во дни любых сомнений и тягостных раздумий русского «общества» о судьбе и сути русского народа — в Россию.

Верил и гордился её предназначением, написав блестящее эссе «О национальной гордости великороссов». И не просто верил, не просто гордился, а жил *и работал* ради того, чтобы Россия из страны, отставшей от передовых стран, из страны, экономически зависимой от иностранного капитала и даже *политически* полузависимой, превратилась в могучую страну, освободившуюся вместе с передовыми странами мира от власти Золотой Элиты.

Сегодня Ленина нередко подают ненавистником русского народа, русофобом… Но вот цитата:

«После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после болгарской войны и русская интеллигенция поняла, что она никуда не годится; теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство, и его интеллигенция равно никуда не годятся.

Остаётся заключить такой мир с Японией, чтобы и правительство, и интеллигенция, и народ поняли, что все они одинаково не годятся, и тогда прогрессивный паралич русского национального самосознания завершит последнюю фазу своей

эволюции».

Нечего сказать — «патриотизм» хоть куда, прямо-таки высшей марки! Но кто же этот мрачный пессимист, проникнутый чёрным неверием в русский народ?

Нет, это — не Ленин, эту оценку русского народа записал в своём дневнике 7 апреля 1904 года… Василий Осипович Ключевский, великий наш историк[172]. А Ленин в эти же дни не в дневнике, а в публичной листовке и в публичной статье заявлял:

«Война показывает агонию старой России, России бесправной, тёмной и забитой… Старая Россия умирает. На её место идёт новая Россия.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту войну. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению…»[173]

Для либералов типа академиков Ключевского, Вернадского, Готье русский народ представлялся чем-то вроде исторически аморфной и бессильной массы, способной лишь на периодические бунты… А для Ленина народ был тем, чем он был в действительности, — то есть исторической общностью, сумевшей создать огромное государство и великую культуру, но в силу ряда причин очень задержавшейся в своём культурном и политическом развитии.

Ключевский писал о «прогрессивном параличе русского национального самосознания», а Ленин понимал, что это самосознание не может уже существовать и тем более развиваться в условиях царизма, но что оно есть — это самобытное самосознание великого народа. Так кто был бóльшим патриотом России — России не царей, а России народа, — академик Ключевский или большевик Ленин?

А теперь — о корнях…

Русские корни личности Ленина были мощны и прочны, а гнала его по городам и весям России и по Европе не беспечная «охота к перемене мест», а судьба человека, отказавшегося от жизни ради себя и живущего общественным интересом.

Но кто сформировал его таким?

Не ошибётся тот, кто ответит на этот вопрос просто и кратко: «Семья».

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ родился 22-го (10-го по старому стилю) апреля 1870 года на Волге, в Симбирске (ныне — Ульяновск) в семье инспектора (с 1874 года — директора) народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова (1831–1886), женатого на Марии Александровне Бланк (1835–1916).

Илья Николаевич был коренным, потомственным

волжанином, уроженцем Астрахани, в 1854 году окончил Казанский университет, преподавал в Пензе и Нижнем Новгороде математику и физику, особенно ярко проявил себя в Симбирске… Он имел чин действительного статского советника (соответствует армейскому званию «генерал-майор») и по выслуге лет получил потомственное дворянство. Человеком отец Ленина был религиозным, как и Мария Александровна, но, как подлинно религиозные люди, детей они к строгому исполнению обрядов не принуждали и вообще не заостряли их внимание на вопросах, которые человек может решить лишь сам для себя и в достаточно зрелом возрасте. Поэтому, повзрослев, все младшие Ульяновы вполне безболезненно, без терзаний, достаточно рано порвали с религией.

Мария Александровна родилась в Петербурге в семье врача, получила домашнее, но прекрасное образование, знала три языка, уже в Симбирске сдала экстерном экзамен на звание народной учительницы.

Старшие Ульяновы были людьми выдающихся качеств, а Илья Николаевич вне зависимости от последующей громкой славы второго сына в любом случае вошёл бы в историю России как крупный провинциальный деятель народного просвещения.

Всего чета Ульяновых имела шесть детей.

Самой старшей была дочь Анна. Она родилась в 1864 году ещё в Нижнем Новгороде. В 1883 году Анна поступила на Бестужевские Высшие женские курсы в Петербурге, но в 1887 году была арестована по делу о покушении Александра Ульянова на Александра III Романова и выслана под надзор полиции в Поволжье.

В июле 1889 года Анна вышла замуж за Марка Тимофеевича Елизарова (1862–1919), впоследствии видного большевика, сама вела партийную работу, после 1917 года заведовала отделом охраны детства в Наркомпросе, с 1921 года работала в Истпарте — Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б). Умерла Анна Ильинична Елизарова-Ульянова в 1935 году.

Значение Анны Ульяновой-Елизаровой («Джемса») в предреволюционной истории партии оказалась, между прочим, более значительным, чем это обычно представляется, — в последний предреволюционный период она играла во внутрироссийской нелегальной партийной работе весьма крупную роль.

Старший сын — Александр, родившийся в 1866 году тоже в Нижнем Новгороде, окончил гимназию с золотой медалью, имел все задатки незаурядной личности, обладал глубоким аналитическим умом, поступил в Петербургский университет на

естественный факультет, в 1885 году был удостоен золотой медали Совета университета за работу «Об органах сегментарных и половых пресноводных Annulata».

В свободной России Александр Ульянов наверняка стал бы крупным учёным. В царской России он стал революционером-народником и 8 мая 1887 года — в 21 год — был повешен за подготовку покушения на императора Александра III.

Александр и два его товарища были задержаны «с метательными снарядами» на Невском проспекте 1 марта 1887 года и заключены в Петропавловскую крепость. Мать, узнав об аресте сына 8 марта, сразу же выехала в Петербург и 14 марта подала прошение о свидании.

Царь дал согласие, написав директору департамента полиции П. Н. Дурново: *«Мне кажется, желательно дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность — её сынок, и показать ей показания её сына, чтобы она увидела, каких он убеждений».*

Ну, своим старшим сыном Мария Ульянова имела все основания гордиться, чего никак нельзя сказать об Александре III Романове, чей сын Николай и правил бездарно, и отрёкся бесславно, ибо убеждений не имел.

Дурново дополнил царскую резолюцию: *«Нельзя ли воспользоваться разрешённым государем Ульяновой свиданием с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенные показания, в особенности о том, кто, кроме студентов, устроил всё это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если б подействовать поискуснее на мать».*

Читая это, невольно вспоминаешь слова шиллеровского Карла Моора: «О, люди, вы — порождения крокодилов». В целом с Моором согласиться нельзя никак, но в некоторых частных случаях, увы, приходится соглашаться.

И это — как раз такой случай.

Двухчасовое свидание матери и сына в присутствии надзирателя состоялось 1 апреля, в день именин Марии Александровны. Александр плакал, обнимал матери колени, но в своём решении был твёрд, сказав, что долг каждого честного человека — бороться за освобождение родины от задавленного положения.

— Да, но эти средства так ужасны, — возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама, — ответил сын.

Эту сцену мы знаем из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой, но она явно не вымышлена, а просто запомнена дочерью по рассказу матери. Явно не апокрифичны и слова Владимира, который, узнав о словах старшего брата, заявил: «Мы

пойдём другим путём».

ВЛАДИМИР был третьим ребёнком, а 4 ноября 1871 года в семье Ульяновых родилась ещё одна дочь — Ольга, погодок и, как вспоминал Дмитрий Ульянов, «самый близкий, лучший товарищ Володи в годы детства и юности». Умница, с характерными ульяновскими чертами лица, Ольга весной 1887 года окончила Мариинскую женскую гимназию, подавала блестящие надежды, тоже училась на Высших женских курсах в Петербурге, но в апреле 1891 года заболела брюшным тифом и 8 мая 1891 года — день в день через четыре года после казни Александра Ильича — скончалась на руках брата Владимира и матери.

Похоронили Ольгу на Волковом кладбище Петербурга, где позднее была похоронена и её мать.

16 августа 1874 года родился младший брат Володи — Дмитрий, умерший в 1943 году, а в феврале 1878 года появилась на свет младшая сестра Мария — «Маняша».

С 1883 года Дмитрий начал учёбу в Симбирской гимназии, заканчивал же в 1893 году уже Самарскую гимназию — для семьи началась эпоха переездов, которые, скорее, следовало бы назвать скитаниями.

Студентом медицинского факультета Московского университета Дмитрий принял участие в студенческих волнениях, был арестован, сидел в тюрьме, но в 1901 году всё же окончил Юрьевский (Тартуский) университет, работал врачом, был агентом ЦК большевиков…

После Октября Дмитрий Ильич вёл партийную работу в Крыму, в 1921 году был уполномоченным Наркомздрава по курортам Крыма, затем переехал в Москву.

Мария Ильинична в 1895 году после окончания Московской Елизаветинской женской гимназии начала учиться на Высших женских курсах в Москве, однако спокойной жизни не получилось и у неё — в 1899 году Марию арестовывают и высылают под гласный надзор полиции в Нижний Новгород. Затем последовал обычный для детей Ильи Николаевича и Марии Александровны биографический «калейдоскоп»: аресты, отсидки, ссылки…

Мария Ильинична была в 1910-е годы российским корреспондентом Ленина. В 1912 году в ориентировке охранки говорилось: «Сама активной партийной работы не исполняет, но служит местом, куда обращаются все наиболее серьёзные работники за получением связей, явок и адресов».

Но «Маняша» не была политически нейтральна — видимая партийная пассивность являлась атрибутом её партийной работы. Хорош был бы у партии «почтовый ящик», если бы его то и дело арестовывали и закатывали туда, куда Макар телят не гонял…

С марта 1917 года по 1929 год Мария Ильинична работала в редакции «Правды», затем состояла членом Комиссии советского контроля. В 1933 году её наградили орденом Ленина, в 1935 году она была избрана членом ЦИК СССР, а в 1937 году скончалась и была похоронена на Красной площади.

Такова история семьи Ленина в её предельно кратком изложении. Однако эта удивительная семья заслуживает того, чтобы сказать о ней и больше — хотя бы в объёме одной лишь главы.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, можно ли в книге о Ленине не сказать о семье Ленина, о его корнях и истоках?

Конечно же, сказать об этом надо по двум, по крайней мере, причинам.

Первая причина та, что семья Ленина — имею в виду семью, где он рос, родительскую семью — была, говоря языком казённым, образцовой ячейкой общества. А если проще и душевнее, это была прекрасная — умная, деятельная, скромная и дружная семья.

По чистоте семейных отношений, по той нравственной «планке», которая была нормой в семье Ильи и Марии Ульяновых, эту семью следует считать первой по образцовости семьёй во всей мировой истории. В этой семье не был воспитан ни один человек, о котором можно сказать, что он коптил небо и был полон мелких чувств и дел. Мать и отец Ульяновы сами не были революционерами и революционных устремлений не имели, но *все* их дети стали убеждёнными и крупными работниками революции.

Все!

Причём все были большевиками — членами партии, созданной и руководимой братом. Другого *настолько яркого* примера бескорыстной и жертвенной «семейственности» в истории мира, пожалуй, что и не найти.

Переписка Ленина с родными, их переписка друг с другом, их собственные статьи, как и их воспоминания о Ленине, обнаруживают как в сестрах Ленина — и Анне, и Марии, так и в его брате Дмитрии людей развитых, думающих, фамильно логичных, честных, нефальшивых, искренних и скромных.

Это же говорят о родне Ленина её жизнь и дела — как до Октября 1917 года, так и после Октября.

Между прочим, все лучшие фамильные черты, вплоть до знаменитого ленинского прищура, были чётко видны в племяннице Ленина — Ольге Дмитриевне, которую мне посчастливилось знать, бывая у неё дома. Она была в свои поздние годы очень похожа на бабушку, а ещё больше на свою

двоюродную бабушку — Любовь Александровну Ардашеву.

Юный Ленин в семье — интереснейшая тема, причём не только для историка, но и для умного педагога, как пример блестяще выстроенного воспитания детей… Это и благодарная — для вдумчивого психолога — отправная точка для размышлений о путях формирования абсолютно здоровых нравственно натур…

И, наконец, это тема просто для романиста!

В советское время было издано более 1500 литературных произведений о Ленине, но подлинного внимания заслуживают лишь воспоминания о нём — не только родных, но и вообще всех, кто его знал. А их, этих воспоминаний — и правдивых, и не очень, — набирается не более чем на десяток книг.

Увы, здесь нет возможности уделить место описанию детских и юношеских лет Ленина по воспоминаниям сестёр и брата (остальное почти всё вторично), но читателю не мешает прочесть их самому — они того стоят! Скажу лишь, что воспоминания Анны Ильиничны, Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны дают вполне живого и достоверного Володю Ульянова… При этом Анна Ильинична более, так сказать, «академична», как и, отчасти, Мария Ильинична, а Дмитрий Ильич — более непосредственен. Но в том, что они вспоминали то, что было, сомневаться не приходится. Например, историю с выдуманной восьмилетним Володей игрой в некую очень таинственную и очень изменчивую в поведении (то злую, то ласковую) «брыкаску» Дмитрий Ильич описывает с мастерством профессионального литератора, но одновременно — и с точностью хроникёра.

Приведу всё же один фрагмент из воспоминаний именно Дмитрия Ильича:

«Вообще у Володи в детстве была богатая фантазия, которая проявлялась в самых разнообразных играх. У меня остался в памяти, между прочим, такой случай: сидим мы вечером за большим столом и мирно и спокойно занимаемся какой-то стройкой домиков. Я соорудил из карт высокий дом, что-то, как мне показалось, необычайное, и стал хвастаться перед ними. В это время входит няня (В. Г. Сарбатова. — *С. К.*) и заявляет, к моему великому огорчению, что мама велит мне идти спать. Мне не хочется, начинаются обычные пререкания. Вдруг Володя, чтобы поддержать няню, произносит отчётливо с напускным важным видом примерно следующую фразу: „Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания, мистер Дим!“. Польщённый похвалой, я без всякого дальнейшего протеста отправляюсь с няней в путешествие…»

В этом фрагменте принципиальна некая деталь: слова «*примерно* следующую фразу…». Это «примерно» очень характерно для воспоминаний Дмитрия Ильича в частности и для Ульяновых в целом в том смысле, что все они всегда стремились к точности выражения мысли в слове. Конечно, через много лет младший брат не мог помнить то, что сказал тогда старший брат дословно. Но примерно он помнил, а как взрослый, мог примерно сказанное реконструировать. Однако счёл необходимым уточнить для читателя, что он здесь лишь примерно точен. И эта общая для детей Ильи Николаевича и Марии Александровны черта тоже идёт явно из детства. К точности и честности их приучали!

Да и могло ли быть иначе — ведь Илья Николаевич был выдающимся профессиональным педагогом, а Мария Александровна в педагогике тоже не была дилетанткой, имея диплом народной учительницы.

К слову, сообщу об упомянутой выше «няне»… Крестьянка Пензенской губернии Варвара Григорьевна Сарбатова (1820–1890) появилась в доме Ульяновых в год рождения Володи и прожила в семье двадцать лет — до самой своей смерти. И тот факт, что она прижилась в семье и не покидала её, тоже говорит о многом. Простая русская женщина, Варвара Сарбатова в интеллигентной ульяновской семье лишней не была. Ленин уже из сибирской ссылки писал в письме домой 7 февраля 1898 года: *«На вопросы Маняши: какой у Глеба (Кржижановского. —* С. К.*) голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поёт, что и мы, бывало, с Марком (Елизаровым, зятем Ленина. —* С. К.*) „кричали“ (как няня выражалась)*».

Итак, первая причина, по которой в книге о Ленине нельзя обойти тему семьи, очевидна…

Вторая же причина, по которой нельзя обойти «семейной» темы в книге о Ленине, состоит в том, что происхождение предков Ленина давно стало притчей во языцех у людей как злонамеренных, недобрых, так и у просто досужих любопытствующих мещан.

Обо всём таком пришла пора в этой книге поговорить…

ЧТО в историческом исследовании надо считать наиболее существенным? Очевидно — честность, без которой невозможны ни представительный отбор фактов, ни точный анализ.

Родная племянница Ленина Ольга Дмитриевна Ульянова, ныне, к глубочайшему сожалению уже покойная, рассказывала мне, что однажды её публично спросили:

— Толкуют то о немецких, то о еврейских корнях Ленина со стороны матери… А какой вариант устроил бы лично вас?

Ольга Дмитриевна не растерялась:

— Меня устроила бы *истина*! А истины прошлого существуют независимо от нашего желания…

Да, честно исследованная история — это точная история. И не в последнюю очередь это точные сведения, бесспорные документы. Когда запись событий эпохи полна и имеется в распоряжении исследователя, то его реконструкция истории правдива автоматически. Если, конечно, цель исследователя — правда, а не её искажение.

А если запись не полна?

А если у нас вообще нет достоверных фактов?

А если они есть, то можно ли быть уверенными в том, что мы их верно поняли и истолковали?

О происхождении Ленина по линии отца ни у кого особо сенсационных разночтений не возникало и не возникает. В XVIII веке предки Ленина по отцу были крепостными, в XIX — уже свободными людьми, по национальности — возможно, полностью русскими, возможно — частично мордвинами, но в любом случае — православными. Мать Ильи Николаевича — Смирнова Анна Алексеевна, бабушка Ленина по отцу, была, скорее всего, русской, хотя оседлавшая ленинскую тему писательница Мариэтта Шагинян писала о ней как о происходившей из «крещёного калмыцкого рода».

Ну, калмыцкого так калмыцкого — и слава богу. Пушкин был «арапского» рода, однако никто не сомневается в том, что Пушкин — великий русский поэт.

Иначе обстоят дела с происхождением Ленина по матери, а точнее — с происхождением матери по отцу, то есть — деду Ленина с материнской стороны.

По линии матери Марии Александровны — Анны Ивановны Гроппф — всё достаточно ясно, бесспорно и хотя и очень интересно, однако тоже не сенсационно. Европейские предки бабушки Ленина по матери ведут отсчёт вполне респектабельной и богатой родословной с первой четверти XVII века![174]

Нездоровый интерес вызывает лишь одна линия в роду Ленина — его деда по матери, Александра Дмитриевича Бланка (1799–1870). Принятый ныне биографический «стандарт» — дед Ленина происходил из житомирских евреев, крестился, учился в Петербурге и стал врачом.

У меня нет ни желания, ни возможности, ни квалификации подтверждать или опровергать эту версию. Ясно одно: кем бы ни был отец матери Ленина, он был, вне сомнений, человеком незаурядным, новатором: служил врачом на Смоленщине, в Петербурге, в Перми, а закончил коронную службу в 1847 году доктором казённой Златоустовской оружейной фабрики[175].

Однако остановиться на деде Ленина по линии матери нам придётся…

МАРИЯ Александровна была четвёртой дочерью в семье, и воспитывал отец дочерей строго, по-спартански, но умно — не в пример многим как тогдашним, так и нынешним отцам.

Девочки весь год носили ситцевые платья с короткими рукавами, закаливались, занимались физкультурой… Пища была простой, чая и кофе отец не признавал, считая их вредными. Дочерей учили трудолюбию на базе самообслуживания, а уж о заботах о хорошем образовании говорить вообще излишне! Увы, подробный рассказ обо всём этом очень уж уведёт нас в сторону.

Но что интересно — это таки вопрос о происхождении Александра Бланка… Одной ведь «житомирской» версией история вопроса не исчерпывается! Например, автору известной книги о родословии Ленина некому Михаилу Гиршевичу Штейну — однозначно стороннику «житомирской» версии (о которой почему-то в семье Ульяновых не знали!) — в своей книге пришлось полемизировать с весомой версией крупного российского генеалога, старшим научным сотрудником Института российской истории РАН М. Е. Бычковой.

И вот что сообщала М. Е. Бычкова в еженедельнике РАН «Поиск» в 1993 году:

«Мне удалось поработать в Казанском архиве… и установить, что… существовали два Александра Бланка, биографии которых были сознательно смешаны. Дед Ленина, Александр Дмитриевич Бланк, происходил из православного купеческого рода… Другой Александр Бланк, никакого отношения к Ленину не имевший, действительно существовал, был на 3–4 года старше Александра Дмитриевича и во многом повторил его служебную картеру. Он тоже учился в медицинском институте, но служил… не на государственной службе…

Выходит, генеалоги ошиблись?

Не думаю, скорее это был сознательно искажённый документ (имеется в виду документ о деде Ленина, представленный сёстрам Ленина после его смерти. — С. К.), а о причинах его появления судить не берусь»[176].

Версию М. Е. Бычковой поддержала племянница Ленина — Ольга Дмитриевна Ульянова, опубликовав в 1995 году в № 20 газеты «Гласность» статью о родословной Владимира Ильича.

Небезынтересны и разыскания Николая Всеволодовича Первушина (1899–1993) — правнука А. Д. Бланка по линии его дочери Екатерины Александровны Бланк-Залежской (сестры матери Ленина). Первушин, став в 1930 году невозвращенцем, с 1946 года жил в США, работал в ООН и в 1989 году опубликовал

в Нью-Йорке книгу «Between Lenin and Gorbachev» («Между Лениным и Горбачёвым»). Не имея возможности работать в советских архивах, он сосредоточился на старых энциклопедиях и других старинных источниках, где упоминались разные Бланки.

Первушин писал:

«В ходе поисков я… нашёл Дмитрия Бланка, который был врачом (возможно, он был отцом Александра Бланка, моего предка)… И Дмитрий Бланк, и Николай и Павел Бланки (тоже отысканные Первушиным в старых биографических словарях. — *С. К.*), состоявшие на государственной службе, были русские…»[177]

В 2010 году издательством «Книжный Клуб Книговек» был издан роман Сергея Есина «Ленин. Смерть титана», который был самим автором аттестован как «первый психологический роман о жизни Владимира Ильича Ленина (преимущественно в форме гипотетических монологов главного героя и ближайших его соратников), гениальность которого, отрицаемая в наше постсоциалистическое время, будет подтверждена потомками».

Роман и есть роман, причём Ленин у Есина достоверен, в том числе психологически, далеко не всегда. Но свой материал романист изучил основательно, во многом опираясь на документы, и будет небесполезно привести здесь следующий отрывок из «гипотетического монолога главного героя»:

«…несмотря на то, что кое-кому из врагов действительно хочется сделать меня, как говорят в Одессе, „немножечко евреем“, мой далёкий дед Александр Бланк евреем не был… В этом может убедиться любой, способный покопаться в архивах. Русская империя была устроена так, что женился ли человек, рождался, уходил из мира — каждый раз это фиксировалось в церковных книгах! Дескать, мой дед — фельдшер-выкрест из Одессы! А достаточно взглянуть в ещё существующие папки архива Синода, где на каждого такого одесского выкреста было заведено дело, чтобы обнаружилось: выкреста Александра Бланка в природе не существовало…»

Наконец, в завершение этого сюжета сообщу, что три сотрудницы — на протяжении многих лет — Центрального музея В. И. Ленина: О. Абрамова, Г. Бородулина и Т. Колоскова, опубликовавшие в 1998 году книгу «Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина)», сообщили крайне пикантную деталь:

«…несмотря на снятие идеологических табу («Ха!» и ещё три раза «ха!!». — *С. К.*), документы об А. Д. Бланке, находящиеся в Архиве Президента РФ, по сути недоступны и сегодня для исследователей. Отсутствие у специалистов полной

документальной базы не только вновь воспроизводит вопрос о происхождении Ленина, но и делает возможным появление новых спекуляций на эту тему»[178].

Написано это было почти двадцать лет назад, и сейчас запрет на доступ к архиву, возможно, снят… Вот только что смогут найти там исследователи — не фальшивые ли «новоделы» типа «катынских»? Второй вариант — они найдут просто пустые полки, ибо рукописи и документы не горят лишь в романах.

Лично я — с учётом быта в семье матери Ленина, а также быта и атмосферы в семье Ульяновых — не склонен считать версию о еврействе А. Д. Бланка верной. Очень уж упомянутые выше быт и атмосфера в этих семьях были далеки от «житомирско»-«одесских» как в талмудическом варианте, так и в неоправославном, характерном для евреев-выкрестов. Кроме прочего, строго гигиенического направления в быту даже выкресты не очень-то придерживались. Да и женились выкресты обычно на девицах из семей выкрестов, а девицы из этих семей выходили замуж чаще всего тоже за выкрестов, чего в семье Александра Бланка вроде бы не замечалось.

Так или иначе, прав Александр Дмитриевич Ульянов, написавший в 1937 году в письме в журнал «Красная новь» по поводу рукописи романа Мариэтты Шагинян «Билет по истории»:

«Конечно, мы живём не в III империи (имеется в виду нацистская Германия. — *С. К.*), и расовые вопросы не имеют для нас значения; нам не важно, был ли отец Ильича чистокровным калмыком или калмыком такой-то пробы…

В какую семью на Руси не попала монгольская кровь — если не в период татарского ига, то в последующие века, когда русские жили бок о бок с монгольскими племенами. Особенно в таком полутатарском городе, каким является Астрахань. Нет надобности особенно разбираться в семейных летописях, чтобы объяснить раскосые глаза или выдающиеся больше обычного скулы.

Если бы характеристика предков касалась существа дела, например, особого склада ума, каких-либо талантов или особых способностей или пристрастий, тогда это было бы важно. Но вопросы о чистокровности и кровности сами по себе не стоят ломаного гроша»[179].

По стилю это сказано суховато — младший брат был менее эмоционален, чем старший. Но по мысли и по логике мысли это сказано по-ульяновски, по-ленински, то есть — «в точку»!

ПОВТОРЮ ещё раз — достоверные сведения о детстве и отрочестве Ленина мы можем получить лишь из воспоминаний его сестёр и брата. Какие-то воспоминания однокашников — если

они и имеются — не очень идут в счёт, поскольку основная жизнь Володи проходила в семье. Здесь было и проще придерживаться режима, а к нему были приучены все Ульяновы, да и хорошие товарищи по играм были рядом, в том же доме.

Впрочем, те, кто вспоминал о Ленине как о сотоварище по учёбе в гимназии, в один голос заявляют, что дружить он в гимназии ни с кем сердечно не дружил, но сотоварищем был хорошим и надёжным, с авторитетом среди гимназистов безупречным.

Говоря о ранних годах Ленина, не могу не познакомить читателя с воспоминаниями Александра Ерамасова — сызранского «финансиста» большевика Ленина. Как вспоминала Мария Ильинична Ульянова, Ерамасов был знаком по Сызрани с зятем Ленина — Марком Елизаровым, и в конце восьмидесятых годов XIX века, когда Елизаровы, а с ними и Мария Ильинична, жили в Самаре, Елизаров как-то затащил Ерамасова к ним.

Вот как описывал последний своё первое впечатление от Ульяновых:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжёлое горе (казнь Александра. — *С. К.*). Жили тогда Елизаровы… недалеко от того района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной и Владимиром Ильичом…

Разговор шёл на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма… Владимир Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников… После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор…

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнится комплект „Русских ведомостей“, которые висели на стене над столиком. Владимир Ильич хранил все прочитанные газеты и отмечал номера, чем-либо заинтересовавшие его»[180].

За этими строками — внешне непритязательными, не так уж и наполненными конкретными деталями, — видна полная дружбы и гармонии семья, где и помыслить не могут о том, что за чаем надо обсуждать новые модные фасоны или последние новости «из мира звёзд».

Вот какой — человечески *гармоничной* — была семья Ульяновых, рано лишившаяся вначале отца, а затем и первой гордости семьи — старшего сына и брата.

Александра царизм убил прямо — петлёй.

Илью Николаевича удавка затхлой жизни в России царя Александра III и идеолога контрреформ Победоносцева задавила постепенно.

Министром народного просвещения с 1882 года стал Делянов — автор печально знаменитого циркуляра о «кухаркиных детях», закрывшего путь к образованию множеству талантливых ребят из простого народа. Ульянов-старший был как педагог и личность полным антиподом своему столичному шефу, и это всё более осложняло положение Ильи Николаевича. Сказанное — не предположение: осенью 1885 года верхушка симбирского земства открыто выразила сомнение в возможности ведения школьного дела *в предписанном министерством духе* при таком директоре народных училищ Симбирской губернии, как Ульянов.

То есть работать так, как считал Илья Николаевич нужным, было уже нельзя. И до этого хлеб его был непрост — в царской России деятельные народные просветители никогда в чести не были, а уж теперь, при Делянове…

Илья Николаевич выступал против намерений заменить земские школы церковноприходскими, и всё это изматывало, он быстро стал сдавать… Развязка наступила тоже быстро: 10 января 1886 года Ульянов-старший занемог и слёг… 12 января ему стало лучше, и он дома работал со своим помощником и другом инспектором Стржалковским над годовым отчётом, но обедать не стал, опять прилёг. В пятом часу вошедшая к нему Мария Александровна позвала в тревоге Анну и Владимира. Отец был в агонии и на глазах жены и детей скончался — кровоизлияние в мозг.

Поток прощающихся шёл через дом Ульяновых три дня, гроб с телом Ильи Николаевича на кладбище Покровского монастыря провожала огромная толпа.

Семья осиротела, пока — на отца.

А через полтора года — ещё и на Сашу.

Теперь в своём пути — ином по форме, чем у отца и старшего брата, но том же по содержанию, ибо это был путь жизни для народа, Владимир мог опереться душой лишь на мать и на себя.

А впрочем, нет — его надёжной опорой оставалась вся семья… Остальные Ульяновы — сёстры, брат, разделённые с Владимиром расстояниями, душевно были с ним всегда рядом, и переписка Ленина с родными доказывает это однозначно.

А мать, «дорогая мамочка», стала его опорой уже самим фактом своего бытия. Отношения матери и сына были образцовыми, потому что они на всю оставшуюся им на двоих жизнь сохранили душевную близость.

МАТЬ жила ради детей и детьми — это по отношению к

Марии Александровне не фраза, а констатация факта. Сколько раз ей приходилось после смерти мужа менять места жительства, и всякий раз это было связано с детьми. В Петербурге, в Москве — с Митей и Марусей, с Аней, в Саратове — с Аней, в Киеве — с Митей, Марусей и Аней, в Вологде — с Марусей, и т. д.

И каждый раз она снималась с места то из-за заключения кого-то из детей, то из-за их очередной ссылки, то из-за их переезда в силу необходимости для партии.

21 февраля 1914 года Ленин пишет матери из Кракова в Вологду:

«Дорогая мамочка! Получил твою открытку — mersi за неё. Вот разница-то между погодой у вас и здесь! Здесь совсем весна: снегу давно нет, тепло совершенно, ходим без калош, солнце светит для Кракова необычайно ярко, не верится, что это в „мокром“ Кракове. Досадно, что приходится тебе с Маняшей жить в скверном городишке!.. Я был не в Лондоне, а в Париже, прокатился недурно. Париж — город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный. Но побывать недолго, навестить, прокатиться — нет лучше и веселее города. Встряхнулся хорошо.

Летом, вероятно, поедем опять в Поронин.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья. Маняше большущий привет.

Твой В. У.

P. S. Надя и Е. В. (мать Крупской. — С. К.) целуют тоже крепко»[181].

Но почему матери с «Маняшей» приходится жить «в скверном городишке»? Да потому, что Маняша отбывает очередную ссылку.

А как «встряхивался» Ленин в Париже? В «Мулен-Руж» канкан с субретками танцевал и у «Максима» баловался устрицами с «Мадам Клико»?

Да нет…

5 января 1914 года он приезжает в Париж и в тот же день проводит совещание большевиков в связи с намерениями Международного социалистического бюро выявить «пункты расхождения» между большевиками и меньшевиками и добиться их единства. Напоминаю, что агентуру Капитала беспокоила непримиримость Ленина накануне мировой войны…

9 января Ленин выступил на двух митингах социал-демократов, посвящённых 9 января 1905 года.

10 января он выступил в большом зале парижского Географического общества с рефератом «Национальный вопрос» и 12 января выехал в Брюссель на IV съезд Социал-демократии Латышского края, где одержал яркую победу — «латыши» отныне

шли за Лениным.

Надо заметить, что тон писем Ленина и Крупской к Марии Александровне был всегда откровенным, но при этом и всегда бодрым, хотя жилось им в эмиграции по-разному и в житейском смысле — не очень-то зажиточно. Темы же писем из разных мест Европы менялись мало: здоровье, погода, небольшие житейские дела…

А о чём другом мог писать Ленин матери? О главном не напишешь, даже подписываться порой приходилось инициалами.

И о чём другом могла писать свекрови Крупская? «Володя получил недавно чин статского советника», или «Мы приобрели сотню акций „Standard Oil“ и я купила себе миленькую норковую шубку»?

Таких «радостей жизни» в их жизни не было и быть не могло.

А мать?

Мать ведь тоже участвовала в их борьбе не только тем, что *была* и всегда была готова сняться вслед за детьми. Она вполне сознательно становилась и прямой их помощницей. Вот, скажем, Мария Александровна по совету Мити едет летом 1911 года в Бердянск, к морю. Сопровождает её Анна, и начинается переписка — Владимир и Надежда пишут ей из-за границы, Дмитрий — из Феодосии, из Териоки — Мария и из Саратова — Марк Елизаров. Но пишут не только ей, а и друг другу через неё — по партийным делам.

А вот новогодняя история 1904 года…

1 января, Киев отсыпается после весёлой новогодней ночи, а на квартире Ульяновых идёт обыск — на Бибиковском бульваре арестованы возвращавшиеся с конспиративного совещания Дмитрий Ильич и жена Кржижановского Зинаида Невзорова-Кржижановская, и в доме, пахнувшем новогодними пирогами, теперь пахнет грязью от жандармских сапог. Мария Александровна, наблюдая за очередным в её жизни погромом квартиры, спокойно замечает, что «гости» сами не знают, что ищут, и ничего не найдут.

Продолжавшийся до двух часов ночи обыск действительно ничего не дал, хотя весь архив ЦК, избранного II съездом, всё время был на виду — в хитроумно устроенном шахматном столике, сделанном по чертежам Марка Елизарова.

Тем не менее Анну, Марию и жену Дмитрия Антонину уводят. Женщин заключают в Лукьяновский тюремный замок, Дмитрий сидит в «Косом капонире» Киево-Печерской крепости…

Мать остаётся одна. В тот день в Киеве было произведено 109 обысков и более 30 арестов. Были арестованы и товарищи её детей, так что 69-летнюю Марию Александровну, недавно

приехавшую к детям в Киев, и навестить-то некому… А надо носить передачи, и в момент свидания ещё и умудряться получить от Анны записки на волю. Формально Мария Александровна никакой партийной работы никогда не вела, но разве то, что ей — матери четырёх большевиков — приходилось делать ради детей, не было партийной работой?[182]

Или памятная ночь с 7-го на 8 мая 1912 года в Саратове, когда в их дом ворвалась полиция и арестовала Марию и Анну (Марк был в отъезде)… В тот же день Мария Александровна пишет письмо брату Марка:

«Пишу Вам, Павел Тимофеевич, по поручению Ани, которая просит Вас сообщить Марку следующее: в ночь с 7-го на 8 мая нагрянула к нам полиция для обыска, предъявила бумагу из охранного отделения с требованием арестовать Марка, Аню и Марусю, даже в том случае, если ничего предосудительного, запрещённого найдено не будет!

Аня просит Вам передать это письмо по возможности скорее Марку… Прибавлю ещё, что при обыске не было ничего найдено, только у Маруси один номер газеты „Звезда“. Нагрянули 15 человек, обыскивали с 12 часов до 6 утра, перерыли всё, снимали чехлы с мебели, развинчивали печки, искали на кухне, на чердаке, мы не спали всю ночь, ничего… наконец, предложили нашим собираться»[183].

Каково это для матери?! Грубый стук в дверь среди ночи, вломившиеся жандармы, запихнувшие её в одну из комнат под присмотр, перевёрнутая вверх дном квартира, уведённые в неизвестность дочери…

А ведь Марии Александровне шёл 78-й год!

Она остаётся одна, однако не падает духом… Узнав, что зять уже выехал пароходом в Саратов, идёт на пристань, чтобы предупредить его, потом пишет сыну в Париж…

Тот в письме от 27 мая успокаивает мать как может: *«Я уверен, что долго продержать их не смогут… Вероятно, в теперешние времена в провинции хватают совсем зря, „на всякий случай“»*; и спрашивает: *«Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество…»,* а через неделю, 2 июня 1912 года, отправляет новое письмо:

«Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить ещё. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь…

Сегодня прочитал в петербургской газете о больших арестах и обысках в Саратове в связи с железнодорожными служащими (Тогда в Саратове было произведено в два приема 18 и 16

арестов. — *С. К.*). Видимо, хватать стали особенно усердно… С Анютой, наверное, скоро увидишься, раз даже при аресте вынуждены были сказать, что берут, видимо, ненадолго. Но если аресты особенно широки, то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных…»[184]

К тому времени Ленин не виделся с матерью два года — последний раз они были вместе в Стокгольме в 1910 году, когда Мария Александровна специально приезжала туда на встречу с сыном.

Потом началась война, окончательно сделавшая невозможным для обоих личное свидание, оставалась только переписка. В марте 1916 года Ленин пишет матери очередное письмо, ставшее одним из последних:

«Дорогая мамочка! Посылаю тебе карточки, одну для Маняши.

Мы живём теперь в Цюрихе. Приехали позаниматься в здешних библиотеках. Озеро здесь нам нравится, а библиотеки много лучше бернских, так что пробудем ещё, пожалуй, дольше, чем хотели. Писать можно на здешний адрес: почта всегда перешлёт.

Надеюсь, у вас уже нет больших холодов и ты не зябнешь в холодной квартире? Желаю, чтобы поскорее было тепло и ты отдохнула от зимы.

Надя очень всем кланяется. Крепко тебя целую, моя дорогая, и желаю здоровья. Анюте большущий привет и М. Т. (Елизарову. — *С. К.*) тоже.

Твой В. У.»[185].

Тепло в России наступило, а вот со здоровьем уже не ладилось — начинался восемьдесят второй год очень непростой и беспокойной жизни, и летом 1916 года Мария Александровна занемогла.

В начале болезни она сказала дочери — с ней была Анна: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку, — ты знаешь что — я хочу пожить ещё с вами»… В этих словах было всё: она хотела не просто ещё пожить, а пожить *с детьми,* возможно — увидеть Володю… Но вскоре поняла, что угасает.

Приехать проститься мог лишь Дмитрий, он был в Севастополе, и Анна отправила ему телеграмму: *«Мама больна. Без сознания. Приезжай».* Военная цензура задержала телеграмму как подозрительную — видно, военные жандармы не могли себе представить, что большевики Ульяновы не сообщают друг другу что-то условным кодом, а просто стоят накануне большой житейской драмы. И в день смерти Мария Александровна

вздохнула: «Где же наш Митёк?». В тот же день 12 июля 1916 года мать Ленина тихо скончалась на руках у дочери.

Владимир Бонч-Бруевич был среди тех, кто её хоронил. Позднее он писал:

«Война разметала многих из нас в разные стороны. Пришли на похороны немногие. Мы собрались в кладбищенской церкви.

В гробу она выглядела такой же добрострадающей, как и в жизни. И меня крайне удивил своей лёгкостью гроб, когда нам вдвоём с М. Т. Елизаровым пришлось нести его на руках до могилы от кладбищенской церкви, где, по законам того времени, обязаны были её отпевать, чтобы получить право похоронить.

Быстро насыпан был холм, и мы украсили его живыми цветами. Грустно постояли, подумали и пошли…»[186]

ВЛАДИМИР Ильич, уехав девять лет назад из Санкт-Петербурга, вернулся в переименованный в 1914 году на русский лад Петроград в ночь на 4 апреля 1917 года.

Была восторженная встреча, митинги, речи… Потом он с Крупской, сёстрами, зятем и друзьями добрался до квартиры Елизаровых на улице Широкой. Наутро его ожидали новые неотложные дела, а с раннего утра он поехал с родными и близкими на Волково кладбище — к давней могиле сестры Ольги и свежей могиле матери.

Всё тот же Владимир Бонч-Бруевич, бывший в то утро рядом с Ильичом, оставил нам запись об этом:

«Всегда сдержанный, всегда владевший собой, всегда серьёзный и задумчивый, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, интимности и задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к своей матери, и, зная это, чувствовали, что тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжёлых дорог Владимира Ильича»[187].

Он стоял у могилы, что-то шептал, потом низко-низко поклонился…

В тот день на Волковом кладбище не было фотографа — да и откуда ему было быть там в то раннее утро? Но через два года, 13 марта 1919 года, на том же Волковом кладбище хоронили неожиданно умершего от тифа Марка Тимофеевича Елизарова.

Ленин приехал на похороны из Москвы, и фотограф Я. Штейнберг сделал тогда серию из пяти снимков — Ленин в окружении провожающих у могилы зятя… Глядя на эти фото, я думал: «Если бы художнику надо было написать картину на тему „Мужская скорбь“, то, имея возможность выбирать, он, скорее всего, выбрал бы для работы одно из этих фото Ленина».

Таким он был, конечно, и в то утро 5 апреля 1917 года, когда

перед тем, как взвалить на себя свой тяжкий российский крест до конца дней своих, он пришёл на последнюю встречу с матерью…

Да и не с матерью, а с её могилой.

Побывать же на могиле отца он так и не смог.

Глава 5
«Моя партия не запрещает этого…»

КОГДА смотришь на то, что успел сделать Ленин после Октября 1917 года, всего за пять лет активной уже не революционной, а государственной деятельности, то понимаешь, что всё это можно было сделать лишь в режиме не менее чем 12-, а то и 14-часового рабочего дня день за днём.

Собственно, так же работал и Сталин, почему де Голль при их личной встрече и удивился — как можно успевать так много!

Так что будет неверным говорить, что за всей этой державной работой сложно увидеть Ленина — не государственную фигуру, а человека. Ленин — основатель новой России и Ленин-человек — это одно и то же. Ленин-человек полностью раскрывается в его работе на посту председателя Совета народных комиссаров РСФСР и председателя Совета труда и обороны РСФСР… И этот Ленин хорошо виден даже не из тех или иных воспоминаний — хотя из них он виден ярко, а из четырёх, с 50-го по 54-й, послеоктябрьских томов писем, записок, телеграмм и телефонограмм в Полном собрании сочинений…

Но было же и время, когда Ленин жил хотя и напряжённой жизнью разума и духа, но — не изнуряющей, не изматывающей ежедневно жизнью, как после Октября 1917 года. Были времена, когда он мог позволить себе — по забавно-меткому словцу Надежды Константиновны — на часы «уйти в неопределённую часть пространства»… Мог сесть на велосипед и укатить куда глаза глядят — один или с Крупской. Мог позволить себе хотя и относительный — не без деловых партийных забот, но полноценный месячный отдых!

Этого Ленина мы можем узнать из его или Крупской «житейских» писем и из воспоминаний Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской, того близкого человека и друга, который прожил с Лениным бок о бок четверть века — с молодых лет до смертного часа.

Однако правдиво и точно, а при этом сочно, колоритно, а порой и неожиданно Ленин-человек проявляется и вообще в воспоминаниях о нём товарищей и соратников.

СКАЖЕМ, в 1910 году в Копенгагене проходил VIII конгресс II Интернационала. Накануне открытия датчане, хозяева конгресса, устроили в небольшом открытом ресторанчике ужин в честь гостей. Был на этом ужине и Юрье Сирола — тогда член Правления и сопредседатель Социал-демократической партии

Финляндии, депутат финского сейма…

Соседом по столу у Сиролы оказался Ленин, и когда графин с водкой дошёл по кругу до Сиролы, тот осведомился у Ленина:

— Вы позволите себе перед обедом рюмочку?

— Моя партия не запрещает этого, — ответил Ленин.

Финн смутился, поняв, что Ленину известна принятая в 1906 году съездом Социал-демократической партии Финляндии в Оулу резолюция, предписывающая партийным работникам быть всегда абсолютно трезвыми…

Вспоминая этот эпизод через много лет, Сирола — с 1918 года член РКП(б), с 1928 года нарком просвещения Карельской АССР — писал, что его поразило то, что Ленин запомнил «даже такое маленькое, мимоходом принятое решение», но потом, уже став коммунистом, Сирола понял, какое огромное значение Ленин придавал партии и принятым ей решениям[188].

Этот забавный историко-«гастрономический» курьёз хорош тем, что показывает Ленина и как человека, и как политика — в большом и в малом.

Причём как человек Ленин был неприхотлив. Уже другой финн — Карл Харальд Вийк, член Исполкома Социал-демократической партии Финляндии, вспоминал о том же ужине, что перед Вийком стояло «изысканное блюдо — омар», а перед сидящим рядом с Вийком Лениным «почти ничего не было». Вийк пишет, что это его первое наблюдение позже не раз подтверждалось: Ленин жил чрезвычайно скромно[189].

Между прочим, Ленин оказался рядом с финнами не случайно — он хотел обсудить с ними накоротке вопросы транспорта через Финляндию нелегальной литературы для России…

Да, Ленин не был полным абстинентом… Крупская в своих воспоминаниях о жизни в Кракове писала, что ей, в раннем детстве одно время жившей в Польше вместе с родителями, уже взрослой «милы казались „огрудки“ (садики), в которых продавалось „квасьне млеко с земняками“ (кислое молоко с картофелем)», и продолжала: «Ильич радовался тому, что вырвался из парижского пленения; он весело шутил, похваливал и „квасьне млеко“, и польскую „моцную старку“ (крепкую водку) …»[190].

При этом Ленин относился к спиртному чисто, так сказать, гастрономически, без стремления отуманить мозг, тем более что такой мозг, как ленинский, рюмка «моцной старки» или тёмного мюнхенского пива отуманить не могли никак. А более ему для чисто вкусовых ощущений и не надо было.

Крупская вспоминала, как они с Ильичом в 1913 году по

дороге из Берна в Поронин заехали буквально на несколько часов — от поезда до поезда — в Мюнхен, где жили в 1902 году. Незадолго до этого Крупской сделали в Берне операцию, и теперь Ульяновы возвращались в Поронин, где накопилось «много спешных, экстренных дел». Встречали их молодой Борис Книпович с женой.

Крупская знала «Бориску» с четырёх лет, когда он залезал ей на колени и заказывал: «Крупа — сказку об оловянном солдатике», а летом 1907 года, когда Борис был уже гимназистом, Ульяновы жили на даче Книповичей в финском Стирсуддене.

«Время мы провели в ресторане, славившимся каким-то особым сортом пива, — писала Крупская. — Hof Brdu (Хофбрёй) назывался ресторан. На стенах, на пивных кружках везде стоят буквы „Н. В.“ — „Народная воля“, — смеялась я. В этой-то „Народной воле“ и просидели мы весь вечер с Борей. Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя, поговорили они с Борей о дифференциации крестьянства, вспоминали мы все вместе Дяденьку (тётку Бориса Книповича Л. М. Книпович. — *С. К.*)…»[191]

Прекрасно осведомлённый исследователь жизни Ленина, последний директор Центрального музея В. И. Ленина Владимир Ефимович Мельниченко, написал интересную книгу «Личная жизнь Ленина»… Есть там и главка «Мюнхенское пиво», где приведены воспоминания хорошо знавшего Ленина Ивана Фёдоровича Попова (1886–1957). Попов пишет, как Ленин однажды со смехом признался ему, что любит мюнхенское пиво так, что во время Поронинского совещания ЦК осенью 1913 года, узнав, что в деревушке, верстах в четырёх-пяти, в пивной появилось настоящее мюнхенское, он, Ленин, подбивал компанию сходить «по ночному холодку, наскоро» выпить по кружке пива.

И «хаживали, бывало»…

При этом автор «Недорисованного портрета» Ленина Валентинов-Вольский утверждал, что не видел никогда, чтобы Ленин пил более одной кружки пива, и прибавлял: «Его нельзя себе представить пьяным. Вид одного пьяного товарища в Париже вызвал у него содрогание и отвращение».

И даже «завравшийся, — как точно оценил Мельниченко, — Соломон», ещё один «мемуарист»-невозвращенец Соломон-Исецкий, признавал, что «Ленин был очень чистый человек, с искренней гадливостью относившийся ко всякого рода эксцессам, как пьянство»…

ЭТО — именно так! Ленин был искренне гадлив к тёмным «подворотням» духа и души. В июне 1914 года он писал Инессе Арманд из Поронина в Ловран:

«Прочёл сейчас, my dear friend, новый роман Винниченко, что ты прислала. Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких „ужасов“, собрать воедино и „порок“, и „сифилис“, и романическое злодейство с вымогательством денег за тайну (и с превращением сестры обираемого субъекта в любовницу), и суд над доктором! Всё это с истериками, с вывертами, с претензиями на „свою“ теорию организации проституток… Винниченко делает из неё нелепость, *смакует* её, превращает в „конька“. В „Речи“ про роман сказано, что подражание Достоевскому и что есть хорошее. Подражание есть, по моему, и архискверное подражание архискверному Достоевскому. Поодиночке бывает, конечно, в жизни всё то из ужасов, что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и *таким* образом — значит *малевать* ужасы, пужать и своё воображение и читателя, „забивать“ себя и его»[192].

Помянутый Лениным Винниченко — это украинский буржуазный писатель-националист, будущий коллега Симона Петлюры, председатель Украинской Директории 1918–1919 годов и затем белоэмигрант В. К. Винниченко (1880–1951). А написал Владимир Ильич о его романе «Заветы отцов».

И как метко написал!

Не очень-то это похоже на «хрестоматийного» Ленина, а? Здесь ведь перед нами не «забронзовевшая» фигура, а живой, думающий, чувствующий человек, живая душа…

И ведь для того, чтобы отыскать *такого* Ленина, не надо забираться в спецхраны — достаточно открыть ленинский том писем за ноябрь 1910-го — июль 1914 года.

Говорят, чтобы лучше всего спрятать что-то, надо положить его на самое видное место. Тома Собрания сочинений Ленина стояли на самом видном месте в любой советской библиотеке, ленинские работы — по «табельному» списку — изучали все советские студенты. И многие при этом зевали — особенно девицы…

Глупо, конечно, — Ленин непреходяще интересен в огромном числе своих трудов, но его действительно подавали советской молодёжи в «замаринованном», так сказать, виде. А он, живой, стоял тут же, рядом — рукой подать, а точнее — руку протянуть!

Не пора ли, друзья, это наконец сделать?

Ведь я так часто *прямо* цитирую Ильича в том числе потому, что надеюсь: в результате у читателя возникнет интерес к собственному открытию Ленина, к собственному с ним тесному знакомству…

Перечитав, работая над этой книгой, вышеприведённые строки письма Ленина к Инессе Арманд, я подумал — а что, если бы Ленин встал не только во главе России, но и во главе всего

мира? Ведь в мире, пошедшем по пути Ленина, не было бы ни триллеров, ни киллеров, ни того вселенского опошления понятия «любовь мужчины и женщины», которое ныне сведено к механическому «сексу», да и то для многих — лишь по Интернету…

Вернёмся, однако, к ленинскому письму Арманд, где далее идёт вот что:

«Мне пришлось однажды провести ночь с больным (белой горячкой) товарищем — и однажды „уговаривать“ товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет, кончившего-таки самоубийством. Оба воспоминания a la (*франц.* «в духе». — *С. К.*) Винниченко. Но в обоих случаях это были маленькие кусочки жизни обоих товарищей. А этот претенциозный махровый дурак Винниченко, любующийся собой, сделал отсюда коллекцию сплошь ужасов — своего рода „на 2 пенса ужасов“. Бррр… Муть, ерунда, досадно, что тратил время на чтение…

Твой В. И.»[193].

Отношение к «ужасам» и прочей дряни здесь заявлено вполне определённо.

К слову, то, что Ленин часто обращался к Арманд «Дорогой друг!», «Dear friend!», само по себе ничего не значит. Письмо, например, Сталину («Для Васильева») от 6 декабря 1912 года из Кракова в Петербург начинается так же: «Дорогой друг, насчёт 9 января крайне важно обдумать и подготовить дело заранее…», и т. д.[194] Но и вообще обращение «Дорогой друг!», если письмо было действительно к близкому товарищу, являлось для Ленина достаточно обычным.

Тем не менее с Инессой Арманд отношения у Ленина были всё же особыми, для Ленина уникальными. Судя по всему, Арманд без всяких околичностей любила Ленина, а он в какой-то мере тоже испытывал к ней чувства, очень далёкие от равнодушия. Арманд была редкой умницей среди красавиц и ещё более редкой красавицей среди умниц, увлечь могла и увлекала.

Однако, как уже говорилось в начале книги, Владимир Ульянов был человеком не только строгой мысли, но и строгих — прежде всего по отношению к себе — чувств. Порвать с Крупской он не мог ни в каком отношении: их связывало многое и многое, что редко выпадает большинству в жизни, а не в романе. Опускаться же до тривиального «любовного треугольника» он, конечно же, тоже не мог.

Оставалось одно: тактично отдалить Арманд от себя в точном и прямом смысле этого слова — отдалить географически, что Ленин и сделал в тот момент, когда чувства могли прорваться и у

него.

То, что Крупская *не* ревновала к Арманд, прекрасно видно из всех тех аутентичных текстов, которые когда-либо вышли из под пера Надежды Константиновны, — как из писем, так и из её воспоминаний. Везде она пишет об Арманд в тёплых и дружеских тонах. После смерти Инессы Крупская опубликовала о ней небольшую статью-некролог.

Но фактом является и то, что тон ленинских писем к Арманд нередко был более чем доверительным и в некоторых случаях — вполне интимным, но, опять-таки, интимным во вполне определённом и ныне практически утраченном смысле этого слова… Нормативное, по словарю, русское значение французского слова «intime» (от *лат.* intimus — самый глубокий, внутренний) — «глубоко личный, сокровенный, задушевный»… Вот *такими* и сложились отношения Ленина и Арманд — *со стороны Ленина!* — душевно сокровенными и глубокими, задушевными…

Арманд была блестящей помощницей Ленина в деле связи со средой европейских социалистов — она ведь и сама не только по многоязычию, но и по натуре была европейкой, хотя и очень духовно обрусевшей.

И ещё одно — среди многих заграничных партийных коллег Ленина, далеко не всегда понимавших его и как человека, и как политика, Арманд была редким исключением: она не только верила Ленину и в Ленина, она его точно *понимала* — и как политика, и как человека! В полной мере это же можно сказать лишь ещё об одной женщине — о самой Крупской!

Кроме, конечно, ещё и матери Ленина, Марии Александровны.

ИНТЕРЕСНЫ два ленинских письма Инессе Арманд от 17-го и 24 января 1915 года… Арманд собиралась написать брошюру для работниц о проблемах любви и брака, и хотя план не осуществился, благодаря этому замыслу Арманд, которым она поделилась с Лениным, мы имеем прямое мнение Ленина по одной из вечно животрепещущих тем.

В первом письме Ленин размышляет:

«§ 3 — „требование (женское) свободы любви“ советую вовсе выкинуть. Это выходит… не пролетарское, а буржуазное требование. В самом деле, чту Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу от материальных (финансовых) расчётов в деле любви?

2. То же от материальных забот?

3. от предрассудков религиозных?

4. от запрета папаши etc. (и так далее. — *С. К.*)?

5. от предрассудков „общества“?

6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?

7. от уз закона, суда и полиции?

8. от серьёзного в любви?

9. от деторождения?

10. свободу адюльтера (супружеской измены. — *С. К.*) и т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не № 8–10, а или № 1–7 или *вроде* № 1–7.

Но для № 1–7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли.

А публика, читатели брошюры *неизбежно* поймут под „свободой любви“ нечто вроде № 8–10…

Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и „вверхувидные“, понимают под „свободой любви“ № 8–10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование.

Пролетариату важнее всего № 1–2, и затем № 1–7, а это, собственно, не „свобода любви“.

Дело не в том, чту Вы *субъективно* хотите понимать под этим. Дело в *объективной логике* классовых отношений в делах любви.

Friendly shake hands („Дружески жму руку!“ — *С. К.*).

W. I.»[195].

Ленинские мысли за прошедший с момента их высказывания век не только не устарели, но стали в эпоху «гражданских браков» лишь более злободневными. Ведь разрушение традиционного института брака — не примета времени, а результат сознательных действий класса имущих, дополнительный рычаг манипулирования массами. А названные Лениным «наиболее говорливые, шумливые и „*вверху*видные“ классы» и есть современный «креативный» «класс», пошлый во всех своих проявлениях, а особенно — в «любовных»…

Арманд — возможно, потому, что она была в этом вопросе не очень-то объективна, — возражала, и Ленин пишет ей ещё одно письмо «по теме», часть которого ниже привожу:

«Буржуазки понимают под свободой любви пп. 8–10 — вот мой тезис.

Опровергаете Вы его? Скажите, чту буржуазные дамы понимают под свободой любви?

Вы этого не говорите. Неужели литература и жизнь не доказывают, что буржуазки именно это понимают? Вполне доказывают. Вы молча признаёте это…

„Даже мимолётная страсть и связь“ „поэтичнее и чище“, чем

„поцелуи без любви“ (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно.

Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов грязны. Согласен. Им надо противопоставить… что? Казалось бы: поцелуи с любовью? А Вы противопоставляете „мимолётную“ (почему мимолётную?) „страсть“ (почему не любовь), выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолётные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским… Странно…

Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолётной связи, — эту тему надо разработать в романе (ибо тут весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данных типов). А в брошюре?»[196]

В этой полемике на общие темы угадывается и личный спор о самих себе, но как раз это лишний раз доказывает, что Ленин был вполне прям и искренен в своей позиции: «свобода любви» в постановке пункта № 10 его не привлекала ни как принцип, ни как индивидуальный случай.

МЫ ИМЕЕМ и ещё одно, вне сомнений, точное и достоверное изложение взглядов Ленина на «проблему», принадлежащее, правда, не самому Ленину, а Кларе Цеткин. Летом 1920 года в Москве проходил II конгресс Коминтерна, и Ленин тогда беседовал с Цеткин — старинной своей знакомой со времён эмиграции — на те или иные темы. Как можно догадаться, Цеткин или стенографировала, или записывала услышанное в записную книжку сразу после того, как оставалась одна. Общий объём её записей составляет около трёх десятков страниц стандартного книжного формата, поэтому ограничусь лишь тремя наиболее «ударными» цитатами…

1) «…Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придаёт ей как будто „научный“ вид, но всё это кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола в… той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощён вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, вытекает… из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь… Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же

противно, как и любовное копание в вопросах пола…»[197]

2) «…Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая „новая половая жизнь“ молодёжи — а часто и взрослых — кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости… Вы, конечно, знаете, знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды“ наша молодёжь просто взбесилась, прямо взбесилась… Приверженцы её утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой „марксизм“…

Энгельс в „Происхождении семьи“ указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась… Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питьё воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к обществу…»[198]

И ещё одна, третья цитата, уже выходящая за рамки «вопросов пола», но убедительно этим «вопросам» противостоящая:

3) «Молодёжи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, — разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование и всё это по возможности совместно! Всё это даёт молодёжи больше, чем дискуссии по вопросам пола и так называемого „использования жизни“. В здоровом теле здоровый дух! Не монах, не Дон Жуан, но и не германский филистер (обыватель. — *С. К.*) как нечто среднее…»[199]

Цеткин пишет, что, услышав всё это, пожалела, что эти слова «не слыхали сотни, тысячи людей»… Ленин в ответ добродушно усмехнулся и сказал, что, может быть, он «когда-нибудь» скажет речь или напишет «о затронутых вопросах», а «сейчас всё время и все силы должны быть сконцентрированы на другом».

Тогда только-только окончилась неудачная для РСФСР советско-польская война, в Крыму ещё был Врангель… Позднее «более важных, более тяжёлых забот» тоже хватало, а Ленин не привык выпускать свои мысли на народ без тщательного их обдумывания и большой предварительной работы…

К тому же он не считал себя здесь безапелляционно компетентным — та же Цеткин вспоминала, как Владимир Ильич,

хохоча, сказал ей по поводу новой «живописи», изображающей треугольные и т. д. «лица»:

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаёмся молодыми и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади.

К различным «…измам» Ленин относился критически. Он исходил из того, что надо просто дать народу подлинное искусство, и говорил Цеткин:

— Важно не то, что даёт искусство нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно объединять чувство, мысль и волю масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их… Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине — Каутский, но мы также просвещали головы: мы много голов просветили…[200]

Пусть и в изложении Цеткин — явно точном, — мысли Ленина о духовной стороне жизни нового общества оказываются самобытными и обнаруживают абсолютно и редкостно духовно здоровую натуру Ильича.

А вот пример с другой стороны «баррикад»… И даже не с другой стороны, поскольку «творческая интеллигенция» редко становится решительно по ту или иную сторону социальных баррикад, предпочитая подворотни. Так вот, известный художник Юрий Анненков, мастер весьма своеобычной, но точной манеры портретирования, после революции писал портреты вождей новой России, в том числе и Ленина. Позднее, уже в эмиграции, Анненков так передавал слова позировавшего ему Ленина: «Я, знаете, в искусстве не силён, искусство для меня, это… что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык, дзык! — вырежем. За ненадобностью…». И сие «документальное» свидетельство Анненкова с удовольствием и сладострастием приводит современный журнал о «звёздах» «Биография» (№ 4, 2017), опускаясь до очередной грязной антиленинской инсинуации.

Но что интересно! Как портретист Анненков был практически всегда абсолютно точен в передаче человеческой сути портретируемого, был у него такой редкий даже для портретистов дар. Так вот, графический портрет Троцкого даёт нам натуру жестокую, деспотическую, безжалостную… А набросок портрета Ленина получился-то у Анненкова иным — с листа на нас смотрит человек умный, мыслящий, но мягкий, добрый и в чём-то

неистребимо простодушный… Таким он в своей сути и был!

Сегодня договариваются и до того, что большевики якобы поддерживали психоанализ, создавали фрейдистские общества, разрушали семью… Что ж, Троцкому действительно принадлежит работа «Вопросы быта», а Александра Коллонтай проповедовала «свободную любовь». Но это был не магистральный путь в новой возникающей жизни, а окольные стёжки-дорожки, по которым пытались идти и вести за собой других когда неумные дураки, когда — распущенные люди, а когда — и просто враги, которые уже поняли, что пуля — далеко не всегда самый убедительный и эффективный способ борьбы против нового строя жизни.

Ленину не суждено было самому пресечь «сексуально-ориентированные» перехлёсты, поощряемые, как правило, троцкистами, но отношение Ленина к институту семьи было вполне определённым, то есть — разумным. Ещё осенью 1916 года он в статье «Карикатура на марксизм», говоря о том, что «нельзя быть демократом и социалистом, не требуя полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение женщины», далее прибавлял: «Хотя вовсе нетрудно смекнуть, что признание *свободы* ухода от мужей не есть *приглашение* всем жёнам уходить!»[201].

В ОДНОМ из ленинских писем Арманд, от 17 декабря 1917 года, есть любопытный постскриптум: *«P. S. Что за человек жена Усиевича? Кажись, энергичная? Сделает ли он из неё большевичку или она из него ни то ни сё?»*[202].

Речь здесь о 26-летнем Григории Усиевиче — большевике с недолгой, но яркой судьбой. Он был одним из рядовых, «полевых», так сказать, «офицеров» партийной «армии» Ленина и заслуживает того, чтобы о нём знали и помнили.

Григорий Александрович Усиевич (1890–1919) родился в зажиточной семье купца на Черниговщине, жил в Тамбове, после окончания гимназии учился на юридическом факультете Петербургского университета, с 1908 года — член Петербургского комитета большевиков. Был арестован и после двух лет одиночного заключения сослан на вечное поселение в Канск Енисейской губернии, жил и на станции Тинской (откуда и его партийный псевдоним «Тинский»), сотрудничал в большевистском журнале «Просвещение». В 1914 году из ссылки бежал в Петербург, а затем — за границу. Добравшись до Австро-Венгрии в первый день войны, был там арестован, угодил в концентрационный лагерь до 1916 года. Лишь после долгих хлопот австрийских социал-демократов Усиевича выпустили, и он уехал в Швейцарию к Ленину…

А жена Усиевича — Елена Кон (1893 — не ранее 1978) — это

дочь видного деятеля международного рабочего движения Феликса Кона (1864–1941), впоследствии члена Исполкома Коминтерна, члена ВЦИК и ЦИК СССР… С 1915 года она входила в Бернскую секцию большевиков, после Октябрьской революции работала в подполье на Украине во времена ставленника немцев «гетмана» Скоропадского, затем — в Москве в ВЧК и ВСНХ, а позднее перешла на литературно-издательскую работу…

Как видим, Григорий Усиевич из Елены Кон большевичку таки сделал!

Григорий и Елена Усиевичи выехали весной 1917 года в Россию в той же группе, что и Ленин, — в том самом «пломбированном» выгоне, и небезызвестный клеветник на Ленина Николай Стариков ныне аттестует список выехавших как чуть ли не «платёжную ведомость», с намёком на то, что платили-де немцы… На судьбе Григория Усиевича, если мы проследим её после приезда Усиевича на родину, гнусность такой оценки выявляется особенно чётко.

Вернувшись в 1917 году в Россию, Григорий Усиевич был делегатом VI съезда РСДРП(б), входил в Московский военно-революционный комитет и оперативный штаб по подготовке вооружённого восстания, в Октябре 1917 года возглавлял красногвардейский отряд, захвативший Московскую телефонную станцию. Весной 1918 года Усиевича направляют в Сибирь, с мая 1918 года он — член Военно-революционного штаба в Омске, затем — председатель Военно-революционного штаба в Тюмени и военный комиссар Западно-Сибирского фронта против белочехов. После захвата белочехами Тюмени отступил с войсками на Камышлов и 9 августа 1919 года погиб в бою под селом Горки.

Крупный грузинский большевик Миха Цхакая (1865–1950) вспоминал, как весной 1916 года после реферата, прочитанного Лениным в Женеве, они долго бродили «по берегу реки (возможно, Цхакая имел в виду берег Женевского озера, а возможно, и берег Роны. — *С. К.*)»… Цхакая писал свои воспоминания через много лет, но то, о чём он вспомнил, обычно врезается в память, так что я без сомнений в достоверности описываемого привожу запись Цхакая:

«С нами был ещё один молодой эмигрант товарищ Жорж. Была чудесная лунная ночь. Кругом тишина, покой. Ленин заговорил о близком и волнующем всех нас — о положении дел в России, о вызванных войной затруднениях в связи с Россией. Ильич сидел рядом со мной на скамье, товарищ Жорж стоял перед нами, облокотясь на перила набережной.

Я спросил Ильича:

— Дождёмся ли мы с вами, Ильич, очередной революции в

России?

Мой вопрос, очевидно, прервал течение его мысли, и Ильич, слегка удивлённо взглянув на меня, не ответил на вопрос прямо, а в свою очередь спросил:

— Сколько вам лет, товарищ Миха?

— С лишним пятьдесят. А вам?

— Не так давно от вас, более сорока пяти, — и добавил: — Что ж, если мы не дождёмся революции, то вот он, — Ильич указал на товарища Жоржа, — во всяком случае, дождётся. Мы своё всё же будем продолжать, а что не закончим мы, продолжат они, наша молодёжь…»[203]

Упомянутый Цхакая «товарищ Жорж» — это и есть Григорий Усиевич.

Ленин, совершив Октябрьскую революцию, умер в 1924 году. Цхакая, вместе с Лениным возвратившийся в Россию во всё том же пресловутом «пломбированном» вагоне, работал в Грузии, устанавливал там Советскую власть, занимал в СССР Сталина крупные посты и умер в 1950 году…

А Усиевич в 1919 году погиб.

Вот как бывает.

ВОЗВРАЩАЯСЬ же к ленинскому постскриптуму об Усиевичах в письме Арманд, скажу, что эти строки хорошо иллюстрируют взгляд Ленина на подлинно гармоничный союз мужчины и женщины — это должен быть союз не только единомышленников, но и союз активных борцов за жизнь!

Гёте принадлежат прекрасные слова: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой!». Но для Гёте, веймарского вельможи, это была скорее поэтическая формула, а вот для Ленина это было принципом реальной жизни борца… И уж кто-кто, а Ленин был достоин жизни и свободы так, как мало кто другой! И интересовала его всегда живая жизнь. Крупская, описывая их житье-бытьё в Лондоне и Париже, сообщала интересные факты:

«Он не ходил смотреть лондонские музеи — я не говорю про Британский музей, где он проводил половину времени, но там его привлекал не музей, а богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать. Я говорю про обычные музеи. В музее древностей через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню только один музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти, — это музей революции 1848 года в Париже, помещавшийся в одной комнатушке — кажется, на

rue des Cordeliers, — где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок»[204].

На первый взгляд, это удивительно и не очень понятно! А как же «гармоничное развитие», «богатство натуры», «развитая духовная сфера» и т. п., что нормативно связывали с Лениным его советские биографы? Но то-то и оно, что Ленин был настолько цельной личностью — вспомним слова Фёдора Дана о его «круглосуточной» нацеленности на революцию, — что мог черпать силы духа в самом себе и в том деле, которым жил.

Представим себе крупного, гениального учёного, сосредоточенного на решении некой фундаментальной научной проблемы, требующей освоения огромного массива научной информации, обдумывания методики исследований и вообще размышлений… Да ещё и учёного, организующего деятельность работающего на проблему коллектива учёных…

До «Лебединого» ли «озера» ему?

До «Гамлета» ли с его «Быть или не быть»?

Для нашего учёного вопроса нет — быть и только быть! Быть и работать — по 25 часов в сутки, отдыхая лишь для того, чтобы сохранять работоспособность.

Осудит ли кто-либо такого учёного за якобы «узость» интересов?

Конечно, так могут жить и живут не все, а лишь действительно крупные натуры. Но Ленин ведь и был крупной, крупнейшей интеллектуальной величиной, натурой, замахнувшейся на то, чтобы не объяснить несовершенства общества, а исправить их, создавая принципиально иное общество!

Вот почему ему были скучны принадлежавшие давно *мёртвому* обществу сокровища гробницы Тутанхамона, зато он, как вспоминала Крупская, любил в Лондоне «забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу», не глазея на жизнь крупнейшей европейской столицы, а *изучая* её — живую жизнь *живого* общества.

ВЛАДИМИР Ульянов, по мере нравственного и политического возмужания постепенно ставший Владимиром-«Николаем» Лениным, год от года резко прибавлял в своём развитии и как личность, и как политик. Он постоянно — не думая об этом, как о задаче, а просто совершенствуя и развивая себя, — готовил себя к той будущей всемирно-исторической роли, которую он мог со временем сыграть, а мог — уж что-что, а это Ленин понимал, — *и не сыграть*.

Но он давно был готов к власти, к большой власти, готов к тому, чтобы стать вождём народов России.

Готов и как человек, и как политик.

Опять-таки Гёте сказал о Наполеоне, что для него власть была тем же, что инструмент для великого музыканта: как только власть оказалась у него в руках, он сразу стал ей мастерски пользоваться.

В намного большей мере такое сравнение подходит Ленину — он был готов взять руль российской государственной власти в руки в любой момент и был готов держать этот руль крепкой, уверенной рукой. Когда в 1917 году он со всем своим опытом — политическим, жизненным, житейским, психологическим и нравственным, накопленным за 47 лет жизни, — вернулся на Родину и вновь погрузился в политику, он сразу показал себя великим политиком. И теперь это была уже не конспиративная, не нелегальная деятельность политического изгнанника. Это была работа национального политического лидера, известного всей стране, политика, за которым уже весной 1917 года пошла немалая часть народной массы и который стремительно наращивал влияние своей партии и своё личное — как в партии, так и в народе, вплоть до Октября 1917 года и после…

И это был совершенно новый не только по приёмам, но и по нравственности, тип политика — политика-большевика.

Характеристику большевизма как политического течения Ленин давал в своих работах не раз и не два, но приведу его пояснения, данные для книги русского библиографа Н. А. Рубакина «Среди книг» в 1913 году (жирный шрифт мой. — *С. К.*):

«Происхождение большевизма неразрывно связано с борьбой так называемого экономизма (оппортунизма, отрицавшего политическую борьбу рабочего класса и его руководящую роль) против революционной социал-демократии в 1897–1902 гг.

…Большевики ставили целью рабочего класса в буржуазно-демократической революции: доводить её до конца, вести за собою демократическое крестьянство, вопреки изменам либерализма»[205].

Там же, к слову, Ленин сообщал, что «главные писатели большевики: Г. Зиновьев, В. Ильин (то есть он сам. — *С. К.*), Ю. Каменев, П. Орловский (В. В. Воровский. — *С. К.*) и др.»

Итак, большевизм — это организация народа при ведущей роли рабочего класса, имеющая целью завоевание народом политической власти. Так на дело Ленин смотрел всегда, это было его целью *до*совершения Октябрьской социалистической революции.

Но *после* Октябрьской революции большевизм как течение политической мысли всё более становился политикой,

результатом которой должен был стать новый человек, способный создать новое общество. Такую задачу, не сбиваясь на рассуждения о «вопросах пола», Ленин и поставил перед молодой Россией 2 октября 1920 года в речи на III Всероссийском съезде комсомола — Российского Коммунистического союза молодёжи.

И поставил её так:

«Нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодёжь… Первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодёжи и вся молодёжь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учится коммунизму…

Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму?

…Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах… Но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»[206].

Это было сказано на уровне чеканной формулы, и это стало не лозунгом, а перспективной программой новой России. А своего расцвета ленинская ориентация Советской власти на гармоническое развитие молодёжи достигла уже в виде классической сталинской системы образования. Именно эта система дала России конструкторов оружия Великой Отечественной войны, физиков, решивших атомную проблему, ракетчиков, запустивших в космос первый спутник и Гагарина, инженеров, построивших Братскую ГЭС и атомный ледокол «Ленин»…

Эта ленинско-сталинская система образования во второй половине пятидесятых годов стала информацией к размышлению над путями коренной реформы народного образования в Соединённых Штатах Америки…

Однако мы забрались очень уж далеко вперёд…

Глава 6
«Вот она, судьба моя…»

В ЕВРОПЕ мировая война разрушала всё больше материальных ценностей, и порождала всё больше могил. А Ленин в нейтральной Швейцарии работал ради того, чтобы хотя бы когда-нибудь в мире установился такой строй жизни, который бы порождал всё более умную жизнь, но не глупые, ненужные смерти.

Закончив работу над «Империализмом…», Ленин отправил его редактору — Михаилу Покровскому, и после перипетий с рукописью (первая заказная бандероль до Покровского не дошла, и рукопись пришлось пересылать вторично) она оказалась в питерском «Парусе» у Горького.

Увы, злоключения пока ещё рукописного «Империализма…» на этом не закончились. В издательстве у Горького работало немало меньшевиков, и они удалили из текста критику Каутского и Мартова и внесли такие правки, которые искажали смысл (например, вместо «перерастания капитализма в империализм» поставили «превращение…» и т. д.). 6 декабря 1916 года Ленин отослал Покровскому письмо, интересное для нас в нескольких отношениях:

«Уважаемый Мих. Ник.!

Получил открытку и двести франков, которые переслал Зиновьеву (я получил из Питера 869 frs — 500 руб.), т. е., видимо, весь гонорар; *если* часть не есть плата за аграрную работу. Грустно, грустно, что интриганы работают около хозяина изданий против изданий!!..»[207]

В этих строках всё: и усталость от интриг политических оппонентов, и досада на интеллигентски мягкотелого к негодяям «хозяина» — Горького… И — лишнее подтверждение того, что никаких «германских миллионов» ни у Ленина, ни у Зиновьева не было…

А 18 декабря 1916 года Ленин сообщал уже Инессе Арманд:

«Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, телёнок!) недоволен резкостями против… кого бы Вы думали?.. Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно, и обидно.

Вот она, судьба моя. (жирный шрифт везде мой. — *С. К.*) Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я всё

же не променял бы сей судьбы на „мир“ с пошляками…»[208]

Вырвавшиеся в сердцах слова в письме к духовно близкому человеку… А ведь они и впрямь — ключ к жизни и судьбе… Одна боевая кампания за другой — с 1893 года! И ненависть пошляков из-за этого…

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь…

И вечный бой! Покой нам только снится…

Уже почти десять лет его окружала мгла — мгла зарубежная, мгла историческая…

Вокруг шла небывало кровавая война — отвратительная, как большинство войн до этого, однако на этот раз — особо отвратительная по своим истинным побудительным причинам и масштабам бойни.

Он ощущал в себе гигантские силы, но его реальные возможности были пока что ничтожными по сравнению с теми задачами, которые он мог решать, был готов решать и которые он стал решать уже через год!

Вот она, его судьба…

Ему сорок седьмой год, и чего он добился?

Наполеон Бонапарт в тридцать лет стал первым консулом Республики, а к 46 годам уже закончил свою политическую карьеру, отрёкшись от трона вторично!

Ставший в 41 год наполеоновским маршалом Бернадотт в 47 лет получил корону Швеции…

Оливер Кромвель в 46 лет гремел на всю Европу как глава армии парламента и кумир «железнобокой» крестьянской гвардии…

Отто Бисмарк в 47 лет стал министром-президентом Пруссии, Генрих Наваррский в 46 лет короновался как король Франции Генрих IV…

Пётр Великий в 37 лет был озарён триумфом Полтавской победы, Григорий Потёмкин в 44 года блистал во всей силе своей «светлейшей» славы…

Дизраэли в 42 года был признанным лидером оппозиции, Уинстон Черчилль в тридцать с небольшим лет начал карьеру имперского министра…

Лидеры германской социал-демократии Август Бебель и Эдуард Бернштейн, Карл Каутский, Вильгельм и Карл Либкнехты — отец и сын, будучи моложе его, Владимира Ульянова,

пользовались общенациональным влиянием, заседали в рейхстаге…

А он?

Да, он — создатель и руководитель боевой пролетарской партии… Но партии, даже у себя на родине известной мало, к тому же — нелегальной… К тому же — ещё и партии, не сплочённой в своей руководящей части так, как того хотел бы он… Даже «Григорий» — Зиновьев, ближайший соратник, нет-нет да и колебнётся, а что уж говорить, например, о Пятакове, Бухарине и так далее…

Даже испытанный друг, родная сестра, дорогой «Джемс», работающая на партию в России, и то не может понять его «неуступчивости», которая никакая не неуступчивость, а всего лишь результат понимания того, что другие поймут лишь позднее.

Как гениальный политик, всегда твёрдо стоявший только на стороне трудящегося большинства, Ленин к началу 1917 года (и даже к началу 1905 года) имел всемирно-исторический потенциал, но никогда и ничем не давал понять — даже ближайшему окружению, — что знает это.

Однако он-то знал это, и это же знали несколько десятков, ну — пусть сотня-другая людей в России и в Европе.

Немного…

Или всё же много?

Что ж, так или иначе, он знал, что не променяет своей судьбы, своего вечного боя в союзе с будущей, с *его* великой Русью, на мир со всеми пошляками мира — политическими, духовными, коронованными и «всенародно избранными»…

Причём, при всей поведенческой скромности, Ленин явно верил в свою звезду как личности исторической. В 29 лет Сергей Есенин заявил: «Я о своём таланте много знаю…». Ленин тоже много знал о своём таланте, хотя, не будучи поэтом, никогда и не признавался в том публично.

Но вот такая деталь…

14 сентября 1906 года он пишет из Куоккалы в Женеву:

«Уважаемый товарищ! Меня крайне беспокоит судьба одного пакета с деловыми бумагами, имеющими историческое значение. Пакет этот остался среди бумаг, которые лежат у Вас…

Вы очень меня обяжете, если черкнёте мне, как стоит дело с добычей и отправкой сюда этого пакета…»[209]

Адресат — зарубежный издатель социал-демократической литературы Г. А. Куклин (1877–1907), чья обширная библиотека отошла по завещанию после смерти владельца к большевикам… А «пакет с деловыми бумагами, имеющими историческое значение»

— документы младшего брата Ленина, Дмитрия Ильича Ульянова, включая его фотопортреты, сделанные в тюрьме. После Октября 1917 года они стали храниться в Центральном партийном архиве, но в 1907 году были чисто личными бумагами. Тем не менее Ленин уже тогда понимал, что он и его соратники делают историю.

И они действительно её делали! Через год после вырвавшихся у Ленина горьких слов: «Вот она, судьба моя…» — его имя будет греметь по миру, а через десять лет он, уже посмертно, станет символом надежды и борьбы для сотен миллионов людей по всему земному шару, но…

Но пока — скромный кабинетик в скромной цюрихской квартирке, стол, заваленный бумагами, и лямка повседневной партийной работы.

ЛЕНИН был редкостно психологически устойчивым человеком. Он умел предельно сосредоточиться, но он не всегда был сдержан, а порой был открыто эмоционален…

Приведу ещё раз отрывок из письма Инессе Арманд от 19 июля 1914 года, где Ленин, имея в виду поведение лидеров II Интернационала Гюисманса и Вандервельде на Брюссельском «объединительном» совещании, признавался: «…Ты лучше провела дело, чем это мог бы сделать я. Помимо языка, я бы *взорвался*, наверное. Не стерпел бы комедиантства и обозвал бы их подлецами. *А им только того и надо было* — на это они и провоцировали». Однако Ленин никогда не впадал в такое состояние души, которое можно определить как истерическое… Ни в малейшей мере для него никогда не было свойственно и угнетённое, ипохондрическое состояние души.

Тем не менее человек — даже самый стойкий, железный, убеждённый — это всё же живая и чувствующая, а порой и страдающая душа. Причём с годами понимаешь, что иногда трудно не согласиться с горькими словами Индиры Ганди, которая однажды сказала, что *в конечном счёте* человек остаётся наедине с собой.

Да…

А каким был Ленин наедине с собой?

Ну, это знал только он сам. Но можно уверенно заявить, что такой Ленин, которого знал лишь сам Ленин, был ещё более крупным, ещё более значительным, ещё более многосторонним, чем он остался в истории и в памяти современников. Фёдор Тютчев в гениально кратком, и поэтому непонятом, стихотворении «Silentium!» («Молчание!») написал:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изреченная есть ложь,
Взрывая, замутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Эти стихотворные строки ёмко выражают абсолютно то же, что написал Фридрих Ницше, завершая свой труд «По ту сторону добра и зла»:

«Ах, что сталось с вами, моими пером и кистью написанными мыслями! Ещё не так давно вы были пестры, юны… полны шипов и тайных пряностей, заставлявших меня чихать и смеяться, — а теперь? Вы уже утратили свою новизну, некоторые из вас, к моему отчаянию, готовы стать истинами…

Мы увековечиваем лишь то, чему уже недолго осталось жить и летать, всё усталое и дряблое! И только для ваших *сумерек,* мысли мои… только для них есть у меня краски, может быть, бездна красок, но по ним никто не угадает, как вы выглядели на заре, вы, внезапные искры и чудеса моего одиночества…»

Это сказано очень точно!

Мысль возникает именно как искра в ночи… Она — уже возникшая в том, в ком она родилась, ещё не оформлена для него самого в слове, но уже понятна ему без слов. И Ницше — мыслитель, вообще-то, сумбурный и очень неровный, нашёл на этот раз точное слово — «на заре…». Мысль приходит, действительно, *как озарение,* а уж потом оформляется для других, внешних по отношению к тебе, в слова, и увядает в словах, *смеркается*…

Но Ленин не был поэтом, он был политиком, причём политиком абсолютно нового, ранее небывалого типа — политиком, действующим в интересах большинства общества, а большинство любого общества (если это, конечно, не «светское общество») — это трудящиеся… И Ленин был политиком Труда. Поэтому он свои мысли обязан был так или иначе, но внятно и понятно, довести до масс или хотя бы до такого числа современников, которые могли бы стать его соратниками и сотрудниками в деле построения нового мира.

Ради этого он и работал — до революции и после неё…

И его партия, если вдуматься, была для него — до революции, конечно, — инструментом доведения до широких

масс его мыслей… Эти мысли должны были, овладев массами, поставить его, Владимира Ленина, во главе такой государственной власти, которая бы действовала в интересах масс.

И тогда партия стала бы уже одним из рычагов народной государственной власти.

Французскому энциклопедисту Дени Дидро принадлежит следующая сентенция: «Для истины достаточный триумф, если её принимают немногие, но достойные. Быть угодной всем — не её удел». При всей внешней эффектности этой мысли, она очень элитарна и исполнена духовного и интеллектуального высокомерия.

Ленин был умом много выше, чем Дидро или любой из коллег Дидро по «Энциклопедии», включая и Вольтера с Жан-Жаком Руссо, но с максимой Дидро не согласился бы. Целью и задачей Ленина, как, к слову, позднее и Сталина, было создание общества, где истины были бы достойны все и где только высокие моральные и интеллектуальные истины были бы мерилом общественной доброкачественности.

Но как же непросто было втолмачить эти истины — при всей их очевидности — в умы окружающих! И в том же письме к Арманд у Ленина вырывается:

«Лезет в щель разногласий у нас: исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить *с нами* прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности…

Voilb („Вот“. — *С. К.*)

Вот с какой *„средой“* приходится воевать!!

…Думаю, нет ли в Швейцарии бациллы мелкобуржуазного (и мелкогосударственного) тупоумия, толстовства… губящей лучших людей? Наверное, есть!»[210]

И тут же — постскриптум:

«P. S. А на лыжах катаетесь? Непременно катайтесь! Научитесь, заведите лыжи и по горам — обязательно. Хорошо на лыжах зимой! Прелесть, и Россией пахнет». Да, уж по чём — по чём, а по России он соскучился просто-таки смертельно!

ЗАКАНЧИВАЛСЯ 1916 год, и, хотя Ленин об этом пока не знал, заканчивалась навсегда и его жизнь в «свободной» Швейцарии, которая — об этом пора сказать — была для Ульяновых не такой уж и свободной…

Дело в том, что Ленин и Крупская жили в Швейцарии на особом, по сравнению с другими эмигрантами, положении. После освобождения Ленина осенью 1914 года из австрийской тюрьмы Ульяновы получили по ходатайству швейцарских социал-демократов убежище в Швейцарии с правом проживания в

столице Берне до 12 (25) января 1917 года. Но — без права, в отличие от *«довоенных»* эмигрантов, свободного перемещения из кантона в кантон, из города в город.

Это было неудобно во всех смыслах. Когда Ленин в январе 1916 года собрался в Цюрих, потребовалось особое полицейское разрешение. Во время работы над «Империализмом…» Владимир Ильич испросил право на пребывание в Цюрихе без специального оформления — кроме прочего, в Цюрихе жить было дешевле, а «германские миллионы» существовали лишь в будущем воображении стариковых и мельгуновых…

Квартировали Ульяновы, к слову, у сапожного мастера Каммерера по адресу Шпигельгассе, 14, — в старой части города, где селилась рабочая беднота.

Поскольку вид на жительство в начале 1917 года заканчивался, 15 (28) декабря 1916 года Ленину вновь пришлось обратиться в полицейское управление Цюриха с заявлением о продлении срока проживания до 31 декабря 1917 года. В заявлении указывалось, что требуемый залог в 100 франков внесён в Цюрихский кантональный банк на счёт № 611361.

Перед отъездом Ленин снял со счёта 95 франков, а сберегательную книжку с остатком в 5 франков 5 сантимов передал остающейся пока в Швейцарии большевичке Раисе Харитоновой — чтобы не закрывать счёт…

Как вспоминала Харитонова, вскоре после возвращения Ленина в Россию швейцарская буржуазная печать начала антиленинскую кампанию.

Газеты уверяли публику, что «бывший эмигрант Ульянов» со своими единомышленниками занял-де дворец балерины Кшесинской (в отношении дворца любовницы великих князей это было правдой) и якобы роскошествует в нём на два миллиона франков, полученных от германского правительства.

И Харитонова пошла в банк, чтобы публично предъявить главному кассиру ленинскую сберкнижку, а когда тот жестом указал на окно младших клерков, громко обратила внимание кассира на имя вкладчика.

— Ульянов, — удивился кассир. — Тот самый Ульянов, который жил у нас в Цюрихе как политический эмигрант, а сейчас в России стал таким знаменитым человеком? Ульянов, о котором пишут во всех газетах!?

Харитонова подтвердила, и к окну стали собираться клерки — взглянуть… Книжка пошла по рукам, удивляя всех служащих незначительностью заприходованной суммы.

Получать остаток счёта и закрывать счёт Харитонова, конечно, не стала. Она оставила книжку у себя и впоследствии

передала её в Институт марксизма-ленинизма…

Не думаю, что Владимир Ильич сохранил тогда пятифранковый счёт исключительно для прикрытия «миллионных» «германских» счетов, хотя Николай Стариков, буде он узнает об этом историческом курьёзе, интерпретирует его, скорее всего, именно так.

Впрочем, продолжу…

НАСТУПИЛ 1917 год…

Нейтральная Швейцария — островок спокойствия и тишины в Европе, охваченной войной.

С одного бока у швейцарцев — имеющая фронт с Германией Франция. С другого — имеющая фронт с Россией и Сербией Австро-Венгрия. Сверху — Германия, застрявшая во Франции, где кроме французов держит фронт английский экспедиционный корпус… Снизу — хотя и вяло, но тоже ввязавшаяся в драку Италия со своими берсальерами, украшенными шляпами с петушиными хвостами.

Везде война, но в Швейцарии — непрочное спокойствие.

И в этой мирной Швейцарии — Ленин. Но не тот Ленин, о котором знает весь мир, а пока что всего лишь изгнанный царизмом из России российский подданный Владимир Ульянов, на европейский лад — Oulianoff, проживающий по адресу: Spiegelgasse. 14II. Zürich (Suisse).

Зададимся ещё раз вопросом — кем он был тогда для мира, в который пришёл сорок шесть лет назад?

Скромный политический эмигрант, как говорится — широко известный в узких кругах… Даже для хорошо знавших его по долгу службы чинов Охранного отделения и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи он был всего лишь лидером не очень опасной нелегальной партии, занимающейся пропагандистской деятельностью среди рабочих… Но и тут его влияние было не очень-то прочным, потому что в ходе войны партийные оппоненты Ленина — меньшевики — вошли в России в военно-промышленные комитеты, и это позволяло им усиливать свои позиции в рабочей среде.

Конечно, Ленин, и находясь в меньшинстве, был более опасен для царизма, чем меньшевики. Это жандармы понимали. Его сила была в решимости, в непримиримой принципиальности там, где быть непринципиальным означало скатиться на уровень политиканства. Однако жандармы понимали и то, что даже с Лениным большевики моря сейчас не зажгут — не те силы.

Бомб большевики в царских сановников не бросали, не бросают и бросать не собираются, так что жандармы больше опасались эсеров с их Боевой организацией, с их бомбистами-

смертниками и с их влиянием в крестьянстве, да ещё и в зажиточном крестьянстве!

Крестьянство — это 70–80 процентов населения России. Это, к 1917 году, миллионы вооружённых мужиков. Всколыхни их эсеры под пару-тройку удачных террористических актов — Россия могла бы и полыхнуть…

А Ульянов-Ленин?

Ну, он прочно застрял в Швейцарии и занят написанием рефератов то на французском, то на немецком языке…

Ну и пусть его!

Всё ведь тогда так и было! Знакомство с ленинской перепиской второй половины 1916-го и начала 1917 года однозначно убеждает, что о назревавших в России событиях (если иметь в виду элитарный заговор, ставший катализатором уже народного взрыва) Ленин не имел ни малейшего представления и на скорый революционный подъём в России не рассчитывал.

Связь с Россией тогда почти прервалась, и Ленин увлёкся борьбой с оппортунистами из европейских социал-демократий, начиная со швейцарцев. Всё той же Инессе Арманд он писал 15 января 1917 года:

«Дорогой друг! Только сегодня… закончили мы начавшееся вчера совещание о выступлении против Гримма. Участвовал и немец, член группы „Die Internationale“, вполне левый.

Приняли такое решительное заявление против Гримма (с требованием его удаления из I. S. K. [Международной социалистической комиссии. — *С. К.*]), что Платтен назвал это „политическим убийством“.

Это пока строго между нами.

Пройдёт неделя-другая, пока это пошлётся Роланд-Гольст и др., и от них придёт ответ.

Устал я порядком — отвык от собраний…»[211]

Роберт Гримм (1881–1958) — это правый швейцарский социалист, член швейцарского парламента, Фриц Платтен (1883–1942) — левый швейцарский социалист, который вскоре сыграет видную роль в деле переезда Ленина в Россию… А Генриетта Роланд-Гольст (1869–1952) была в то время левой голландской социалисткой, позднее входила в Компартию Голландии, работала в Коминтерне, но к концу двадцатых годов скатилась на позиции «христианского социализма».

Итак, в России подспудно назревали события, дело шло к физическому устранению Распутина и политическому убийству не кого иного, как самого «Государя Императора», а Ленин занимался в Швейцарии тем, что сваливал какого-то Гримма… И подобные места в ленинских письмах, написанных разным

адресатам буквально накануне Февральской революции, встречаются сплошь и рядом!

Да и ленинская биохроника подтверждает, что противостоянием с лидером Социал-демократической партии Швейцарии Робертом Гриммом, который был под боком, Ленин был поглощён тогда намного больше, чем противостоянием с императором Николаем, который был от Ленина за тысячи километров…

ДАЖЕ во второй половине февраля 1917 года Ленин не знал о том, что его с Крупской вторая и последняя эмиграция заканчивается. И этому (полному неведению Ленина) есть точное, достоверное, документальное подтверждение — два его письма, относящиеся к началу 1917 года.

15 февраля 1917 года Ленин направляет из Цюриха очередное письмо младшей сестре — Марии Ильиничне Ульяновой в Петроград (впервые опубликовано в 1929 году в журнале «Пролетарская революция» № 11 по оригиналу):

«Дорогая Маняша! Сегодня я получил через Азовско-Донской банк 808 frs. (1 швейцарский франк ≈ 0,58 рублей. — *С. К.*), а кроме того, 22.I я получил 500 frs. Напиши, пожалуйста, какие это деньги, от издателя ли и от которого и за что именно и мне ли. Необходимо бы иметь расчёт, т. е. знать, какие именно вещи уже оплачены издателем, а какие нет. Я не могу понять, откуда так много денег (ха, из германского генштаба, вестимо, аж целая почти тысяча рублей! — *С. К.*); а Надя шутит: „пенсию“ стал-де ты получать. Ха-ха! Шутка весёлая, а то дороговизна совсем отчаянная, а работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая. Но шутки в сторону, надо же всё-таки знать поточнее; напиши, пожалуйста… Боюсь расходовать деньги (иногда через меня посылали одному больному приятелю)…

Мы живём по-старому, очень тихо…»[212]

Надо ли много комментировать эти строки?

Но дальше — больше!

18-го (или 19-го) февраля 1917 года Ленин пишет деловое письмо в тот же Петроград зятю (мужу старшей сестры Ленина Анны Ильиничны) — Марку Тимофеевичу Елизарову[213].

Впервые письмо было опубликовано в 1930 году в журнале «Пролетарская революция» № 4 тоже по оригиналу, и оно настолько важно в большинстве своих частей, что приведу его ниже почти полностью:

«Дорогой Марк Тимофеич! …Надя (Н. К. Крупская. — *С. К.*) планирует издание „Педагогического словаря“ или „Педагогической энциклопедии“.

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему,

заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что для нас архиважно*.

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания очень велик и сильно растёт. Хорошо составленный „Педагогический словарь“ или „Педагогическая энциклопедия“ будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала о ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире».

Уже эта часть письма высвечивает последние — как оказалось вскоре — дни эмиграции Владимира Ильича в их подлинном историческом свете. Ленин пишет в Россию, не подозревая даже, не догадываясь о том, как близок момент его встречи с Родиной!

Продолжаю цитирование:

«Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который вошёл бы пайщиком в это предприятие…

…Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили… Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор… Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмёт себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает.*

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить поподробнее.

Жму Вашу руку. Ваш В. Ульянов».

Ну, и как нам быть с этими письмами сестре и зятю? Они были написаны в Швейцарии в феврале 1917 года, когда до первой массовой демонстрации женщин-пролетарок в Международный женский день, с которой начался Февральский переворот, оставалось меньше недели. И совершенно очевидно, что оба письма написаны человеком, не помышляющим в ближайшее время «совершать революцию» — на чьи бы то ни было деньги!

Тем более что ему денег на жизнь не хватает, не то что на переворот в России…

Понятно и то, что он не собирается в обозримый период куда-то — тем более в Россию — уезжать. Ленин и Крупская задумывают работу, которая требует немалого времени, явно исходя из того, что жить им в Швейцарии придётся ещё немалый срок.

Видно из писем и то, что они написаны человеком если не

отчаянно, то существенно нуждающимся в средствах просто на жизнь, и на жизнь достаточно скромную.

Так где здесь усматриваются миллионы — чего бы то ни было? И где здесь подготовка к «выполнению заданий германского генштаба» по выводу России из войны?

Или, может быть, скромно живущий в Цюрихе политэмигрант Oulianoff писал чисто личные письма сестре и зятю в феврале 1917 года в целях прикрытия своих тёмных миллионных доходов?

Или он писал эти письма в целях предоставления наивному, «любящему Ленина» Сергею Кремлёву дополнительных «доказательств» того, что Ленин ничьим платным агентом не был, в то время как он, так ловко натянувший нос простодушному Кремлёву, был не просто платным, а двойным агентом и немцев, и «союзников» — как уверяет Н. Стариков?

Или, может, эти «письма» в 1929-м и 1930 годах сфальсифицировала — в предвидении будущих, в 1990-е и 2000-е годы обвинений Ленина — редакция журнала «Пролетарская революция»?

А может, их в 1978 году сфальсифицировали — в предвидении всё тех же будущих обвинений Ленина — издатели 55-го тома Полного собрания сочинений?

Нет уж, уважаемые!

В реальной жизни, а не в воспалённом сознании горе-«экспертов», так не бывает, и оба письма Ленина подлинны!

Наличие же *одних этих двух писем* доказывает, что революционные события 1917 года Ленин не готовил загодя — ни на свой страх и риск, ни на чьи-либо миллионы. Он лишь гениально воспользовался в интересах социалистической революции и социализма той ситуацией, которую создали другие — помимо Ленина, без него, и отнюдь не интересах социализма в России.

Есть и ещё одно малоизвестное, несмотря на предельную доступность, подтверждение того, что Ленин не рассчитывал на близкую революционную бурю в России и не раздувал её ветер. Это подтверждение — некий доклад, который Ленин в начале 1917 года прочёл перед молодыми социалистами Швейцарии.

Впрочем, обо всём — по порядку…

7 (20) декабря 1916 года Ленин пишет из Цюриха в Женеву, адресуясь В. А. Карпинскому (1880–1965), партийному литератору, заведующему библиотекой и архивом РСДРП в Женеве:

«Дорогие товарищи!

Мне надо прочитать здесь доклад о 9.I.1905, а у меня нет материала. Помогите найти, пожалуйста:

1) „Мысль“ 1910 (?) — 1911, статьи В. Ильина (то есть его собственные. — *С. К.*) о стачках в России.

2) „Дискуссионный Листок“ при ЦО РСДРП…» и т. д.[214]

А 9 (22) января 1917 года Ленин в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодёжи прочёл на немецком языке доклад о революции 1905 года[215].

Начав доклад со слов: «Юные друзья и товарищи! Сегодня двенадцатая годовщина „Кровавого Воскресенья“, которое с полным правом рассматривается как начало русской революции…», Ленин очень обстоятельно, информативно, простым языком рассказал о ходе и сути революции 1905 года, о её значении для Европы, а закончил так:

«…русская революция… остаётся прологом грядущей европейской революции. Несомненно, что эта грядущая революция может быть только… пролетарской, социалистической…

Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистической войны, муки дороговизны повсюду рождают революционное настроение, и господствующие классы… всё больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода…

Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции (жирный шрифт мой. — *С. К.*). Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»[216].

Мог ли Ленин говорить так, если бы он рассчитывал на скорую «грядущую пролетарскую революцию» в России, на которую якобы получил от кайзера или от Антанты «золотые миллионы»?

Однако за европейским январём пришёл русский Февраль, свергнувший царизм. В России установилось нечто вроде двоевластия: было образовано буржуазное Временное правительство первого состава, но параллельно с ним возник и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов — во главе, правда, с меньшевиками и эсерами. И Ленин стал рваться в Россию, в гущу событий.

О ПОДГОТОВКЕ к переезду Ленина в Россию — из Цюриха в Петроград транзитом через Германию в пресловутом «пломбированном» вагоне — я подробно писал ранее, в том числе в книге «Ленин. Спаситель и Создатель». И здесь лишь замечу, в

качестве «информации к размышлению», что если бы переезд Ленина был обговорён им — как утверждают разного рода мельгуновы и стариковы — с германским генштабом в рамках «агентурной деятельности Ленина» и другого якобы «агента немцев» Фрица Платтена, то обеим сторонам было бы выгоднее организовать переправку Ленина через Германию под видом нелегальной. Тайный переезд есть тайный переезд, его детали всегда можно отказаться оглашать по вполне понятным соображениям — разве можно называть имена «переправщиков», координаты «коридора» и т. п.

А Ленин уезжал громко — в ресторане «Zähringer Hof» было устроено многолюдное, бурное прощание отъезжающих с пока остающимися… При этом в «Zähringer Hof» лились рекой речи, но отнюдь не шампанское… Было зачитано заявление участников поездки, где они подчёркивали, что возвращаются на родину, невзирая на угрозу министра иностранных дел Временного правительства Милюкова предать суду тех, кто проедет через Германию.

Вскоре по ленинскому маршруту — через ту же Германию — правда, без визга газет и милюковских угроз, в Москву вернётся 200 эмигрантов, включая меньшевиков во главе с Мартовым.

Но группа Ленина был первой.

И судьба Ленина совершала…

Но — нет, сказать, что она совершала *крутой поворот,* будет принципиальной ошибкой!

Никаких крутых *поворотов* в политической (а значит, и в личной) судьбе Ленина не было… Всю жизнь он, сказавший ещё в юности, после казни брата: «Мы пойдём другим путём», одним путём — прямым, к пролетарской революции, и шёл. Этот путь был всегда непрост, но он был всегда прям. И весной 1917 года судьба Ленина просто выходила, наконец, на широкую и прямую историческую дорогу, которую теперь сам же Ленин и пролагал в будущее.

Поскольку эту дорогу пролагал Ленин, она оказывалась для России в перспективе широкой и прямой. Но могла ли она быть лёгкой — коль речь шла о России?..

Увы, в отличие от Ленина, у России никогда не было прямых дорог — когда по вине чужаков, чаще — по вине, увы, собственной. И с этим — с историческими «кривуляниями» — пора было кончать, пока Россию вообще не увели с торного исторического пути.

28 ноября 1866 года Фёдор Тютчев (1803–1873) записал знаменитое:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Эти строки порождены не «квасным», не «славянофильским» «патриотизмом» — Тютчев был не только поэтом, но и профессиональным дипломатом, он провёл за границей двадцать лет. Но как раз поэтому он понимал российскую специфику получше «записных» славянофилов. К тому же Тютчев через старшую дочь — фрейлину двора — хорошо знал закулисную жизнь российских «верхов».

Ленин, как любой подлинный сын Отечества, всегда верил в великое будущее России. Но он не просто верил, он *и понимал* Россию, понимал её *умом*. И именно в силу понимания Ленин не мог не видеть всей сложности предстоящего России исторического пути на его ближайшем отрезке, в ближайшие годы — очень уж сложно начался для России 1917 год… И мало было надежд на то, что созданные себе самой больные проблемы Россия решит быстро, эффективно и умно.

Однако наличие у России Ленина давало надежду на то, что эти проблемы будут решены.

Вот уже другие поэтические строки, содержащие размышления о России:

Ещё нам далеко до цели,
Гроза ревёт, гроза растёт, —
И вот — в железной колыбели,
В громах родится Новый год…

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе…
Но не одни войны тревоги
Несёт он миру на земле!

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель Божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманный удар…

Для битв он послан и расправы,
С собой несёт он два меча:

Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречён?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон…

Не правда ли, это — точный поэтический очерк сути и проблем военного 1917 года, точное описание истощённой войной и возмущённой войной России Николая II? Но в том-то и штука, что написано это в преддверии не 1917-го, а… 1855 года, и написано в России Николая I…

Написано тоже Фёдором Тютчевым!

Уже из этого — внешне поразительного, а на деле — вполне объяснимого совпадения черт двух эпох в истории России внимательный и умеющий мыслить человек может сделать только один вывод: даже в середине XIX века царизм настолько был чужд вызовам времени, что к десятым годам XX века его системный крах был неизбежен при любом мало-мальски серьёзном социальном кризисе.

Так при чём здесь «пломбированный вагон», «пораженческая пропаганда» Ленина, якобы разваливающая армию?

Пропаганду в армии большевики вели, но как раз в окопах их слушали все внимательнее потому, что большевики говорили правду, доходящую до одетых в серые шинели русских мужиков тем проще, чем гнуснее становилась война…

Развалить можно только неустойчивое, непрочное… Разлагается лишь загнивающее… Так что поражение царской России в XX веке программировали сами русские цари, начиная с воцарения — на фоне эшафота декабристов — царя Николая Первого…

А пропаганда Ленина?

Ну, во-первых, в момент самого первого «взрыва» масс, направленного против царизма *элитой,* голос *Ленина* в России был слышен очень слабо и не имел решающего значения. Не Ленина — заочно, а Чхеидзе избрали председателем Петроградского Совета, и после приезда Ленина Чхеидзе не переизбрали…

Другое дело, что авторитет Ленина в рабочих массах весь 1917 год рос, а авторитет Чхеидзе падал — до перманентного нуля!

Во-вторых, Ленин не призывал же русский народ просто сдаться, подняв руки перед немцами! Он заявлял, напомню, что «на революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве со всеми интересами капитала». Где здесь «пораженчество», чёрт бы всех клеветников на Ленина побрал?!

Нет, не ради поражения, а ради победы возвращался на Родину Ленин. Другое дело, что победой для него могла быть лишь победа народа над элитой. При этом без осознания народом полной противоположности интересов «отечества» элит и интересов народного Отечества о победе народа речи быть не могло.

«В ГРУДЕ дел, в суматохе явлений» летели дни весны, лета и осени 1917 года… Если весной массы шли ещё в основном за эсерами (крестьяне) и за меньшевиками (рабочие), и первый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), избранный в начале июня 1917 года на I Всероссийском съезде Советов, был эсеро-меньшевистским, то делегаты II Всероссийского съезда Советов уже были готовы идти за большевиками.

После расстрела Временным правительством мирной Июльской демонстрации в Петрограде Ленин был вынужден скрываться — вначале под Петроградом, затем — в Финляндии, а по возвращении нелегально в Петроград осенью — на конспиративной квартире.

25 октября (7 ноября) 1917 года в преддверии открытия II Всероссийского съезда Советов Ленин, придя в Смольный, настоял на немедленном провозглашении Советской власти — ещё даже до штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства.

С этого дня началась история новой России… Какие задачи ставил перед ней Ленин, видно из тех первых 500 декретов Совета народных комиссаров, представительным примером которых стал Декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ (ниже приводится начало):

«Утвердить план работ по увеличению обеспечения русской текстильной промышленности хлопком, заключающийся: а) в орошении 500 тысяч десятин Голодной степи Ходженского уезда Самаркандской области и в обеспечении головными

сооружениями ирригационной системы, охватывающей площадь в 40 тыс. десятин Дальверзинской степи, расположенной против Голодной степи по другую сторону реки Сыр-Дарьи; б) в орошении 10 тысяч десятин Уч-Курганской степи Ферганской области и в урегулировании там же туземного водопользования на площади в 20 тысяч десятин; в) в устройстве водохранилища у Дупулинского моста на реке Зеравшане для освобождения путём регулирования речного стока реки Зеравшана около 100 тысяч десятин под культуру хлопчатника; г) в окончании постройки ирригационных систем в долине реки Чу на площади 94 тысячи десятин…»[217]

Уже на май 1918 года выделялось 9 770 000 рублей, включая 370 000 рублей на организационные работы. Декрет был подписан председателем Совета народных комиссаров В. Ульяновым (Лениным) 17 мая 1918 года, и знакомства с одним этим документом достаточно — для честного аналитика — для того, чтобы посмеяться над баснями о: 1) Ленине — якобы фанатике мировой революции; 2) Ленине — якобы русофобе, ненавидевшем Россию; и 3) Ленине — организаторе и инициаторе якобы позарез необходимой ему гражданской войны…

Приведу в подкрепление мысли ещё один документ — опубликованное в «Известиях» № 103 от 24 мая 1918 года Сообщение об ассигновании 14 миллионов рублей Комитету государственных сооружений и общественных работ ВСНХ на работы на водных путях. Сообщение начиналось со следующего:

«Советом Народных Комиссаров в заседании 14 мая признана в принципе необходимость производства новых работ на водных путях: на Волге у Саратова по подходу к пристаням города, по сооружению гаваней-зимовок на Волге у Нижнего Новгорода и Рыбинска, по сооружению Волго-Донского канала, по шлюзованию рек Туры, Тобола и Томи.

Полная стоимость этих работ, вследствие непредставления исчерпывающих данных, не утверждена. На приступ к работам, разработку исполнительных проектов и сметы ассигновано…» и т. д.[218]

Вот подлинный Ленин — вождь России, выделяющий деньги не на «мировой пожар», не на внутреннее братоубийство, а на обводнение Голодной степи в интересах русского текстиля, на новые внутренние водные пути…

Однако старый мир рассчитывал иначе — он уже готовил иностранную интервенцию в Россию, началом которой должно было стать выступление чехословацкого корпуса.

Корпус был сформирован из военнопленных австрийской армии и эмигрантов чешской и словацкой национальностей в

сентябре 1917 года по инициативе Союза чехословацких обществ в России и до марта 1918 года дислоцировался в тылах Юго-Западного фронта на Украине, всё более подпадая под антисоветское влияние российского филиала Чехословацкого национального совета.

15 (28) января 1918 года корпус был объявлен автономной частью французской армии и затем выведен на территорию России — якобы с расчётом на его переброску на западноевропейский театр военных действий. Однако подлинное предназначение корпуса определилось к весне 1918 года — 2 мая Верховный совет Антанты принял решение использовать чехов в качестве авангарда своих интервенционистских сил на русском Севере и в Сибири.

К концу мая 1918 года их эшелоны рассредоточились по всей Транссибирской магистрали на протяжении 7 тысяч километров от станции Ртищево в районе Пензы до Владивостока. А 25–26 мая 1918 года чехи совместно с изготовившимися белогвардейцами подняли мятеж… Были захвачены Пенза, Новониколаевск (Новосибирск), Челябинск, Златоуст, Екатеринбург, Мариинск, Нижнеудинск, Канск, Сызрань, Самара, Симбирск, Петропавловск, Томск, Курган, Омск, Владивосток… В начале августа чехи взяли Казань, куда незадолго до этого была переправлена значительная часть золотого запаса Республики.

К мятежу чехов были приурочены эсеро-белогвардейские мятежи в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Владимире… Все они были достаточно быстро подавлены, но отвлекали силы, время, стоили крови… Координация всех антисоветских действий — внутренних контрреволюционных и внешних интервенционистских — была налицо. А тот факт, что к началу мятежа Чехословацкий корпус был соединением французской армии, окончательно позволяет говорить о начале в конце мая 1918 года не активной гражданской войны, а интервенции Франции. Французский генерал Жанен после выступления чехов фактически принял командование ими. Чехословацкий мятеж и стал запальным шнуром, который поджёг горючий материал по всей России — от Волги до Тихого океана.

ЕЩЕ до мятежа белочехов Ленин написал программную статью «Очередные задачи Советской власти», где заявлял: «…Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*». Но с лета 1918 года по осень 1920 года пришлось вновь отвоёвывать Россию — в освободительной отечественной войне против иностранных интервентов и их «белых» марионеток. И лишь затем во всей её

полноте и остроте встала задача Россией управлять.

В своей последней публичной речи, произнесённой на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 года, Ленин сказал:

— Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-нибудь отвлечённой картины, или какой-либо иконы… Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться… Вот что составляет задачу нашей эпохи… Все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая…

Увы, задачу построения социализма Россия решала уже без Ленина…

Но — под знаменем Ленина и по его замыслу.

И как же они — мечты Ленина (а они у него были, были!), его деловые замыслы и прогнозы — реализовались?

И реализовались ли они?

Английский социальный аналитик и фантаст Герберт Уэллс приехал в Советскую Россию осенью 1920 года — в Крыму ещё не добили Врангеля… Вернувшись в Англию, Уэллс написал о своей поездке книгу, вполне объективную по фактам и описанию увиденного, однако назвал её «Россия во мгле». Главе о встрече с Лениным Уэллс дал заголовок «Кремлёвский мечтатель» и признавался:

«В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не мог увидеть эту Россию будущего. Невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как поднимается обновлённая и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава…

…Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех „утопистов“… сам впал в утопию, утопию электрификации.

…Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населённой неграмотными крестьянами, лишённой источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?»[219]

Так считал образованный европеец, интеллектуал… А Ленин, большевики и все здоровые силы народа, всматриваясь в русскую мглу 1920 года, уже видели такое будущее, которое даже писателю-фантасту показалось фантастическим.

Фантаст Уэллс не верил в реальность замыслов новой России. Однако уже ближайшие двадцать лет истории России Ленина показали, что прав был Ленин. Более того, даже Ленин в своих самых смелых, казалось бы, прогнозах 1920 года не всё

предвидел!

На X съезде РКП(б) он говорил:

— Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос, оздоровить всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе… Вот что с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца. Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее чем десятилетиями[220].

Говоря о десятилетиях, Владимир Ильич имел в виду, скорее всего, три, а то и четыре десятка лет упорной работы — очень уж разорена была Россия. Но сам же Ленин дал России такой созидательный импульс, что новые поколения советских крестьян-колхозников стали фактом уже через пятнадцать-двадцать лет! А самой выдающейся чертой новой советской деревни оказалась — хотя это обычно и выпускается из виду — преобладающая доля бывших крестьянских парней среди лётчиков, Героев Советского Союза времён Великой Отечественной войны!

В царской или буржуазной России эти дети крестьян и мечтать не могли бы о свободном полёте над лесами и полями Родины. В ленинской России они не только мечтали, но и превращали мечту в реальность…

А вот Уэллс в своих социальных прогнозах не только относительно России, но и всего мира тотально и фатально ошибся. Возражая в своей книге Ленину, Уэллс заявлял:

«Я верю в то, что в результате большой и упорной воспитательной работы теперешняя капиталистическая система может стать „цивилизованной“ и превратиться во всемирную коллективистскую систему, в то время как мировоззрение Ленина издавна неотделимо связано с положениями марксизма… Он вынужден был поэтому доказывать, что современный капитализм неисправимо алчен, расточителен и глух к голосу рассудка и пока его не уничтожат, он будет бессмысленно и бесцельно эксплуатировать всё, созданное руками человека, что капитализм будет сопротивляться использованию природных богатств ради общего блага и что он будет неизбежно порождать войны, так как борьба за наживу лежит в самой основе его…»[221]

То же, что и Уэллсу, Ленин говорил в июне 1920 года в беседе с корреспондентами японских газет — Р. Накахира из

«Осака Асахи» и К. Фусэ из «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити»:

— Очень трудно иметь дело с имущими классами. Представители имущих классов по самой своей природе думают только об удовлетворении своей алчности к деньгам…[222]

Это было сказано почти сто лет назад.

А сказано — как сегодня…

Уэллс утопически надеялся, что в рамках капитализма будет расширяться всестороннее образование масс, что капитализм будет вести упорную положительную воспитательную работу, но реальный капитализм упорно вёл и ведёт огромную работу по развращению и оглуплению масс, ибо только так имущая Элита может сохранять и дальше свои неправедные привилегии и удовлетворять свои необузданные вожделения. А оценка и прогноз Ленина относительно социального облика капитализма полностью подтверждаются.

А то, что замышленная Лениным держава не устояла в бурях века и сегодня в ней раздаются кощунственные призывы об выносе Ленина из Мавзолея?

Что ж, это факт.

Но это не есть историческая правда.

И так или иначе — хотя бы от противного — Россия в этом рано или поздно убедится. Убедится, или возвращаясь на ленинский путь и возрождаясь, или — необратимо погибая в случае отказа от идей и мечты Ленина.

НЕРЕДКО утверждают — в том числе и вполне, казалось бы, интеллектуально развитые индивидуумы, — что тем или иным подбором фактов можно доказать всё что угодно, в том числе — прямо противоположные вещи. Однако это, конечно, не так! «Доказать» что угодно — «доказать» в кавычках — можно, лишь выхватывая часть фактов, деталей, документов эпохи, выдирая их из общего «контекста» исторического периода… Если же брать всю их доступную для анализа массу, а особенно если брать в расчёт основные результаты того или иного исторического периода, то доказать можно лишь что-то одно: или это был отрицательный период деградации и упадка, или это был нейтральный период, застойный, или это был положительный период прогресса и развития. Впрочем, даже формально «застойные» времена, когда исторический процесс, казалось бы, не мчится куда-то, а ползёт или стоит на месте, в действительности тоже продвигают общество куда-то. Так текут подо льдом скованные морозом реки — течения не видно, но оно есть.

Как бы разного рода проходимцы от истории типа

«академиков» Пивоварова и Сахарова ни изощрялись в якобы доказывании, например, что царская Россия была к 1913 году «пятой экономикой мира», вся масса фактов — экономических, научно-технических, социальных, культурных, политических, исчерпывающе полно характеризующих царскую Россию до 1917 года, — доказывает однозначно: царская Россия была страной, всё более отстающей от лидеров, страной с убийственно низкими душевыми показателями во всех сферах жизни общества, особенно — с социальными показателями, и без надежд что-то кардинально изменить хоть в рамках самодержавия, хоть в рамках конституционной монархии или буржуазной республики.

Царская Россия, безусловно, развивалась, и её доля в мировом промышленном производстве выросла с 3,4 % в 1885 году до 5,3 % в 1913 году — по данным, впрочем, иностранной статистики. Однако росла и доля иностранного участия в российской экономике. Она входила в мировую систему разделения труда, но — как экономика второго сорта, сырьевая, по преимуществу, экономика..

Летом 1913 года председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайль, приехав в Петербург для выяснения условий предоставления России очередного займа, предсказывал неизбежный и колоссальный подъём российской промышленности в течение ближайших 30 лет.

О том же писал французский экономический обозреватель Э. Тэри, книгой которого «Россия в 1914 году. Экономический обзор» сегодня размахивают антисоветчики. Тэри заявлял: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912-м и 1950 годами, как они шли между 1900-м и 1912-м, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Профессор Берлинской сельскохозяйственной академии Аухаген писал в 1914 году о «вероятном успехе предпринятого правительством дела…» и считал, что «ещё 25 лет мира и 25 лет землеустройства — тогда Россия сделается другой страной».

Однако заверения, например, Аухагена были направлены к тому, что России не к чему-де воевать с Германией, вернее пахать землю. Профессор был здесь прав, но его прогноз вряд ли можно считать объективным, как и прогнозы французских аналитиков, — делая комплименты и авансы России, они преследовали свои цели. Реально же было предполагать, что капиталистическое развитие России, безусловно, улучшит её экономическое положение и обеспечит социальное и культурное развитие, однако абсолютно не в той степени, в какой это было

необходимо для обеспечения подлинного суверенитета, не говоря уже о положении широких народных масс.

12 июля 1914 года Совет Съездов представителей промышленности и торговли представил царскому правительству докладную записку о мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса, где давалась картина *«экономического подъёма как под влиянием урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в этих годах громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство, на шлюзование некоторых рек, постройку элеваторов и на усиление железнодорожного строительства…»*. Однако внимательный взгляд легко увидит в этом перечне перспективу по-прежнему сырьевой привязки к мировой экономике российского экспорта и по-прежнему второсортности российской экономики, ибо об «увеличении машиностроения» в записке говорилось лишь мельком. К тому же записка признавала, что *«период экономического подъёма сопровождается нарушением торгового баланса, делая его пассивным, по причине возрастания ввоза иностранных произведений, при невозможности удовлетворить внутренний спрос продуктами отечественной, хотя и развивающейся промышленности»*.

Всё это позволяет уверенно говорить, что даже после «25 лет мира» несоветская, не ленинская Россия и близко не была бы той великой динамично и в интересах народа развивающейся, полностью суверенной державой, которой она стала реально к концу 1930-х годов, после четырёх лет изнурительной империалистической войны и трёх лет изнурительной освободительной войны с иностранными оккупантами, действовавшими когда напрямую интервенцией, а когда — руками «белых» марионеточных генералов…

Результаты деятельности реальной царской администрации к 1917 году были очевидными: развал экономики, развал управления, социальная разбалансировка в силу всё более очевидного антагонизма политики царского режима и интересов народа. Царизм не мог и не смог решить возникшие проблемы. Это очевидный исторический факт, ибо царизм рухнул.

Результаты деятельности реальной «временной» буржуазной администрации с весны до осени 1917 года тоже были очевидными: ещё больший развал экономики, окончательный развал управления и угрожающая национальной катастрофой социальная разбалансировка в силу выявившегося антагонизма политики буржуазного «временного» режима и интересов народа. «Временные» не могли и не смогли решить возникшие проблемы. Это очевидный исторический факт, ибо и Временное

правительство рухнуло.

В ПРИНЦИПЕ, царь мог бы сохранить в 1917 году свою власть — если бы действовал умно. Буржуазные «верхи» тоже могли не только ухватить в 1917 году власть, но и удержать её, — если бы они действовали умно! Могли получить власть и соглашательские «социалистические» партии и этим сгладить нарастающие проблемы В написанной весной 1920 года и опубликованной в июне 1920 года работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» Ленин напоминал: «Мы говорили меньшевикам и эсерам (весной и летом 1917 года. — *С. К.*): берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в Советах (на I Всероссийском съезде Советов большевики имели в июне 1917 года всего 13 % голосов)…»[223]. Однако «социалисты» показали себя просто сусликами от политики.

1 марта 1920 года Ленин выступал на I Всероссийском съезде трудовых казаков и, риторически обращаясь к эсерам и меньшевикам, в зале, естественно, отсутствовавшим, сказал:

— Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырёхлетней империалистической войны…[224]

Это было сказано наповал, *в лоб!* Причём то, что было сказано Лениным в адрес «социалистических» партий, было верно и по адресу вообще всего истеблишмента царской России во главе с царём Николаем и буржуазного истеблишмента «временной» России во главе с Рябушинскими, Гучковыми, Лианозовыми, Милюковыми и Терещенками… Начать широкую социальную реформу не захотел и не смог ни царизм, ни его «временный» буржуазный выкидыш. Все они шли и жили против народа, а не с народом.

С народом был Ленин.

С 6-го по 8 марта 1918 года ещё в Петрограде, в Таврическом дворце проходил VII экстренный съезд РСДРП(б) по вопросу об одобрении вынужденного Брестского мира с Германией.

Ленин выступал на съезде несколько раз и там, между прочим, использовав удачное сравнение выступавшего Рязанова, заявил, что, подписав «похабный» мир, он уступил пространство, чтобы выиграть время. Очень точная и ёмкая формулировка сути

Брестского мира.

И тогда же Ленин произнёс следующие слова, лишний раз аттестующие его как глубоко русского патриота:

— Последняя война дала горькую, мучительную, но серьёзную науку русскому народу — организовываться, дисциплинироваться, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать в рабстве… Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак… Надо уметь работать на новом пути… [225]

Об этом же — о будущей могучей Руси — он говорил и на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов. А накануне его Ленин опубликовал в номере «Известий ЦИК» за 12 марта 1918 года статью «Главная задача наших дней», где писал:

«Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймём это, тем более твёрдой, закалённой, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой… У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция…»[226]

Вот почему победил Ленин — потому что он верил в народ, в его творческие силы. Большевики во главе с Лениным оказались единственной из всех политических сил того времени, которые искали опору в народе и только в народе. Потому они эту опору и нашли. А политик, получивший устойчивую поддержку и доверие народа, не может не победить, ибо он побеждает не для себя, а для всех. Это ведь не красивая фраза, это — тоже исторический факт.

23 июля 1934 года Сталин беседовал с английским писателем-фантастом Гербертом Уэллсом. В 1920 году Уэллс встречался с Лениным и назвал его «кремлёвским мечтателем». Теперь англичанин радикально пересматривал свои оценки, но не о том сейчас речь!

Уэллс спросил тогда у Сталина:

— Вы, мистер Сталин, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике… Не считаете ли вы

установленной истиной, что все революции делаются меньшинством?

И Сталин ответил:

— Для революции требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей.

Похоже, Уэллс ожидал от Сталина чего-то более пафосного и переспросил:

— Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?

Сталин в ответ уточнил:

— Частично и на полуинстинктивную, и на полусознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно.

Так ответил лучший ученик и соратник Ленина, но так же, и только так, мог бы ответить и сам Ленин. В декабре 1916 года — почти за год до его первого мирового политического триумфа — он с горечью писал: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я всё же не променял бы сей судьбы на „мир“ с пошляками…». Однако в итоге его судьба оказалась такой, которой он и заслуживал. И это была счастливая — в конечном счёте — судьба успешного, небывалого ранее социального реформатора, впервые в мировой истории так гармонично и победно слившего свою личную судьбу с трудящимися массами и его Родины, и всего мира.

Глава 7
В глазах мира: взгляд врагов и друзей

ИЗ ТЕХ или иных оценок Ленина его сторонниками и противниками, друзьями и врагами, а также людьми индифферентными (были ведь и такие) можно, да и нужно составить отдельную книгу. Однако сейчас придётся ограничиться одной главой. Думаю, что приведенные в ней оценки вполне представительны как относительно мнения друзей, так и относительно мнения врагов.

Из полутора тысяч книг, написанных о Ленине, наиболее интересные и достоверные — это воспоминания о нём, составившие в последних изданиях пять томов. Но это — слово о Ленине, сказанное его родными и близкими, его друзьями, соратниками и сторонниками или как минимум доброжелателями.

Воспоминания о Ленине с *той* стороны баррикад в СССР не издавали, и если это было объяснимо на первых порах, то впоследствии замалчивание враждебного «негатива» о Ленине стало одним из серьёзных просчётов советской пропаганды. Только политическим кретинизмом сусловско-брежневских «идеологов» (а также, пожалуй, иезуитством руководимых западными советологами внутренних агентов влияния) можно объяснить то, что в условиях изощрённой психологической войны Запада против СССР не был издан массовым тиражом сборник негативных воспоминаний и мнений о Ленине. С толковыми комментариями, конечно, и под соответствующим названием, например: «Лгут, как очевидцы».

Читатель познакомится с рядом и лояльных, и нелояльных к Ленину его оценок. При этом намеренно не приводятся положительные оценки и мнения, принадлежащие соратникам Ленина. Все положительные оценки взяты из воспоминаний исключительно иностранцев, причём достаточно нейтральных, не коммунистически настроенных.

А начнём мы с негатива, с Петра Бернгардовича Струве, былого товарища молодого Ленина. Хотя, впрочем, перед этим — несколько общих замечаний.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ Ульянов, вошедший в историю под партийно-литературным псевдонимом «Ленин», не дожил трёх месяцев до 54 лет, то есть физическая его жизнь оказалась

недолгой. Однако на всём её протяжении с Ульяновым-Лениным так или иначе было знакомо множество людей. Кто-то относился к нему как к вождю, товарищу, другу, интереснейшему собеседнику, просто хорошему человеку, кто-то ненавидел Ленина, смотрел на него взглядом, затуманенным злобой, завистью и неприятием. Поэтому составленный из кусочков «мозаики» *всех* воспоминаний и «воспоминаний» о Ленине, «мозаичный» его портрет будет отличаться определённым разнобоем, но…

Но если мы проведём вполне объективный отбор, выбрасывая из «мозаики» *явно* гнилые или бесцветные кусочки, то ленинский портрет выйдет вполне цельным, а одновременно — многоцветным и ярким!

Возьмём, например, Павла Николаевича Милюкова (1859–1943)… Профессор, кадет, министр иностранных дел Временного правительства, англофил, автор посмертно изданных в 1955 году в Нью-Йорке «Воспоминаний», однозначно — антиленинец…

Но уже первые упоминания о Ленине в «Воспоминаниях» Милюкова, относящиеся ещё к дореволюционному периоду деятельности Владимира Ильича, показывают, что поздний Милюков в полной мере сознавал выдающуюся роль Ленина в формировании революционной России и…

И, похоже, скрыто гордился тем, что имел честь быть с ним лично знакомым. Вот что Милюков пишет, имея в виду 1903 год:

«…Самым последним моим впечатлением было соглашение конституционных и революционных партий в Париже относительно нашей общей политической цели — уничтожения самодержавия. И даже Ленин, „сам“ Ленин присматривался тогда ко мне, как к возможному временному (скорее — кратковременному) попутчику — по пути от „буржуазной“ революции к социалистической. По его вызову я виделся с ним в 1903 г. в Лондоне в его убогой келье. Наша беседа перешла в спор об осуществимости его темпа предстоящих событий, и спор оказался бесполезным. Ленин всё долбил своё, тяжело шагая по аргументам противника. Как бы то ни было, идея „буржуазной“ революции, долженствующей предшествовать социалистической, была и у него…»

Это «„сам“ Ленин», невольно выскользнувшее из-под пера Милюкова, дорогого стоит. Это — то слово, которое не воробей: вылетит — не поймаешь…

И, надо сказать, мало кто из крупных современников Ленина, имевших о нём какие-то *личные* впечатления, отзывался о нём плохо — даже в стане врагов. Сквозь внешнее неприятие проглядывает скрытое уважение или хотя бы сознание масштаба

того, о ком идёт речь.

В то же время чем гнуснее и отрицательнее человек оценивал Ленина, тем более дрянным этот человек был. Та или иная оценка Ленина лично знавшими его людьми полностью характеризует самих оценивающих!

Люди деятельной и честной жизни Лениным восхищались — не как «кумиром», а как великолепным проявлением духовной и интеллектуальной мощи человека. Эти люди и сами прожили достойную и полную жизнь, и сами что-то значили.

Духовные и политические импотенты писали о нём с кривой усмешкой, по типу: «А виноград-то зелен», втайне завидуя тому, чью мощь и правду признать страшились.

Люди же мелкой и кривой жизни Ленина ненавидели патологически и старались его опорочить, низвести до своего мышиного уровня. Но даже у этих Ленин мелким, как правило, не выглядит.

Ровесник Ленина Пётр Бернгардович Струве (1870–1944) — случай при этом, вообще-то, особый, хотя Струве — тоже из «мышиной когорты»…

Много, много *толерантных* и *политкорректных* современных представителей этой бесславной когорты взовьётся при такой оценке «крупнейшего интеллекта» России, но Пётр Бернгардович — не мыслитель, а всего лишь представитель особого типа невежд. Как, к слову, и помянутый ранее Павел Николаевич Милюков, даром что Милюков знал 18 языков, а библиографический перечень его научных трудов занимает 38 машинописных страниц…

Монтень высказывался в том смысле, что есть два вида невежества. Одно — простодушное, происходит от неграмотности, незнания, и уничтожается образованием. Второе же — чванное, возникает в результате чрезмерного знания и образованием питается.

Струве, Милюков и им подобные являются невеждами второго рода. Их политические концепции были мертворождёнными, а их авторы не понимали сущности происходящих в обществе процессов… Впрочем, возможно, они их и понимали, но придерживали это понимание при себе, высказывая вслух или на бумаге мнение, отличное от того, что было у них внутри. Ну, в таком случае они, конечно, не невежды, они в таком случае — умные подлецы и негодяи.

Так или иначе, Струве знал Ленина ещё в молодые годы, позднее жил рядом с ним в эмиграции, и когда последний вернулся в Россию весной 1917 года, Струве попросили коротко, в двух словах, охарактеризовать Ленина.

— В двух словах, говорите? — переспросил Струве. — Ну, что ж, извольте. Больше двух слов мне и не понадобится…

И затем отчеканил:

— Думающая гильотина…

Точнее попасть пальцем в небо нельзя! Но в чём Струве, не пожалевший истины ради красного словца, был, пожалуй, прав, так это в том, что Ленину не были свойственны колебания и сомнения *на людях*… Как глубоко чувствующий и мыслящий человек, он, конечно, знал моменты сомнений, но не проявлял их, действуя как общественная фигура, а держал внутри себя. Он был природным вождём, как сейчас выражаются — харизматическим лидером. А хорош будет вождь, если начнёт прилюдно обнаруживать свои сомнения! Уверенность и бодрый вид полководца — важнейший фактор и побед, и превозможения неудач.

Вернёмся, впрочем, к взгляду на Ленина Струве. Уже в «белой» эмиграции, узнав о смерти Ленина, Струве высказался так:

«В истории есть два вида значительных людей. Одни таковы в силу своего личного содержания, которым они налагают на исторический процесс свою печать. Другие выражают лишь какую-то большую историческую, добрую или злую, стихию, являясь её исполнителями и орудиями. Первые люди всегда лично значительны, ибо они сами содержательны, самобытны. Вторые представляют комбинацию каких-то личных свойств, которую можно в известном смысле назвать одарённостью, с силами исторической стихии».

К какому же виду значительных людей Струве относил Ленина?

Ну, естественно, Ленин представлял для Петра Бернгардовича второй случай, и он писал:

«Его идейное содержание было неоригинально, и в своей существенной неоригинальности он, как ум, был лишён даже какой-либо одарённости. Этот скудный и плоский ум был наделён огромной и гибкой волей… но… совершенно бесстыжей…»

Подобная, очевидно несправедливая оценка говорит нам о Струве намного больше, чем о Ленине. Любопытно при этом сравнить мнение Струве с восприятием Ленина русским человеком возрастом на двадцать лет младше Ленина и Струве. Речь о Николае Устрялове, человеке с судьбой непростой, изломанной. И чтобы было понятно, что и к чему, о нём надо тоже сказать пару слов…

НИКОЛАЙ Васильевич Устрялов (1890–1938), в 1916 году

доцент Московского, в 1918 году — Пермского университетов, председатель Восточного отдела ЦК кадетской партии, с 1920-го по 1934 год был профессором Харбинского университета, с 1928 года также заведовал библиотекой КВЖД.

В эмиграции Устрялов стал одним из идеологов так называемого «сменовеховства» (от названия издававшегося в Праге и Париже журнала «Смена вех») — буржуазного течения, делавшего расчёт на националистическое перерождение Советской власти под влиянием нэпа и призывавшего к возвращению на Родину и сотрудничеству с Советской властью.

В 1935 году вернулся в Москву и сам Устрялов. Правда, в 1938 году его расстреляли как агента японцев — основания для такого обвинения, увы, имелись… Тем не менее в своих просоветских симпатиях профессор был достаточно искренен, а приводимое ниже мнение высказал сразу же по получении известия о смерти Ленина, то есть — во времена, когда возвращаться в Россию ещё не собирался, неплохо устроившись в эмиграции.

Иными словами, сказал Устрялов тогда то, что думал…

А сказал он вот что:

«В живой драме всемирной истории это был один из типичных великих людей, определяющих собой целые эпохи. Само имя его останется лозунгом, символом, знанием. Он может быть назван духовным собратом таких исторических деятелей, как Пётр Великий, Наполеон. Перед ним, конечно, меркнут наиболее яркие персонажи Великой Французской революции. Мирабо в сравнении с ним неудачник, Робеспьер — посредственность. Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера…»

34-летний в 1924 году, Устрялов, встретивший Октябрь 1917 года вполне молодым, но уже сформировавшимся человеком, находился, конечно, под огромным впечатлением от Ленина, и весть о смерти исторгла из души Устрялова то, что в другое время он, может быть, и не сказал бы:

«В нём было что-то от Микеланджело, от нашего Льва Толстого. По размаху своих дерзаний, по напряжённости, масштабам, внутренней логике своей мечты он им подобен, он им равен. Его гений — того же стиля, той же структуры. Те же огромные, сверхчеловеческие пропорции, та же органическая „корявость“ рисунка — но какая жуткая его жизненность, что за подлинность нутряной какой-то правды!»

Люди, высокомерно мнящие себя носителями национального духа, хотя на самом деле они были всего лишь любителями

русской икры и стерляжьей ухи, отказывали Ленину в праве быть русским. А вот что писал 24 января 1924 года в эмигрантской газете «Новости жизни» Устрялов:

«Но мало сказать, что он был великий исторический деятель и великий революционер. Он был, кроме того, глубочайшим выразителем русской стихии в её основных чертах. Он был несомненно русским с головы до ног. И самый облик его — причудливая смесь Сократа с чуть косоватыми глазами и характерными скулами монгола… Много таких лиц на Руси, в настоящем, именно „евразийском“ русском народе…

Пройдут годы, сменится нынешнее поколение и затихнут горькие обиды, страшные личные удары, которые наносил этот фатальный, в ореоле крови над Россией взошедший человек, миллионам страдающих и чувствующих русских людей. И умрёт личная злоба, и „наступит история“. И тогда уже навсегда все и окончательно поймут, что Ленин — наш, что Ленин — подлинный сын России, её национальный герой — рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым.

Пусть сейчас ещё для многих эти сопоставления звучат парадоксом, может быть, даже кощунством. Но Пантеон национальной истории — по ту сторону минутных распрей… И хочется в торопливых, взволнованных чувствах, вызванных первой вестью об этой смерти, найти не куцый импрессионизм поверхностного современника, а возвышенную примирённость и радостную ясность зрения, свойственные „знаку вечности“».

Устрялов был политически хаотическим человеком, он путал национальное и классовое, был наивен в своей уверенности в том, что придёт время, и «личная злоба» уступит место пониманию национального величия Ленина.

Не в личной злобе была суть, а точнее — не только в личной злобе. Конечно, в том, что писал о Ленине тот же Струве (и ему подобные), присутствовал и личный момент, но определяющей была тут классовая ненависть, классовая злоба! А эта злоба имущих к великому выразителю интересов неимущих будет жива до тех пор, пока мир будет разделён на тех, кто — по словам Талейрана — стрижёт, и тех, кого стригут…

О какой *личной* злобе к Ленину может быть речь, если иметь в виду, например, тёзку Ленина Владимира Жириновского? Но ведь злобен последний, как не просто злой цепной пёс, а как простотаки бешеная собака! И здесь срабатывает не личная, а классовая злоба, замешанная, правда, как и у Струве, на потаённом понимании собственной человеческой никчёмности и политической мелкотравчатости…

ВСПОМНИМ, что писал — не для печати, а сам для себя —

Ленин в ночь 29 декабря 1900 года, оставшись наедине с собой после долгого и тяжёлого разговора, в котором участвовали Потресов («Арсеньев»), Засулич («Велика»), Струве («Близнец») и жена Струве.

Ленин взялся тогда за перо, чтобы *«записать свои впечатления от сегодняшней беседы с „близнецом“…»,* и писал, что это было *«знаменательное и „историческое“ в своём роде собрание (Арсеньев, Велика, близнец + жена + я), по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой — если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь».*

В ту ночь тридцатилетний Владимир Ульянов чётко осознал, что отныне его путь полностью расходится с путями его собеседников, и уж, во всяком случае, с путём Петра Струве… Это невесёлое жизненное открытие Ленина не радовало, и он сокрушался[227]:

«*Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя „политиком“ чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. <…> Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия сдачи, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив, тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего „критика“…*»

Как это, к сожалению, точно!

Причём — точно в отношении не только Струве, но и целого социального строя, всё ещё существующего и процветающего в человеческом сообществе…

С той ночи прошла целая эпоха, Ленин свершил свой путь и умер, и вот что писал в 1924 году Струве, охваченный по отношению к Ленину двойной злобой — личной и классовой:

«Ленин был абсолютным аморалистом в политике и потому ему было легко быть таким превосходным и успешным тактиком… Это была смесь палача с лукавцем. И Г. В. Плеханов, и В. И. Засулич, и М. И. Туган-Барановский, и пишущий эти строки… испытывали некое общее глубочайшее органическое отталкивание от самой личности Ленина, от его палаческой жестокости и абсолютной неразборчивости в средствах борьбы. Душа… нежно-тонкой Веры Ивановны Засулич прямо содрогалась и сжималась при соприкосновении с этим воплощением лукавой злобы…»

«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно!» (К слову, Ленин любил эти строки Лермонтова и цитировал их в своих работах 12 раз). Ленина обвинял в аморализме не только

Струве, однако ни один из обвинителей не смог привести ни одного корректного конкретного примера ленинского политического аморализма. При этом каждый раз Ленина обвиняли люди, лично, возможно и моральные (в суп никому тайком не плевали), но в политическом отношении, как правило, аморальные абсолютно!

От Струве до Жириновского…

Так, Пётр Струве мнил себя марксистом, а в тяжкий для Родины час стал одним из тех, кто подтолкнул Россию к гражданской войне. Этим он злобно обрёк Родину на кровь и страдания, отвлёк её на годы от мирной работы возрождения. Роль Струве в те годы — по сути, палаческая.

Виктор Чернов клялся народной волей, а оказавшись во Временном правительстве как лидер массовой крестьянской партии, даже не заикнулся о необходимости *немедленного* решения в России земельного вопроса в пользу тех, кто землю обрабатывает…

Павел Милюков разглагольствовал о «народной свободе», слыл англофилом, любимцем Антанты, но, когда оказался не у дел, начал с участия в создании «белой» Добровольческой армии, а летом 1918 года в Киеве пытался свести дружбу с немцами, воюющими с Антантой, и спровоцировать их на подавление Советской власти. Осенью же 1918 года, уже в Лондоне, «моралист» Милюков нашёл общий язык с организаторами антантовской интервенции в Россию. Так же как и Струве, он обрекал Родину на страдания и разруху…

И эта «мышиная», принципиально аморальная «когорта» обвиняла в аморализме Ленина, жившего для народа и принявшего за народ отравленную пулю…

Н-да…

Струве писал о Ленине и вот что:

«Ленин, как вершитель и организатор коммунистического интернационала, оборвал традицию и разрушил дело Петра Великого, отбросив Россию как государство в XVII век… Делом Ленина явилось умаление и расчленение Державы Российской. Ленин использовал безумие народных масс для того, чтобы на алтаре мировой социальной революции заклать Россию. Ибо что ему было до России, он ведь не Пётр, который, находясь в опасности плена, призывал Сенат думать не о Петре, а о России»…

Конечно, эти слова тоже были продиктованы слепой, злобной ненавистью, когда — куда уж до профессорского благообразия? Тут бы укусить позлее, даже не заботясь о том, чтобы вышло побольнее, а желая одного — укусить!

Не напоминая известные читателю заслуги Ленина в сохранении территориальной целостности России, просто приведу ниже слова философа-эмигранта Николая Бердяева (1874–1948) — отнюдь не сторонника Ленина, а его оппонента…

Бердяев писал о Ленине не раз и разное, например, следующее:

«Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но, став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, допуская ложь, обман, насилие, жестокость… Ленин не был дурным человеком, он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, но одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению…»

Несправедливо и бездоказательно судя Ленина (примеры лжи, обмана и жестокости Бердяев, как и прочие, не приводил), «судья» сам обнаруживал крайнюю узость мысли. Однако любопытно то, что он писал о Ленине и так:

«Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях… Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачёва, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого… Ленин был революционер-максималист и государственный человек. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразёрство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путём. В этом есть черта сходства с Петром».

Бердяев был большим путаником, поэтому, уловив исторический и личностный масштаб Ленина, не понял, однако, что Ленин остановил распад России не тираническим путём, что он был лишь *руководителем* государства *диктатуры пролетариата,* и без поддержки, прежде всего, рабочих — наиболее политически развитой части российского общества — якобы «диктатор» Ленин ничего сделать не смог бы.

Любой строй, любой режим, а тем более — жёсткий режим, не может существовать без той или иной весомой поддержки. До Октября 1917 года все жёсткие режимы были сильны поддержкой

имущих… А «диктатура» Ленина была сильна поддержкой неимущих…

Кое-кто сегодня видит гениальность Ленина в том, что он якобы «обманул своих нанимателей»: деньги, хитрец, на развал России взял, а на эти деньги Россию спас. При этом подобные «защитники» Ленина убеждены, что он «брал деньги на революцию» постольку, поскольку-де «без денег революций не бывает»…

Но то-то и оно, что Ленин был силён не мифической поддержкой мифических «заказчиков»… Он совершал не политическую революцию — такие революции действительно невозможны без «спонсоров», то есть тайных, манипулирующих массами сил, в интересах которых совершается революция… Ленин всегда работал во имя социальной революции, которая совершается массами под руководством вождей масс при посредстве политического авангарда масс, действующего в интересах исключительно масс…

Ленин не манипулировал массами — как это проделывали организаторы Французской буржуазной революции, российского Февральского переворота 1917 года или ельцинского августовского путча 1991 года… Ленин убеждал массы, причём убеждал силой внятных аргументов, силой логики. И когда достаточно большая часть массы осознала правоту Ленина, он повёл массу на социальную революцию…

Эту разницу между политиком масс Лениным и буржуазными политиканами — казалось бы, очевидную — нередко не видели даже, казалось бы, высоко просвещённые люди.

СКАЖЕМ, в 1931 году в издательстве Йельского университета вышла в свет книга «Lenin. Red Dictator» («Ленин. Красный диктатор»), лишь в 1998 году переведённая на русский язык. Написал её Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) — профессор Йеля, сын царского и советского академика Владимира Вернадского.

Георгий Вернадский был буржуазным историком, и его взгляд на Ленина не мог не быть ограниченным. Но вот как писал даже Вернадский-сын:

«Деятельность Ленина может рассматриваться с разных точек зрения, возможны различные оценки её результатов. Но нельзя отрицать тот факт, что… Ленин, бесспорно, является одним из наиболее выдающихся политических лидеров… Приверженцы Ленина сравнивают его с Робеспьером и Кромвелем. В политическом руководстве он, возможно, превосходил Робеспьера (и на том спасибо! — *С. К.*). Сравнение с Кромвелем больше подходит к нему. Подобно Кромвелю, Ленин не только знал, как

бороться против старого порядка, но и умел организовать революцию и направить её в нужное русло. Но, несмотря на некоторое сходство, между этими двумя людьми существовала и громадная разница… Кромвель не посягал на систему частной собственности, Ленин видел в разрушении её свою главную историческую задачу…»

Вернадский-сын (как, впрочем, и оставшийся в России Вернадский-отец) не понимал, что для оценки социальных явлений *в конечном счёте* есть *лишь две* точки зрения: точка зрения имущей Элиты и точка зрения сознательно противостоящего и антагонистичного Элите организованного Труда. И всё же разницу между Кромвелем и Лениным Вернадский-сын уловил верно!

Кромвель выражал интересы тех, кто стрижёт, и не посягал на систему частной собственности. А Ленин был из числа тех, кто не желал, чтобы мир делился на стригущих и остригаемых, и поэтому Ленин видел в разрушении института частной собственности одну из своих исторических задач, но — не главную свою историческую задачу!

Увы, Вернадский-сын даже в 1931 году не понял, что свою главную историческую задачу Ленин видел не в разрушении чего бы то ни было, а в построении нового общества, свободного от эксплуатации человека человеком и, значит, действительно свободного!

Хотя…

Вернадский ведь написал и так:

«Уникальное качество Ленина как политического лидера нашего времени состояло в том, что в нём сочеталась приверженность абстрактной теоретической программе с редким умением приспособить свою тактику к требованиям жизни. Сочетание казалось в высшей степени необычным: в одном человеке соединились фанатик и оппортунист (Ленин вообще-то был, так сказать, практическим романтиком. — *С. К.*)… В натуре Ленина уживалась и другая пара контрастных качеств: им одновременно владели разрушительная и созидательная силы. Всю первую половину своей карьеры, до захвата власти, Ленин проповедовал разрушение всех институтов буржуазного общественного порядка… Но сразу же после взятия власти он начал строить новую структуру… Разрушив всё, что можно, Ленин призвал к организованному строительству…»

Вернадский и тут не был особо прозорлив — временное вынужденное отступление Ленина в сторону Новой экономической политики (нэпа) он расценил как акт государственного строительства. Но хорошо уже то, что даже

вернадские не числили Ленина исключительно по ведомству разрушения.

Думаю, стоит привести и ещё ряд оценок Вернадского-сына. Как-никак, их высказал человек, полностью независимый от требований советского Агитпропа и в то же время служивший (понимал он это или нет — дело десятое) в «Агитпропе» «Вашингтонского обкома»…

Например, Вернадский признавал:

«Как оратор Ленин славился внутренней силой и логикой своих речей. Однако… секрет его силы заключался не в ораторском искусстве… главную надежду возлагал он не на красноречие. Он знал, как создать между лидером и массами связь более прочную, чем связь оратора со своей аудиторией. Он сумел сковать цепь, крепко соединившую партию и народ…»

Но ошибётся тот, кто решит, что почтенный профессор Вернадский, признанный в США крупнейшим знатоком русской истории, судил Ленина беспристрастно и оправдывал его.

Вернадский писал и так:

«В борьбе за власть Ленин решительно применял любые средства, даже такие как клевета и готовность возбудить тёмные массы против кого угодно (? — *С. К.*), лишь бы снять ответственность с себя. Для привлечения на свою сторону народа Ленин, нисколько не задумываясь, разжигал самые низменные инстинкты толпы — зависть и ненависть…»

При этом профессор не привёл в подтверждение *своей* клеветы ни одного конкретного примера, ни одной уличающей цитаты. Но тут уж какие могут быть к нему претензии! Вернадский-сын служил (понимал он это или нет — дело десятое) в «Агитпропе» тогдашнего «Вашингтонского обкома», поэтому он дал следующую итоговую, по сути, оценку Ленина:

«Проводя в жизнь свои планы, Ленин был безжалостен, не придавал никакой цены человеческой жизни. Он постоянно обвинял своих противников — империалистов, буржуазию, помещиков, царский режим — в жестокости. А как же действовал он сам?

Если подсчитать количество убитых по прямым призывам Ленина (исключив жертв гражданской войны) и добавить погибших от голода вследствие его экономической политики — результат получится ошеломляющим. Достаточно сказать, что число русских, умерших от голода в 1921–1922 годах, вдвое превышает число русских солдат, убитых и искалеченных в мировой войне. Если посчитать человеческие жизни, утраченные при правлении Ленина, придётся поместить его в список самых ужасных тиранов, которых знала история».

Уж не знаю: демонстрировал ли профессор Вернадский невежество второго рода — образованное невежество; просто ли «ваньку валял», изображая непонимание; или отрабатывал авансы «Вашингтонского обкома», но итоговая его оценка Ленина оказалась отнюдь не профессорской, а лживой и подлой…

Начнём с того, что, если принять логику Вернадского-сына и подсчитать жизни, суммарно утраченные только в Первой мировой войне при правлении Николая II, Вильгельма II, президента США Вильсона, английского военного министра Черчилля, французского президента Пуанкаре, французского премьера Клемансо, немца Круппа, американцев Морганов и Дюпонов, космополитов Ротшильдов, то в список самых ужасных тиранов мировой истории следует поместить их, а не Ленина… Они ведь, а не Ленин, замыслили, подготовили и начали кровавую Мировую бойню… Более кровавой оказалась лишь вторая такая же бойня, подготовленная и начатая тем же классом имущих и преемниками организаторов первой бойни…

А Ленин против этой бойни протестовал и обличал её авторов.

Далее… Погибшие в войнах (как раз *включая* жертвы гражданской войны) и умершие в голод люди — это результат не экономической политики Ленина, а результат интервенционистской политики Запада, включая США и Японию, а также результат бессмысленных генеральско-кадетских авантюр, поддержанных и поощряемых всё тем же Западом, включая Японию и США…

Надеюсь, ранее на сей счёт сказано достаточно, чтобы читатель со мной согласился, но напомню ещё раз, что Ленин не собирался в 1918 году вести гражданскую войну, он собирался орошать Голодную степь…

В речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, 21 января (5 февраля) 1918 года Ленин сказал:

— Товарищи, вы все знаете, что большинство рабочих, солдат и крестьян и Великороссии, и других наций, которые составляли Россию — прежде по принуждению, а теперь части свободной Российской республики, — признали Советскую власть. И нам остаётся небольшая борьба с жалкими остатками контрреволюционных войск Каледина, которому на своём Дону, кажется, приходится спасаться от революционного казачества… [228]

Тогда же Ленин говорил о том, что Советы могут «вывести Россию на путь свободного сожительства трудящихся», указывал на двух главных врагов Советской власти — международный капитал и разруху, и призывал: «Нам предстоит тяжёлый и

упорный труд — залечивание ударов, нанесённых войной…».

В тот же день 23 января (5 февраля) 1918 года Ленин написал проект Постановления Совнаркома о переводе всех военных заводов на хозяйственно-полезные работы и прекращении выполнения военных заказов… А международный капитал подготовил мятеж «французских» чехов, эсеры и генералы его поддержали, и вместо орала на первое место вынужденно вышел меч…

Не по вине Ленина и против воли и желания Ленина!

Наконец, главное…

Все жертвы, принесённые «при правлении Ленина», народ приносил во имя *своих* интересов, а все жертвы, принесённые при правлении врагов Ленина — империалистов, буржуазии, помещиков, царского режима, — народ *вынуждали* приносить, обеспечивая *чужие и враждебные* народу интересы.

Улавливается разница?

Георгий Вернадский одно время подвизался у Врангеля в должности заведующего отделом печати, о чём и отец, и сын позднее предпочитали умалчивать, но у Врангеля в воспоминаниях однозначно написано: «24 сентября назначение Вернадского-сына состоялось»[229].

Уж кто-кто, а Врангель был обречён на итоговое поражение изначально — он заменил Деникина в пору, когда конечный провал «Белого движения» был очевиден. Вопрос был лишь в одном — ценой какой крови и какого отвлечения сил и средств от задач мирного строительства Советская Россия покончит с врангелевщиной? Экономика была в упадке, а вместо того, чтобы поднимать её, Ленин был вынужден и в 1920 году ориентироваться на примат военных усилий… И вот в этих условиях «эстет» и «интеллектуал» Вернадский связывает себя с хотя и балаганным, но кровавым режимом «чёрного барона». А через десять лет из заокеанской сытости бывший соратник Врангеля ничтоже сумняшеся обвиняет Ленина в кровавом тиранстве…

Н-да…

Вернадский выставлял счёт за миллионы голодных смертей в России Ленину, а объективно этот счёт надо было предъявлять его шефу Врангелю, Деникину, Колчаку, Савинкову, Рябушинскому и поддержавшим их капиталистам Европы и США. Напомню, что в августе 1918 года, в горячке гражданской войны, спровоцированной оплаченными Америкой и возглавляемыми французами белочехами, Ленин в «Письме к американским рабочим» писал: *«Американские миллиардеры нажились больше всех. И на каждом долларе — ком грязи от „доходных“ военных*

поставок… На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных…»

Этих слов Ленина Вернадский не знать не мог — они были опубликованы в «Правде»… Однако присоединяться к обличениям Лениным американских миллиардеров американскому профессору эмигрантского происхождения было как-то не с руки.

ПЁТР Бернгардович Струве сказал о Ленине: «Думающая гильотина»…

Что ж, Ленин не был «добреньким» — именно приверженные «общечеловеческим ценностям» «политиканы» проливают моря невинной крови — как «демократ» Черчилль в колониях, в Первой и Второй мировых войнах; как «демократические» и «республиканские» президенты США в тех же мировых войнах, в послевоенных локальных конфликтах, начиная с Кореи; как Ельцин в постсоветской «Россиянии», как Порошенко в Донбассе и т. д.

Когда того требовала ситуация, Ленин был по необходимости жёстким. Летом 1919 года во время решающих наступательных действий Южной группы войск Восточного фронта против колчаковцев, в ряде прифронтовых районов Самарской и Оренбургской губерний и Уральской области вспыхнули белоказачьи и кулацкие восстания, и 11 июня 1919 года Ленин направляет шифровку в Реввоенсовет Восточного фронта С. И. Гусеву и М. М. Лашевичу:

«Обратите сугубое внимание на восстание в районе Иргиза. Не запускайте, мобилизуйте все окрестности, обсудите, нельзя ли аэропланами побить повстанцев. Ликвидация необходима немедленная и полная…»[230]

Что это — жестокость «думающей гильотины»?

Безусловно — нет! Это вынужденная жёсткость — на войне как на войне, где малой кровью предупреждают большую. При этом жёсткость обусловлена не низменными целями…

Цель не оправдывает средства, но средства определяются исторической конкретикой, а она была для старой России по отношению к народу подлой и гнусной. Струве закрывал на это глаза, а Ленин не закрывал.

На VIII съезде Советов в 1920 году, говоря о проблемах электрификации России — но не просто об электрификации как факторе развития экономики, а об электрификации как факторе социального преобразования общества, Ленин высказал мысль, для него давно освоенную, но сегодня с трудом усваиваемую даже академиками от истории…

Он сказал:

— Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов…

Итак, для Ленина и его соратников было неестественным то, что огромные массы людей живут в прозябании и более того — в нищете, материальной и духовной, в то время как кучка, два-три процента населения той же страны, живёт даже не комфортно, а в роскоши, в наглой роскоши…

А для Петра Бернгардовича Струве такое положение вещей было вполне… Впрочем, нет, Струве и подобные ему тоже не отрицали, что такое положение вещей неестественно и несправедливо. Вот только *жизнь положить* на то, чтобы это гнусное положение вещей отменить, — на это Струве идти не желал.

И не шёл, оставаясь при звании «легального марксиста», хотя именно Маркс сказал: «Философы лишь различным способом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Струве уже в молодые, по сути, лета пошёл на сделку с совестью, разменяв убеждения на комфорт. Он не рискнул заняться таким тяжким делом, как изменение мира в интересах тех, кто создаёт все ценности мира.

А Ленин занялся.

И вот теперь Струве имел наглость обвинять Ленина в аморализме…

Тьфу!

На том же VIII съезде Советов — где ещё были среди делегатов и меньшевики, и эсеры, где ещё выступал Фёдор Дан, — Ленин, прямо обращаясь к последнему, говорил:

— Мы вовсе не признаём, что ведём дело безошибочно, но, пожалуйста, покажите нам эти ошибки, покажите нам другие подходы, но этих других подходов мы здесь не слыхали. Ни меньшевики, ни эсеры не говорят: «Вот нужда, вот нищета крестьян и рабочих, а вот путь, как выйти из этой нищеты». Нет, этого они не говорят. Они только говорят, что то, что мы делаем, это принуждение. Да, этого отрицать нельзя. Но мы спрашиваем у вас, гражданин Дан: вы поддерживаете это или нет? Вот в чём суть, вот в чём соль. Конкретно отвечайте: да или нет? «Ни да, ни нет»… Они, видите ли, желают только поговорить о трудовластии…[231]

Да, поговорить среди русской интеллигенции мастеров и любителей хватало во все времена… Делать же дело пришлось Ленину. И, в отличие от черновых, данов, струве и т. д., Ленин

чётко разделял «Да!» и «Нет!».

А ведь не кто иной, как Иисус Христос, отрезал: «Но да будет слово ваше: „да, да“, „нет, нет“; а что сверх этого, то от лукавого»[232].

ЛУИС Фишер (1896–1970), американский журналист, в начале двадцатых годов работал в Европе. В 1922 году он женился на переводчице советского полпредства в Берлине и вскоре был командирован на работу в Москву, где прожил 14 лет. Фишер был близок к Троцкому, знал многих советских «вождей», при этом большая часть его знакомцев не пережила 1937 год.

Уже в шестидесятые годы Фишер написал о Ленине толстенный, весьма информативный, но не очень-то глубокий труд «Жизнь Ленина» о 52 главах. Оттуда стоило бы привести много любопытных цитат, но приведу одну. Фишер пишет:

«Несмотря на широкое образование и знание европейских языков, в том числе и итальянского, Ленин мало читал иностранную литературу. Чтение ради удовольствия, чтение как культурный процесс было ему чуждо, читал он исключительно с утилитарными целями».

Правды в сказанном мало… Ленин знал и любил хорошую и умную беллетристику, в его работах встречаются ссылки или аллюзии на Барбюса, Бурже, Гауптмана, Диккенса, Доде, Золя, Сервантеса, Франса, Шекспира и Шиллера, не говоря уже о великих русских писателях. Особенно он любил Салтыкова-Щедрина, да и Чехова тоже…

Приведу часть письма Ленина своему секретарю Лидии Фотиевой от 13 июля 1922 года:

«Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который начинает становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки): 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она ещё не разрешена)…

Привет! Ленин»[233].

Из письма видно, что Ленин регулярно знакомился со списками всех новых издаваемых книг, не забывая и беллетристику. Но «просто чтению» — для удовольствия — Ленин уделял действительно мало времени. У него просто не было возможности увлекаться «просто чтением», хотя читал он по необходимости много… Уже после всех ударов — и судьбы, и приступов болезни — он, рассчитывая ещё вернуться в строй, 10 февраля 1923 года заказывал дежурному секретарю по списку книги — в дополнение к уже заказанному.

И что же там было?

А вот что: 1) В. С. Рожицын. «Новая наука и марксизм»,

Харьков, 1922; 2) С. Ю. Семковский. «Марксизм как предмет преподавания. Доклад на Всеукр. педагог. конференции (июль 1922 г.)», Харьков, 1922; 3) М. Альский. «Наши финансы за время гражданской войны и нэпа», М., 1923; 4) С. Н. Фалькнер. «Перелом в развитии мирового промышленного кризиса», М., 1922; 5) Г. Цыперович. «Мы сами! (Итоги хоз. строительства за 5 лет)». Пг., 1922; 6) Л. Аксельрод (Ортодокс). «Против идеализма. Критика некоторых идеалистич. течений философск. мысли. Сборник статей». М. — Пг., 1922; 6) А. Древс. «Миф о Христе», М., 1923; 7) П. Г. Курлов. «Конец русского царизма. Воспоминания быв. командира корпуса жандармов», М. — Пг., 1920; 8) С. И. Канатчиков. «На темы дня (Страницы пролетарской идеологии)», Пг., 1923; 10) «Пролетарское мифотворчество (Об идеологических уклонах современной пролетарской поэзии)», Семипалатинск, 1922; и т. д.

Всё это были, как видим, новые книги, и Ленин стремился их просмотреть, ибо это было нужно для дела. До Монтескьё ли здесь, якобы пренебрежением к которому Фишер пенял Ленину?

Хотя как раз труды Монтескьё Ленин знал и даже его цитировал.

Луис Фишер был птицей невысокого человеческого полёта, и о Ленине он судил не как Сталин — по-орлиному, а с воробьиных высот. Но Фишер хотя бы старался быть объективным или делал вид, что старается…

А сколько было иных!

ЧИТАТЕЛЬ этой книги должен помнить имя, например, Николая Владиславовича Вольского (Валентинова), родившегося в 1879 году в Моршанске Тамбовской губернии и умершего в 1964 году в Плесси-Робинсон под Парижем…

Недолгий большевик, многолетний меньшевик, Вольский после Октябрьской революции работал заместителем редактора «Торгово-промышленной газеты», затем — в советском торгпредстве в Париже, а в 1930 году эмигрировал, влившись в ряды антисоветчиков.

Валентинов знал Ленина хорошо в том смысле, что много общался с ним в годы первой и второй эмиграции Ленина. Ленин тоже хорошо знал Валентинова-Вольского и не раз печатно дискутировал с ним, точнее — бил его в хвост и в гриву…

Упоминается Вольский («Самсонов») и в дореволюционной переписке Ленина. Так, 14 октября 1904 года Ленин — рукой Крупской — писал Стасовой и Ленгнику из Женевы в Москву: *«Позиция ЦК (меньшевистская. —* С. К.*) развязала нам руки, и теперь гораздо легче жить, чем раньше. Конечно, есть много неприятного, например, Бродяга (соратник Ленина по „Союзу*

борьбы…“ М. А. Сильвин. — С. К.) стал меньшинством, тоже Самсонов, но без этого нельзя. Будем работать, отстаивать свою точку зрения, а там видно будет…».

Много цитировать Валентинова не буду — чтение это малоинтересное, но кое-что о его оценках Ленина скажу…

Валентинов мнил себя крупнейшим философом, знатоком марксизма и первоклассной интеллектуальной величиной. О Ленине он написал даже не как равный о равном, а с уверенностью в собственном превосходстве — синдром Моськи пополам с синдромом Нарцисса. Вот названия главок его книги «Встречи с Лениным»: «Встреча с Лениным. Мой большевизм»; «Первая стычка с Лениным»; «Бурное столкновение с Лениным. Я взбунтовался»; «Две встречи. Полный разрыв с Лениным»… Тон заголовков очень напоминает стиль приснопамятного кадета Биглера из «Швейка».

Помянутую же выше книгу, написанную в пятидесятые годы, Валентинов начал с разъяснения:

«Октябрьская революция 1917 г., вождём, творцом, инспиратором главнейших идей которой был Ленин, установила на шестой части земной суши особый строй. Его постепенная трансформация и посягательство на мировое господство привели в 1952 г. весь мир к вопросу: быть или не быть апокалипсическому ужасу, третьей мировой войне с применением атомных бомб? На фоне всего происходящего с 1917 г. Ленин выступает как гигантская историческая фигура. Он „зачинатель“, от него начался новый исторический период…»

Уже из приведённой выше цитаты хорошо видна историческая лживость автора.

И «особый строй», начало которому положил ленинский Октябрь, установился к 1952 году далеко не только «на шестой части земной суши» — к России прибавились треть Европы, огромный Китай… Бурлящая Азия тоже склонялась тогда к признанию идейного лидерства СССР.

Мир на грань третьей мировой войны с применением атомных бомб ставил не СССР Ленина и Сталина, а Соединённые Штаты Америки с их наглым посягательством на мировое господство, которое так отвратительно проявляется по сей день…

Но и далее Валентинов писал не менее лживо:

«Когда описывают его жизнь, дают его биографию, характеризуют или оспаривают его идеи, лица, сим занимающиеся, остаются в тени. По положительному или отрицательному отношению к Ленину мы узнаём об их взглядах, не более того. Да большего и не нужно.

Иной характер имеют личные воспоминания о Ленине. В них

автор не может быть отсечён, отодвинут от того, о ком он вспоминает…»

Сей сентенцией Валентинов заранее оправдывал тон своих воспоминаний о Ленине, с которым автор был якобы «на дружеской ноге» — почти так же, как гоголевский Хлестаков с Пушкиным… А ведь десятки, даже сотни людей, так или иначе знавших Ленина, оставили о нём вполне честные и интересные *личные* воспоминания, оставаясь — пользуясь выражением Валентинова — «в тени»… Точнее — вполне сознавая дистанцию между собой и Лениным и поэтому выдерживая её вполне естественным образом.

Валентинов же этой дистанции не ощущал.

Ну и чёрт с ним!

Не он один был такой, хотя подобных наглецов среди «мемуаристов» оказалось и не в избытке. Пожалуй, кроме Валентинова на подобную наглость — опустить Ленина до собственного уровня — решился лишь Соломон-Исецкий…

ГЕОРГИЙ Соломон (Исецкий) (1868–?) написал о Ленине ряд книг, включая «воспоминания»… При этом сразу следует заметить, что Соломон-Исецкий — дрянной человек. И не потому, что он гнусновато писал о Ленине, а потому, что Соломон прожил дрянную, вздорную жизнь.

В начале её он странно и путанно «боролся против царизма», затем, эмигрировав, погряз в наихудшем варианте эмигрантского «болота» — меньшевистском… После Октября возымел амбиции, способностям не соответствующие — это видно по уровню мысли в его книге. Достаточно сообщить, что Соломон заявлял о том, что по возвращении в Россию в конце 1917 года ему якобы было предложено «войти в состав большевистского правительства», от чего он «отказался»…

Вначале Соломон был направлен на дипломатическую работу в Германию, потом работал в системе Комиссариата внешней торговли, в советской внешнеторговой фирме «Аркос», а в итоге в 1922 году сам лишил себя Родины и бесследно исчез в «цивилизованных» дебрях предвоенной Европы.

В эмиграции Ленин и Соломон были знакомы, и Ленин иногда даже пользовался посредничеством Соломона, хотя в близкий круг Ленина Соломон никогда не входил. Так что лжи в «мемуарах» Соломона предостаточно. Однако и среди лжи — сознательной, вызванной антиленинским социальным (точнее, конечно, антисоциальным) заказом, или лжи невольной, вызванной непониманием Ленина, — всегда можно отыскать зёрна истины, и при всей злой карикатуре на Ленина, которую Соломон нам оставил, он порой пишет несомненную правду.

Так, я верю Соломону в том, что Ленин «зло называл» Керенского «министром из оперетки „Зелёный остров“»… Верю и в то, что в 1900-е годы Ленин, оценивая позицию «отзовистов», то есть тех, кто считал участие социал-демократов в царской Думе ошибкой, говорил Соломону:

— Так могут думать только политические кретины и идиоты мысли, вообще все скорбные главой…

Сказать так — вполне в духе и стиле Ленина. Он порой выражался не только сочно, но и весьма крепко. В июне 1915 года в письме из Зёренберга в Берн Радеку Владимир Ильич, имея в виду политиканское лавирование лидеров II Интернационала, написал: *«Моё мнение, что „поворот“ Каутского + Бернштейн + К°… есть поворот говна (= Dreck* [что по-немецки и означает «говно». — *С. К.*]*), которое почуяло, что массы дольше не потерпят, что „надо“ повернуть налево, дабы продолжать надувать массы…»*[234].

Но я не верю и не верю Соломону, когда он далее пишет о времени после поражения первой русской революции:

«Надо сказать, что, споря со мной, Ленин всё время употреблял весьма резкие выражения по моему адресу… И вот последние его грубости вывели меня несколько из себя. Но я внешне спокойно прервал его и сказал:

— Ну, Владимир Ильич, легче на поворотах… Ведь если и я применю вашу манеру оппонировать, так и я могу обложить вас всякими ругательствами, благо русский язык очень богат ими…

Надо отдать ему справедливость, мой отпор подействовал на него. Он вскочил, стал хлопать меня по плечам (? — *С. К.*), хихикая (н-да! — *С. К.*) и всё время повторяя „дорогой мой“ и уверяя меня, что, увлечённый спором, забылся…»

Здесь налицо позднейшее желание Соломона стать на один уровень с Лениным, а поскольку стать на уровень Ленина Соломон по причине микроскопического масштаба личности не может, он то и дело низводит в своей книге Ленина до своего уровня — микроскопического, «соломонистого»…

Приём и не новый, и не редкий, ибо заурядных мемуаристов — легион, а избранных натур, которых они «описывают» в своих мемуарах, — единицы. И тут опять нельзя не вспомнить незабвенного гоголевского Хлестакова… Соломон был «на дружеской ноге» не с Пушкиным, а с Лениным, но — на хлестаковский манер!

НА КНИГАХ «знавших Ленина» Валентинова и Соломона пришлось остановиться потому, что разбирать все подобные книги смысла особого нет, да и читатель утомится. Но эти две показались мне не просто типичными, но, так сказать, ярко

типичными — если, конечно, серость натуры и духовное убожество можно назвать яркими.

Антисоветские зарубежные биографы Ленина писали о нём более отстранённо, что и понятно — тут похвалиться тем, что якобы лично одёргивал «самого Ленина», уже не получалось. Однако уровень понимания Ленина у всех этих биографов не поднимается выше «соломоновского»… Да и желания понять Ленина и его эпоху тоже не наблюдалось… Респектабельный марбургский профессор Георг фон Раух в 1982 году издал небольшую книгу «Ленин», охватывающую все периоды жизни Ленина. Раух вполне признаёт выдающееся всемирно-историческое значение Ленина, но пишет следующее:

«Он открыл, и не только для России, новую эпоху, век, который представляется, с одной стороны, плодом растущей рационализации и механизации культуры человечества, с другой — разгула иррациональных сил и демонических инстинктов человеческой души…»[235]

Намёк понятен: рационализация — это Европа Капитала, а демонические инстинкты человеческой души — это то, на чём якобы строил расчёт Ленин. Но любопытно, что фон Раух ссылается на графа Германа Кайзерлинга и его «остроумное и скандальное эссе „Спектр Европы“», где Кайзерлинг задавался вопросом: «Кто сможет без Ленина понять сегодняшнее душевное состояние нашей части света?» — и далее вопрошает: «Не создан ли в России образец человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены?».

Ойкумена у древних греков — это все населённые человеком места. Имея же в виду современную ойкумену и «европейцев нынешней формации», граф писал, что они «слишком узки и провинциальны»…

Что ж, фон Раух, сам же цитируя Кайзерлинга, проявил и впрямь вполне провинциальную узость взгляда на суть Ленина. Ничем иным нельзя объяснить аттестацию Раухом книги Луиса Фишера как «лучшей из подробных биографий Ленина» и уверение, что одну из наиболее метких характеристик Ленину дал лидер социалистов-революционеров В. М. Чернов в газете «Дело народа» от 16 (29) апреля 1917 года.

Чернов заявил тогда:

«У Ленина необычный разум, но это разум, который не охватывает вещи в пространстве с тремя измерениями; это разум одномерный, более того: разум прямолинейный. Он не просто в шорах, а в шорах, которые на концах соединены так, что почти маниакально фиксируют взгляд на одной точке…»

Как это глупо!

Прежде всего — неумно и глупо!

Многомерность мировосприятия Ленина — вне сомнений… Его общественный взгляд был действительно с юных лет фиксирован на одной точке: марксовой задаче изменения мира в сторону ума, чести и совести, невозможных как общественные догматы в капиталистическом обществе. Но сам тот мир, который хотел сделать реальностью Ленин, был подлинно многомерным, всесторонне раскрывающим потенциал человека, — в отличие от одномерного мира ограниченного буржуазного либерализма.

Чернов ляпнул свою глупость весной 1917 года — когда у и России, и у Ленина всё ещё было впереди. Но неужели так сложно было понять колоссальную творческую суть Владимира Ленина профессору Рауху — почти через сто лет после глупой и несправедливой оценки Виктора Чернова?

ОДНО из частых обвинений Ленина — даже не буду ссылаться на кого-то конкретно, — якобы пропаганда им лозунга «Грабь награбленное!». Как обычно с клеветой на Ленина и бывает, здесь всё соответствует анекдоту об Иванове, который якобы украл миллион долларов и о котором затем выясняется, что не долларов, а рублей, и не миллион, а тысячу, и не Иванов её украл, а украли у него.

Чтобы читатель сам убедился в том, что дело так и обстоит, полностью приведу соответствующее якобы «криминальное» место из заключительного слова Ленина после прений по докладу Ленина же об очередных задачах Советской власти. Доклад был сделан 29 апреля 1918 года на заседании ВЦИК…

Этот доклад, между прочим, интересен сам по себе. Интересен и тем, что показывает: в апреле 1918 года Ленин ясно видел все трудности и говорил России то, что он говорил ей и в 1919-м, и в 1920-м, и тем более в 1921-м и 1922 годах, когда на первый план вышли не тактические задачи военной борьбы за власть Советов, а долговременные стратегические, то есть мирные задачи Советской власти.

Хлёсткую же фразку «Грабь награбленное!» Ленин позаимствовал, вообще-то, у самого народа… 16 (29) января 1918 года на III Всероссийском Съезде Советов Ленин слушал выступление одного из рядовых делегатов, участника казачьего съезда в станице Каменской… А 21 января (5 февраля) 1918 года Ленин в речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, сославшись на одно место в речи этого делегата, сказал (жирный курсив здесь и далее мой):

«Война внешняя кончилась или кончается. Это решённое дело. Теперь начало внутренней войны.

Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: „Ничего, — мы отсидимся“. Народ должен вытащить этого „хапалу“ и заставить его *вернуть* награбленное. Вы должны провести это на местах. Не полиция должна их заставить, — полиция убита и похоронена, — сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться сними.

Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чём большевизм.

На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное.

Мы в этом море потонем, если не извлечём из тех кубышек всё запрятанное, всё награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплуатации.

Мы скоро проведём в ЦИК закон о новом налоге на имущих, но вы это должны сами провести на местах, чтобы к каждой сотне, набитой во время войны, была бы приложена рука трудящегося. *Не с оружием в руках вы должны это провести: война с оружием уже окончилась*…»[236]

Как видим, для Ленина война окончилась, но, как оказалось, её вновь начали и затянули грабители, не желавшие *возвращать* народу награбленное *ими*.

А теперь — цитата от 29 апреля 1918 года:

«Я перейду, наконец, к главным возражениям, которые со всех сторон сыплются на мою статью („Очередные задачи Советской власти“. — *С. К.*) и на мою речь. Попало особенно лозунгу: „Грабь награбленное“, — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, *если выступает на сцену история*. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то — почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов? (*Аплодисменты.*) …»[237]

«Образованное» ухо — особенно современное — этот лозунг действительно коробит (он, увы, и меня одно время коробил), но нельзя к фразеологии одной эпохи подходить с мерками совершенно иной эпохи… Похоже, Ленину показалось удачным смысловое совпадение «учёного» латинизированного оборота «экспроприация экспроприаторов» и его грубоватого русского эквивалента. Вряд ли помянутый выше делегат был знаком с латинским вариантом, а на русском языке он — в момент, когда *на сцену выступила история,* — всё сказал верно! И Ленин это уловил, поэтому продолжал так:

«И я думаю, что история нас полностью оправдает, а ещё раньше истории становятся на нашу сторону трудящиеся массы; но… тут своевременно сказать, что после слов „Грабь

награбленное“ начинается расхождение с пролетарской революцией, которая говорит: награбленное *сосчитай и врозь его тянуть не давай,* а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай…

И вот, когда против этого начинают вопить, то тут есть та каша в головах, то политическое настроение, которое выявляется именно мелкобуржуазной стихией, которая протестовала не против лозунга „Грабь награбленное“, а против лозунга: *считай и распределяй правильно*. Голода не будет в России, если мы посчитаем хлеб, проверим наличность всех продуктов, и за нарушение установленного порядка будет следовать самая жестокая кара…» и т. д.[238]

Как видим, это была апология не грабежа, а апология народного контроля и учёта всех тех ценностей, которые теперь переходили от «бывших» к народу.

Не забудем при этом, что слова «учёт и контроль» из уст главы государства были тогда для России не то что диковинкой, а чуть ли не тарабарщиной, ибо никто из властвующих на Руси их не произносил с петровских времён…

А лозунг «Грабь награбленное!» в ленинской политической лексике постоянной прописки не получил — в отличие от лозунга «Учёт и контроль!», который стал для Ленина рефреном на манер напоминания Катона-старшего о том, что Карфаген должен быть разрушен.

ПОНЯТЬ Ленина мог лишь тот, кто сам имел широкую душу и был способен деятельно сострадать неимущим, ограбленным имущими.

Сорокачетырехлетний смуглый индус, сидящий на жёстком табурете в душной тюремной камере, неимущим сострадал — почему и оказался за решёткой. Шесть лет назад, в 1927 году, он вместе с отцом, Мотилалом Неру — крупным деятелем индийского освободительного движения, впервые приехал в Советский Союз и тогда написал: «Советская революция намного продвинула вперёд человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Имя индуса было Джавахарлал Неру (1889–1964), и в 1947 году он стал первым премьер-министром независимой Индии. А в 1933 году, отбывая очередное заключение за борьбу против британского владычества в собственной стране, Неру написал книгу «Взгляд на всемирную историю» с подзаголовком «Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества».

Дочь звали Индира Ганди, и впоследствии она — дочь

первого индийского премьера — тоже стала премьер-министром Индии и матерью премьера — Раджива Ганди, павшего от рук террористов, как и его мать.

Джавахарлал Неру писал свой «Взгляд на всемирную историю», не обременённый избытком источников, и книга получилась хотя и не без неточностей, но по форме — простой, а по содержанию — взволнованной и интересной.

Не раз на страницах «Истории» Неру появляется, естественно, и Ленин. И вот каким он был в восприятии Неру:

«Уже в восьмидесятые годы в революционном движении принимал участие юноша, тогда ещё учившийся в школе, а впоследствии известный всему миру как Ленин…

…Ленин не придавал значения тому, сколько людей пойдёт за ним, — одно время он даже грозил выступать в одиночестве, — но он настаивал, что брать следует только тех, кто полностью предан, кто готов пожертвовать всем ради общего дела и обойдётся даже без рукоплесканий толпы… Ленин не нуждался в просто сочувствующих или в ненадёжных попутчиках…»

И таким:

«Ленину были чужды колебания или неопределённость. Он обладал проницательным умом, зорко следившим за настроением масс, ясной головой, способностью применять хорошо продуманные принципы к меняющейся ситуации и несгибаемой волей…

…Так спокойно, но неумолимо, словно орудие неизбежной судьбы, эта глыба льда, таившая яркое пламя, бушевавшее в её недрах, двигалась вперёд к предначертанной цели…»

Когда Неру вёл речь о Ленине, он, вне сомнений, примерял его политику и натуру на себя. Размышляя о Ленине, он сам рос как политик и вождь. О первых годах Советской власти Неру писал: «В те дни во главе России стояли такие люди, которые сумели превратить бедный человеческий материал в сильный и организованный народ». Русский народ был не таким уж бедным материалом, однако Неру, написав так, думал, скорее, об индийском народе, который ему предстояло организовать на борьбу…

О Ленине же тех дней Неру писал:

«В глазах русского народа он стал чуть ли не полубогом, символом надежды и веры, мудрецом, который умел найти выход из любого трудного положения, всегда оставаясь невозмутимым и спокойным…»

Менее чем через десять лет после смерти Ленина узник английской тюрьмы на индийской территории оценивал его так:

«Прошло немного лет после его смерти, а Ленин уже стал

неотъемлемой частью не только его России, но и всего мира. И по мере того, как идёт время, величие его растёт, он теперь один из тех немногих мировых деятелей, чья слава бессмертна… Ленин продолжает жить, причем не в памятниках и портретах, а в своих колоссальных свершениях и в сердцах сотен миллионов рабочих, которых вдохновляет его пример, вселяя надежду на лучшее будущее».

Как часто позднее приходилось читать схожие слова в трудах хрущёвско-брежневских «идеологов» ЦК КПСС, но у них это было дежурной фразой, а Неру свои слова пропустил не просто через своё сердце — он их сопоставлял с собственной судьбой…

Неру приводил и слова английского представителя в Москве, организатора «заговора послов» Брюса Локкарта: «Из всех общественных деятелей, с которыми я когда-либо встречался, он обладал самым уравновешенным темпераментом».

Цитировал Неру и книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» — то место, где Рид даёт портрет Ленина.

Не лишне знать его и нам. Рид описывал второй день II Всероссийского съезда Советов 8 ноября 1917 года:

«Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но уже с проступающей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потёртый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, может быть, любили и уважали лишь немногих вождей в истории.

Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твёрдый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

Родившись в 1887 году в американском Портленде на берегу Тихого океана, прожив жизнь яркую, Джон Рид — воспитанник элитарного Гарварда — умер в 1920 году в Советской России и похоронен у Кремлёвской стены, рядом с Мавзолеем. Он был не единственным зарубежным летописцем Октября 1917 года в реальном масштабе времени, но самую увлекательную книгу об Октябре написал он.

И всё в ней правда.

Вот как описал Рид выступление Ленина в тот день, когда Рид увидел и услышал его впервые:

«…на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

„Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!“

Новый потрясающий грохот человеческой бури…

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной… и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца… Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперёд. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряжённо смотрели на него, исполненные обожания».

КАК ДАВНО это было — давно не столько хронологически, сколько психологически… Люди, жившие в эпоху живого Ленина, поставили ему памятники. Их праправнуки почти ничего о Ленине не знают, а если знают — то лживое. Потому и свергают памятники ему вместо того, чтобы возлагать к ним цветы.

Встреча Ленина с Гербертом Уэллсом, назвавшим Ленина «кремлёвским мечтателем», произошла осенью 1920 года, и позднее Уэллс признавался, что был предубеждён против него, но «встретился с личностью, совершенно непохожей на то, что себе представлял». Уэллс писал: «Его (Ленина. — *С. К.*) опубликованные труды… вряд ли отражают даже частицу подлинного ленинского ума, в котором я убедился во время нашей беседы»…

Беседа шла на английском языке (Уэллс отмечал, что Ленин «превосходно говорит по-английски»), и шла так:

«Я ожидал встретить марксистского начётчика, с которым мне придётся вступить в схватку, но ничего подобного не произошло… Разговаривая с Лениным, я понял, что коммунизм… может быть огромной творческой силой. После всех утомительных фанатиков классовой борьбы, которые попадались мне среди коммунистов, схоластов, бесплодных как камень… встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признаёт колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображённый и построенный заново».

Глава «Кремлёвский мечтатель» занимает в книге Уэллса

«Россия во мгле», написанной в 1920 году, 11 страниц, и, не приводя оттуда диалоги и прочие детали, познакомлю читателя вот с какими строками…

Из Кремля Уэллс возвращался с сопровождавшим его Ф. А. Ротштейном (1871–1953), будущим историком-академиком, а тогда дипломатом. «У меня не было настроения разговаривать, — писал Уэллс. — Мы шли в наш особняк вдоль старинного кремлёвского рва, мимо деревьев, которые золотились по-осеннему; мне хотелось думать о Ленине, пока память моя хранила каждую чёрточку его облика, и мне не нужны были комментарии моего спутника. Но г. Ротштейн не умолкал…»

Встреча Ленина с Уэллсом оказалась, пожалуй, уникальной в том смысле, что была единственным прямым контактом тогдашних западных знаменитостей с Владимиром Ильичом… Это со Сталиным — главой признанной великой державы — стремились встретиться многие, хотя немногие этой чести удостаивались. Ленина же иностранцы даже интервьюировали нечасто, хотя в таких случаях всё тоже было нестандартно.

Так, 3 июня 1920 года Ленин принял корреспондента газеты «Осака Асахи» Рё Накахиру, а 3-го или 4 июня (возможно, одновременно с Накахирой) — и второго японского корреспондента — Кацудзи Фусэ из «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити». Обстановку встречи описал присутствовавший при этом заведующий Восточным отделом НКИД Н. А. Вознесенский и, конечно же, сами журналисты.

В своей корреспонденции Накахира признавался:

«Вопреки моим ожиданиям, обстановка кабинета оказалась очень простой и скромной, и это очень меня удивило… Ленин принял нас исключительно просто и сердечно, как своих старых друзей. Хотя он занимает высший пост в России, в его манере и обращении не было и намёка продемонстрировать своё высокое положение».

Вознесенский вспоминал, что Ленин, придвинув своё кресло к Фусэ, засыпал того вопросами: положение крестьян, размер среднего надела, развитие экономики… Он был поражён, узнав об успехах Японии в электрификации и устройстве ГЭС на горных реках.

Когда в ответ на вопрос Ленина о состоянии народного образования в Японии Фусэ сообщил, что в Японии почти нет неграмотных, Ленин воскликнул: «Счастливая страна!» — и тут же поинтересовался: «Ну, а вот, правда ли, что у вас никогда не наказывают детей, не бьют их, я где-то об этом читал?».

Фусэ ответил, что, да, не бьют, в Японии своего рода культ

детей… Ленин задумался, а потом сказал: «Тогда вы не только счастливый, но и великий народ…». Потом испытующе посмотрел на собеседника: «И всё-таки у вас в Японии даже шлепка детям не дают?».

Фусэ, по словам Вознесенского, решительно повторил: «Нет, никогда!»[239].

Накахира в своём отчёте написал о том же, приведя такой вариант ответа на последний вопрос Ленина: «Мы ответили: „Исключения, конечно, бывают, но, как правило, у нас не бьют детей“. Он с большим удовлетворением отметил, что один из принципов рабоче-крестьянского правительства тоже заключается в отмене телесного наказания детей»…

В отчёте же Фусэ читаем следующее:

«Когда Фусэ сказал, что в Японии берегут детей больше, чем на Западе, Ленин заметил: это весьма важно, ведь в самых так называемых цивилизованных странах Европы, даже в Швейцарии, ещё не совсем уничтожен, например, обычай бить детей в школах».

В изданном в 1924 году сборнике «Ленин и Восток» Н. А. Вознесенский писал: «Когда мы спускались по лестнице, Фусэ спросил меня: „Собственно говоря, кто кого интервьюировал, он меня, или я его?“ — и вытер выступивший на лбу пот».

А Накахира прямо начал свой отчёт со слов: «Не дожидаясь наших вопросов, Ленин заговорил сам…».

ЭТО — стиль: быть нетерпеливо жадным лишь в одном — в получении достоверной, из первых рук, информации о той жизни — во всех её проявлениях, — о которой Ленин не знал или знал недостаточно.

Хотя знал он, как правило, очень много и о многом, потому что самообразование и постоянное пополнение знаний — как базы углубления понимания жизни общества — были для Ленина таким же естественным актом, как акт дыхания…

Русский пролетарий сказал о нём: «Прост, как правда», и это был не апокриф, не придуманная позже фраза, уже потому, что доктор Карл Идман (1885–1961), в 1925–1927 годах министр иностранных дел Финляндии, финский посланник в ряде стран, а в 1917 году советник финского представительства в Петрограде, то есть человек независимый и нейтральный, написал о Ленине:

«По острым и умным глазам было видно, что этот человек обладает большой силой воли. Речь его была проста и естественна, как и его поведение. Тот, кто его не знал, никак не мог предположить, какая это сильная личность…»

Английский профессор Вильям Гуд приехал в Москву в 1919

году как корреспондент крупной буржуазной газеты «Манчестер Гардиан». Впервые он увидел Ленина 31 июля 1919 года на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры, где Владимир Ильич выступал с речью…

Аудитория была достаточно политически грамотной — зал заполняли люди, которые сами были пропагандистами, и Ленин построил своё выступление в аналитическом стиле. Он, в частности, сказал тогда:

— Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоёвывала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата»…

Это ведь так и было! Большевики, если исчислять их политический возраст с момента начала активной политической деятельности Ленина и его «Союза борьбы», *более двух десятилетий* говорили рабочим, да и всем в России, *одно и то же!* И в конце концов убедили рабочую массу, да и всех честных людей в России, что только большевики имеют право говорить от лица массы.

Ленин всё расставлял на свои места:

— Мы имеем два опыта: керенщину, когда эсеры составляли коалиционное правительство… Что же мы видели в результате? Видели ли тот постепенный переход к социализму, который они обещали? Нет, мы видели крах… и полное банкротство соглашательских иллюзий. Если этого опыта мало, возьмите Сибирь. В Сибири власть оказалась против большевиков (Ленин имел в виду «Комитет членов Учредительного собрания» и Уфимскую Директорию. — *С. К.*)… К чему привело это господство якобы Учредительного собрания, это якобы демократическое правительство, состоящее из эсеров и меньшевиков? К колчаковской авантюре…

Ленин спрашивал: почему вышло так? — и отвечал:

— Потому что здесь сказалась та основная истина, которую якобы социалисты… не хотят понять… В капиталистическом обществе, когда оно развивается, держится прочно или когда оно погибает, всё равно — может быть только одна из властей: либо власть капиталистов, либо власть пролетариата. Всякая средняя власть есть мечта, всякая попытка образовать что-то третье ведёт к тому, что люди даже при полной искренности скатываются в ту или другую сторону…[240]

Это было сказано безжалостно точно — безжалостно ко всем

желающим «и честь соблюсти, и капитал приобрести»… Это было сказано на все времена, пока существует общество, состоящее из стригущих и остригаемых…

Профессор Гуд так описал своё впечатление от этой речи Ленина:

«Как спокойно, просто, без всяких ораторских приёмов он подчинил и завладел этой огромной аудиторией. Как неуклонной логикой он заставил их понять его точку зрения. Казалось, что он интуитивно понимает мысли своих слушателей. Я сразу почувствовал, что это необыкновенный человек…»

Вскоре Гуд был принят Лениным в его кремлёвском кабинете и потом писал:

«Впечатление мощи, исходившей от него, углублялось непосредственной силой его речи. Что ему нужно было сказать, он говорил прямо, ясно, без всяких туманных слов. В разговоре с Лениным не могло быть никаких недоразумений; никто не мог уйти под ложным впечатлением. Слишком ясен, слишком прям был он для этого.

У обыкновенного дипломата речь скрывает мысль. У Ленина она выражала мысль. В этом — целый мир различия…»

А подвёл итог своим впечатлениям профессор Гуд так:

«В течение своей жизни я встречался в разных странах с людьми, которых называли великими. Ни об одном я не сказал бы того, что с полной убеждённостью могу сказать про Ленина (словами Шекспира. — *С. К.*): „Он человек был, человек во всём; ему подобных мне уж не встретить“».

ПРОФЕССОРУ Гуду, написавшему так о Ленине, кривить душой не было никакой необходимости. Тем более это можно сказать об английском лейбористе Джордже Ленсбери (1859–1940). В 1910–1912 и в 1922–1940 годах он был членом парламента, с 1929-го по 1931 год — министром общественных работ в правительстве Макдональда, с 1931-го по 1935 год — председателем лейбористской партии. Вполне респектабельный и чисто буржуазный политик.

В 24-м томе 2-го издания Большой Советской энциклопедии (подписан в печать 8 декабря 1953 года) Ленсбери аттестуется даже как «реакционный политический деятель», проводивший «антирабочую политику», поддерживавший «политику поощрения фашистской агрессии и сговора с фашистскими державами» и лишь «с целью обмана рабочих» заявлявший о сочувствии к Советскому Союзу.

Иными словами, «подсюсюкивать» Ленину у Ленсбери нужды ни с какой стороны не было. Тем не менее в 1935 году, за пять лет до смерти, Ленсбери издал в Англии книгу «Взгляд в прошлое и

будущее», где была отдельная глава «Ленин». Не познакомить с ней читателя хотя бы в извлечениях не могу…

Редактировавший в 1912–1922 годах газету «Дейли Геральд» Ленсбери встретился с Лениным 21 февраля 1920 года — в свой шестьдесят первый день рождения. И в 1934 году, уже семидесятипятилетний, вспоминал:

«Моя беседа с Лениным была довольно продолжительной: он говорил о революции и международном положении. Хотя Ленин отлично знал, что я не был большевиком и исповедую христианство, он обращался со мной очень учтиво и доброжелательно, что позволило нам в течение всей беседы чувствовать себя легко и непринуждённо. Меня увлекла его речь, его здравый смысл и идейная убеждённость. Я не заметил в нём ни малейших признаков самомнения или ограниченности мышления…

Этот человек был одновременно и реалистом, и идеалистом… Он не обещал лёгких путей в обетованную землю, которая, по его мнению, могла быть достигнута только путём труда и жертв…

Покидая Ленина, я чувствовал, что встретил наиболее ненавидимого и наиболее любимого человека в мире. Лучше всего я могу подвести итог, сказав, что думаю о нём как о мудрейшем и наиболее преданном своему делу человеке, которого я когда-либо встречал».

Не думаю, чтобы Джордж Ленсбери был знаком с клеветническими оценками Ленина Петром Бернгардовичем Струве и прочими членами антиленинской «мышиной когорты», однако он прямо-таки припечатал всех их, написав: «Я слышал, как некоторые говорили, что Ленин был эгоистом и фанатиком. Думаю, что многие из встречавшихся с ним сами в некоторой степени страдали больным самолюбием, но обвиняли в этом его. Я же не нашёл таких признаков во время беседы с ним».

Ленсбери, по его собственному признанию, уповал на «изменение интеллектуальных и моральных представлений у отдельных людей путём осуществления христианских принципов любви и братства», но когда, как он пишет, Ленин понял, что его собеседник не воспринимает идеи о победе социализма насильственным путём, то «не оборвал» его «с презрением или сарказмом», а «с весёлым смехом» согласился:

— Не важно, каким путём придёт социализм. Возвращайтесь в Англию и попробуйте ваш путь любви и мирного убеждения. Я полагаю, что вы потерпите неудачу, но я был бы рад, если бы вы оказались правы.

«Прошло немало времени, — заключал Ленсбери, — и я не

могу ручаться, что это были его точные слова, но суть их была такова».

Интересно, к слову, что бы написал христианин Ленсбери, узнав, что через почти сто лет после его беседы с Лениным в Англии легализованы однополые браки?

До личной встречи Ленин и Ленсбери были неплохо знакомы заочно… Ленин до революции не раз поминал Ленсбери, и вполне одобрительно: в 1911 году в статье «Конгресс английской с.-д. партии»[241]; в 1912 году в статье «Английские споры о либеральной рабочей партии»…[242] Поминается «т. Ленсбери» и в известной ленинской работе 1920 года «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»…

Уже после беседы с Ленсбери Ленин взялся за статью «О компромиссах», где, прямо ссылаясь на просьбу «тов. Ленсбери» разъяснить вопрос о возможности компромиссов с капиталистами, писал:

«Может ли сторонник пролетарской революции заключать компромиссы с капиталистами или с классом капиталистов? Отрицательный ответ на этот общий вопрос был бы явной нелепостью. Конечно, сторонник пролетарской революции может заключать компромиссы или соглашения с капиталистами. Всё зависит от того, какое соглашение и при каких обстоятельствах заключается… Нельзя зарекаться от компромиссов. Дело в том, чтобы уметь через все компромиссы… сохранить, укрепить, закалить, развить революционную тактику и сознание, решимость, подготовленность рабочего класса и его организованного авангарда, коммунистической партии»[243].

При этом надо заметить, что с *исторической* точки зрения свидетельства Ленсбери оказываются, пожалуй, *наиболее важными* из вообще *всех* воспоминаний о Ленине. Как Уэллс оказался единственным крупнейшим представителем западной культуры, беседовавшим с Лениным, так и Ленсбери оказался единственным крупнейшим представителем западной политики, с которым смог прямо побеседовать Ленин, хотя в то время, когда состоялась эта беседа, Ленсбери ещё не достиг пика своей карьеры. Тем не менее на том, что написал о Ленине будущий лейбористский лидер, имеет смысл остановиться дополнительно…

Скажем, Ленсбери принадлежит важнейшее свидетельство о том, что Ленин, обсуждая конфликтную ситуацию между Советской Россией и капиталистическим Западом, сказал, что «он реалист, и что если бы Ллойд Джордж или Вильсон, или оба они приехали в Москву, все вопросы, которые вызвали вражду и озлобление между Россией и Англией или Америкой, могли бы

легко быть устранены…».

Ленсбери свидетельствует, что с разрешения Ленина он послал телеграмму Ллойд Джорджу с приглашением того в Москву, чтобы предпринять шаги в направлении мирного урегулирования. «Но Ллойд Джордж, — пишет Ленсбери, — был либо не склонен ехать, либо „слишком занят“. Конечно, я не получил ответа на телеграмму».

Как иногда сенсационные сведения оказываются запрятанными именно потому, что лежат на виду у всех! Сообщённое Ленсбери должно было, вообще-то, изучаться, например, в советской средней школе, как важнейший исторический факт! Не то что студенты в СССР, но каждый школьник должен был бы знакомиться со следующими словами Ленсбери, относящимися к началу тридцатых годов (жирный шрифт мой):

«Вспоминая слова Ленина о позиции других держав и о вооружениях, я убеждаюсь, что мир с каждым днём приближается к новой мировой войне и одна из главных причин этого заключается в том, что Ленин не был понят. Он настойчиво подчёркивал, что он и его друзья не хотят создавать большую военную машину, что Россия навсегда покончила с какими бы то ни было империалистическими целями и что хотя они и верят в мировую революцию, которая осуществит переход от капитализма к социализму, но в каждой стране массы должны сами решать вопрос о своём освобождении.

Он совершенно не скрывал и не отрицал намерения III Интернационала создать всемирный рабочий интернационал для объединенных действий и пропаганды. Но, несмотря на это, я совершенно убеждён, что если бы Англия, Франция и Америка признали Советское правительство в то время, когда я интервьюировал Ленина, история прошедших лет была бы во многом иной и гораздо более мирной…»

Это ведь свидетельство о естественно мирном характере ленинской внешней политики *с другой* стороны баррикад, исходящее от крупнейшего политика *буржуазного* Запада! Какой, казалось бы, выигрышный, богатый факт для массовой советской пропаганды! Однако отрывки из «ленинской» главы книги Ленсбери были опубликованы в хрущёвском СССР в 1963 году лишь в журнале «Новое время» и тут же преданы забвению.

Думаю, это было не случайным…

Вот ещё одно важнейшее свидетельство Ленсбери:

«Он сказал мне на прощанье несколько слов, которые следовало бы запомнить всем руководителям масс… Ленин сказал:

— Ленсбери, вы хотите лёгкой жизни?

Я ответил:

— Нет.

— Это хорошо, — сказал он, — мы никогда не должны позволить рабочим думать, что социальная революция означает лёгкую жизнь. Напротив, она может означать ещё больший труд, потому что нужно будет сделать очень многое для исправления мерзостей капитализма. Но мы должны учить рабочих, что они будут работать на себя и каждый час труда будет приближать их к благосостоянию».

Сам Ленин лёгкой жизни не искал, не имел и не знал — за исключением тех суммарно нескольких месяцев, когда он ещё мог позволить себе *почти* беззаботно колесить с Крупской по Европе, идти по горным тропам Швейцарии и…

И мечтать о времени, когда у него абсолютно не будет свободного времени, потому что он будет практически заниматься социалистическим преображением мира.

АНГЛИЙСКИЙ скульптор Клэр Шеридан (1885–1970) приехала в Россию в сентябре 1920 года, чтобы создать скульптурный портрет Ленина, и провела в Москве около двух месяцев… Позднее она написала о Советской России две книги, одна из которых называлась «Nuda veritas» («Обнажённая правда»). Написала она и о Ленине.

Ленин согласился позировать Шеридан. Точнее, не позировать, конечно. Он просто позволил Шеридан работать по нескольку часов в день в его кабинете во время его собственной работы… Возможность, предоставленная англичанке, была, фактически, уникальной — кроме неё лишь Натан Альтман, тоже работавший над скульптурным портретом Ленина до Шеридан, имел возможность полтора месяца часами наблюдать Ленина за работой… (Именно *наблюдать,* так что все эмигрантские россказни художника Юрия Анненкова о якобы его беседах с Лениным об искусстве во время позирования — не более чем мистификация, на которые Анненков был горазд. Скажем, родившийся в казахстанском Петропавловске Акмолинской области, он указывал в своих автобиографиях местом рождения Петропавловск-Камчатский…)

Шеридан не то что коммунисткой не была, она вообще ничего не понимала, по её же признанию, ни в экономике, ни в политике. Герберт Уэллс сказал ей однажды: «Какая жалость, Клэр, что вы не образованны»… Что ж, для Шеридан её эмоциональные порывы были действительно важнее формального знания, но тем ценнее то, как увидела и поняла Ленина она — человек чувства, а не мысли, но человек профессионально наблюдательный.

Благодаря Шеридан мы знаем кое-что о «технологической» стороне повседневной кремлёвской работы Ленина:

«В комнате всё дышало покоем, и Ленин углубился в книги… Даже когда я кружила около него, пытаясь измерить расстояние от уха до носа, он, казалось, совсем не замечал моего присутствия. Он сразу же как бы совершенно выключился, сосредоточился на своей работе и был уже целиком поглощён ею.

Я работала до без четверти четыре (с 11 утра. — *С. К.*). Ещё никогда я не работала так долго без перерыва. В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил и не выкурил ни одной папиросы (он вообще не курил. — *С. К.*). Входили секретари с письмами. Он распечатывал их, клал письмо перед собой, а на конверте, не глядя, механически делал пометки и возвращал обратно. Его лицо несколько оживлялось, лишь когда раздавалось тихое жужжание телефона и над столом одновременно загоралась маленькая электрическая лампочка…

Ленинская способность сосредотачиваться впечатляла, пожалуй, больше всего. Такое же сильное впечатление производил и его огромный лоб…

Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем властность. Мне он представлялся живым воплощением мыслителя (но не роденовского)…»

Для скульптора динамика лица того, кого он портретирует, очень важна, а Клэр видела Ленина постоянно сосредоточенным. Она сокрушалась: «Его лицо в состоянии покоя — совсем не то, что я хотела запечатлеть». Но однажды в кабинет вошёл «президент Калинин», и лицо Ленина, повернувшегося к окну, Клэр увидела в совершено ином освещении. Оживлённо разговаривая с Калининым, Владимир Ильич высоко поднимал и хмурил брови. «Казалось, — писала англичанка, — что Ленин погрузился в глубокие размышления, выражение его лица было одновременно суровым и полным юмора…»

Шеридан вспоминала, что её «попытки завязать с Лениным разговор не встретили одобрения», и она «не посмела настаивать». «Ему не о чем было говорить со мной», — писала Клэр, однако это было, пожалуй, не совсем так. Со временем Ленин стал сам заговаривать с Шеридан, и, как выяснилось, не без пользы для себя. Примерно через полгода, 15 марта 1921 года, Ленин, выступая на X съезде РКП(б), заявлял:

— Мы боремся против международного капитала, который, увидя нашу республику, сказал: «Это разбойники, крокодилы» (эти слова мне буквально переданы одной английской художницей, которая слышала это выражение от одного самого влиятельного политика)…

Под «английской художницей» имелась в виду, конечно, Шеридан, но здесь присутствовал тонкий момент… Шеридан была племянницей Уинстона Черчилля, и сравнение большевиков с крокодилами слышала, конечно, от дяди. Ленин счёл для себя возможным использовать её сведения публично, но — без прямой ссылки на информатора, что лишний раз свидетельствует о такте Ленина. Однако особая деликатность Ленина проявилась в том, что он и о Черчилле не сказал прямо! Ведь это было бы неэтично по отношению к простодушной собеседнице…

Тем не менее подсказанный Шеридан образ Ленин обыграл в съездовской речи до конца, продолжив мысль так:

— А раз крокодилы, то их можно только презирать. Это был голос классового врага, и, с его точки зрения, правильный. Однако правильность таких заключений требует проверки на деле. Если ты — всемирная, могущественная сила… если ты говоришь: «крокодил», а у тебя вся техника в руках, — то попробуй, застрели! А когда он попробовал, то вышло, что ему же от этого больнее…[244]

Что же до Шеридан, то по её возвращении в Лондон она стала сенсацией, но в своей среде подверглась остракизму. Черчилль заявил, что никогда больше не будет с ней разговаривать, тётки осыпали упрёками и досаждали колкостями о «кровавых друзьях-большевиках» Клэр… «Этот период был поворотным в моей жизни», — написала она позднее.

А В ЗАКЛЮЧЕНИЕ главы приведу — полностью — статью о Ленине из современной Оксфордской иллюстрированной энциклопедии:

«Ленин Владимир Ильич (Lenin, Vladimir Ilyich) (1870–1924), русский революционный и государственный деятель. Настоящее имя — Владимир Ильич Ульянов. Решающее влияние на формирование его взглядов оказала, возможно, казнь старшего брата (1887) в возрасте 19 лет в обвинению по заговоре против императора. Сам Ленин был арестован в 1895 г. за пропаганду учения Карла Маркса среди рабочих Санкт-Петербурга и на несколько лет сослан в Сибирь. Находясь в эмиграции с 1900 г., стал лидером партии большевиков, сыграл огромную роль в организации социалистического движения и пропаганде социализма в годы перед Первой мировой войной. Вернулся в Россию с началом Русской революции 1917 г. и вскоре добился установления власти большевиков, став председателем Совета народных комиссаров и фактическим диктатором в новом государстве. Вывел Россию из войны с Германией, организовал успешное сопротивление контрреволюционным силам во время Гражданской войны в России (1918–1921). Его первоначальная

экономическая политика (политика военного коммунизма), включавшая национализацию основных отраслей хозяйства и банков, а также контроль над сельским хозяйством, была политикой чрезвычайной, вызванной требованиями гражданской войны, её сменила новая экономическая политика (нэп), разрешившая частное производство и торговлю, в первую очередь сельскохозяйственными продуктами. Но введена она была слишком поздно, чтобы предотвратить жестокий голод (1922–1923). Ленину не довелось увидеть очевидного роста сельскохозяйственного и промышленного производства. Взгляды Ленина и его характер оказали глубокое влияние на ту форму, которую приняла революция; он показал пример аскетизма в личной жизни и беспристрастности в политике, который долгое время оставался эталоном для членов партии. Ленин был, может быть, величайшим революционером всех времён, и последующие коммунистические лидеры продолжали обращаться к его трудам в поисках вдохновения»[245].

Для буржуазного издания это очень даже объективный взгляд на Ленина. Конечно, здесь несколько преувеличено влияние на личность Ленина казни брата; нельзя назвать глубокой оценку Ленина как «диктатора», но зато признан вынужденный характер военного коммунизма.

Неверен также вывод о том, что голод в России был обусловлен лишь запоздалостью введения нэпа — основной причиной массового голода стали два неурожайных года подряд. В 1918–1920 годах, несмотря на политику продразвёрстки у большевиков и реквизиций у белых, голода в России не было…

В целом же оксфордская энциклопедическая статья о Ленине выгодно отличается от нынешних «россиянских» подобных статей. На его родине имя Ленина сегодня, как правило, охаивают — гнусно, мелко и подло.

Начало клевете было положено весной и летом 1917 года, а с обретением «россиянской» интеллигенцией после 1991 года права невозбранно клеветать на всё великое в истории Отечества поток злобных словес в адрес Ленина вновь набрал силу.

И об этом тоже не мешает сказать…

Глава 8
О библиотечном деле, «коммунистической звероферме» и словаре Даля

ПОЖАЛУЙ — в русле предпринятых ниже размышлений — познакомлю читателя вначале с сюжетом на тему «Ленин и академик Готье». 6 (19) февраля 1919 года императорский академик Готье записал в своём дневнике:

«…На заседании присутствовала Н. К. Крупская-Ульянова-Ленина, без 5 минут русская императрица: я не ожидал видеть её такой, какая она есть, — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причём её уродство подчёркивается ясно выраженной базедовой болезнью…»[246]

Соответствие истине оценки, данной Крупской академиком, оставляю на его совести. Обращу лишь внимание читателя на то, что *эстет* Готье гнусновато издевался над больным человеком. Да, миловидная в юности и зрелости Надежда Константиновна в 1912 году заболела базедовой болезнью, придающей лицу одутловатость, причём пусковым фактором здесь мог стать стресс, а у политической эмигрантки, лишённой родины по «милости» царских властей, стрессов, увы, хватало…

Молодая женщина, не пожелавшая мириться со «свинцовыми мерзостями» царизма, в борьбе с ним надорвала здоровье, а интеллигент Готье и тени сочувствия ей не выказал — даже наедине с собой!

Н-да-а…

Но чему было посвящено описываемое далее в дневнике совещание с участием Крупской?

Готье пишет:

«Первый вопрос… касался невразумительной и сумбурной записки Ленина, сущность которой сводилась к тому, что вся Совдепия должна покрыться сетью библиотек, причём каждая из них должна дать отчёт о своих успехах, а все вместе — соревноваться одна перед другой. К записке все относились совершенно так же, как к тому, что всемилостивейше начерталось на всеподданнейших докладах…»

Современные антиленинские публикаторы дневников Готье — впоследствии академика АН СССР, снабдили дневниковую запись на с. 264 подловатым, вводящим читателя в заблуждение примечанием № 57 на с. 346, которое, экономя место, не

привожу. Зато познакомлю читателя с извлечениями из записки, направленной Лениным в Наркомат просвещения в начале февраля 1919 года и презрительно встреченной академиком Готье.

Ленин писал:

«…Библиотечное дело… больше всего требует вызова *соревнования* между отдельными губерниями, группами, читальнями и проч.

Правильная постановка отчетности, которой потребовал теперь СНК, должна служить трём целям:

1) правдивое и полное *ознакомление* как Советской власти, так и всех граждан о том, что делается;

2) привлечение к работе *самого населения*;

3) вызов *соревнования* библиотечных работников.

Для этой цели необходима немедленная выработка таких формуляров и форм отчёта, которые удовлетворяли бы этим целям.

По-моему, формуляры отчётов должны быть изготовлены в центре…

К обязательным §§ должны быть отнесены, например, адрес библиотеки… имена заведующего и членов правления с адресами их, число книг и газет…

К необязательным §§ должны быть отнесены в виде вопросов все улучшения, применявшиеся *в Швейцарии и Америке (и других странах)* (жирный курсив мой. — *С. К.*)…

Например: 1) можете ли вы точными данными доказать рост обращаемости книг?.. 2) посещаемость… 3) обмен книгами и газетами с другими библиотеками, 4) создание центрального каталога <…> 9) простые и практичные способы хранения книг и газет? сбережения их?..» и т. д.[247]

Царя Николая, как и его предшественников на троне, никогда не волновало — сколько там у них в империи библиотек и как они работают. А уж задумываться над тем, как верно построить их работу, как учитывать и координировать её в масштабах всего государства — это императорам даже с большого похмелья в голову прийти не могло. Так что «всемилостивейше» накладывать какие-либо резолюции на «всеподданнейших докладах» о состоянии библиотечного дела в царской России царям нужды не было — таких докладов им никто с петровских времён не подавал, а они их от своих министров не требовали.

Эх, академики!

По данным переписи 1897 года, 76 % населения России в возрасте девяти лет и старше были неграмотными, причём на селе был неграмотен 91 % женщин. Грамотных таджиков было 3,9

процента, осетин — 2,1 процента, казахов — 2,1 процента, узбеков — 1,6 процента и т. д.[248]

В 1913 году Ленин в небольшой статье «Русские и негры» провёл хотя и неожиданное, но корректное сопоставление. Он писал, что негры «позже всех освободились от рабства и до сих пор несут на себе всего более тяжёлые следы рабства». Тем не менее, отмечал Ильич: «В России неграмотных 73 %, не считая детей до 9-летнего возраста. Среди негров в Северо-Американских Соединённых Штатах неграмотных (1900 г.) — 44 1/2 %…»[249].

В том же 1913 году Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»[250]. Это было сущей правдой — хотя царизм в 1910-е годы и спохватился и начал финансировать не только органы полиции, но и органы народного просвещения, тот огромный разрыв между образованием масс в России и в Европе, который сам же царизм и создал, не царской России было под силу ликвидировать!

Могли это сделать лишь большевики, и они это делали даже в условиях разрухи. В 1921 году Ленин ставил перед Государственным издательством (Госиздатом) задачу «дать народу по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники…».

При этом в 1921 году декретом Совнаркома была создана Центральная междуведомственная комиссия по закупке и распределению заграничной литературы (Комитет иностранной литературы — Коминолит).

В 1913 году в России было 14 тысяч массовых библиотек с числом книг в среднем на библиотеку — 680. После всех невзгод революции и гражданской войны в 1927 году в СССР имелось более 26 тысяч библиотек со средним фондом на библиотеку примерно в две с половиной тысячи экземпляров. В 1932 году их было уже 33 тысячи при среднем фонде на библиотеку более трёх тысяч![251]

В старой России никогда не было культа знаний — ни на верхних «этажах» социального «здания», ни в его «подвале». Граф Канкрин, министр финансов с 1823-го по 1844 годы, в ответ на просьбу книгоиздателя Смирдина выделить ссуду под его библиотеку сказал: «Всё товар, и мусор товар, а книги не товар». Его афористический ответ Владимир Даль включил в свой двухтомный сборник «Пословицы русского народа», первое

издание которого увидело свет в 1853 году.

Так мыслила «элита», живущая в «бельэтаже»… Однако народные массы, рождённые в «подвале» российских «Растеряевых улиц», нередко исповедовали примерно тот же подход к знаниям. В помянутом выше сборнике Даля в разделах «Грамота» и «Ученье — Наука» до удивления мало пословиц и поговорок, ставящих знание, да ещё и *книжное* знание высоко — на уровень высших жизненных ценностей. Все знают знаменитое: «Ученье — свет, а неученье — тьма», но чаще в массовом народном обиходе считали иначе: «Сытое брюхо к учению глухо», «Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит» и «Меньше знаешь — крепче спишь»…

Такой взгляд на грамоту и образование имел хождение на Руси не всегда. Средневековый «господин Великий Новгород» был грамотен почти поголовно — об этом нам рассказали берестяные грамоты. Однако совместная «просветительская» деятельность монголо-татарских «культуртрегеров», затем косной допетровской знати, а позднее — послепетровской царской администрации XVIII и XIX века, привели к появлению психологии: «Мы люди простые, едим пряники толстые»…

Только Россия Ленина сразу же начала выводить на уровень общественного символа Книгу. И в каждой советской школе были вывешены слова Максима Горького: «Любите книгу — источник знаний».

В два десятка лет, ещё до войны, это дало России лучшую в мире систему массового образования — сталинскую.

КУЛЬТ Книги как источника знаний автоматически исключал примат в советском обществе любого религиозного культа, даром что слова «библиотека» и «Библия» имеют один и то же греческий корень («biblion» по-гречески и значит «книга»).

Ленин порвал с религией ещё в гимназические годы, а отношение его к любым религиям как вождя политической партии и политического руководителя масс определялось знаменитой формулой: «Религия — опиум для народа».

После Октября принципиальное отношение Ленина к проблеме не изменилось, но теперь он был главой государственной власти. А власть — если она не «от Бога», а от желания народа иметь свою власть, — обязана учитывать интересы всех законопослушных граждан.

Тех попов, которые становились информаторами «белых», большевики расстреливали, но — не как «служителей культа», а как информаторов «белых». Не более мягко относились они к «проповедникам слова Христова» типа попа-колчаковца Малюты из фельетона Ярослава Гашека «Дневник попа Малюты». Однако вот записка, которую Владимир Ильич адресовал 2 апреля 1919

года председателю Афанасьевского сельского Совета В. Бахвалову — представителю верующих граждан Ягановской волости Череповецкого уезда Череповецкой губернии, приехавшему в Москву хлопотать о завершении строительства храма, начатого в 1915 году:

«Окончание постройки храма, конечно, разрешается; прошу зайти к наркому юстиции т. Курскому, с которым я только что созвонился, для инструкции»[252].

Идейная же линия Ленина оставалась, как сказано, неизменной. В марте 1922 года в третьем номере нового журнала «Под знаменем марксизма» он опубликовал статью с вполне однозначным заголовком «О значении воинствующего материализма».

Там он напоминал слова Иосифа Дицгена («Дицгена-отца», 1828–1888), немецкого рабочего, ставшего марксистом и соратником Маркса… Дицген писал, что профессора философии в современном обществе представляют собой в большинстве случаев не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины», и Ленин далее указывал, что «журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных „дипломированных лакеев поповщины“…», а также «органом воинствующего атеизма»[253].

Это было, конечно, директивой не для административных, а для идейных разоблачений и преследований, и статью Владимир Ильич публиковал не как председатель Совнаркома, а как воинствующий атеист, подписав её литературным псевдонимом «Н. Ленин».

Как глава государства он публично высказывался, например, так, как на Первом Всероссийском съезде работниц, проходившем в ноябре 1920 года… Съезд работниц, на котором выступает первое лицо государства, был для старой России событием невозможным. В России же Ленина это было событием если и не рядовым, то и не сенсационным. Выступая на женском съезде, Ленин основное внимание обращал, конечно, не на вопросы религии, начав речь со слов:

«Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нём участия…»

(В скобках замечу, что *сегодня* такое заявление может показаться тривиальным, однако *тогда* это было отнюдь не общим местом. Напомню, что в «просвещённой» Германии в тридцатые годы в ходу были популярны «три К»: «Kirche, Kinder, Küche» — «церковь, дети, кухня»…)

О религии же Лениным было сказано так:

«Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, кто вносит в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путём пропаганды, путём просвещения… Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом мы и должны бороться…»[254]

Тогда же было сказано и следующее:

«Внося остроту в борьбу (антирелигиозную. — *С. К.*), мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении…»

Это ведь надо помнить и сегодня, потому что любые антинародные режимы разжигают не только национальную, но и религиозную рознь, активно используя разделение масс по принципу религии в рамках общей установки: «Разделяй и властвуй!».

В декабре 1921 года на совещании беспартийных делегатов IX Всероссийского съезда Советов Ленин напомнил: «Вы знаете, что по нашей Конституции, по основному закону нашей республики, свобода духовная насчёт религии за каждым безусловно обеспечена»[255].

Но когда Оргбюро ЦК РКП(б) по просьбе Емельяна Ярославского запросило мнение членов Оргбюро о возможности оставления в партии лиц, участвующих в религиозных обрядах, Владимир Ильич 30 мая 1919 года ответил: «Я за исключение из партии участвующих в обрядах. Ленин»[256].

Любопытно при этом, что жёсткая позиция Ленина в деликатном вопросе о религии со временем претерпела изменения в сторону… смягчения! 18 мая 1921 года пленум ЦК РКП(б) обсуждал вопрос о проведении мероприятий, касающихся религиозных отношений, и Ленин пишет в тот же день короткую записку с предложением о корректировке пункта 13-го программы РКП(б):

«Поручить Ярославскому и Бухарину переделать в направлении таком, чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией… и допустить с рядом особо ограничительных условий оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов.

Борьбу с религией поставить научнее…»[257]

Мог ли лидер партии и страны одной рукой писать это, а другой рукой санкционировать «избиение духовенства»?

Конечно, в представлении Петра Бернгардовича Струве «аморальный» Ульянов был способен и не на такое… Но посмотрим на вопрос не с этической стороны, а с чисто прагматической.

С огромным трудом, через неверие, непонимание, через прямо враждебное отношение части народной массы большевики получили от народа мандат доверия на управление страной.

И вот в этих условиях Ленин с одной стороны публично — ту же его речь на женском съезде сразу же опубликовала «Правда» — призывает бороться с религиозными предрассудками осторожно… Призывает не оскорблять религиозные чувства и не вносить остроту в антирелигиозную борьбу, ибо это может озлобить массу…

И в то же время, на фоне подобных публичных призывов, Ленин якобы предпринимает широкие репрессивные меры против духовенства как против духовенства…

Если бы так в самом деле и было, долго ли продержалось бы после этого доверие к словам и делам Ленина у масс, немалая часть которых находилась под влиянием духовенства? И разве не использовали бы все враги Ленина это расхождение Слова и Дела, крича на всех углах: вот, мол, они, ваши большевики, вот он, ваш Ленин!? Болтает одно, а делает другое…

Ну ладно, пусть Ленин был — по Струве — аморален. Но глуп-то он не был? И если призывал быть в антирелигиозной борьбе осторожным, то никак не мог допускать расстрелы «попов» только за то, что они «попы», не так ли? Инсинуаций со стороны «высокоморальных» профессоров Ленину и без этого хватало.

К сожалению, непросто выполоть не только сорную траву, но и сорную мысль, и духовные «сорняки» как не перевелись в эпоху Ленина, так и продолжали засорять жизнь СССР в сталинские, в хрущёвские, в брежневские времена. Наконец, эта публика дожила до «эпохи» Горбачёва — Ельцина и вот уж тут почувствовала себя как муха на куче…

ВПРОЧЕМ, не буду уточнять, где вольготнее всего живётся «россиянской» интеллигентской публике, но сообщу, что всё сказанное в этой главе выше было в некотором смысле присказкой к дальнейшему рассказу.

«Российские» «интеллигенты» давно — потомственным образом — не могут терпеть Ленина и поэтому уже давно клевещут на него истерически злобно и исторически безграмотно. Бывшая советская «элита», которая сформировалась как продукт брежневских времён, вкупе с якобы интеллектуальными продуктами «новорусской» «эпохи», из кожи вон лезет, чтобы «обозвать похуже» великих усопших, и трусливо набрасывает на свой роток платок, когда надо возвысить голос, протестуя против преступлений ельцинщины и неоельцинщины уже в путинско-медведевском её исполнении.

Сюжет, на котором мы ниже остановимся, имеет давнюю

историю, и всё же он по сей день злободневен, почему ему и нашлось место в книге о Ленине. А на фоне этого сюжета современный читатель сможет увидеть не очень, надо полагать, привычные для него черты ленинского портрета…

Итак, 22 апреля 1992 года в № 17 тогдашней «Литературной (или — „Либературной“?..) газеты» на 6-й странице с предисловием О. Михайлова «Во дни сомнений и тягостных раздумий» был перепечатан старинный пасквиль некоего Петра Пильского «Извратители духа».

В дневнике Корнея Чуковского в записи от 17 июля 1907 года было отмечено: *«Встретил Пильского, которого презираю»*… Это как раз об этом самом Петре Моисеевиче Пильском, критике и фельетонисте, речь о котором, а точнее — о его «фельетоне» «Извратители духа», пойдёт у нас далее.

Впервые сей перл антиленинской «публицистики» увидел свет в рижском издательстве «Грамату Другс» в 1929 году, и, увы, предисловие 1992 года стоило самого пасквиля. О. Михайлов вслед за П. Пильским возлагал на «изверга» Ленина основную долю вины за порчу русского языка и заявлял: «Мы давно говорим на… собачьем (? — *С. К.*) языке… Главная опасность подстерегала нашу родную речь с началом великой культурной революции, учинённой (? — *С. К.*) большевиками». Далее было сказано, что это было «испытание безмерное, *не сравнимое даже с татарским игом* (жирный курсив мой. — *С. К.*)»!

Вот так, ни более и не менее…

Нашествие Батыя превращало в пепел русские летописи и монастырские библиотеки, отбрасывало Русь на века назад, а благодаря ленинской культурной революции миллионы ранее неграмотных людей уже в двадцатые годы получили возможность приобщаться к знаниям, читать и писать письма родным и близким. И это — по О. Михайлову — были явления схожего характера.

Н-да…

Писал О. Михайлов и так: «Особый и зловещий вклад в порчу русского языка внесли архитекторы коммунистической звероферм (!? — *С. К.*), и прежде всего В. И. Ульянов-Ленин».

Писал и этак: «Когда я слышу по телеящику, как один из руководителей российского правительства говорит несуразности, то угадываю в этом тяжкую ленинскую картавость».

Интересно, на какой «звероферме», после каких зверских пыток в чекистских застенках стилиста-пуриста О. Михайлова вынудили включить в свой словарь слово «телеящик»? Владимир Ульянов-Ленин тут был явно ни при чём, в его времена «телеящиков» не было.

Зоологический (вот уж точно — со звероферм) благоприобретённый антикоммунизм настолько подводил О. Михайлова, что он то и дело употреблял такие выражения, как «тюремные отстойники», «профсоюзные сходки», «коммунистическая целлюлоза», «бард октябрьского переворота» (это — о Владимире Маяковском!)…

Сотрудник Института русского языка О. Михайлов сообщал, что Пётр Пильский, эмигрировавший в Латвию и скончавшийся там же в 1942 году, защищал «язык и культуру россиян». Вот так я впервые — от О. Михайлова — узнал о существовании *«россиянского»* языка. Собственно, с тех пор и стал называть ельцинскую Россию «Россиянией».

Интересно получается! Если лишь *пользуешься* русским языком, то с какого-то момента «во дни сомнений и тягостных раздумий» начинаешь мыслить и говорить не по-русски, а воистину по-*россиянски*!

О. МИХАЙЛОВУ принадлежало, однако, лишь предисловие, а «гвоздём» полосы была давняя статья Петра Пильского. Начиналась она со злого, издевательского описания волны неблагозвучных аббревиатур и новых сложносокращённых слов, появившихся в первые годы после революции, всяких там «персимфансов» и «опоязов».

Но Пильский валил всё на большевиков, а ведь, живя в *те* времена, Пётр Пильский мог бы и знать, а точнее — *не мог* не знать, что подобным «словотворчеством» грешили и «белые».

Примеры?

Пожалуйста: «ВСЮР — Вооружённые силы Юга России», «Добрармия», «главком генлейт Деникин», «наштаглав генлейт Романовский» и т. д.

Да и не с революции всё началось! Вот слова из официального обихода царской России времён Первой мировой войны: «Продпаровоз», «Продвагон», ГИУ, ГАУ, «Продуголь», «Продамет», Согор (Союз городов), Земгор, ГУЗЗ, ВОКЗ, «Комкож», «Осотоп», Хлебармия, «Центросахар», «Саломас», Закупсбыт, Руссуд… Иными словами, Советская Россия получила и «канцелярит», и названия многих учреждений по наследству от царизма. Да и объективный смысл в новых сокращениях и аббревиатурах был — новый век требовал краткости.

Однако, увы, нельзя просто так отмахнуться от следующего заявления Пильского: «Русский язык изуродован и искалечен. Он убит канцелярщиной, задушен партийной книжностью, обезличен и заражён. Значительная часть нынешнего лексикона совершенно недоступна пониманию… Никогда ещё русский язык не испытывал такого засилия иностранщины, как сейчас… Все

стараются „свою образованность показать“, и ораторы, и газеты, и декреты глушат и пугают загадочными словами — „дауэсизация“, „диспропорция“, „рентабельность“, „дезавуировать“…»

Живи Пётр Пильский в «демократически»-«россиянской» России, он мог бы ряд и продолжить: «консенсус», «презентация», «спонсор», «инвестор», «приватизация», «ваучер», «дилер», «брокер», «анимация», «инфляция», «глобализация», «рейдер», «шахид», «спикер», «хакер», «ток-шоу» и так далее…

Как сообщал сам Пильский, он узнал о насилии над русским языком не столько из повседневной практики, сколько из книги А. Селищева «Язык революционной эпохи», изданной в Москве в 1928 году. Узнал и резонно задался вопросом: «Откуда же пошёл этот сумбур?». Однако ответил лживо: «Конечно же, из революционного подполья… Особенно постарался тут Ленин».

По Петру Пильскому, Ленин же постарался «ввести в язык воровской жаргон», «развёл хитренькую словесную паутину», и вообще: «Никто не принёс такого исключительного вреда языку, как Ленин. Никто так систематически не поганил его, как этот тупой и на редкость глухой человек»…

Н-да, обвинение было тяжким.

Однако — насколько оно было справедливым?

«Говорю совершенно серьёзно и искренно, — заявлял Пильский, — из всех русских публицистов я не знаю ни одного, кто бы мог конкурировать с Лениным по литературной бездарности — так он стилистически скуден, лексиконно нищ, трафаретен, скучен до тоски, однообразен, как замёрзшая пустыня… У Ленина вообще нет лексикона».

Все эти «откровения» я читал с широчайше раскрытыми глазами… Спору нет, Ленину далеко до Лескова, но лексикон у него всё-таки был. И дело даже не в том, что временами этот лексикон сочетался с *очень* недурным стилем. Дело в том, что хлёсткий дореволюционный фельетонист Пильский, привыкший строить эффект на хлёсткой же, но чаще всего бездоказательной и поверхностной фразе, не мог уразуметь, что у бульварного фельетониста и у политического публициста задачи *разные!*

Есть умный анекдот из античных времён… Когда выступал перед римлянами Цицерон, со всех сторон слышалось: «Как красиво говорит Марк Туллий!». Когда же говорил Демосфен — далеко не так красиво, зато *убедительно,* — афинская агора ревела: «Вперёд, на Спарту!».

Улавливаете разницу?

Между прочим — насчёт «лексикона»… В политических трудах Ленина, особенно в статьях и письмах, порой попадаются просто блестящие неологизмы, например: «злокачества»,

«левоглуписты»…[258]

ЧТОБЫ предметно показать, что Ленин при необходимости блестяще владел приёмами острого политического журналиста, приведу *полностью* статью Ленина «Образованные депутаты», опубликованную 10 апреля 1913 года в № 83 газеты «Правда» за подписью «Б.»:

«**Образованные депутаты**

В вечернем заседании 2 апреля, возражая на требование рабочих депутатов обсуждать вопрос о ленских событиях (Ленский расстрел 4 апреля 1912 года. — *С. К.*), октябрист Л. Г. Люц сказал:

„Через два дня годовщина событий на Лене. Очевидно, социал-демократы стремятся будировать чувства рабочих для того, чтобы поднять их на какие-нибудь эксцессы…“

Французское слово „bouder“ передаваемое русским „будировать“ означает — сердиться, дуться. А г. Люц, очевидно, производит это слово от „будоражить“ или, может быть, „возбудить“. Как смеялись гг. буржуазные депутаты и буржуазная пресса, когда в I Думе один крестьянин употребил слово „прерогативы“ в смысле „рогатки“. А между тем ошибка была тем простительнее, что разные „прерогативы“ (т. е. исключительные права) господствующих являются на самом деле рогатками для русской жизни. Но образованность г. Люца не „возбудировала“ смеха его образованных друзей и их печати»[259].

Кто отважится сказать, что это — не блестящая, точная, убийственная для оппонентов публицистика? Причём уж эту-то статью Пильский мог прочесть в день её публикации, поскольку большевистская «Правда» была в 1913 году изданием временно легальным.

Но Ленин — по Петру Пильскому, и по О. Михайлову тоже — был якобы повинен не только в публицистической серости, но и в вульгарной малограмотности. Пильский обвинял: «Безнадёжный глухарь Ленин писал так: „Высвобождаться…, требовать высвобождения из-под гнёта“… „высвобождение пролетарской линии из мелкобуржуазного угара“… А за Лениным это „высвобождение“ пошло и запрыгало повсюду»…

Что ж, обратимся к словарю Даля (прошу запомнить: именно Даля, о котором речь ещё впереди). Там, в томе I на с. 312, сказано: «Высвобаживать или высвобождать, высвободить кого, освобождать из чужой, сторонней зависимости, выручать; вызволить, выкабалить, делать от кого или чего свободным».

Языковая норма одной эпохи может серьёзно отличаться от нормы современной. Не смеёмся же мы над писателем XVIII века, употребляющим слово «машкерад». Так что вполне объяснимо

употребление Лениным, человеком, воспитанным XIX веком, формы «высвобождать», затем из употребления вышедшей.

Двинемся, впрочем, дальше…

Как один из примеров «зверофирменного» словотворчества, руководимого и направляемого якобы Лениным, Пётр Пильский упомянул слово «госбанки». А вот цитата из другого автора: «Я бы очень хотел взять пример нескольких гострестов (если выражаться этим прекрасным русским языком, который так хвалил Тургенев)…».

Ирония налицо — не злая, как у Пильского, а весёлая, но — ирония. И как раз по адресу «советского» вклада в казённый российский «канцелярит». Издевался же над этим незавидным вкладом в русский язык не кто иной, как… Владимир Ильич Ленин в речи 27 марта 1922 года на XI съезде РКП(б)![260] В той же речи на XI съезде Ленин ещё раз проехался по неудачным «советским» неологизмам: «Этого мы не сознаём, тут осталось коммунистическое чванство — комчванство, выражаясь великим русским языком…»[261].

В примерно то же время, в ленинские годы, в печати появилась небольшая статья некоего автора с едким названием: «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)», которую привожу полностью:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочёты или недостатки или пробелы? Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять как новинку иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово „будэ“ значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“. Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык. Не пора

ли объявить войну коверканью русского языка?»

И это написал не Пётр Пильский…

Это — тоже ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН[262].

Статья была опубликована 3 декабря 1924 года в газете «Правда» № 275.

И это ещё не всё!

18 ЯНВАРЯ 1920 года председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин направил письмо Народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому:

«Тов. Луначарский! Недавно мне пришлось — к сожалению и стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это областнический словарь и устарел. (Словарь Даля был впервые издан в семидесятых годах XIX века. — *С. К.*). Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь классиками, от Пушкина до Горького… Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка? Не делая шума, поговорите со знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение.

Ваш Ленин»[263].

Так началась история первого современного словаря русского языка… Пятого мая того же года Ленин пишет письмо уже М. Н. Покровскому[264], где ещё раз излагает идею создания словаря и просит проверить, «делается ли?».

«Делалось», судя по всему, со скрипом, и «главный губитель русского языка» принимается за дело «погубления» всерьёз, в течение короткого времени направив заместителю наркома просвещения РСФСР Е. А. Литкенсу несколько писем. Вот извлечения из них…

«Как стоит дело с комиссией учёных, составляющих словарь… русского языка? Я давно, много раз уславливался об этом с Покровским и Луначарским…»[265]

«Назначьте комиссию 3–5 лучших филологов… Задание — краткий… словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного, по новому правописанию»[266].

«Приблизительно через месяц… сделайте *формальное* постановление и назначьте *ответственное* лицо»[267].

В одном из писем Литкенсу Ленин, кстати, пишет о необходимости обеспечить учёных красноармейским пайком.

Результатом стала работа над словарём, которую возглавили И. И. Гливенко, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский и А. А. Буслаев. Словарь, как сказано в примечании 254 тома 52 Полного собрания сочинений В. И. Ленина, готовили более 30 учёных Москвы и Петрограда. К

осени 1923 года в основном был подготовлен первый том, однако, как было далее сказано в том же примечании, «закончить работу в тот период так и не удалось».

Не в связи ли с кончиной «главного губителя» русского языка не удалось закончить эту работу?

Работа над словарем была возобновлена лишь в 1927 году. И новый толковый словарь русского языка в четырёх томах, составленный под редакцией Д. Н. Ушакова, был издан в 1935 году, когда страной руководил уже Сталин — блестящий знаток и ревнитель чистоты русского языка, вернувший в него звонкую карамзинскую букву «Ё». В предисловии к I тому «Словаря» Ушакова было сказано, что составители старались придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка.

Вот так.

КОНЕЧНО, Пётр Пильский всего этого мог не знать, но О. Михайлов и мог, и *обязан* был знать всё это. Или, по крайней мере, узнать до того, как выпускать на свет божий скользкую, холодную, змеиную ложь в адрес Ленина.

Да, Ленин нередко за стилистической чистотой не гнался, но его задачи и не требовали от него тщательной языковой чистоты. Тем не менее он ей обладал и к ней стремился. Ведь Ленин был человеком высокой культуры. К тому же, далеко не всегда начётническая языковая норма уместна. Сергей Есенин писал: «Остался в прошлом я одной ногою, / Стремясь догнать стальную рать, / Скольжу и падаю другою»…

Нельзя падать *одной* ногой, но думает ли об этом кто-либо, кроме, разве что, безнадёжных тупиц, когда читает есенинские строки?

Не буду много на этот счёт говорить, однако напомню, что исключительно «коммунистической зверофермой», выражаясь языком «рафинированного» «эстета-языковеда» О. Михайлова, был воспитан такой, например, литератор, как Александр Твардовский. И его поэму «Василий Тёркин» очень высоко оценил такой бесспорный ценитель чистоты русского языка, как Иван Бунин.

Что же касается «тупости, трафаретности и скуки до тоски», усмотренных Пильским у Ленина, то вот оценка Ленина-интеллектуала его политическим противником, Виктором Черновым, знавшим Ленина лично: «Ум у Ленина энергический, но холодный. Я бы сказал даже: это был прежде всего насмешливый, язвительный, цинический ум».

Написано в марте 1924 года, после смерти Ленина. Но

написано с таким невольно живым чувством, что сразу понятно: «скучный» (по Пильскому) Ленин на самом деле своим оппонентам поводов для скуки не давал.

Как всё же мерзко повели себя после 1991 года многие бывшие советские «интеллигенты», особенно «творческие»… В советской исторической эпохе, которая дала нам первоклассную державу, они видят нечто даже худшее, чем татаро-монгольское иго! Сделавшие себе на «ленинианах» имена, дачи и счета, они бесстыже рассуждают о «мракобесии» (подумать только!) Ленина.

Контр-адмирал Деревянко, герой обороны Одессы, вспоминал, что в конце двадцатых годов курсантам Ленинградского училища имени Фрунзе читал астрономию Михаил Михайлович Беспятов, неизменно обращавшийся к аудитории: «Господа!». Но за неделю до смерти он пришёл на последнюю в своей жизни лекцию и впервые обратился к будущим командирам Рабоче-крестьянского Красного флота: «Товарищи…».

Способны ли понять нынешние новоявленные «господа» — *почему* Беспятов поступил так, подводя жизненные итоги? И поймут ли они, что на «зверофермах» такого быть не могло?

В великом Советском Союзе во всех средних школах висели плакаты со словами великих русских писателей о мощи и богатстве русского языка. Со словами Владимира Маяковского: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». И со словами самого Владимира Ильича: «Язык Толстого, Тургенева, Чернышевского и Добролюбова велик и могуч». Тогда русский язык и русский дух были опорой Державы, а Держава, основанная Лениным, была опорой русского духа и русского языка.

А как же пильские — тогдашние, и нынешние?..

Что ж, в давней статье Петра Пильского были слова, несправедливо сказанные им в адрес Советской власти Ленина, зато в «Россиянии» Ельцина и Путина ставшие до боли злободневными:

«Насаждение чуждых слов и понятий обозначает чуждый дух… Огрубение словаря символизирует огрубение нравов, а распространение воровского жаргона говорит о природе самой власти, её заветов и лозунгов, её программы и практики, её вождей и руководителей».

Вот тут всё верно — если иметь в виду сегодняшний день России. Нынешний лексикон нашей жизни многое говорит о природе нынешней власти. Власти, чуждой идеям Ленина в той же мере, в какой эта «власть» чужда России и её народам.

ЛЕНИН был блестящим публицистом. Указатель произведений художественной литературы и критики, пословиц,

поговорок и крылатых слов, использованных и упомянутых Владимиром Ильичом в его работах и речах, занимает в справочном томе к Полному собранию сочинений более пятидесяти страниц — с 589-й по 644-ю! Однако Ленин нечасто прибегал к собственным литературным описаниям, не стремился к метафоричности языка как к самоцели… Тем более ценны те немногие его работы, которые показывают нам Ленина — обладателя чисто литературного таланта. И с одним из таких примеров не могу не познакомить читателя под конец этой главы.

В феврале 1922 года Ленин начал работать над очередными «Заметками публициста». Очередными потому, что есть несколько ленинских статей с одинаковым названием: 1907-го, 1910-го, дважды — 1913-го, и 1920 года. «Заметки» 1922 года имели подзаголовок: «О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.».

Неоконченные «Заметки…» 1922 года были опубликованы в 1924 году, уже после смерти Владимира Ильича, и их первая главка «Вроде примера» весьма непривычна для стиля Ленина. Читая, просто не веришь, что это написано им. Обычно он жертвовал развёрнутой образностью ради конкретности мысли, а здесь, что называется, не стал себя сдерживать.

И вышло на удивление захватывающе!

Уже следующая главка «Заметок» имеет название «Без метафор» — Ленин как бы извинялся перед читателем за то, что начал деловую статью с метафор, и прямо замечал: «Пример не доказательство. Всякое сравнение хромает». Однако его сравнение новой России с человеком, восходящим на высокую гору, прочно стояло — используя метафору — на двух ногах. И читатель сейчас сможет сам составить мнение насчёт того, обладал ли Ленин даром литератора.

Вот как начинаются «Заметки публициста» 1922 года:

«Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и не исследованную ещё гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины он всё же не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперёд по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но всё же обещающих возможность добраться до вершины.

Спуск вниз на той невиданной ещё в мире высоте, на которой оказался наш путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже бóльшие, чем подъём: легче

оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели.

Приходится обвязывать себя верёвкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где можно было бы крепко привязать верёвку, приходится двигаться с черепашьей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и всё еще не видеть, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надёжный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперёд, вверх, к вершине…»

Читая это, невольно отождествляешь себя с описываемым Лениным путешественником — так точно дана картина и восхождения, и вынужденного спуска. Точно передано и напряжение спуска. Ленин обладал опытом альпиниста, причём альпиниста в изначальном значении этого слова, то есть человека, совершавшего восхождения в Альпах, и горный опыт чувствуется в вышеприведённом отрывке.

А далее Ленин продолжает:

«Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются, — несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко, — минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать голоса снизу, наблюдающие из безопасного далёка, в подзорную трубу этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать спуском на тормозах, ибо тормоз предполагает хорошо рассчитанный, уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу несутся злорадные…»

Ленин описывает эти голоса, основной сарказм направляя против меньшевиков, но пока не называя их прямо. Хотя вряд ли Ленин презирал кого-либо в политике больше, чем меньшевиков, в чём был абсолютно прав — *зловреднее* публики в России не было.

И вот, имея в виду не только прямых врагов, но и врагов, маскирующихся под друзей, Ленин пишет:

«Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: „Сейчас сорвётся, так ему и надо, не сумасшествуй!“. Другие стараются скрыть своё злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлёва; они скорбят, вознося очи горе: „К прискорбию, наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана

восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой?

И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошёл назад, он спускается вниз, он целыми часами подготовляет себе возможность подвинуться на какой-нибудь аршин! А нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!), — если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще!“…»

Так оно и было — Ленин пролагал путь к вершине, оступался, был вынужден отступать, страховаться «верёвкой» нэпа… Но отступал он лишь для того, чтобы найти путь наверх и покорить вершину. А лицемеры, прямые враги, завистники, злопыхатели, «премудрые» политические «пескари» с открытой или затаённой злобой ожидали — когда же он сорвётся?

А он, уже в первые годы Советской власти взойдя вместе с ведомой им Россией на высоты, никем кроме него и России не освоенные, продолжал своё восхождение к новым высотам…

И имел моральное и историческое право заявить:

«К счастью, наш путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих „истинных друзей“ идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твёрдости ног, особенно на очень больших высотах»[268].

Воля ваша, уважаемые читатели, а на меня приведённая выше главка ленинских «Заметок публициста» произвела огромное впечатление не только политической точностью, но и литературной яркостью!

Однако Ленин был всё же не литератором, а политиком, и никем, кроме политика, он быть не мог. При этом он не мог не быть политиком исключительно трудящегося большинства. А это означало, кроме прочего, что он не мог не иметь множества прямых врагов среди тех, кто составлял имущее меньшинство.

Он множество врагов среди имущих и нажил.

Но были же ещё и скрытые враги — среди лукавых «друзей», среди тех вроде бы соратников, которые были вроде бы и с Лениным, но не отдавали всего себя делу создания новой России. Скажем, живой и действующий Ленин мешал «левому коммунисту» Бухарину, дрейфующему вместе с Рыковым к «правому» уклону, мешал Троцкому, Каменеву с Зиновьевым. И лишь Сталину продолжающий здравствовать и действовать Ленин

был бы опорой, поддержкой и вождём, за которым так надёжно идти.

Были среди соратников и амбициозные завистники, и самодовольные политические «нарциссы», что Ленину было органически чуждо. И это делало многих — особенно после Октября 1917 года, а ещё более — после окончания гражданской войны и упрочения Советской власти — друзьями и соратниками Ленина наполовину.

Друг наполовину — наполовину враг…

А враг наполовину может стать уже просто врагом.

Увы, две последние констатации, приложенные к последнему году жизни Ленина, оказываются не просто общими сентенциями, а, возможно, ключом к невесёлым тайнам этого последнего года, включая последние дни Владимира Ильича и его смерть. Но это — отдельная тема для отдельной книги.

Глава 9
Глашатай нового мира…

ЛЕНИН был и глашатаем, и творцом нового мира, и новый мир социализма был в XX веке реальностью, но в сфере реальности не удержался. На тему, почему вышло так, написано и сказано в последние десятилетия много, а краткий ответ очевиден, хотя на эту очевидность многие всё ещё закрывают глаза.

Тем не менее сегодня ясно, что мировой Капитал усвоил и освоил идеи Маркса глубже, точнее и эффективнее, чем мировой Труд! Поняв, что объединение Труда против Капитала в целях обретения Трудом *политической* власти означает быструю системную гибель Капитала с его привилегиями, мировой Капитал давно объединился сам и сделал всё для того, чтобы изнутри разложить, а затем развалить оплот мирового Труда — Советскую Россию, созданную Лениным и развитую Сталиным…

И это Капиталу удалось через сеть агентов влияния в СССР и социалистических странах Европы. Ныне о социалистическом лагере, о Советском Союзе говорят с прибавлением слова «бывший»…

И что же делать дальше?

Назад к социализму — в его «хрущёвско-брежневско-горбачёвском» исполнении — Россия не пойдёт, но в том и нет нужды. Но если Россия не пойдёт вперёд — к новому социализму, то Россия рухнет.

А новый социализм — это такой социализм, который замышлял Ленин и строил Сталин, то есть это общество, где личный достаток и общественное положение приобретаются не на фондовой бирже, а в честном труде на благо общества, и где власть ответственна перед народом.

Так ведь было уже в России — в РСФСР Ленина, в СССР Сталина и в первые годы после Сталина…

Для того, чтобы в России не возникло нового — человечного — общества, Золотая Элита мира очень много потрудилась, начиная с 1917 года… Для этого были устроены интервенция и порождённая ею гражданская война, вторая Мировая война… Для этого был устроен и ельцинский 1991 год… Ведь если бы его не было, то существование СССР исключало бы ту вакханалию либерастического общества, которой ныне намеренно оглупляют народы планеты…

Но и здесь не всё так просто…

Вот цитата:

«Американские политические лидеры, законодатели, верноподданные политологи, любят порассуждать об „американском веке“… Ничего оригинального здесь, в общем-то, нет. Имперская идеология с органически присущей ей жаждой грабежа, насилия, порабощения своего и чужого народов родилась века назад и уйдёт в небытие, станет достоянием историков лишь с исчезновением последнего эксплуататорского общества — капиталистического…

Отживающие идеи, взявшие верх в современной американской жизни и политике, ещё не скоро умрут естественной смертью, поскольку за ними стоит монополистическая буржуазия… Этот класс располагает огромным идеологическим аппаратом, ещё могущим держать в идейном рабстве миллионы людей. Глубоки корни и тяжёл груз идейных, политических и психологических предрассудков, которые буржуазия старается не только сохранить, но и закрепить в качестве выгодного ей образа мыслей и жизни…

Такова природа этого государства, пропитанного шовинизмом и мессианством… Маниакальный антисоветизм, враждебность к советскому народу, агрессивный милитаризм…

В том и состоит суть капиталистического строя, что его правящая олигархия ненасытна в стремлении к богатству и власти. Такова чудовищная природа общества, обращающего слёзы, страдания и кровь в золото…»

Это — точная и умная оценка. Принадлежит она члену горбачёвского Политбюро ЦК КПСС «Александру Н.» Яковлеву, а сделана ещё в семидесятые годы. В девяностые же годы Яковлев стал одним из разрушителей СССР и позднее признавался:

«После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды „идей“ позднего Ленина… Без устали говорили о гениальности „позднего“ Ленина (чтобы у всех в ушах звенело и в зубах завязло. — *С. К.*), о необходимости возврата к ленинскому „плану строительства социализма“ и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха… либерализмом и „нравственным социализмом“ — по революционаризму вообще».

Ничего не скажешь — откровенно.

Но и показательно: начиналось со стремления к демократии, а кончилось торжеством олигархии…

Как это похоже на тот путь, которым Григорий Алексинский прошёл от положения соратника Ленина к положению клеветника на Ленина и белоэмигранта. И примерно таким же «нравственным» путём шёл, например, генерал Дмитрий Волкогонов. В 1983 году в книге «Психологическая война» он провозглашал:

«У „ниспровергателей“ одно духовное оружие — антикоммунизм. Каждый, кто хоть сколько-нибудь способен к беспристрастному рассуждению, видит, что общество, у которого политика, отношения, идейные концепции построены на классовой лжи, — больное общество. Именно поэтому в своём новом „крестовом походе“ против СССР… империалистические реакционные круги делают ставку и на психологическую войну, представляющую собой особый вид духовной агрессии против человеческого разума…»

Тогда, в 1983 году, свою книгу о психологической войне Волкогонов завершил словами Ленина: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал», а через неполный десяток лет после цитирования этих слов подключился к духовной агрессии против человеческого разума, против социализма, против Ленина…

Но и Яковлев, и Волкогонов — это уже прошлое. Что было сделано, то было сделано…

Важнее вопрос: «Что делать?».

На этот вопрос не так сложно ответить, если верно понимать Ленина, а ответом будет, конечно: «Осмыслить прошлое и идти к социализму — не назад, а вперёд!».

И сегодня нам важно понять, что свою советскую работу по созданию новой России Ленин начинал ведь не по своему произволу и не в одиночестве. Да, он создавал новый взгляд на жизнь общества, но он создавал новый взгляд, *вполне ожидаемый* здоровой частью общества…

Как российского, так и мирового.

НЕ БУДЕТ преувеличением сказать, что новая Россия, существовавшая до поры до времени лишь в потенции, ждала Ленина с начала XX века!

Если не раньше…

При этом после Октября 1917 года Ленин влиял на Россию двояким образом: и как духовный творец нового мира, и как практический вождь всех здоровых сил России.

Обе эти его ипостаси хорошо выявились в двух речах на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, который проходил в Москве с 6-го по 19 мая 1919 года. Ленин выступал на нём с приветственной речью при открытии съезда и второй раз —

в последний день работы съезда.

В приветственной речи он говорил:

— Едва ли найдётся такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях… Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась среди рабочих и крестьянских масс…[269]

Вот чего — как земля дождя в засуху — ждала духовно здоровая Россия: общества массового знания и массового образования, которые одни могли перевести творческий *потенциал* народа в *реальное*социальное и экономическое *творчество* масс в интересах масс!

А давала это знание российской массе именно и только Советская власть Ленина, причём не просто создавала практические условия для внешкольного образования уже взрослых, но неграмотных или малограмотных людей, а провозглашала знание основным условием развития России…

Заканчивая же свою большую речь при закрытии съезда, Ленин заявил:

— Слово «диктатура пролетариата» — слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие и говорят: «Наша организация выше всего; ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеют права участвовать в этой организации. Эта организация направлена к одной цели — к ниспровержению капитализма…» Как бы трудно ни рождался новый порядок, какие бы тяжёлые испытания и даже поражения ни пали на долю отдельных Советских республик, никакая сила назад человечество не вернёт…[270]

Исторически Ленин был прав тогда, прав и сейчас… Тем не менее в августе 1991 года капитализму удалось повернуть исторический процесс вспять. Причём, как ни прискорбно, капитализму удалось сделать это при содействии самих народных масс советского общества. Ведь в конечном счёте, если бы не поддержка тех же шахтёров, одобрительно стучавших касками об асфальт площадей «за Горбачёва», «за Ельцина», никакие Горбачёвы и Ельцины уничтожить Советский Союз не смогли бы…

Ничем хорошим это для мира кончиться не может, однако не думаю, что капитализм доведёт мир до катастрофы — скорее на

пороге катастрофы мир покончит с капитализмом. А покончить с капитализмом нельзя без того, чтобы не покончить с институтом «элит», потому что гнусное слово «элитарный» всё более становится синонимом слов «фашиствующий», «антиобщественный», «человеконенавистнический»…

Имущая Золотая Элита — это пик «элит», но Золотую Элиту наднациональных собственников подпирает ряд обслуживающих её нижестоящих «элит» — политических, научных, «творческих» и т. д. И все эти «элиты» ныне оказываются не просто реакционными — они уже губительны для будущего человечества.

Об опасности перерождения советской элиты под влиянием Запада предупреждал в конце 1950-х годов эмигрант Александр Уайт в эссе «Русская политика самосохранения»… Перерождение потомства этой элиты в ядерной державе тревожило в 1970-е годы даже антикоммуниста Джорджа Кеннана…

Но, может быть, дело всё же в системной ущербности социализма, не способного ставить во главе общества людей, искренне преданных идеалам того общества, в котором они живут? Может быть, не способен социализм воспроизводить «идеальных» людей? Потому, может, и рухнул он под тяжестью непосильной, нерешаемой задачи — реально создать справедливое для всех общество? Не одинаково равное для всех, но для всех *справедливое,* берущее от каждого по способностям, но дающее каждому по труду *и только по труду,* а не по количеству имеющихся акций…

Ну, если бы даже социализм был системно несостоятелен (хотя это и не так, и мировой социализм всё ещё впереди!), то уж капитализм-то и подавно не способен продуцировать — как общественную массовую черту — справедливость, искренность, бескорыстие… И если кто-то из апологетов капитализма хочет быть честным (возможно ли, впрочем, это?), то обязан заявить: «Да, капитализму плевать на какие-то там „права человека“, потому что ему плевать на человека! Прав тот, у кого больше прав, а прав больше у того, у кого больше акций!».

Конечно, нынешний, точно названный либерастическим (удачный неологизм от «либерал» + «педераст»), капитализм, так никогда не скажет, но это не означает, что дела обстоят иначе. Современный капитализм — это всё более аффектированная духовная гниль.

Социализм и в этом — антипод капитализма. И силой идей Ленина новый мир уже был создан, и, например, молодые советские учёные и инженеры уже жили — психологически — в коммунистическом будущем. Это ведь их — своих сверстников,

для которых «понедельник начинается в субботу», описали в 1960-е годы молодые братья Стругацкие, тогда ещё певцы, а не очернители коммунизма.

Но почему же элита социализма к началу 1990-х годов прогнила ещё более, чем элита капитализма? Причём прогнила именно элита — народные массы СССР даже в 1991 году были ещё нравственно достаточно здоровы, хотя и задурены «элитой». Почему же загнили «верхи»?

Что ж, кратко можно ответить так: «Потому что нравственно падать и разлагаться легче и проще, чем идти вверх и вверх — к высотам разума и духа».

Однако не мешает остановиться на этом феномене и подробнее.

11 ОКТЯБРЯ 1918 года Ленин опубликовал в «Правде» большую статью «Пролетарская революция и ренегат Каутский», которая была, собственно, развёрнутым анонсом брошюры под тем же заголовком. В конце ноября 1918 года брошюра была Лениным закончена и издана в России, а в 1919 году — также в Англии, Франции и Германии. Брошюра Ленина была резким, возмущённым ответом на вышедшую в 1918 году в Германии антибольшевистскую брошюру Каутского «Диктатура пролетариата»…

Вождь II Интернационала Карл Каутский (1854–1938) прошёл тем же путём, что и советские ренегаты, с той лишь разницей, что и интеллектуальный калибр имел побольше, и одно время был искренним, хотя порой и путающимся, марксистом… А приближаясь к шестому десятку лет, рассудил, что надёжнее разменять свой авторитет лидера германской и европейской социал-демократии на обеспеченную капиталистическими «спонсорами» старость.

Произошло это с Каутским году примерно в 1910-м или 1911-м… Еще в 1909 году Каутский опубликовал свою последнюю марксистскую работу «Путь к власти», где писал:

«В обстановке всеобщей неустойчивости социал-демократия тем больше будет укрепляться, чем меньше она сама будет колебаться, чем вернее она будет самой себе… Чем непоколебимее, последовательнее, непримиримее будет социал-демократия, тем скорее она одолеет своих врагов…»

Это было сказано верно, но несколько общо, и далее Каутский выразился конкретнее, предметнее:

«Заботливые друзья опасаются, что социал-демократия может преждевременно прийти к государственной власти путём революции. Но для нас преждевременным приходом к государственной власти могло бы быть только приобретение

видимости государственной власти до революции, т. е. до того, как пролетариат завоевал подлинную политическую власть. А пока это ещё не удалось, социал-демократия может добиться участия в государственной власти только в том случае, если *продаст* буржуазному правительству свою политическую силу. *Пролетариат*, как класс, никогда ничего от этого не выиграет, выиграют в лучшем случае только *парламентарии*, заключившие эту торговую сделку»[271].

Сказано великолепно!

Сказано актуально, по сути — о ситуации сегодняшнего дня во всех буржуазных парламентах, включая российскую Антигосударственную Думу!

Вот только почти сразу после написания «Пути к власти» — уже накануне Первой мировой войны — Каутский начал именно что заключать с Капиталом торговые сделки… А после Октября 1917 года прямо заявил о себе как о враге Октября и Ленина.

Почему Каутский так сделал?

Да потому, что решил продать буржуазии свою политическую силу.

И продал.

Возможно, на него повлиял «синдром Лафаргов», отравившихся в 1911 году. Не захотелось чего-то подобного для себя, пожалел себя…

В брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин задавался вопросом: «Как объяснить это чудовищное извращение марксизма начётчиком в марксизме Каутским?» — и сам же отвечал:

«Если говорить практически-политически, то дело сведётся к лакейству перед оппортунистами, т. е., в конце концов, перед буржуазией. С начала войны прогрессируя всё быстрее, Каутский дошёл до виртуозности в этом искусстве быть марксистом на словах, лакеем буржуазии на деле…»[272]

Это ведь сказано не только о ренегате Каутском, но и о ренегате Яковлеве — в чистом виде! Пролетарский вождь Ленин был духовно хозяином своей судьбы, а ренегат Каутский, предавший пролетариат, стал духовным лакеем при чужих барских судьбах… Как и ренегат Яковлев — один из исполнителей элитарной контрреволюции 1991 года, совершённой в Москве по прямой разработке наднациональной мировой Элиты собственников.

КОНЕЧНО, не все в советской элите предперестроечного образца были номерными агентами или агентами влияния, хотя их, думаю, было намного больше, чем думают многие… Основную массу составляли всё же просто обожравшиеся

привилегиями шкурники, сытые обыватели, не способные на мало-мальски человеческие движения души и тела, если эти движения были чреваты потерей кресла, «кормушки», персонального оклада и т. д. Многие из них от развала СССР лишь потеряли — особенно генералитет, однако объединиться в критические дни не смог даже генералитет. И это при том, что любые, в том числе насильственные действия по сохранению конституционного строя СССР были бы со стороны, например, Вооружённых сил СССР не более чем исполнением присяги.

И сейчас вся нынешняя «элитарная» шушера, изображающая из себя идейных ненавистников Ленина, на самом деле просто не желает терять тёплые места, ибо, не обмазав чёрной краской Ленина, не получишь прав «элитарного гражданства» в «приличном обществе». В этом, надо сказать, старый мир оказался сильнее нового мира Ленина! А впрочем — не сильнее, конечно… Искренний мир Ленина пал жертвой *подлости и развращённости* старого мира. Старый мир сумел совратить Советскую власть — не как социальный институт, а как аппарат управления.

Говорят, каждый народ достоин того правительства, которое имеет. Однако советский народ после смерти Сталина имел правительство, которое всё менее было достойно того народа, которым управляло. И по ряду причин, ни одна из которых не имела системного характера, в СССР не было выработано эффективных государственных и общественных механизмов противодействия разложению и деградации общества.

Но тут есть один достаточно тонкий момент… В СССР не было и легальных государственных механизмов, *содействующих* деградации общества и поощряющих её. При этом нелегальные механизмы развращения советской элиты (то есть разрушения государства и общества) работали в советском обществе всё более активно. В результате к 1991 году советское общество *в целом* было достаточно здоровым, а вот *элита* — почти вся больна.

В нынешней капитализируемой Российской Федерации всё обстоит наоборот: самим «государством» созданы и поощряются *механизмы деградации общества,* а с другой стороны, государством же созданы и поощряются механизмы *противодействия* развитию здоровой, нормальной общественной жизни. Свободы слова, как возможности полноценного доведения до нации точки зрения, противоположной официальной, в РФ нет! В результате развращённая современная «россиянская» «элита» всё более развращает и народ.

Вернёмся, впрочем, к брошюре Ленина… Его «Пролетарская революция и ренегат Каутский» — весьма большая работа, она

занимает в 37-м томе ленинских трудов объём в 100 страниц, и очень многие её места всё ещё, увы, актуальны. Ну, например, Ленин очень точно анализирует демократию буржуазную и пролетарскую, и заявляет:

«„Чистая демократия“ есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идёт на смену феодализму, и пролетарскую демократию, идущую на смену буржуазной…

Буржуазная демократия… всегда остаётся… и не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для бедных…»[273]

Это мы и наблюдаем везде, где есть буржуазная «демократия», и особенно в РФ, где слово «демократ» давно стало в народе ругательным

А как актуальна следующая мысль Ленина:

«За исключение разве совсем редких и особенных случаев, эксплуататоров нельзя уничтожить сразу (имеется в виду — уничтожить как класс, а не физически. — *С. К.*)… Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остаётся надежда на реставрацию… Свергнутые эксплуататоры… с удесятерённой энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого „рая“, за их семьи, которые жили так сладко и которые теперь „простонародная сволочь“ осуждает на разорение и нищету (или на „простой“ труд)…»[274]

Это ведь не только о гражданской войне 1918–1921 годов, не только о заговорах 1920-х и 1930-х годов против Советской власти… Это — и о подрывной работе Запада в СССР все годы Советской власти, это — и о будущем дне России, если её народы решатся восстановить Советскую власть. И не только, вообще-то, России, но и всего мира — если народы мира решатся на мировой социализм.

Пока имущие являются имущими, они делают всё, чтобы оставаться имущими, — оглупляют массы, совершают «цветные» революции, ввергают миллиарды землян в нищету… Жадность имущих — отвратительна.

Но жадность *бывших* имущих, у которых народ отобрал их неправедно нажитые богатства и привилегии, — эта жадность не только уродлива и отвратительна, но и страшна, и опасна бешеной слепой ненавистью к справедливости…

Сегодня ты из грязи, да в «князи», да в алла-пугачёвский замок Грязи… А потом из замка — опять к подённому «простому труду»?

Э-э, нет! Это — для простонародной сволочи…

Так и возникают гражданские войны — как следствие жадности элиты, отстранённой народом от «сладкого» «рая», полного долларовой «капусты».

ИСКУС материальным, вступающим в шкурный конфликт с идейным, выдерживают далеко не все. Примеров здесь можно привести множество, но остановлюсь на одном — давнем, поразительном и малоизвестном одновременно.

4 ноября 1880 года в Петропавловской крепости был повешен 27-летний член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Александр Квятковский. Томич, сын золотопромышленника-дворянина, он примкнул к революционерам студентом Петербургского технологического института — 21 года от роду. Ходил «в народ» в Тульской, Костромской, Нижегородской, Воронежской губерниях, в Поволжье… Стал одним из организаторов партии «Земля и воля», а после раскола партии на Липецком съезде вошёл в руководство «Народной воли», сделавшей ставку на террор… Вместе с Квятковским был повешен и 24-летний рабочий-слесарь Андрей Пресняков, тоже член Исполнительного комитета и организатор «Рабочей группы» «Народной воли».

А незадолго до ареста у Александра Квятковского (он был арестован в ноябре 1879 года) родился сын, как и отец — Александр Александрович. Казалось, сыну был один путь — в революцию, и так оно и вышло. Как и отец, сын в 21 год примкнул к социал-демократическому движению, был выслан из Петербурга в Кишинёв, занимался транспортами нелегальной литературы, был агитатором ЦК, членом Московского комитета, его кооптировали в ЦК, и он, будучи арестован, поддерживал линию Ленина даже из тюрьмы.

В 1905 году Ленин, борясь с Плехановым, извещал Международное социалистическое бюро, что в № 4 газеты «Пролетарий» опубликовано заявление о солидарности с ЦК против Плеханова за подписями-псевдонимами: Ма, Бем, Владимир, Иннокентий, Андрей, Ворон… Ленин пояснял: *«Конфиденциально мы можем вам сообщить, что эти псевдонимы принадлежат арестованным членам ЦК»*[275].

«Андрей» — это как раз Александр Квятковский.

И вдруг в 1907 году «Андрей» от политической деятельности отходит, уйдя в частную жизнь. В 1917 году он работал в либеральном Всероссийском союзе городов, однако к Октябрю отнёсся лояльно и с 1921-го по 1925 год был председателем и директором-распорядителем общества «Аркос» в Лондоне.

«Аркос», а точнее, «ARCOS» — «All Russian Cooperative Society

Limited» — по уставу был частным акционерным обществом, созданным для ведения торговых операций между Англией и Советской Россией, с акционерами в основном из числа советских государственных организаций. Через «Аркос» и дочерние общества шла торговля хлебом, лесом, нефтью, пушниной, щетиной… Быть руководителем такого дела — значит пользоваться большим доверием Советской власти, особенно с учётом того, что Квятковский так и не восстановил членство в РКП(б).

Увы, Квятковский вульгарно проворовался, запутался в махинациях, был отозван в Москву и арестован. Как директор «Аркоса» он был фигурой во внешнем мире известной, и в мировой печати было много шума о его деле. Писали даже, что его расстреляли…

Дело Квятковского — тёмное дело, начиная с вопроса: кто назначал его на такой важнейший пост? Но можно ли было предполагать, что сын так подло опозорит имя отца-героя?..

Увы, опозорил.

Как видим, кое у кого — не у всех, конечно, — жадность сильнее чести.

Увы…

На XI съезде РКП(б) в 1922 году Ленин высказал мысль, которая — приходится констатировать это уже в который раз — не устареет до тех пор, пока в мире не установится окончательно и бесповоротно мировой социализм. Ленин предупреждал и товарищей по партии, и потомков:

«История знает превращения всяких сортов: полагаться на убеждённость, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьёзная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого числа людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо…»[276]

Не делая выводов, предлагаю сделать их — по здравом размышлении — самому читателю.

МНОГОЕ, многое понимал Ленин в жизни — как прошлой и текущей, так и будущей жизни человеческого общества… И, читая Ленина, его идеи нередко осваивали — с течением лет — не только народы, а и враги народов. Последние осваивали их, конечно, «от противного» — не для того, чтобы проводить идеи Ленина в жизнь, а для того, чтобы не допускать их в жизнь или изгонять их из жизни, из разума и души народа…

Как сейчас ясно, враги народов осваивали и освоили труды

Ленина пока что более вдумчиво, чем народы. Скажем, ленинское определение революционной ситуации… Нет сомнений в том, что эту формулу анализировали и адаптировали для своих целей все теоретики и практики «цветных» революций.

Собственно, Ленин тоже был теоретиком и практиком «цветной» революции — «красной». Но лишь ленинский цвет революции — единственный подлинно революционный цвет.

Современный «философ» Джин Шарп — доктор Оксфорда, директор Института Эйнштейна, стал известен как автор пособия по «цветным» «революциям», издевательски названного «От диктатуры к демократии»… Якобы «ненасильственные» методики Шарпа — да и Шарпа ли? — стали руководством к насилию во многих странах. Сам Шарп — то ли высокоумный глупец, то ли умный провокатор, имеет вполне «интеллектуальный» вид, и кое-кто сравнивает его с Лениным — мол, тоже теоретик революции…

Угу! Куда конь с копытом, туда и Шарп с клешнёй.

Шарпов для того и создают, и популяризируют, чтобы увести массовое мировое сознание от понимания того, о чём Ленин говорил сто лет назад:

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями *разыскивать* интересы тех или иных классов…»

А далее у Ленина написано:

«Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое…»[277]

На первый взгляд, такое мог бы написать и Шарп: «…найти, организовать, составить силу…» Ведь Шарпы именно этим и заняты — в Ираке, в Ливии, Египте, Сирии, на Украине и в Российской Федерации… Вот только Шарпы и подлинные «сценаристы» «цветных» «революций» — ведь Шарп и его Институт Эйнштейна — не более чем ширма — не просвещают общественное сознание, а затемняют его. Они создают силы, призванные не смести старое — то есть подлое, антигуманное, капиталистическое, — а закрепить власть этого старого.

И люди до тех пор будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями и обещаниями Шарпов видеть классовый интерес класса имущих собственников.

Видеть так, как учил народы Ленин.

Еще *до* Октября 1917 года Ленин в работе «Удержат ли большевики государственную власть» писал:

«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны с кадетами… Но мы отличаемся от этих граждан тем, что мы требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления… было начато немедленно…»[278]

Последующая история Советской России блестяще подтвердила мысль Ленина… Если не бывшие кухарки, то уже их дети не просто сумели управлять государством, а создали абсолютно новый тип государства и общества — социалистического. И крестьянский сын Лаврентий Берия вырос в этом государстве до уровня лучшего менеджера XX века, умевшего управлять за счёт не «кнута и пряника», как его в том облыжно обвиняют, а за счёт блестящего, развитого социализмом, управленческого таланта…

А КАК актуальна ленинская статья «Империализм и раскол социализма»! Написанная осенью 1916 года на злобу дня, эта статья поставила вопросы, на которые сложно ответить и сегодня, поскольку, когда она была опубликована, контуры идеи «золотого миллиарда» лишь обрисовывались, а сейчас этот миллиард, состоящий из развращённых Элитой масс, стал фактом.

И, увы, весьма трудно устранимым из жизни мира фактом!

В своём обнажённом виде «золотой миллиард» населения Земли — это ограда, защищающая Золотую Элиту от мировой «простонародной сволочи» численностью в остальные миллиарды. Причём в системном смысле идея весьма стара. Так, Ленин в 1916 году в своей статье цитировал письмо Энгельса Марксу от 7 октября 1858 (!!) года, где говорилось: «Английский пролетариат фактически всё более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь

мир, это до известной степени правомерно»…

Как видим, английские буржуа сделали нужные выводы из «Манифеста Коммунистической партии», опубликованного впервые в Лондоне в 1848 году, уже через десять лет после его выхода в свет и стали подкупать верхушку рабочего класса.

Прошла четверть века, и замысел английской элиты стал реальностью. И тот же Энгельс в письме Каутскому (!) от 12 сентября 1882 года (его тоже цитирует Ленин), как о данности сообщает: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативные и либеральные радикалы, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и её монополией на внешнем рынке».

Конечно, это относилось не ко всему английскому рабочему люду, но к очень немалой его части, которую как раз Энгельс и назвал «аристократией в рабочем классе» и которую можно назвать, перебрасывая мостик в современность, первыми «золотыми миллионами», положившими начало будущему «золотому миллиарду» на глобализуемой Капиталом планете.

Во времена Ленина тенденция, подмеченная Энгельсом, окончательно переросла в явление. Причём классовое соглашательство рабочих «верхов» особенно отвратительно проявилось в том ненавидимом Лениным социал-шовинизме, без которого Первая мировая война была бы просто невозможна. Политика подкупленных рабочих «вождей» и поддержка их «рабочей аристократией» привела к тому, что миллионные массы простых людей по обе стороны фронтов, получив в руки штыки, обратили их не против буржуа всех стран, а друг против друга.

Пролетарии убивали пролетариев миллионами — во имя прибылей элиты. Кто-то увидел в этом факте крах марксизма, а ведь этот факт ярко подтверждает правоту марксизма! Просто больной вместо того, чтобы проглотить горькое спасительное лекарство, самым дурацким образом выплюнул его… Маркс ли с Энгельсом, Ленин ли были в том виноваты? В их распоряжении были крайне ограниченные средства пропаганды и просвещения масс, а в распоряжении их буржуазных оппонентов — вся мощь частнособственнического общества и его пропагандистского аппарата…

Не так это всё просто, товарищи!

В своей статье 1916 года о расколе социализма (Ленин имел в виду раскол социал-демократического движения на соглашателей и революционеров) Владимир Ильич обращался к примеру Англии. Однако он имел в виду и весь мир

империализма в целом и писал:

«Горстка богатых стран — их всего четыре, если говорить о самостоятельном и действительно гигантски-крупном, „современном“ богатстве: Англия, Франция, Соединённые Штаты и Германия — эта горстка развила монополии в необъятных размерах, получает *сверх*прибыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, едет „на спине“ сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за делёж особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи.

В этом экономическая и политическая суть империализма…»[279]

Это написано в 1916 году!!

И что здесь устарело?

К четвёрке прибавились Канада, Япония и Италия — вот и все изменения, да Америка по сравнению с 1916 годом разрослась, как огромная мировая раковая опухоль, заменив Англию на посту первого мирового эксплуататора…

Плюс — стал реальностью тот «золотой миллиард», формирование которого самой Элитой Энгельс рассмотрел полтора века назад и о котором как о почти свершившемся факте писал Ленин век назад:

«Буржуазия „великой“ империалистической державы *экономически может* подкупать верхние прослойки „своих“ рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо её *сверх*прибыль составляет, вероятно, около миллиарда. И вопрос о том, как делится эта маленькая подачка между рабочими-министрами, „рабочими-депутатами“… рабочими-чиновниками, рабочими, организованными в узкоцеховые союзы, служащими и т. д. и т. д., это уже вопрос второстепенный…

С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в „вечных“ паразитов на теле остального человечества, „почить на лаврах“ эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабжённого великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*…»[280]

Тенденция масс к освобождению от паразитов, от привилегированной горстки, о которой Ленин написал в октябре 1916 года, привела через год к Великой Октябрьской социалистической революции в России. И ренегат Каутский сразу же восстал против этой тенденции и оболгал её.

Однако тенденция крепла, ширилась, возник социалистический лагерь… Источник прямых колониальных сверхприбылей иссякал, и хотя неоколониальные прибыли

оказывались порой ещё бóльшими, чем колониальные, буржуазии крупнейших капиталистических держав смертельно угрожала могучая всемирная тенденция к освобождению, оплотом которой была страна Ленина. И тогда под знамёна тенденции превратить горстку привилегированных наций в вечных паразитов на теле остального человечества, то есть под знамёна «золотого миллиарда», были призваны новые элитарные ренегаты, которых к 1991 году набралось в СССР — легион.

Эти ренегаты и совершили элитарную контрреволюцию 1991 года — в интересах как поощрявшей их мировой «Золотой» Элиты, так и в собственных элитарных, то есть шкурных интересах.

И теперь она, эта подлая, антинациональная, антинародная, до неприличного чавканья жадная «элита» замахивается на Ленина — творца народной России, ненавистной для элиты всех стран.

Что из этого выйдет — сказать сложно, очень уж изгажено сегодня и мировое, и российское общественное сознание. Однако не могу не напомнить всем слова Владимира Ильича:

«Решают исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое число не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо».

Хорошо сказано, ей-богу!

Послесловие

Заступит ли Россия вновь на пост № 1?

УЖЕ более девяноста лет Ленин лежит в Мавзолее. При этом ушли в прошлое годы, когда непременным атрибутом Красной площади была неубывающая очередь тех, кто шёл к Ленину.

Оказаться в той очереди мог любой пришедший на главную площадь страны, однако психологически было далеко не просто не только выстоять извивающуюся на сотни метров очередь, но и встать в неё. Приход в Мавзолей — это не воскресный поход в музей восковых фигур мадам Тюссо — многие готовились к встрече с Лениным годами…

Да, это был ритуал, однако не религиозный, а державный. Я был в Мавзолее у Ленина лишь раз в своей жизни, и тот час, когда я шёл к нему, стал временем, проведённым не только наедине с собой, но и с Лениным. Думаю, нечто подобное испытывали и другие, стоящие в одной очереди со мной, потому что на нескором пути я не слышал вокруг даже перешёптывания — люди шли молча, сосредоточенные, погружённые в себя, думающие каждый о своём.

И, пожалуй, каждый думал об одном и том же…

Наступили девяностые годы — первое постсоветское десятилетие, особенно гнусное тем, что тогда окончательно слезала фальшивая благопристойность со многих бывших советских «властителей умов и душ»…

Скажем, поэт Андрей Вознесенский, написавший в шестидесятые годы хорошую поэму о Ленине «Лонжюмо» («Ленин был из породы распиливающих, обнажающих суть вещей…») и в те же шестидесятые годы призывавший: «Уберите Ленина с денег!», дабы не мусолить его образ, в девяностые годы вдруг возжелал, чтобы Ленина убрали-де из Мавзолея.

Подобных превращений (правда — превращений ли, или всё же саморазоблачений?) тогда хватало. И одно время духовные уроды просто-таки с пеной у рта требовали «выноса тела диктатора», а духовные уроды типа Владимира Жириновского требуют этого и сейчас.

Ссылаются при этом и на мифическое завещание Ленина похоронить его рядом с матерью на Волковом кладбище, и на восточный, а не христианский-де обычай помещения тела усопшего в саркофаг для всеобщего обозрения и т. д.

А ведь мы имеем достаточно давний прецедент с телом не

только крещёного (как Ленин), но и до своей кончины верующего (в отличие от Ленина) православного знаменитого человека — нашего великого хирурга и анатома Николая Ивановича Пирогова (1810–1881), героя первой обороны Севастополя…

С 1866 года до самой смерти Пирогов жил в собственном имении Вишня (ныне Пирогово) под Винницей, и после смерти его ученик, интересовавшийся, как и учитель, проблемами бальзамирования, забальзамировал тело, и оно было помещено в склеп, сооружённый в имении. На этот акт было дано официальное разрешение Синода. В 1947 году тело реставрировали и выставили для обозрения в стеклянном саркофаге в специально перестроенном склепе — церкви-некрополе.

Напоминая об этом читателю, я не склонен, тем не менее, придавать прецеденту с Пироговым большее значение, чем он (прецедент) того заслуживает. Ленин и память о нём ни в чём и ни по какому поводу в оправдании не нуждаются. Однако и забывать о винницком прецеденте тоже не следует.

Важнее, впрочем, другое… За год до девяностолетия со дня смерти Ленина актёр Максим Галкин в кратком интервью газете «Комсомольская правда» высказал вполне верную мысль: «Мавзолей — это частный вопрос, который выводит нас к обсуждению… глобальных проблем духовного развития общества. Мне кажется, чтобы идти дальше, нашей власти надо определиться, как она относится к делу Ленина. И не только власти, но и каждому из нас»[281].

Устами Галкина глаголет истина: Россия не может двигаться дальше, не определившись с делом Ленина, из чего будет вытекать и её отношение к телу Ленина. Вот только надо понять, что, *продолжив*дело Ленина, Россия продолжит и свой исторический путь, а *отвергнув* Ленина и дело Ленина, она свой путь достаточно быстро завершит. Некий умный американец заметил: «Если русские не возьмутся за ум, они станут историческим понятием». Точнее не скажешь, но Россия не может взяться за ум, пренебрегая именем Ленина, памятью о Ленине и делом Ленина…

Вспомнив о реальном Максиме Галкине, скажу и ещё об одном Галкине — главном персонаже российско-американского фантастического фильма «Москва-2017» преуспевающем маркетологе Мише Галкине… Благодаря мистически открывшемуся «второму зрению» Миша видит бренд гамбургера в виде огромных, присосавшихся к затылку каждого человека и плавающих в воздухе монстров, вынуждающих людей потреблять фастфуд.

Фильм с любопытным названием «Москва-2017» был снят в 2012 году, и там Миша Галкин, попытавшийся восстать против рекламного насилия над человечеством, говорит: «Почему я думал, что рекламу запретят? Рекламу никогда не запретят. Мы живём в мире, созданном Лениным. Великая брендовая революция победила. Раньше бренды делали под желания людей, а теперь людей делают под бренды. Вы должны убедить покупателя, что чужие бренды опасны, и ваши бренды должны атаковать…»

При всей почти забавной («почти», потому что ситуация, вообще-то, трагична) глупости этого утверждения в части Ленина, оно абсолютно верно в части положения дел в современном либерастическом обществе. В *этом* обществе рекламу действительно не запретят до тех пор, пока оно будет существовать… Суть этого общества тождественна сути капиталистической рекламы, и заключается эта суть в тотальном насилии над естеством человека.

К слову, в советском обществе даже реклама имела совершенно иную суть. «Нигде, кроме как в Моссельпроме!» — в этой знаменитой в своё время рекламе Маяковского присутствовала весёлая ирония, не подавлявшая личность, а, пожалуй, развивавшая её.

В семидесятые годы в витрине одного из харьковских молочных магазинов было выставлено огромное фото краснощёкого малыша, заявлявшего: «Ни за какие блага мира не откажусь я от кефира!»… И этот, с позволения сказать, «бренд» кефира — не кефира «Данон» или кефира «Роллс-ройс», а кефира вообще — как полезного кисломолочного продукта — не атаковал сознание человека, а вызывал весёлую человеческую улыбку!

Мелочь?

Да!

Но даже в этой мелочи проявляется антагонизм капиталистической бесчеловечности и социалистической человечности…

ПО СРАВНЕНИЮ с временами Ленина мир изменился, на первый взгляд, неузнаваемо. Но так ли это на самом деле? Как и сто, и двести, и тысячу лет назад, мировая Элита живёт по-прежнему во дворцах, а миллиарды неимущих — в хижинах. И тот факт, что сегодня число людей на Земле, живущих в относительном достатке, намного больше, чем во времена Ленина, ничего не меняет по существу. К тому же абсолютное число живущих в хижинах тоже выросло.

Тем не менее лозунг «Мир — хижинам, война — дворцам!» сдан, на первый взгляд, в архив истории. Мировая

социалистическая революция, в победе которой в достаточно скорой перспективе были уверены и Маркс, и Ленин, не состоялась. Стараниями спецслужб Запада в мире происходит немало революций, но — «цветных», не уничтожающих власть Элиты, а укрепляющих её. Единственной же «цветной» революции, которая освобождает людей, — красной революции — в мире нет…

Почему?

Почему миром и в начале XXI века правит Капитал, а не идеи Маркса и Ленина?

Что ж, раз дав на этот вопрос ответ, иного дать не могу: идеи Маркса лучше освоил Капитал, чем Труд. Капитал быстро понял всю их опасность для себя и сразу же развернул огромную работу по подрыву идей Маркса и противодействию им.

Противодействовать правде можно, лишь противопоставив ей или физическое насилие, или, что ещё эффективнее, — нравственное насилие — то есть ложь. Обладая большим историческим опытом и образованием, мировая «элита» сумела обмануть массы и с успехом занимается этим по сей день. Живущие во дворцах научились ловко манипулировать сознанием тех, кто живёт даже в хижинах, не говоря уже о тех, кто живёт в современных многоквартирных домах, снабжённых цветными телевизорами…

Маркс и Энгельс выдвинули великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Смысл его был человечным и волнующим. Но для капиталистической «элиты» не было лозунга более страшного и смертельного… Если бы трудящиеся во всех странах поняли, что *все вместе* они — сила, то такой силе не смог бы противостоять никто, и старое общество быстро кончилось бы.

Маркса читали пролетарии, но его читали и капиталисты. Рабочий класс не имел для своего полноценного развития ни времени, ни средств, зато их имели капиталисты. И, как это становится окончательно ясно *только сейчас,* буржуа прочли Маркса внимательнее и глубже, чем пролетарии.

«Манифест Коммунистической партии» провозглашал:

«Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства…

Коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения…

Наконец, коммунисты повсюду добиваются объединения и соглашения между демократическими партиями всех стран»…

Заканчивался же «Манифест» следующими словами:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме собственных цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

В то время, когда эти слова прозвучали впервые, весь мир принадлежал господствующим классам наследственных аристократических и частных капиталистических собственников. И они тоже прочли эти слова. Могли ли они, после знакомства с идеями, несущими конец их господству, оставаться в бездействии? Могли ли они согласиться с идеей мира для всех трудящихся, а не только для «элиты»?

Мировой Капитал быстро понял, что для того, чтобы пролетарии не объединились всюду, по всему миру, надо сделать всё для того, чтобы их разъединить.

Маркс учил, что сила трудящихся — в объединении трудящихся.

«Элита», прочтя Маркса, поняла, что отныне сила «элиты» — в разъединении трудящихся. А для того, чтобы обеспечить разъединение и разобщение пролетариев, надо было как можно быстрее и теснее объединиться капиталистам всего мира, всех стран.

Они это и сделали.

И сделали намного быстрее и лучше, чем пролетарии.

Правящие «элиты» различных национальных государств могли вступать в смертельную схватку между собой за рынки сбыта, за выгодные территории, за влияние в том или ином регионе… Но в одном вопросе капиталисты всех стран со времён Маркса всегда действовали дружно, согласованно и без споров: в деле разъединения рабочих как внутри своих стран, так и в мировом масштабе.

И это им, надо признать, удалось к началу XX века везде и во всех рабочих партиях при помощи ренегатов типа «вождей» II Интернационала Бернштейна и Каутского. Поэтому в начале XX века в Европе была лишь одна революционная партия, ставившая перед рабочими задачу обретения ими политической власти. И этой партией была ленинская РСДРП(б).

Ленин и привёл Россию к пролетарской революции, хотя произошло это позже, чем могло произойти.

Прошла четверть века после смерти Ленина, и в мире начала складываться мировая система социализма, то есть мировая революция всё же развивалась, была на подъёме. Но мир в целом

не удержался на революционных, преобразовательских высотах духа, и сегодня уровень растления масс даже не социал-демократическим, а либерастианским воспитанием таков, что духовный разврат в «развитых» странах уже не считается развратом.

Как, собственно, и разврат физический.

Впрочем, так было и во времена Ленина — лишь масштаб явления тогда был ещё невелик, ведь тогда всё ещё лишь начиналось. Но борьба высокого человеческого духа и низкого многоликого разврата ума и души шла и тогда.

Идёт ли она сейчас?

Да, конечно, идёт!

А начало этой великой борьбе — борьбе не на уровне отдельных прекраснодушных мыслителей и альтруистов, а на уровне миллионных масс — положил Ленин.

ПОД знаменем Ленина Россия совершила в считанные годы, казалось бы, невозможное… После разрухи двух войн, почти лишившись целых профессиональных групп интеллигенции, без крупных внешних займов и инвестиций, с обществом, расколотым на передовое меньшинство и всё еще тёмное крестьянское большинство, уже через десять лет после смерти Ленина Россия обрела качественно иной облик!

К концу 1931 года по основным показателям был выполнен план электрификации России, ленинская мечта — план ГОЭЛРО. А к концу 1934 года символами России стали домны «Магнитки» — Магнитогорского металлургического комбината, и плотина Днепрогэса — Днепровской гидроэлектрической станции имени В. И. Ленина…

Но это были именно символы — наиболее эффектные приметы новой державы, а вообще-то Россия покрывалась сотнями новых крупных предприятий. За пять всего лет — с 1929-го по 1934 годы — вошли в строй такие гиганты, как Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторный заводы, Ростовский «Ростсельмаш» и Саратовский завод комбайнов, Горьковский автозавод и автозавод имени Лихачёва в Москве…

27 апреля 1931 года Ижорский завод выпустил первый советский блюминг — мощный прокатный обжимной стан для проката крупных стальных слитков в квадратные заготовки — блюмы, и для фасонного проката.

24 марта 1932 года был введён в эксплуатацию первый мартен завода «Электросталь», 29 марта — Первый государственный шарикоподшипниковый завод в Москве; 3 апреля задута первая домна Кузнецкого металлургического комбината, 30 апреля введён в эксплуатацию Московский завод

«Фрезер», а 11 июля — Московский завод «Калибр»…

В 1932 году начали работать Березниковский химический комбинат, Горьковский завод фрезерных станков, был основан Комсомольск-на-Амуре…

15 июля 1932 года вошёл в строй первый советский «завод заводов» УЗТМ — Уральский завод тяжёлого машиностроения, знаменитый «Уралмаш», а 17 сентября 1934 года к нему присоединился украинский «завод заводов» НКМЗ — Новокраматорский завод тяжёлого машиностроения…

В 1933 году была задута первая домна на «Азовстали» в Мариуполе, сданы в эксплуатацию Московский и Ленинградский мясокомбинаты, окончено строительство Бобриковского химического комбината…

В десятую годовщину смерти Ленина, 23 января 1934 года, был введён в эксплуатацию новейший Харьковский турбинный завод, 1 июня этого года дал первую продукцию Уральский электромашиностроительный завод, а в конце года к предприятиям, обеспечивающим небывалую ранее экономическую самостоятельность России, прибавились Сталиногорская ГРЭС, Нивская ГЭС, Кемеровская ГРЭС, Барнаульский текстильный меланжевый комбинат и Уфалейский никелевый комбинат…

1 января 1933 года «Правда» напечатала, как было сказано в редакционном примечании, «лишь небольшую часть списка предприятий, построенных в первой пятилетке», и обещала в следующем номере показать новостройки «более развёрнуто»…

Приводить даже неполный список не могу — он занимает более четырех страниц типографского текста. Но сообщу, что в списке были разделы «Металл» (12 новостроек); «Машиностроение» (18 новостроек); «Электростанции» (19 новостроек); «Химия и резина» (9 новостроек); «Нефть» (14 новостроек); «Кокс» (7 новостроек); «Транспорт» (10 новых железных дорог и Беломорканал); «Уголь» (9 новых шахт и рудников); «Текстиль» (10 новостроек); «Цветные металлы» (7 новостроек); «Пищевые предприятия» (7 новостроек); «Лес» (6 новостроек) и «Бумага» (3 новых бумажных комбината — Балахнинский, Вишерский и Сясьский)…

НОВАЯ Россия, начало которой положила воля Ленина, становилась страной заводов и фабрик, страной крупного товарного сельского хозяйства. А на этой материальной базе возникала и развивалась новая Россия людей — не просто сталеваров и машиностроителей, химиков, агрономов и трактористов, а свободных людей-коллективистов.

Да, старое в этой России боролось с новым, и новое не всегда побеждало. И всё же стрежневой путь России определился: она

становилась страной свободных энтузиастов, осознавших себя хозяевами страны и собственной судьбы.

Это — не пропагандистская фраза «неисправимого» «сталиниста» и ленинца.

Это — исторический факт.

И новая Россия — Россия строителей Каширы, Магнитки, Днепрогэса, Турксиба, ХТЗ, ЧТЗ и Московского метрополитена, первые линии которого открылись 15 мая 1935 года, — поставила на главной площади древней русской столицы строгий и величественный в своей строгости Мавзолей Ленина.

И выставила у входа в него Пост № 1.

Впервые главные часовые новой России встали ещё у деревянного Мавзолея в день похорон Ильича, 27 января 1924 года, и, сменяясь через каждый час, нерушимо несли свою службу все 67 лет советской истории России.

Они стояли на Посту № 1 в дни триумфальных встреч Москвой экспедиции «Челюскина» и экипажа Чкалова, в дни военных парадов и мирных демонстраций…

Они стояли на Посту № 1 в дни бомбёжек Москвы и в день военного парада войск Московского гарнизона в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1941 года…

Стояли эта строгая пара часовых на своём Посту и в день окончания войны… На Красной площади день и ночь шумело людское море, лица освещались солнцем и огнями праздничного салюта, а молодые кремлёвские курсанты — часовые Поста № 1 — стояли, не шелохнувшись, на глазах у всеобщей бурной радости…

Они охраняли Ленина в день 24 июня 1945 года, когда на Красной площади проходил парад войск Действующей армии, Военно-морского флота и Московского гарнизона — Парад Победы, и в день 9 марта 1953 года, когда Россия хоронила Сталина…

Сменяя друг друга, внутренне ликующие, а внешне по уставу невозмутимые, молодые советские ребята несли службу на Посту № 1 в день 12 апреля 1961 года, когда Красная площадь вбирала в себя тысячи и тысячи людей, радующихся полёту Гагарина, а через пару дней приветствующих нашего Юру, стоящего на трибуне Мавзолея, где ещё чётко светились слова «Ленин» и «Сталин».

Однако пора триумфов уже перемежалась глупостью и подлостью хрущёвщины, а потом — и брежневщины.

31 октября 1961 года, ночью, оградив Мавзолей фанерными щитами, хрущёвцы убрали Сталина из Мавзолея, и во время всей

этой процедуры часовые Поста № 1 тоже стояли на своём посту.

Парад 1965 года в честь 20-летия Победы над фашистской Германией, похоронная процессия в марте 1968 года с прахом Юрия Гагарина на орудийном лафете — всё это проходило мимо часовых Поста № 1… И всегда — и в дни ликования, и в дни скорби — их лица были одинаково замкнуты и суровы.

Стояли эти часовые на своём посту и в период «гонок на катафалках» в первой половине восьмидесятых годов, когда кремлёвские старцы хоронили кремлёвских старцев под тайные ухмылки кремлёвских и вообще московских «кротов», под понимающее переглядывание исподтишка кремлёвских ренегатов, изготовившихся к развалу социализма и Страны Советов…

В семидесятые годы Роберт Рождественский написал поэму «210 шагов» — ровно 210 шагов должен был пройти караул Поста № 1 от ворот Спасской башни Кремля до ступеней Мавзолея, чтобы затем занять на час своё место у тяжёлой державной двери…

Грохот сердца.
И высохших губ немота.
Двести десять шагов
до знакомых дверей,
до того — опалённого славой —
поста,
молчаливого входа
в его Мавзолей…

Над холодною дымкой,
плывущей с реки,
и торжественной дрожью
примкнутых штыков,
по планете,
вбивая в гранит
каблуки, —
Двести десять
весомых
державных шагов…

Год за годом под бой курантов на Спасской башне Кремля сменялся державный караул, год за годом люди старались подгадать свой приход на Красную площадь так, чтобы увидеть эту смену, и наблюдали её без идиотского ажиотажа, в молчании,

даже не перешёптываясь…

Пришёл чёрный 1991 год торжества ренегатов, близилась вакханалия тотального развала, которая продолжается до сих пор. Ленинский Пост № 1 у Мавзолея был снят. Вместо державной поступи его часовых в девяностые годы на Красной площади прозвучали надменные шаги директора ЦРУ, в спесивом одиночестве совершившего тогда *свой* парад победы…

И началась деградация.

ДЕГРАДИРУЕТ не только Россия — деградирует весь мир. Технологические достижения последних десятилетий лишь усиливают деградацию, потому что они не подкреплены социальными достижениями человечества. По сути, Запад совершает технологические прорывы воровским образом, за счёт «утечки мозгов», то есть за счёт концентрации интеллектуальных сил разных стран в ряде исследовательских центров Запада.

В перспективе это ведёт мир к коллапсу, ибо неконструктивна и разрушительна любая элита — даже интеллектуальная, если она противопоставляет себя законным интересам и нуждам всех жителей планеты… А нынешний «развитой» (развивающийся технологически, но деградирующий социально) мир всё более враждебен тем, кто оказывается за пределами «золотого миллиарда».

«Развитой» мир всё более балансирует даже не на проволоке, а на острие меча…

Рухнет ли он?

Вне сомнений…

Вопрос лишь в том — как он рухнет: только он, или погребая под своими зловонными руинами всё человечество?

Есть ли здесь конструктивный выход?

Что ж, вне сомнений, пока ещё выход есть.

Но указывает его только ленинская рука!

Да, интеллектуальное наследие Ленина пока что не востребовано новой эпохой. Однако оно необходимо нам, оно актуально. Сплошь и рядом у Ленина можно найти мысли, идеи, констатации, которые оказываются отправными точками для вполне современных размышлений о настоящем и будущем человечества.

Ленин сумел предвосхитить так многое постольку, поскольку много размышлял в те годы, когда он — гениальный социальный реформатор — ещё не имел возможностей для практического приложения своего уникального преобразовательного потенциала.

Сталин более тридцати лет был занят делом создания новой России, а Ленину на это не было отведено и пяти, зато время

размышлений до 1917 года заняло у Ленина тоже более тридцати лет.

Вот он, ещё скрываясь в подполье, в сентябре 1917 года пишет брошюру «Задачи пролетариата в нашей революции»… Казалось бы, работа чисто на злобу дня, но возьмём такое, например, её место:

«Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, только в их интересах ведётся, *только* их обогащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. *Нельзя* выскочить из империалистической войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату…»[282]

Это было сказано о Первой мировой войне и о конкретном мире между воюющими странами, который был нужен России… Но это же сказано и о том XXI веке, в котором все военные конфликты и войны порождены вожделениями всемирного капитала. Теперь проблемы войны и мира переплетены уже десятками миллиардов видимых и невидимых связей, но суть-то остаётся неизменной, названной ещё Лениным. И она заключается в том, что прочный, ненасильнический, демократический мир — мир как ойкумену современного человечества — планета может получить, лишь заменив власть Привилегии властью Честного Трудового Вклада каждого члена общества в общее процветание.

Напомню, что ойкуменой (от *греч.* οἰκέω населяю) древние греки называли совокупность областей земного шара, заселённых человеком. И поскольку сегодня человек заселил весь земной шар от полюса до полюса, понятие ойкумены сегодня равнозначно понятию мира…

А Ленин?

Что ж, Ленин всё ещё там — в будущем, во вполне возможном светлом будущем намеченного им мирового социализма.

В пятидесятые годы прошлого столетия, посреди начинающей либерастироваться Европы, за десятилетия до легализации однополых браков и прочего подобного, уже известный нам граф Кайзерлинг в эссе «Спектр Европы» задавался вопросом: «Не создан ли в России образец человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены?»…

Странно, что граф, сумев подняться до того, чтобы задать такой вопрос, видел в Ленине «сатанинское начало» и считал, что «светлое будущее забрезжит лишь столетия спустя».

Увы, правда заключается в том, что нет у нас этих столетий — антиобщественная позиция мировой Золотой Элиты спрессовала сроки до наступления «момента истины» в десяток-другой лет. А ответ на вопрос графа Кайзерлинга очевиден: конечно же, именно в России Ленина были заложены условия для создания нового человека с естественно высоким духовным накалом, вытекающим из самих основ нового общественного строя. И уже в России Ленина такой человек появился и начал осваивать и пересоздавать жизнь.

Россия Сталина, осенённая знаменем Ленина, этого нового человека утвердила в его общественных правах, утвердила как массовое явление. Однако, как сейчас видно, утвердила не прочно, не окончательно. Не приписываемое Ленину и Сталину, а реальное демоническое начало — капиталистическая мировая Элита — сорвало дело создания (создания как общественного явления и важнейшего общественного фактора) нового человека…

Человека того широчайшего внутреннего напряжения, тип которого представляется соответствующим задачам ойкумены.

В 1904 ГОДУ Ленин написал работу, звучно и точно названную им «Шаг вперёд, два шага назад»…

В октябре 1917 года Россия решительно шагнула за Лениным, потом — за Сталиным, и шагнула широко, это были шаги нового социального гиганта…

В августе 1991 года Россия далеко отшагнула назад, по сути — в начало XX века. Причём не только экономическая доля России в мировом производстве в считанные годы после 1991 года снизилась до того же уровня, что и в 1913 году и даже ниже. Мы и социально упали — во многих отношениях — в те же «свинцовые мерзости», которые были характерны для российского общества век назад, до Октября 1917 года.

На этот счёт есть интересное свидетельство, убийственное как для царской, так и для ельциноидной России.

Англичанка Клэр Шеридан, лепившая в 1920 году портрет Ленина, описывая свою жизнь в Москве, сообщала, что почти каждый вечер бывала в Большом театре на оперных и балетных спектаклях. И то, что написала Шеридан об этих вечерах, поражает:

«Театр был переполнен до отказа рабочими, среди которых профсоюзы бесплатно распределяли билеты. Здесь можно было увидеть лица русских совсем в ином свете. Люди, облокотившись на барьеры лож, устремившись вперёд, были целиком поглощены зрелищем балета. Я не слышала ни кашля, ни шёпота. Это были усталые люди, пришедшие сюда после тяжёлого трудового дня, —

они заслужили это удовольствие и в полной мере им наслаждались. Напряженное внимание, с которым они смотрели балет или слушали оперу, производило огромное впечатление. Впервые в своей жизни эти люди, находившиеся под гнётом, работавшие на других, люди, с которыми обходились как с рабами, получили право на удовольствия, до сих пор принадлежавшее только богатым. Лица русских, а не пропаганда коммунистов начали оказывать влияние на мои взгляды».

Воспитанная в элитарной английской среде, Клэр Шеридан после поездки в Россию сумела нравственно над свой средой подняться. И свидетельство Шеридан для нас весьма ценно.

В царской России уделом масс был балаган — даже на «галёрку» Большого и Мариинского театра рабочему ход был заказан если не формально, то системно… Россия Ленина изменила ситуацию коренным образом, хотя сам Ленин, выбирая между Большим театром и новой сельской школой, принимал сторону школы.

Однако это объяснялось не узостью художественных вкусов Ленина, а огромной широтой его социального видения будущего. Это был выбор во имя того, чтобы для образованных поколений новой России Ленина Большой театр стал нормой. Он в СССР нормой и стал, как сотни других столичных и периферийных *государственных* театров, чего и близко не было в царской России.

После Августовской элитарной контрреволюции 1991 года высокое искусство опять начало становиться правом богатых. И хотя сегодня любой московский рабочий формального права на приобщение к подлинному искусству не лишён, системно его от высоких духовных ценностей всё более отчуждают. Как и сто, и двести лет назад в старой России бар и холопов… В свою очередь, искусство, перестав служить народу, вырождается в балаган, в шоу-бизнес.

Грустно всё это!

И грязно…

В 1991 году Россия совершила не два шага, а сто шагов назад…

И теперь России надо совершить 210 шагов вперёд и в переносном, *и в прямом* смысле слова!

В прямом — вновь сделав пост у входа в Мавзолей постом № 1. Если Россия не пройдёт 210 физических шагов к восстановлению Поста № 1 у Мавзолея Ленина, то она не сделает и те исторические шаги, которые обеспечат России новый её цивилизационный рывок.

СЕГОДНЯ обвинять Ленина и продолжателя его дела Сталина

могут лишь непроходимые невежды, законченные негодяи и моральные уроды…

В последний раз в этой книге обратимся к Василию Осиповичу Ключевскому… Выдающийся наш историк был фигурой сложной и нередко в политических оценках ошибался, однако заблуждения сильного интеллекта интереснее тривиальной правоты ума заурядного, и поэтому лишний раз вспомнить Василия Осиповича нам будет не лишне… Да и не очень он *кое в чём* заблуждался, когда весной 1866 года записал в дневнике:

«Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ! Ты являешься каким-то голым существом и после тысячелетней жизни без имени, без наследия, без будущности, без опыта. Ты, как бесприданная фривольная невеста, осуждён на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который взял бы тебя в свои руки, — а не то ты принуждена будешь отдаться первому покупщику, который, разрядив и оборвав тебя со всех сторон, бросит тебя потом, как ненужную, истасканную тряпку…»[283]

Это было написано за четыре года до рождения Ленина, но ошибётся тот, кто решит, что я намерен назвать его тем «благодетельным женихом», который взял Россию в свои руки и повёл её к светлому будущему. Если уж пользоваться подобными сравнениями, то большевик Ленин — в отличие от русского либерального историка Ключевского — увидел, что замарашка-«невеста» Россия — это на самом деле невиданная красавица с несметным приданным, не сознающая ни своей красоты и силы, ни своего богатства.

До Октября 1917 года Ленин жил и работал ради того, чтобы отмыть сознание этой «замарашки», загаженное и царизмом, и либералами, убедить её в том, что она — не бесприданница, что она достойна умной и деятельной судьбы. А после Октября 1917 года Ленин жил и работал ради того, чтобы Россия обрела эту судьбу — умную, великую и достойную.

Россию царей русский историк сравнил с фривольной невестой. А новая Россия Ленина, спасённая и созданная им, благодаря Ленину осознала себя не пассивной ожидательницей «благодетельного жениха», а активной строительницей своего будущего и своего счастья…

Так кто оказался исторически прав в оценке перспектив России — Ключевский или Ленин?

Что ж, *на том* историческом этапе и *в тех* исторических условиях прав оказался Ленин. В начале XX века он смог объединить вокруг себя и своих идей широкие массы народа, не

пожелавшие отдавать свою судьбу западным «покупщикам»…

Если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция Ленина, то Россию и впрямь в XX веке могла ожидать участь недалёкой фривольной невесты, которую Запад, обрядив в мишуру, оборвал бы, обобрал бы со всех сторон, а потом бросил на произвол истории как ненужную, истасканную тряпку.

Но конец XX века показал нам, что и Ключевский оказался не так уж неправ. Его оценка России и русского народа полуторавековой давности сегодня звучит как точное описание положения нынешней России в начале XXI века! Оценка Ключевского — это приговор всем ренегатам: от Горбачёва до Путина.

Но почему же выходит так после более чем тысячелетней нашей государственной жизни?

Вот ещё одна цитата:

«Недостаточно сказать… что… нация была застигнута врасплох. Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе её формулируют. Ведь надо ещё объяснить каким образом три проходимца могут застигнуть врасплох… нацию».

О чём это?

О Беловежских соглашениях 8 декабря 1991 года?

О президентах РСФСР, Украины и Белоруссии Ельцине, Кравчуке и Шушкевиче?

И кто это сказал?

И когда?

Так вот, это сказано хотя *и о наших* днях, *и о нашем* позоре тоже, но сказано давно и по другому поводу. Это — Маркс, классика: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где говорится о 36-миллионной (тогда) французской нации… Как видим, любая лишённая чёткого классового сознания нация — не только русская — может отдать себя в руки проходимцев.

Но каким же образом три проходимца смогли в 1991 году застичь врасплох *300-миллионную* советскую социалистическую нацию?

Что ж, уже почти закончив читать эту книгу, пусть над таким вопросом поразмышляет и даст ответ на него сам читатель.

ТЕОРЕТИК анархизма, князь Пётр Кропоткин, прожив долгую жизнь, умер уже в Советской России… Кропоткин был, как анархист, противником любой власти (по-гречески ἀναρχία и означает «безначалие, безвластие»). Однако в августе 1920 года ведущий анархист мира писал Ленину:

«Со всеми своими крупными недостатками, — а я, как вы знаете, хорошо вижу их, — Октябрьская революция произвела громадный сдвиг. Она доказала, что социальная революция не невозможна, как это начинали думать в Западной Европе. И, при всех своих недостатках, она производит сдвиг в сторону равенства, которого не вытравят попытки возврата к прошлому»[284].

Князь-революционер в своих теоретических выводах чаще всего ошибался, и ошибался жестоко, но здесь сказал великолепно. Человек старого мира, он сумел увидеть через всю послереволюционную «беготню по канцеляриям, чтобы получить разрешение на покупку грошовой керосиновой лампочки», контуры такого нового мира, где *социальное* равенство (равенство, а не «уравниловка»!) будет *настолько* сильно и реально обеспечено, *настолько* войдёт в плоть и кровь граждан, в их общественное сознание, что стремление к такому равенству не вытравят никакие попытки возврата к прошлому! Это сказано точно, сказано прямо для нас, граждан России XXI века.

Что есть нынешняя «Российская» «Федерация», что есть все эти «незалежні» «Украины», «Грузии», «Молдавии», «Казахстаны» и т. д, как не дурацкая, спровоцированная извне врагами Свободы, Равенства и Братства попытка возврата к прошлому!

К тому очень нехорошему, нечестному, несправедливому прошлому, против которого тогда, когда оно было настоящим, боролся Ленин. Боролся для того, чтобы оно навсегда стало для России прошлым.

А оно, вишь, пытается вернуться и, исторически уже мёртвое, хватает нас, живых…

Н-да-а…

Но что важно!

Как уж это прошлое ни старается вытравить ту атмосферу социального равенства, в которой родились когда-то гордые строки: «Человек проходит, *как хозяин* необъятной Родины своей», а стремление к социальной справедливости в России всё ещё живёт.

Задумаемся вот над чем…

В якобы свободной Америке — «цитадели демократии», в «колыбели демократии» Англии, во Франции, где родилась формула «Свобода, Равенство, Братство», считается, что быть богатым почётно. Наиболее богатые люди рассматриваются на Западе как наиболее достойные уважения.

А кто в России уважает хоть какого-то «олигарха»?

Не завидует ему, а уважает?

Ну, разве что его холуи, да и то — формально, потому что он

им платит.

Кто ещё?

Ну, разве что непроходимые социальные идиоты или идиотки, распускающие молодые слюни при взгляде на «олигархический» «Бентли», на бриллиантовые гарнитуры его девок!

А ещё кто?

Нет, огромный, огромный всё-таки запас нравственной прочности создал в нас творец нового мира Ленин… И мы по сей день дышим заветами Ленина как воздухом, не замечая, что он — есть.

Кропоткин мечтал о «безначальном обществе» утопически.

Маркс и Энгельс подошли к проблеме как социальные аналитики, как учёные, и предложили реалистическую методологию продвижения к такому обществу — свободной ассоциации свободных личностей.

Ленин же, а затем его единственный, *полностью* его понимавший соратник — Сталин — смогли заняться практическим освоением этой методологии, и в считанные десятилетия на этом пути были достигнуты огромные успехи. Причём инструмент был избран Лениным и Сталиным именно тот, который обеспечивает успех: создание крупных образованных и всесторонне развитых широких народных масс и всемерное использование их творческих сил во имя построения умного общества, где власть зависит от масс и действует в интересах масс.

Ну, что здесь плохого?

И что — непонятного?

ЗАДОЛГО до Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина было сказано: «Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними…». Это — Евангелие от Матфея, глава 7, стих 12. И слова Нагорной проповеди Христа — абсолютный критерий, абсолютный на все времена, универсальный и единственно приемлемый для общества, претендующего на то, чтобы называться человеческим, то есть — разумным!

В обществе, достойном называться человеческим, никому не должно быть дано право и возможность поступать с другими так, как он не хотел бы, чтобы поступали с ним самим. Однако, несмотря на давность тех дней, когда этот великий — не большевистский — критерий был сформулирован и обнародован, правящее меньшинство, элита, век за веком поступали с подчиняющимся им большинством прямо противоположно заповеди Христа. И все попытки изменить положение вещей ни к

чему не приводили.

Веками люди пытались понять — как же ввести принцип Христа в реальность, в повседневную жизнь общества? Великий гуманист Томас Мор описал идеальное общество в своей книге «Утопия», дав этим начало и название целому духовному течению человеческой мысли — утопическому социализму… Томмазо Кампанелла, Жан Мелье, Габриель Боно де Мабли, Гракх Бабёф, Анри де Сен-Симон, Шарль Фурье, Роберт Оуэн, Виссарион Белинский — это всё великие социалисты-утописты… Они мечтали о социальной справедливости, описывали своё видение её, однако не находили практического пути от мечты к жизни.

Революционные демократы Николай Чернышевский и Николай Добролюбов уже подбирались к верным путям, поняв, что изменить общество в интересах масс способна только революционная активность самих масс, но это были лишь первые шаги на новом пути социальной мысли…

Другие мыслители изучали материальную природу общества, пытались установить его законы, исследуя экономическую деятельность человечества. Так возникла и развилась политическая экономия. Основоположник буржуазной политэкономии Уильям Петти, сын мелкого ремесленника, ставший пэром Англии, заложил основы теории трудовой стоимости, рассмотрел проблему заработной платы и прибыли и уже в XVII веке подошёл к мысли о делении рабочего времени на необходимое и прибавочное… Исследователи капиталистической экономики: французы Кене и Тюрго, англичане Адам Смит, Давид Рикардо, Джемс Милль, — это уже XVIII и XIX век… Но всё это был лишь анализ капитализма на базе признания незыблемости капиталистического способа производства как вершины экономической деятельности человека.

Тысячелетия назад люди задумывались и о политической организации общества, о социальной природе человека… В этом ряду стоят философы Платон, Аристотель, Барух Спиноза, Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант, Людвиг Фейербах и, наконец, Гегель с его гениально открытыми законами диалектики. Но и они исходили из незыблемости того мира, который обсуждали…

Чтобы понять разницу между *всеми ними* и Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным и теми, кто пошёл за ними, вернее всего будет привести гениальную формулу Карла Маркса — его 11-й «тезис о Фейербахе»:

«Философы лишь различным способом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Вот в чём, оказывается, суть!

Вот где собака зарыта!

Мир надо изменить…

Для Платона, для Гоббса и даже для Гегеля деление общества на имущих и неимущих было неизменной, незыблемой данностью, и богатые, по их мнению, должны были лишь делиться с бедными, становиться добрее…

Маркс же и Энгельс сказали, что мир надо изменить так, чтобы из него были устранены условия появления имущих и неимущих, бедных и богатых, чтобы все имели не равное благополучие — на первом этапе нового общества, но *равные возможности* для реализации своих способностей и разумных потребностей.

Маркс и Энгельс сказали и как надо изменить мир: необходимо устранить из жизни человечества то, что позволяет меньшинству поступать с большинством по своему произволу.

Позволяют же привилегированному меньшинству поступать так их политическая власть, то есть буржуазное государство, и обладание средствами материального производства, то есть частная собственность. Устраните из жизни общества буржуазные политические принципы и частную собственность, и новый мир — пусть и не мгновенно — возникнет как мир социальной справедливости.

Ленин и стал Творцом такого мира — пусть бесславные потомки и не сумели удержаться на высотах, оплаченных кровью и потом героических предков, воспитанных Лениным.

ПОЛНАЯ противоположность двух миров — старого, против которого всю жизнь работал Ленин, и нового, во имя которого он работал и Творцом которого стал, — хорошо выявляется в принятых в одном и в другом мире обращениях друг к другу…

Старый мир выработал форму: «господин»… Но если есть господин, хозяин, то есть и раб, холуй, слуга, лакей…

Быть господами все не могут — даже если захотели бы. Форма обращения «господин» разделяет общество на две неродственные части, причём господская, обслуживаемая часть оказывается очень небольшой по сравнению с обслуживающей частью.

Новый мир отказался от формы старого мира, заменив её человечным и объединяющим словом «товарищ».

Товарищами могут быть все — если в обществе имеют все права факторы объединяющие, и подавляются — да, подавляются! — факторы разъединяющие. Ведь негативные, антиобщественные факторы и тенденции, в принципе, не обязательно подавлять штыком — их можно подавлять соответствующим воспитанием, отказом от пропаганды насилия,

ужасов.

И только если старый мир начинает тайно и или открыто идти на новый мир прямой войной, старое приходится подавлять силой.

Но тут уж — кто кого!

9 января 1918 года русский поэт Александр Блок писал:

«Русской интеллигенции — точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на „дурацкие“ вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово „товарищ“ произносить в кавычках?

Это — всякий лавочник умеет. Этим можно только озлобить человека и разбудить в нём зверя…»[285]

Лавочный капитализм в любой упаковке — даже из супермаркета — будит в человеке зверя: человек человеку — волк. Запад научился общежитию лишь постольку, поскольку нельзя всё же в повседневной жизни вести войну всех против всех. И в дикой ведь природе существует равновесие — не каждый раз хищник, увидев потенциальную жертву, нападает на неё… Но только в новом мире Ленина могла не просто появиться, а стать общественной программой песня, где были строчки:

Наше слово гордое «товарищ»

Нам дороже всех красивых слов…

Сама форма обращения друг к другу в новом мире — «товарищ» — объединяла людей, в старом мире социально разъединённых.

Маркс писал:

«Точка зрения старого материализма есть *„гражданское“* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся общество»[286].

Как точна и актуальна эта мысль в дни, когда нам то и дело талдычат о необходимости для России якобы «гражданского» общества! А нам необходимо в России, и в мире, человеческое общество, свободная ассоциация свободных людей.

Но эта ассоциация в мире, где есть капитал и правит капитал, невозможна. Вот о чём сказали Маркс и Энгельс, вот какую великую идею вбросили в жизнь! И вот какую идею подхватил Ленин, развил её и довел до уровня социальной практики на одной шестой части планеты.

Этого-то и не может простить Ленину вся Золотая Сволочь мира, начиная со дня 25 октября (7 ноября) 1917 года и по сей день!

НО ЧТО интересно — даже на Западе появляются сегодня

оценки Ленина, весьма, казалось бы, для Запада неожиданные. И ещё более неожиданно (а может — показательно?) то, что их порой публикуют даже в нынешней «Россиянии». Так, в № 1 (735) журнала «Эксперт» за 2011 год была опубликована статья социолога Иммануила Валлерстайна из Йельского университета (США) «Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра»…

Начинается она с заявления: «С течением времени в России весьма вероятна политическая реабилитация Ленина. Где-то к 2050 году он вполне может стать главным национальным героем»…

Вот так, не более, но и не менее…

Для буржуазного эксперта (а он — буржуазный эксперт) Валлерстайн написал в своей статье о Ленине на удивление много верного. Он считает, что Ленин для России неизбежно окажется центральной фигурой XXI столетия и приводит как минимум пять причин для этого:

«Во-первых, Ленин будет представляться великим национальным деятелем и патриотом, который спас Россию от полного распада, вызванного хронической некомпетентностью старого режима по всем направлениям — военной, социальной, политической… О Ленине будут говорить, что он удержал единство страны перед лицом иностранных интервентов и местных сепаратистов…

Во-вторых, Ленина будут почитать как великого продолжателя реформ графа С. Ю. Витте, которые тому не удалось завершить… Напомню самый ленинский из лозунгов: „Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны!“.

Реформы Витте и Ленина, напишут будущие историки, положили начало российской индустриализации и тем самым послужили отправной точкой как серьёзного подъёма обороноспособности и науки, так и роста ВВП на душу населения.

В третьих, Ленина будут считать не только модернизатором и западником (из-за его мечтаний об электрификации и призывов „догнать и перегнать“), но и предтечей пробуждения Азии и всего третьего мира. Бакинскую конференцию Коминтерна 1920 года можно считать моментом ленинского прагматического поворота лицом к народам Востока, или, как сказали бы сегодня, глобального Юга…

В-четвёртых, более тонкие наблюдатели, возможно, также заметят, что Ленин оказался первым деятелем в истории России, который на практике разрешил затяжной спор между западниками и почвенниками (антизападниками), став одновременно и тем и другим…

И, наконец, в-пятых, в Ленине увидят решительного и дальновидного политического лидера. Он сел в поезд, взвесив как издержки подобного решения, так и открывающиеся долгосрочные возможности. Он поднялся на броневик и произнёс неожиданно решительную речь. Он убедил руководство большевиков в том, что пора поднимать власть… Даже НЭП свидетельствует о его решительности и дальновидности. Ленин знал, когда надо резко переключить передачи и выводить страну на другой курс. Национальные герои — непременно решительные люди. Ленин порою ошибался, чаще оказывался прав, но нерешительным он не был никогда».

Оценку Ленина американским социологом можно расширить и углубить, прибавив «в-шестых», «в-седьмых» и т. д., но всё вышесказанное сказано Валлерстайном более-менее верно — исключая, конечно, параллели с Витте. Мелко плавал Сергей Юльевич — там, где Ленину было по колено, Витте с руками утонул бы.

Спорен и итоговый прогноз Валлерстайна: «Где-то к 2050 году Ленин вполне может стать основным национальным героем России». Точнее, ошибочен не сам прогноз — он-то абсолютно верен, ошибочны сроки, назначенные Валлерстайном. Ни у мира, ни тем более у России уже нет времени на такую длительную раскачку… Судьбы России, во всяком случае, исполнятся — в ту или иную сторону — в намного более близкие сроки.

Да, пожалуй, и судьбы всего остального мира…

Даже в огромном, объёмистом томе всего о Ленине не скажешь, если иметь в виду не только полное, но и *детальное* выявление его масштаба как исторической личности всемирно-исторического значения, и в то же время — великого национального вождя, и в то же время — «самого человечного человека»… Однако мне пора всё же своё повествование заканчивать, и остаётся сказать здесь немногое…

В МАРТЕ 1913 года — царская Россия в том году отмечала 300-летие загнивающего и выродившегося дома Романовых — Ленин в журнале «Просвещение» опубликовал свою классическую работу «Три источника и три составных части марксизма», которая начиналась так:

«Учение Маркса вызывает к себе во всём цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казённой, и либеральной) науки… Иного отношения нельзя и ждать… Так или иначе, но *вся* казённая и либеральная наука защищает наёмное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству…

Но этого мало. Вся гениальность Маркса состоит именно в

том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое… ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнёта…»[287]

Учение Маркса, теория Маркса и Энгельса, как и их развитие Лениным и Сталиным, действительно верны. И если они по видимости сегодня не всесильны (а по мнению многих — и бессильны), то это — лишь показатель того, в какую грязную и зловонную лужу умудрилось посадить себя человечество. А точнее — в какую вонючую лужу оно позволило посадить себя Золотой Элите мира через посредство обслуживающих интересы этой Элиты общественных институтов, прежде всего — информационных.

Оболгать Ленина, отвратить от него, от его идей и устремлений умы и души народов жизненно важно для Золотой Элиты мира и для её самого отвратительного «клуба» — «россиянско»-«олигархического». Нет Ленина — как маяка будущего России — нет и конца власти, поступающей с теми, над кем она властвует, не так, как заповедал Христос, а наоборот. Нет Ленина — как идейного и нравственного общественного ориентира России — нет и России, ради которой он жил, ради которой принял пулю и ради которой не щадил ни себя, ни своих нервов, ни своего мозга, ни самой своей жизни.

Поймёт ли это Россия?

Заступит ли вновь на Пост № 1?

КАК ЧАСТО сейчас говорят, что история-де пошла «не по Марксу» и уж тем более «не по Ленину»… Если интерес к идеям Маркса — хотя бы к части их — на Западе просыпается, то об идеях Ленина этого сказать пока нельзя.

И зря.

Маркс и Энгельс были чистыми теоретиками нового строя, необходимого для творческого развития человечества. Ленин был и теоретиком, и практиком, причём как практик он был абсолютным первопроходцем, Творцом нового строя. При всём величии, я бы даже сказал, *равно*величии Сталина с Лениным, Сталин шёл по пути, во всех основных чертах намеченном Лениным…

А Ленин шёл по цивилизационной «целине»!

В том числе и поэтому он буквально сгорел всего за пять лет

«адовой», по выражению Владимира Маяковского, работы. За пять лет не просто государственной деятельности, а беспрецедентно новаторской государственной деятельности. При этом деятельность Ленина оказалась успешной: новый строй был создан и начал развиваться.

В очередной раз зададимся вопросом: «Как ему это удалось, в чём была сила Ленина?». Это ведь сегодня не академический, а самый что ни на есть актуальный, насущный для нас вопрос! Идеи Ленина для нас важнее даже, чем идеи Сталина, ибо Сталин — это уже строительство социализма, а Ленин — это слом капитализма в целях строительства социализма. И именно задача слома капитализированной РФ в пользу новой РСФСР как основы нового СССР становится для народов России политически и социально важнейшей. Идеи именно Ленина и его подход к демократии могут помочь нам здесь весомо и реально…

Но вначале — информация к размышлению…

Современный профессор-экономист итальянского происхождения из университета Вашингтона в Такоме Гвидо Джакомо Препарата издал в 2005 году в Лондоне крайне любопытную монографию «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх». В 2007 году её выпустило в свет в русском переводе издательство «Поколение».

Профессор Препарата провёл очень интересное исследование мирового политического процесса применительно к англосаксонским корням Первой мировой войны, а затем — к тридцатым годам XX века. Но, как экономист и историк буржуазный, относительно роли Ленина в революции 1917 года профессор из Такомы попал точнёхонько пальцем в небо. Препарата приписывает ведущую роль революционизации России Парвусу, описывает «пломбированный» вагон и т. д. С другой стороны, Препарата уместно цитирует американского экономиста Торстена Веблена (1857–1929), заявившего в 1919 году (см. с. 137):

«Большевизм является революционным по своей сути. Его цель — перенесение демократии и власти большинства в область промышленности и индустрии (жирный шрифт мой. — *С. К.*). Следовательно, большевизм — это угроза установившемуся порядку. Поэтому его обвиняют в угрозе по отношению к частной собственности, бизнесу, промышленности, государству и церкви, закону и нравственности, цивилизации и вообще всему человечеству».

Сказано откровенно!

Вот почему имущие собственники ненавидели и ненавидят большевика Ленина: он был нацелен на власть народа *в сфере*

экономики, а это исключало в обществе институт привилегий на основе имущественных прав. Перенесение якобы демократии из сферы избирательного права в сферу имущественного права превращает «демократию» для элиты в подлинную демократию — в политическую и экономическую власть народа, то есть в социалистическую демократию.

Веблен признал это сто лет назад, бывшие советские профессора из московской Высшей школы «экономики» не признают и сегодня. Правда, она ведь колет, и колет в самое чувствительное место…

Веблен не был не только марксистом, но даже антикапиталистом, он искал пути конструктивного реформирования капитализма и стал идеологом «технократии» («кружка техников») как основного желательного механизма управления обществом. Увы, ни Веблен, ни Препарата, будучи буржуазными либералами, не поняли и не могли понять, что социально созидательной может быть лишь социалистическая технократия, основы которой заложил Ленин, которую развивали Сталин и Берия и которую спустили «на тормозах» хрущёвцы и брежневцы в угоду партократии… Но тем более ценна для нас следующая мысль Препараты (см. с. 17–18):

«Так называемая демократия есть фальшивка, ложная выборность и поддельное голосование. В современных бюрократических системах, зарождение которых произошло в середине девятнадцатого века, феодальная организация, если можно так выразиться, была поднята на более высокий уровень…

Невероятное усложнение и пропагандистский вал искусно внедряемых в массы неверных представлений, окруживших непроходимым туманом всю банковскую систему, каковые являются главным орудием, с помощью которых иерархи экспроприируют и контролируют богатство… общества, — самое явное и убедительное свидетельство глубокой трансформации, происшедшей с феодально-олигархической организацией в новую эру. Запад перешёл от… аграрной организации, стоявшей на спинах лишённых гражданских прав рабов, к высокомеханизированному постиндустриальному улью, который высасывает все силы и соки из точно таких же бесправных „белых и синих воротничков“, закладывающих свои жизни ради возможности купить безделушки и приманки современного общества потребления…»

Собственно, об этом писал уже Ленин, потому что, в отличие от Маркса, жил во времена, когда мировая элита успела освоить азы умения манипулировать как «белыми», так и «синими» воротничками…

В постленинские времена Элита довела это умение почти до совершенства, почему даже буржуазный либерал Препарата в XXI веке, оставшись слепым в оценке Ленина, порой высказывается чисто по-ленински и пишет, например:

«Теперь не видно прежних, сидевших в замках лордов, требующих дани, — теперь для достижения той же цели лорды полагаются на банковские счета, в то время как лизоблюды из среднего класса — учёные и публицисты — остаются верны своей синомосии (у Фукидида — нечто вроде клятвы верности закулисному клану. — *С. К.*)…»

Препарата пишет и более определённо, имея в виду теневые «клубы элиты» (см. с. 16–17):

«„Клубы“ действуют, управляют, воспитывают и мыслят как компактная, тесно спаянная олигархия, привлекающая к сотрудничеству средний класс, который она использует как фильтр между собой и пушечным мясом — простолюдинами. В так называемом демократическом выборе, который в настоящее время представляет собой наиболее хитроумную модель олигархического правления, электорат по-прежнему не имеет никакого влияния, а политическая способность есть не что иное, как иное название силы убеждения, необходимой для построения „консенсуса“ вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями»…

ЭТО НАПИСАНО Препаратой в 2005 году, Ленин написал об этом же сто лет назад! Только Ленин пространную профессорскую формулу «политическая способность убеждать, необходимая для построения „консенсуса“ вокруг жизненно важных решений, которые принимаются отнюдь не избирателями» заменял двумя словами: «обман масс».

Однако Ленин не был бы Лениным, если бы ограничился лишь критикой и разоблачением капиталистической олигархии… Ленин разрабатывал вопросы подлинной демократии, и здесь он — опять впереди нынешней мировой и российской ситуации.

В чём была сила Ленина? Что ж, перед тем как дать итоговый ответ на этот вопрос, в последний раз приведу ряд мыслей Ленина, и читатель, возможно, без разъяснений даст ответ сам…

Уже в первый день Советской власти, выступая 26 октября (8 ноября) 1917 года на Втором съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, Ленин говорил:

«Буржуазия только тогда признаёт государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное… По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы всё

знают, обо всём могут судить и идут на всё сознательно…»[288]

Это было сказано главой государства впервые в мировой истории. Впервые человек, претендующий на положение вождя масс, чётко заявил массам, что сила государства зависит от того, захотят ли этого массы, а не вожди… Задача же вождей — осознать интересы массы даже более глубоко и верно, чем их сознают сами массы, политически менее развитые, чем вожди. И не просто осознать, а разъяснить массам — в чём заключаются их подлинные интересы, неотделимые от интересов и задач создания справедливого общества.

Ленин этим и занимался всю жизнь: до Октября 1917 года он политически просвещал массы, а после Октября 1917 года — политически и государственно руководил массами во имя реализации их интересов. Через восемь месяцев после Октябрьской революции, выступая в конце июня 1918 года на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, он напоминал:

«Мы всегда говорили: освобождение трудящихся не может быть привнесено извне; они должны сами, своей борьбой, своим движением, своей агитацией научиться решать новую историческую задачу, и чем более трудна, чем более велика, чем более ответственна новая историческая задача, тем больше должно быть людей, миллионы которых надо привлечь к самостоятельному участию в разрешении этих задач.

Чтобы хлеб продать любому торгашу, для этого никакого сознания, никакой организации не нужно. Для этого нужно жить так, как заказала жить буржуазия: нужно быть только послушным рабом, представить себе и признать мир великолепным в таком виде, как его устроила буржуазия. А вот для того, чтобы победить этот капиталистический хаос… нужна долгая, трудная, тяжёлая организационная работа, не организаторов, не агитаторов, а самих масс…

Мы знаем, что советская революция и Советская власть отличается от других революций и другой власти тем, что она не только свергла власть помещиков и капиталистов… Мало того, массы восстали против всяких чиновников, они создали новое государство, в котором власть должна принадлежать рабочим и крестьянам, и не только должна, но уже принадлежит…»[289]

Кто так говорил с массами с правительственной трибуны до Ленина?

Никто!

Этим Ленин и был силён: правдой для масс и поддержкой всей здоровой части массы, полученной в силу своей искренней приверженности интересам масс. Ленин не был

прекраснодушным идеалистом, он в ноябре 1921 года в своей работе «О значении золота теперь и после полной победы социализма» вполне трезво учил:

«Революционеры на этом больше всего себе ломали шею, когда начинали писать революцию с большой буквы, возводить революцию в нечто божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному, и в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому…»[290]

И здесь Ленин обращается прямо к нам. Это непростое дело: знать, когда и где надо действовать по-революционному решительно, а когда и осмотрительно. Тут важно не перепутать! Ленин Божий дар с яичницей не путал никогда, и тут у него нам учиться и учиться!

Тезис о том, что большевизм и социализм силён сознательностью масс, остался для Ленина основным до конца. Выступая 27 марта 1922 года на XI съезде РКП(б) — последнем съезде, в работе которого он принял участие, Ленин предупреждал партию, им созданную и воспитанную:

«В народной массе мы всё же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознаёт…»[291]

Этот принцип — осознание себя выразителем воли и интересов народной массы — Ленин воспринял как основной жизненный уже в юности. Под знаком этого принципа он прожил всю свою жизнь. В сочетании с личной интеллектуальной гениальностью верность этому принципу и стала источником общественной силы Ленина.

Он всегда любил не себя в России, а народную Россию в себе.

Тем он велик и тем силён.

В ЗНАМЕНИТОМ — в своё время — но отнюдь не устаревшем романе «1984» Джордж Оруэлл высказал точную мысль: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее; кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое».

Роман Оруэлла считали сатирой на СССР, хотя это была, вообще-то, антиамериканская сатира. Однако наиболее точно все обстоятельства и приметы общества, описанного в «1984», подходят путинской России. В этой России фальсификаторы истории с пеной у рта настаивают на поисках исторической истины… Бездарная американская марионетка адмирал-палач Колчак возвышается до уровня национального героя, зато

Аркадий Гайдар — один из наиболее чистых и светлых писателей мира, а при этом — и один из наиболее преданных идеям Советской власти писателей — низводится до уровня садиста и палача.

В последнее время пиком гнусности стали инсинуации против Зои Космодемьянской, выблеванные моральным уродом Бильжо, но инсинуации против Ленина давно составили некий антиленинский «хребет», состоящий из сплошных «Монбланов» лжи.

Прошлое, относящееся к Ленину, сегодня оболгано в России как в общественном, так и в личном плане. А становится это возможным постольку, поскольку настоящее в России контролируют антисоветчики, антикоммунисты и антиленинцы. И то, как они лгут на прошлое, вполне характеризует наше настоящее. Но какое будущее ожидает Россию, если нынешние управители настоящим обливают грязью её советское прошлое и Ленина?

Сегодня разворачивается новый этап уничтожения России… Разрушенный в 1991 году Советский Союз и был подлинной Россией — это постфактум признали даже записные антисоветчики-эксперты Запада, не сумев сдержать своего удовлетворения тем, что Россия, наконец, стала не возвышаться, а разрушаться. При этом двумя главными видимыми фигурами разрушения СССР были Ельцин и подыгрывающий ему, не сдерживающий его Горбачёв.

Сегодня разрушают Российскую Федерацию, представляющую собой кастрированный, то есть не жизнетворный Советский Союз. При этом системным аналогом Ельцина называют Навального. Резон в том есть, ибо оба — марионетки, созданные Западом. Но если Навальный — это аналог Ельцина, то аналогом кого оказывается Владимир Путин, не сдерживающий Навального?

При этом все они: Горбачёв и горбачёвцы, Ельцин и ельциноиды, Навальный, Путин и путинисты — антисоветчики и антиленинцы. А значит, ещё и ренегаты в придачу.

Вся эта свора может и дальше клеветать на Советскую страну и на её создателя Ленина. Она может даже вынести Ленина из Мавзолея, как она вынесла в 1961 году из него Сталина. Но что из этого вышло? Через тридцать лет был развален ренегатами Советский Союз — историческая Россия.

В 2014 году Украина — самая значительная после Великороссии часть исторической России — разрушила памятники Ленину. И что из этого вышло? Не прошло и трёх лет, а уже подчистую вырубаются вековые леса в Карпатах и эшелонами вывозится украинский чернозём.

Что же получит, окончательно отказавшись от Ленина, «Россияния»? Причём — не через тридцать лет, а тоже через три года?

Настоящее ныне контролируют ренегаты, и поэтому они в состоянии окончательно оболгать Ленина в глазах ныне живущих поколений. Они в состоянии создать равнодушное отношение к Ленину и даже создали его. Показательно, что земляк Владимира Ульянова — ульяновский инженер Владимир Уханов — в разговоре с корреспондентом газеты «Культура»[292] заявляет: «Лично у меня никакого интереса к Ленину нет. И ни у кого из моих знакомых. Зарплата 15 тысяч рублей, не до Ильича».

Разговор состоялся в ульяновском торговом центре с тоже показательным названием «Версаль», и далее, имея в виду инженера Уханова, корреспондент пишет: «Всё равно ему и какое название будет у города. Главное, чтобы жизнь была достойной».

И невдомёк, похоже, как столичному гостю Ульяновска — бывшего Симбирска, так и инженеру Уханову, что не будет достойной жизни для народа в антиленинской «Россиянии», равнодушной к идеям самого выдающегося сына России за всю её историю.

Антиленинцы контролируют сегодня в умах широких масс настоящее, подавая Владимира Путина национальным лидером. Антиленинцы контролируют и прошлое, подавая Владимира Ленина национальным позором и творцом национальной катастрофы.

Антиленинцы, контролируя настоящее и прошлое, в состоянии вынести Ленина из Мавзолея при вялых, неэффективных протестах части народных масс, дезориентированных в целом… Антиленинцы могут сделать это открыто, а могут и тайком, под покровом ночи — как поступили хрущёвцы со Сталиным. Но антиленинцы — при всей их поддержке самыми могущественными антирусскими и антисоветскими силами Мирового Имущего Зла — не в состоянии контролировать будущий подлинный исторический процесс. А без Ленина в умах и сердцах народов России этот процесс на просторах России неизбежно приобретёт катастрофический смысл. Порукой тому и московский 1991 год, и московский «расстрельный» 1993 год, и украинский «майданный» 2014 год…

Так что оставайтесь равнодушными «к Ильичу», дорогой инженер Уханов и все его знакомые и соотечественники. Но не рассчитывайте в этом случае не только на достойную жизнь, но и на жизнь вообще!

В библейской Книге Бытия главы 18 и 19 повествуют об истреблении Богом-Отцом городов Содом и Гоморра, погрязших в

грехах… Перед этим Авраам ходатайствовал перед Господом о снисхождении, и тот был готов «пощадить место сие» — Содом, если найдёт «в городе Содоме» пятьдесят праведников. Авраам не мог гарантировать пятьдесят, и Господь снижал и снижал «квоту» вплоть до всего десяти праведников, но и тех в Содоме не нашлось. «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли».

Ленин, будучи убеждённым, научно обоснованным атеистом, тем не менее нередко использовал библейские образы и выражения, прочно вошедшие в светскую жизнь («держать камень за пазухой», «за чечевичную похлёбку продать право первородства», «зарыть талант в землю» и т. д.), поэтому будет уместным и мне прибегнуть ещё раз к библейской аллюзии и сказать: возможно, в центре Москвы спит вечным сном вечно живой главный Праведник многотысячелетней русской истории, и горе тому граду и той земле, которая откажется от него!

16 июля 2017 года,

20 часов 45 минут

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование. Ульяновск: Россы, 1996. С. 148.

Вернуться

90

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 111.

Вернуться

91

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 238.

Вернуться

92

Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 46.

Вернуться

93

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 241.

Вернуться

94

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 112–113.

Вернуться

95

Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары. Т. 1. М.: Наука, 1965. С. 359.

Вернуться

96

Ленин В. И. ПСС. Т. 16. Прим. 65 на с. 533.

Вернуться

97

Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 181–182.

Вернуться

98

Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 169–170.

Вернуться

99

Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 279.

Вернуться

100

Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 37.

Вернуться

101

Ленин В. И. ПСС. Т. 13. С. 113.

Вернуться

102

Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 382, 311.

Вернуться

103

Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 298.

Вернуться

104

Ленин В. И. ПСС. Т. 19. С. 26.

Вернуться

105

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 328–329.

Вернуться

106

Шалагинов В. К. Защита поручена Ульянову. М.: Современник, 1977. С. 219–220.

Вернуться

107

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 173–174, 319.

Вернуться

108

Там же. С. 174.

Вернуться

109

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1, М.: Политиздат, 1985. С. 321.

Вернуться

110

Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 367–368.

Вернуться

111

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 254.

Вернуться

112

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 173–174.

Вернуться

113

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 333, 334, 335.

Вернуться

114

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 314.

Вернуться

115

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 315.

Вернуться

116

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 317.

Вернуться

117

Ленин В. И. ПСС. Т. 20. Прим. 57 на с. 460.

Вернуться

118

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 47.

Вернуться

119

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 315–316.

Вернуться

120

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 263, 264, 264–265.

Вернуться

121

ЦПА ИМЛ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 6. Цит. по: Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Политиздат, 1960. С. 200.

Вернуться

122

ЦПА ИМЛ. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 28. Цит. по: Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Политиздат, 1960. С. 201.

Вернуться

123

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 258–259.

Вернуться

124

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 259–260.

Вернуться

125

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 265–266.

Вернуться

126

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 283–284.

Вернуться

127

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 284–285.

Вернуться

128

Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 96.

Вернуться

129

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 19–20.

Вернуться

130

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 205.

Вернуться

131

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 22.

Вернуться

132

Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 79, 81, 82.

Вернуться

133

Ленин В. И. ПСС. Т. 20. С. 143, 144, 145–146.

Вернуться

134

Ленин В. И. ПСС. Т. 20. Прим. 129 на с. 484–485 и воспоминания Н. К. Крупской.

Вернуться

135

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 44, 47.

Вернуться

136

Ленин В. И. ПСС. Т. 21. С. 247.

Вернуться

137

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 84.

Вернуться

138

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 84–85.

Вернуться

139

Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 43.

Вернуться

140

Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 135–139.

Вернуться

141

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. Прим. 126 на с. 376–377.

Вернуться

142

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 339.

Вернуться

143

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 340–341.

Вернуться

144

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 344.

Вернуться

145

Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. С. 264 и далее.

Вернуться

146

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. XLIX–L.

Вернуться

147

Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. С. 74.

Вернуться

148

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 346–347.

Вернуться

149

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. XLV.

Вернуться

150

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 298.

Вернуться

151

Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 296–303.

Вернуться

152

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1984. С. 332–334.

Вернуться

153

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 323.

Вернуться

154

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 323–324.

Вернуться

155

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 228–229.

Вернуться

156

Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 227–234.

Вернуться

157

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 225–226.

Вернуться

158

Ленин В. И. ПСС. Т. 24. Прим. 29 на с. 426.

Вернуться

159

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 298.

Вернуться

160

Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Госполитиздат, 1960. С. 247–248.

Вернуться

161

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 355–356.

Вернуться

162

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 356.

Вернуться

163

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 233.

Вернуться

164

Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 21–22.

Вернуться

165

Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 106, 107, 108.

Вернуться

166

Емельянов Ю. В. Троцкий: мифы и личность. М.: Вече, 2003. С. 239.

Вернуться

167

Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 82–83.

Вернуться

168

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 241–242.

Вернуться

169

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 242.

Вернуться

170

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. С. 422.

Вернуться

171

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. С. 426, 427.

Вернуться

172

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 374–375.

Вернуться

173

Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 184; Т. 9. С. 158.

Вернуться

174

См., например: *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины: Тайны родословной Вождя. М.: Алгоритм, 2012; а также: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). Издание Государственного Исторического музея. М., 1998.

Вернуться

175

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование. Ульяновск: Россы, 1996. С. 7.

Вернуться

176

Бычкова М. Е. История страны — это история семей, её населяющих // Поиск. 1993. № 37. С. 167.

Вернуться

177

Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной… С. 157.

Вернуться

178

Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной… С. 40.

Вернуться

179

Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. 2-е изд., М.: Политиздат, 1984. С. 144.

Вернуться

180

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 146–147.

Вернуться

181

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 351.

Вернуться

182

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова… С. 136–137.

Вернуться

183

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова… С. 160.

Вернуться

184

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 327.

Вернуться

185

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 364.

Вернуться

186

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, дополненное. М.: Наука, 1969. С. 65.

Вернуться

187

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине… С. 66.

Вернуться

188

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1985. С. 252.

Вернуться

189

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1985. С. 141.

Вернуться

190

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 365.

Вернуться

191

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.:

Политиздат, 1985. С. 384.

Вернуться

192

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 294–295.

Вернуться

193

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 294–295.

Вернуться

194

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 117.

Вернуться

195

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 51–52.

Вернуться

196

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 55–57.

Вернуться

197

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1985. С. 42.

Вернуться

198

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1985. С. 45, 46.

Вернуться

199

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1985. С. 46.

Вернуться

200

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1985. С. 13.

Вернуться

201

Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 125.

Вернуться

202

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 339.

Вернуться

203

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С. 203.

Вернуться

204

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 250.

Вернуться

205

Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 279.

Вернуться

206

Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 301, 305.

Вернуться

207

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 338.

Вернуться

208

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 340.

Вернуться

209

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 109.

Вернуться

210

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 341.

Вернуться

211

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 366.

Вернуться

212

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 368–369.

Вернуться

213

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 369–370.

Вернуться

214

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 341–342.

Вернуться

215

Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 306–328 и прим. 119 на с. 452.

Вернуться

216

Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 306, 327–328.

Вернуться

217

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1959. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. С. 274–275.

Вернуться

218

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1959. Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г… С. 306.

Вернуться

219

Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1959. С. 72–73.

Вернуться

220

Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 60–61.

Вернуться

221

Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1959. С. 75.

Вернуться

222

Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 130.

Вернуться

223

Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 72.

Вернуться

224

Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 178–179.

Вернуться

225

Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 23, 25.

Вернуться

226

Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 79–80.

Вернуться

227

Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 386–387.

Вернуться

228

Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 323.

Вернуться

229

Воспоминания генерала барона Врангеля. Часть вторая. М.: ТЕРРА, 1992. С. 356.

Вернуться

230

Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 345.

Вернуться

231

Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 175–176.

Вернуться

232

Матф., 5:37.

Вернуться

233

Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 273.

Вернуться

234

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 81.

Вернуться

235

Фон Раух Г., Хильгер Г. Ленин. Сталин. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 156.

Вернуться

236

Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 327.

Вернуться

237

Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 269–270.

Вернуться

238

Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 270.

Вернуться

239

Ленин В. И. ПСС. Т. 41. Прим. 65 на с. 505–506.

Вернуться

240

Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 134–135.

Вернуться

241

Ленин В. И. ПСС, т. 20. С. 232–233.

Вернуться

242

Ленин В. И. ПСС, т. 22. С. 127.

Вернуться

243

Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 289, 290.

Вернуться

244

Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 66–67.

Вернуться

245

Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 т. Т. 4. Всемирная история. С 1800 года до наших дней / пер. с англ. М.: Изд. Дом «ИНФРА-М»; Изд-во «Весь мир», 2000. С. 200–201.

Вернуться

246

Готье Ю. В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. С. 263–264.

Вернуться

247

Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 474, 477.

Вернуться

248

Библиотечное дело в СССР. Сборник статей. М., 1957. С. 69.

Вернуться

249

Ленин В. И. ПСС. Т. 22. С. 345–346.

Вернуться

250

Ленин В. И. ПСС. Т. 19. С. 115.

Вернуться

251

Библиотечное дело в СССР. Сборник статей. М., 1957. С. 70–71, 74.

Вернуться

252

Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 273.

Вернуться

253

Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 24, 25.

Вернуться

254

Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 187.

Вернуться

255

Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 333.

Вернуться

256

Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 330.

Вернуться

257

Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 440.

Вернуться

258

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 222, 223.

Вернуться

259

Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 60.

Вернуться

260

Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 80.

Вернуться

261

ПСС. Т. 45. С. 82.

Вернуться

262

См. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 49.

Вернуться

263

Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 121.

Вернуться

264

Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 192.

Вернуться

265

Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 178.

Вернуться

266

Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 198–199.

Вернуться

267

Ленин В. И. ПСС. Т. 52. С. 238.

Вернуться

268

Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 415–416.

Вернуться

269

Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 329.

Вернуться

270

Ленин В. И. ПСС. Т. 38. С. 371–372.

Вернуться

271

Каутский К. Путь к власти. М.: Госполитиздат, 1959. С. 132, 133.

Вернуться

272

Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 242.

Вернуться

273

Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 251, 252.

Вернуться

274

Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 262, 264.

Вернуться

275

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 45.

Вернуться

276

Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 94.

Вернуться

277

Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 47.

Вернуться

278

Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 315.

Вернуться

279

Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 173.

Вернуться

280

Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 173–174, 175.

Вернуться

281

Комсомольская правда. 2013. № 4-т. 24–31 января. С. 2.

Вернуться

282

Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 161.

Вернуться

283

Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 304.

Вернуться

284

Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 481.

Вернуться

285

Блок А. Собрание сочинений в 6 томах. Л.: Худож. лит., 1980–1983. Т. 4. С. 238.

Вернуться

286

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 3. С. 4.

Вернуться

287

Ленин В. И. ПСС. Т. 23. С. 40.

Вернуться

288

Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 21.
Вернуться
289
Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 446–447.
Вернуться
290
Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 223.
Вернуться
291
Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 112.
Вернуться
292
См.: Культура. 2017. № 8. 10–16 марта. С. 4.

notes

Примечания

1

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 302–305.

2

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 304.

3

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. Изд. 2-е. М.: Наука, 1991. С. 468–469.

4

Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е (далее — ПСС). Т. 23. С. 20–21.

5

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 15.

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. С. 21.

Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С. 178.

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 367.

9

Ленин В. И. ПСС. Т. 49. С. 353.

КП. 2017. № 14-т. 5–12 апреля. С. 10.

11

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. С. 413–414.

12

Большевики: документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 221.

Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М., 1978. С. 9.

14

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 275.

Подляшук П. Товарищ Инесса. М., 1965. С. 66.

16

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Моск. Охранного Отд-ния. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 120, 132.

17

Там же. С. 130.

Большевики… С. 275.

19

Большевики… С. 220–221.

20

Ленин В. И. ПСС. Т. 25. Прим. 142 на с. 526.

21

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 297–298.

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 307–308.

23

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 314.

24

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 314–315.

25

Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 323.

Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина. М.: Воскресенье, 1998. С. 187.

Мельниченко В. Е. Личная жизнь Ленина. М.: Воскресенье, 1998. С. 201.

28

Трофимов Ж. А. Ленин — Крупская — Арманд — любовный треугольник? Ульяновск, «Народная газета». 1993. С. 28.

29

Трофимов Ж. А. Ленин — Крупская — Арманд — любовный треугольник? Ульяновск, «Народная газета». 1993. С. 30.

Ленин В. И. ПСС. Т. 1. Прим. 151 на С. 601.

31

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М.: Политиздат, 1969. С. 44–45.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 381.

33

Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 341.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 8.

35

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 9.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 12.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 2.

38

Ленин В. И. ПСС. Т. 46. С. 8–10.

39

Ленин В. И. ПСС. Т. 46. С. 10.

Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С. 456.

41

В. И. Малов. Жизнь, отданная революции. В сб. «Солдаты ленинской гвардии. Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии». Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1974. С. 227.

Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С. 20–21.

Ленин В. И. ПСС. Т. 2. Прим. 21 на с. 572.

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, дополненное. М.: Наука, 1969. С. 29–30.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 14.

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. М.: Политиздат, 1969. С. 63.

Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 111.

Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. С. 164.

Трофимов Ж. А. Мария Александровна Ульянова. Документальное повествование. Ульяновск: Россы, 1996. С. 113.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 72.

51

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 208–209.

Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: СЛОВО/SLOVO, 1998. С. 227.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 73.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 390.

Славные большевички. М., 1958. С. 157.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 6.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 39.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 404.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 408.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 47–48.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 41.

Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 375, 376.

Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 376–377.

Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 386.

Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 386–387.

Ленин В. И. ПСС. Т. 46. С. 16.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 195.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 197–198.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 203.

Ленин В. И. ПСС. Т. 8. С. 64.

71

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 271.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. С. 235.

Ленин В. И. ПСС. Т. 55. Прим. 231 на с. 500.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 273.

75

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1, М.: Политиздат, 1985. С. 274–275.

Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 324, 325.

77

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 217–218.

Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 54.

Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 томах. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. Том 1. С. 502ю

Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 томах. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. Том 1. С. 505.

81

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 219.

Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 159.

Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 290.

Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 290, 291, 293.

Ленин В. И. ПСС. Т. 12. С. 352.

86

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 306–307.

87

Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М.: Политиздат, 1963. С. 784.

88

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М.: Политиздат, 1963. С. 751.